Двадцатый Славянский научный собор „Урал. Православие. Культура"

Русский язык и литература в культуре России: от наследия свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия к современности

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Челябинск, 17–18 мая 2022 года

Правительство Челябинской области
Челябинская митрополия Русской Православной Церкви
Челябинский государственный институт культуры

Двадцатый Славянский научный собор
«УРАЛ. ПРАВОСЛАВИЕ. КУЛЬТУРА»

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРЕ РОССИИ: ОТ НАСЛЕДИЯ СВВ. РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Челябинск
ЧГИК
2022

УДК 271.2
ББК 86.372
Д22

Редакционная коллегия:

Рушанин В. Я., доктор исторических наук, профессор, ректор Челябинского государственного института культуры;
Синецкий С. Б., доктор культурологии, проректор по НИИР Челябинского государственного института культуры;
Лойко А. И., доктор философских наук, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета, г. Минск, Белоруссия;
Малинов А. В., доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета;
Соловьев В. М., доктор исторических наук, профессор, аффилированный научный сотрудник Социологического института Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва;
Морозова И. Н. *(координатор проекта)*, кандидат культурологии, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Челябинского государственного института культуры

Двадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Русский язык и литература в культуре России: от наследия свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия к современности : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / сост. И. Н. Морозова; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2022. – 369 с.
ISBN

В сборнике научных статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием опубликованы исследовательские материалы ученых России, Белоруссии, других стран СНГ; преподавателей высших и средних специальных учебных заведений, специалистов учреждений культуры, представителей Русской Православной Церкви. Рассматривается проблематика словесности Древней Руси, России в широком историко-культурном контексте, духовных истоков отечественной культуры, ценностей православия.

Издание будет интересно философам, культурологам, социологам, специалистам в области культуры, преподавателям высших и средних учебных заведений, изучающих проблемы истории, динамики русской лингвокультуры, словесности как хранителя, проводника и ревнителя гласа совести в отечественной культуре.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГИК

ISBN

© Челябинский государственный институт культуры, 2022
© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ 7

I. Единое социокультурное пространство России: русский язык и русскоязычная литература

Лойко А. И. **9**
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ДИАЛОГА В МОДЕЛЯХ Л. С. ВЫГОТСКОГО И М. М. БАХТИНА

Сироткина Т. А. **14**
ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глазкова С. Н., Герберсгаген Э. С. **21**
ТЕКСТ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ШКОЛЬНИКА: ПЕРЕЗАГРУЗКА?

Селютина Е. А. **27**
ОТКРЫВАЯ СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ (АСПЕКТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ)

Кислый А. Ю. **32**
ПАФОС КНИЖНОГО СЛОВА, ВЫРАЖАЮЩЕГО ДУХОВНОСТЬ, МУДРОСТЬ И РАЗУМ, КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РУСИ И БОЛГАРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Усанова О. Г., Семёнова О. Р. **39**
ДУХОВНОСТЬ НАЦИИ В ВЫСОКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ

Будейко В. Э. **46**
О ЛЮБОМУДРИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Стрелкова О. С. **51**
ПОЭЗИЯ НА СТРАНИЦАХ ДООКТЯБРЬСКОЙ ДУХОВНОЙ ПЕРИОДИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЯ «КУРСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»)

Паршина О. А. **59**
«ЖИВОЕ СЛОВО ДОРОЖЕ МЕРТВОЙ БУКВЫ». ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ – КАЗАК ЛУГАНСКИЙ

Морозова Л. М. **67**
РОЛЬ В. И. ДАЛЯ В ОБОГАЩЕНИИ ИСКОННО РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Кривошапова Н. В. **72**
ОНОМАСТИКОН ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА СЕРГЕЯ БАГНЮКА «БЛАГОДАТНЫЙ ПУТЬ»

Калабина В. М. **77**
ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ В РАССКАЗЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ОЗОРНИК»

Жорникова М. Н., Иванова В. В. **83**
МОТИВ ЖЕРТВЕННОЙ ЛЮБВИ ГЕРОИНИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТРАДИЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Т. Н. ТОЛСТОЙ,
Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ)

Брыкова Н. А. **91**
КОНЦЕПТ «ПОДВИГ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Бакунович О. В. **95**
«ДУША ЗА ВСЁ В ОТВЕТЕ»: ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ
АСПЕКТ В ПОЭЗИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА
РОМАНОВА И ПОЛОЦКОГО ПОЭТА ВЛАДИМИРА ГЛУШКОВА

Березкина Е. П., Бямбасурэн Н. **103**
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД «РЯБИНА»
В ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЯХ (С. ЕСЕНИН – Е. ЮШИН)

Бадуева Г. Ц. **111**
СИТУАЦИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА «ЛОХ»

Давыдов О. М. **117**
МАЛЬЧИК ИЗ УРЖУМА ПРОТИВ СВЯТИТЕЛЯ МАКАРИЯ:
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИКОНОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ
ПРОЗЫ

Зимакова Е. С. **125**
ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА
НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЯЗЫКОВОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Кухта С. В. **130**
РОЛЬ АДАПТАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
СТУДЕНТАМИ-ИНОСТРАНЦАМИ

Тищенко А. С. **135**
«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ПОНЯТИЙ «РУССКИЙ МИР» И «РУССКАЯ ЗЕМЛЯ»

**II. ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ФИЛОСОФИИ, БОГОСЛОВИИ, ИСТОРИИ**

Василик В. В. **141**
БИБЛЕЙСКИЕ АРХЕТИПЫ ГЕРОЕВ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Соловьев В. М. **146**
ПРОТОПОП АВВАКУМ: БУНТ БЕЗ ОРУЖИЯ

Логиновский С. С. **163**
СЛОВО «О ПОКАЯНИИ» ПРЕПОДОБНОГО МАРКА
ПОДВИЖНИКА КАК ПРИМЕР СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ
ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Клюев А. С. **170**
ЧТО ТАКОЕ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

Мушинский Н. И. **175**
РУССКОЯЗЫЧНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЭТИКЕ «СУБСТАНЦИАЛЬНЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ» Н. О. ЛОССКОГО

Довгаленко Н. В. **182**
РАЗМЫШЛЕНИЕ О СЛОВЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ СВТ. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО И РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Даренская В. Н. **190**
АГИОКРАТИЯ КАК РУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ

Чернышев А. Е. (иеромонах Герман) **198**
«НАЧАЛО ЦЕРКВИ» В СИСТЕМЕ ЕВХАРИСТИЧЕСКОЙ ЭККЛЕЗИОЛОГИИ ПРОТОПРЕСВ. Н. АФАНАСЬЕВА

Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. **204**
РУССКИЕ ИСТОРИКИ ПРАВА – ЭМИГРАНТЫ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В РАЗМЫШЛЕНИЯХ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Суровцева Е. В. **209**
ЖИТИЯ МУЧЕНИКА МИХАИЛА (НОВОСЁЛОВА) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ

Статина Н. В. **222**
ВЕДОМОСТЬ 1817 ГОДА О КЛИРЕ ЦЕРКОВНОМ ФЛОРО-ЛАВРСКОГО ПРИХОДА СЕЛА БЕЛОЯРСКОГО ЧЕЛЯБИНСКОГО ЗАКАЗА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕПАРХИИ

Сулимов С. И., Черных В. Д. **228**
РОЛЬ ЛИМЕСА В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

III. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ, ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ

Каченя Г. М. **236**
ИНСТИТУТ ВОСПИТАНИЯ: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

Коркоценко М. Н. **242**
ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, СОХРАНЯЮЩЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ И СПОСОБСТВУЮЩЕЙ ИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ

Касимов У. А., Гордова Т. С. **247**
РОЛЬ ПРОФОРИЕНТАТОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Дандыбаева Г. Т. **251**
ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. Е. АЛЕКТОРОВА И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Антипова Е. И. **256**
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Егорова Ю. В. **260**
ПАТРИОТИЗМ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сагатчук С. П. **266**
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ПАТРИОТИЗМА: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ

Невзорова О. С. **274**
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ОПЫТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ЗЛАТОУСТА

Павлова Е. В. **282**
БИБЛИОТЕКИ И ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА

Пономарева Н. В. **285**
БИБЛИОТЕКА И ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ

Силантьева Н. А. **291**
РОЛЬ И МЕСТО СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ В ДУХОВНОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ОБЩЕСТВА

IV. Русская культура и искусство: историческое наследие, современность

Трифонова Г. С. **296**
КЛОКОЧУЩАЯ ЖИВОПИСНАЯ ЛАВА СЛАВЯНСКОГО БАРОККО. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО СЕРГЕЯ ПЕТРОВА (1918–2006)

Селезнева О. П., Коробейникова Е. А. **316**
ХОРОВОЙ ЦИКЛ ВСЕНОЩНОГО БДЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Лушникова А. В. **321**
ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОПЕТРОВСКОЙ И ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХ

Соковиков С. С. **328**
КАРНАВАЛИЗОВАННЫЕ ИГРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АНТИУТОПИИ

Катричева Т. Ю., Перерва О. Ю. **337**
РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Задорина А. Ф. **341**
АКТИВНЫЕ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В РАБОТЕ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Маяцкий Д. С. **345**
ВИРТУАЛЬНОСТЬ VERSUS РЕАЛЬНОСТЬ: КРИЗИС И ПРЕОДОЛЕНИЕ

Чеботарев А. М., Лешуков А. Г. **351**
ИНФОРМАЦИОННО-РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАЩИТНИКОВ ДАЛМАТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1774 ГОДУ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ **364**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Для Славянского научного Собора «Урал. Православие. Культура» 2022 г. отмечен юбилеем – двадцатилетием проекта. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием **«Русский язык и литература в культуре России: от наследия свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия к современности»** состоялась 17–18 мая 2022 г. в Челябинском государственном институте культуры**.** В настоящем сборнике вниманию читателя представлены материалы данной конференции.

В числе вопросов – роль и значение отечественной философии в ракурсах философии, богословия, истории, образования, духовно-нравственного воспитания, культуры и искусства (второй, третий и четвертый разделы), ключевой раздел в сборнике – «Единое социокультурное пространство России: русский язык и русскоязычная литература». В нем в публикациях ученых, специалистов-практиков из разных городов России (от Москвы, Санкт-Петербурга до Дальнего Востока) раскрываются духовные ценности и смыслы русской культуры, в истоках которой – православие как основной морфолого-фундирующий, интеграционный фактор славянской письменности и культуры.

Словесность в истории России от истоков до современности брала на себя роль хранителя, проводника и ревнителя отечественной культуры. В русском языке, художественной литературе получили полное воплощение духовно-нравственная, учительная направленность, присущие русскому национальному духу. Словесность в культуре России всегда оставалась гласом совести; отечественные писатели выполняли миссию служения высоким духовным идеалам Добра, Милосердия, Красоты и Любви.

Литература и язык неразрывно слиты, взаимно обогащают друг друга, помня о своих истоках, влияют на будущее национальной культуры, перенося культурные коды нации от поколения к поколению. Динамика лингвокультуры, актуальное состояние языка и его болевые вопросы, новые смыслы, которые рождают наши современники в художественной практике словесного искусства, русский язык в мировом культурном пространстве и расширение сфер его влияния, любовь к Отчизне, выраженная через все богатство лексических средств языка – все это, безусловно, важнейшие вопросы изучения современной филологии, получившие освеще-

ние в сборнике материалов. Отрадно, что ежегодно в конференции принимает участие молодое поколение исследователей, студенты и аспиранты.

От лица всех участников оргкомитета Славянского научного собора хотелось бы высказать слова благодарности ректорату Челябинского государственного института культуры, в особенности *В. Я. Рушанину*, ректору ЧГИК, доктору исторических наук, профессору, без поддержки которого проект просто не смог стать таким «долгожителем»; *С. Б. Синецкому*, проректору по научно-исследовательской и инновационной работе, доктору культурологии, оказывавшему всестороннюю помощь и поддержку в осуществлении проекта; коллегам из Санкт-Петербурга: *А. Л. Казину*, известному исследователю духовных архетипов русской культуры, доктору философских наук, профессору Российского института истории искусств, члену Союза писателей и Союза кинематографистов России, члену исполнительного Совета общественной организации «Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга»; *В. В. Василику*, доктору исторических наук, профессору кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, – внесшим значительный вклад в обсуждение тематики, организации дискуссии нашей научно-практической конференции.

Особые слова благодарности и признательности митрополиту Челябинской епархии Алексию, священству епархии – за духовное окормление, помощь и поддержку на всех этапах подготовки научного и общественного форума; региональному отделению Всемирного русского народного собора в г. Челябинске, а также Российскому обществу преподавателей русского языка и литературы – за информационную и организационную поддержку проекта.

В дни празднования юбилея мы вспоминаем и своих верных соратников, товарищей, коллег, безвременно ушедших от нас в 2021 г., участвовавших словом и делом на протяжении всех двадцати лет в научной, культурно-образовательной программе конференции, Нину Георгиевну Апухтину, Светлану Николаевну Булгакову. Вечная память.

Мы живем в учебнике истории. Историческая память культуры страны, сохранение которой сегодня трудно переоценить, оживает, обретая современные, актуальные смыслы.

I. ЕДИНОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 172

Лойко Александр Иванович
Белорусский национальный технический университет, кафедра философских учений, доктор философских наук, профессор

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ДИАЛОГА В МОДЕЛЯХ Л. С. ВЫГОТСКОГО И М. М. БАХТИНА

Аннотация. В статье изложены результаты исследования художественного сознания диалога с помощью моделей Л. С. Выготского и М.М. Бахтина. Конвергенция реконструкций художественного сознания позволила реализовать методологию когнитивных наук, в которой важную роль играют психологическая и лингвистическая компоненты семантики сознания. Показан онтологический статус диалога как духовной компоненты культуры.

Ключевые слова: художественное сознание, диалог, модель, онтология, Выготский, Бахтин, когнитивные науки.

Loiko Alexander Ivanovich
Belarusian National Technical University, Department of Philosophical Studies Doctor of Philosophy, Professor

ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF THE DIALOGUE IN THE MODELS OF VYGOTSKY AND BAKHTIN

Annotation. The article deals with the results of the study of the artistic consciousness of dialogue using the models of L. S. Vygotsky and M.M. Bakhtin. The convergence of reconstructions of artistic consciousness made it possible to implement the methodology of the cognitive sciences, in which the psychological and linguistic components of the semantics of consciousness play an important role. The ontological status of dialogue as a spiritual component of culture is shown.

Keywords: artistic consciousness, dialogue, model, ontology, Vygotsky, Bakhtin, cognitive sciences.

Л. С. Выготский в период пребывания в родном городе Орша, а после переезда родителей, и в Гомеле, был увлечен художественной темати-

кой эпохи серебряного века [1]. Он настаивал на принципиальном различии психологии и психики (физиологии). Для него психология означала оригинальный гуманитарный мир духовных переживаний. Подобная позиция в русской философии была сформулирована С. Франком.

Предмет психологии согласно Л. С. Выготскому обращен в художественную тематику мышления и речи. Эта тематика формирует творческие ресурсы ребенка через диалог с искусством. К этому выводу исследователя привели самостоятельные исследования творчества У. Шекспира. В центре его внимания оказался Гамлет.

В процессе написания «Психологии искусства» Л. С. Выготский обратился к творчеству Бетховена. Он показал, как психические ограничения, связанные со слухом, лишали композитора диалога. Какое мужество потребовалось этому мастеру, чтобы устоять и сохранить силу воли. Дефекты индивидуальной физиологии могут усложнить творческую эволюцию, но не исключить из пространства культурно-исторических ценностей. Именно с позиции этих ценностей Л. С. Выготский подверг критике психанализ З. Фрейда, бихевиоризм и гештальтпсихологию. Он сторонник когнитивной психологии, в которой доминируют познавательные и творческие компоненты исследовательской деятельности.

Модель Л. С. Выготского ориентирована на социализацию личности через творческий процесс. При анализе психологии искусства им исследован феномен катарсиса. По его мнению, искусство обладает уникальной практикой диалога. В структуре диалога встречаются житейские будни и высокое искусство. Катарсис создает уникальную возможность очищения и перехода в мир эстетических переживаний. Подобным потенциалом диалога обладает художественная литература и музыкальная культура.

По причине этой уникальности художественная литература так притягивала представителей культуры серебряного века. Они оставались наедине с внутренними эмоциями, и они хотели ими поделиться с читателем. В этом стремлении был определенный индивидуализм и желание как можно больше обратить на себя внимание. Все эти интенции объяснимы трагическими биографиями поэтов и писателей, в том числе и самого Л. С. Выготского. Его легкие были поражены туберкулезом. В такой ситуации остро переживаются экзистенциальные темы жизни и смерти.

На границе жизни и смерти У. Шекспиром была помещена литературная судьба Гамлета. Пограничная ситуация подталкивала его к метафи-

зическим размышлениям и вопрошанию судьбы: «Быть, или не быть. Вот в чем вопрос». Л. С. Выготский преодолел эту черту благодаря творческой интенции. Он хотел, чтобы школьники Гомеля как можно быстрее преодолевали возрастные кризисы. Его волновал этот вопрос. Особенно его беспокоила судьба ребят с ограниченными неврологическими возможностями. Эта обеспокоенность была обоснованной в условиях эпохи технологического детерминизма [2].

Недалеко от родного города Л. С. Выготского находится город Витебск. Здесь состоялось творческое дарование М. М. Бахтина. Город является одним из центров православия Восточной Беларуси. Здесь состоялся духовный феномен Е. Полоцкой [3]. Созданная М. М. Бахтиным модель диалога художественного произведения с читателем, основана на идее эволюции текста через обратную связь с читателем. Так, по его мнению, сохраняла свой статус средневековая народная культура и культура эпохи Возрождения. Народ через формы культуры сохранял свою первозданность, несмотря на возникавшие институциональные интерпретации духовности. Это требовало смелости в структуре диалога. Эта смелость выражалась не единичным поступком, а традицией средневекового народного театра, гуманистической поэзии. В данном случае поступок выделял не индивида, а народ с характерным для него житейским задором. Одной из ключевых тем для М. М. Бахтина стало художественное творчество Ф. М. Достоевского. В этом творчестве он видел феномен поступка русского человека. Это поступок человека еще не разобравшегося с феноменами добра и зла. Это эволюция человека через поступок, за которым следует осмысляющая часть. Индивид не может отложить поступок, поскольку не знает, какой за ним скрывается мир. Совершив поступок, индивид осознает, что он оказался в начале пути духовной самоактуализации. Модель театральности метафоры «мир - театр» рассматривалась М. М. Бахтиным на основе концепции диалогичности культуры. В центре его исследования полифония. Бытие конкретной действительности интерпретируется им как событие, которое немыслимо без поступка и человека. Вне конкретных событий существуют лишь пустые возможности и небытие. Рационализм в подобной ситуации не эффективен. Усмотрение сущности возможно только благодаря поступку, дающему начало художественному тексту.

Феноменология играет ключевую роль в понимании диалогичности культуры и художественного произведения. Особое место занимает иссле-

дование смеховой культуры на примере карнавала. Смех и карнавал демонстрируют события. Но есть еще и феноменология словесного творчества. Согласно М. М. Бахтину, гуманитарная мысль писателя направлена на работу с чужими мыслями, имея дело с текстом в различных его презентациях. За каждым текстом стоит система языка, состоящая из языков множества внутренних миров. Исследователь работает с текстом, намереваясь создать свой текст-оценку. В результате возникает диалог между автором и читателем. Писатель создает диалог взаимного понимания, как основу развертывания его семантики. Ожидание обусловлено диалогической природой текста. Текст, предполагает лингвистический сценарий, который является частью комплексного эстетического замысла. Слово отсылается М. М. Бахтиным в эстетическую теорию, гносеологию и другие философские дисциплины.

Эмоционально-волевая открытость художественного произведения отражает феномен литературной формы и свидетельствует о ценностном значении искусства. Художественно-ценностная активность писателя направлена на антропологизацию содержания. Это показывает, как индивидуация, конкретизация действительности познания и этического поступка находят объединение в форме эстетического диалога. Произведение фиксирует действительность жанром эстетической интуиции. Особая роль принадлежит жанру романа. Это много стильное, разноречивое, разноголосое явление. Оно представлено разнородными стилистическими единствами. лежащими в разных языковых планах и подчиняющимися разным стилистическим закономерностям.

Разнородные стилистические единства сочетаются в романе в стройную художественную систему. Они подчиняются высшему стилистическому единству целого. Его нельзя отождествлять ни с одним из подчиненных ему единств. Язык романа полиязычен. Предпосылкой является внутренняя расслоенность языка, социальная разноречивость и индивидуальная разноголосица. Диалогическая ориентация слова создает новые существенные художественные возможности.

По М. М. Бахтину, мир поэзии освещён единым и бесспорным словом. Конфликты, сомнения и переживания формулируют диалог творческой деятельности. Феномен поэзии являет пример интенциональности диалога. Это ситуация когда жертвуют конфиденциальностью интимных состояний, чтобы пробудить обратную связь с читателем и сделать это пе-

реживание ценностным и значимым. Роман играет на разноречивости и разноязычии, строя свой стиль. При этом он сохраняет единство стиля. М. Бахтин определил две стилистические линии европейского романа. Одну представляет софистический роман. Его особенности заключаются в одноязычности и одностильности. Разноречие становится его диалогизующим фоном. Благодаря ему он ценностно соотнесён с языком и миром романа. Подобными признаками обладает рыцарский прозаический роман. Пастушеский и барочный романы также относятся к стилистической линии софистического романа.

Романы второй линии содержат социальные разноречия. Они подвержены трансформации в рамках процессов канонизации и переакцентуации. Провинциальный говор или профессиональный жаргон легитимизируются литературой. При этом остается неясность, считает ли писатель определённый язык литературным. Происходит смена уровня некоторых ролей. Персонаж, некогда занимавший вторые роли, может стать первым лицом романа, незаметно для читателя. Подобное происходит в результате диалогизующего фона. Теоретические выводы М. М. Бахтина питались анализом творчества Ф. Достоевского. В романах писателя реализована структура диалога. В речах героев заключен глубокий и незавершённый конфликт. Романы писателя являются диалогами, выходящими за границы его произведений. Они не дают подсказок и предлагают читателю продолжить работу над текстом.

Список литературы

1. Лойко, А. И. Диалог в творчестве Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтина и Л. С. Выготского // Швейцарские тетради. – 2021. –Выпуск 11. – С. 208–221.

2. Лойко, А. И. Социальные модификации технологического детерминизма / А. И. Лойко // Вестник Самарского технического университета. – 2021. – № 4. – С. 18–25.

3. Лойко, А. И. Кросс-культурная топонимика православия (на примере Беларуси) / А. И. Лойко // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Выпуск 6. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. – С. 103–110.

УДК 81.161.1

Сироткина
Татьяна Александровна
Сургутский государственный педагогический университет, кафедра филологического образования и журналистики, доктор филологических наук, доцент

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются формы работы по литературному краеведению в вузе и школе, делается вывод о том, что и литературное краеведение является средством формирования региональной идентичности, способом приобщения к региональным культурным ценностям.

Ключевые слова: литературное краеведение, региональная идентичность, культурные ценности.

Sirotkina Tatyana Alexandrovna
Surgut State Pedagogical University, Department of Philology education and journalism, Doctor of Philology, Associate Professor

LINGUISTIC AND LITERARY LOCAL STUDIES AS A MEANS OF FORMATION REGIONAL IDENTITY

Annotation. The article deals with the forms of work on literary local history at the university and school, it is concluded that literary local history is a means of forming regional identity, a way of introducing regional cultural values.

Keywords: literary local history, regional identity, cultural values

Идея исследования и описания феномена регионального текста не является новой. По наблюдениям литературоведов, изучение локальных текстов русской культуры превращается сегодня в быстро развивающееся направление в филологии. Однако, хотя разработанная тартуско-московской школой методология текстологического подхода к культурным феноменам сегодня активно транслируется на локальные «провинциальные» тексты – пермский, вятский, архангельский, челябинский, крымский, шадринский, орловский, югорский текст как культурный феномен не был предметом специального исследования.

В 2017–2018 учебном году на кафедре филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета были созданы учебные пособия для школьников ХМАО-Югры и сту-

дентов-филологов «Литературное краеведение: филологический анализ регионального текста» [1; 2]. Рассмотрим, какие аспекты анализа югорского текста помогают формированию у студентов и школьников региональной идентичности.

Учебно-методическое пособие для общеобразовательных школ ХМАО-Югры предназначено для учителей, начинающих вести элективный курс по филологическому анализу югорского текста, и представляет собой материалы к занятиям элективного курса. В нем предложены темы занятий, задания для самостоятельного изучения, описана методика работы, даны списки литературы.

Назовем основные темы курса. Они идут от общего к частному: 1. Что такое текст. 2. Художественный текст как текст культуры. 3. Региональный текст. 4. Югорский текст. 5. Югорский текст в историко-культурном контексте региона. 6. Роль пейзажа в региональном тексте. 7. Образ автора в региональном тексте. Биографический контекст. 8. Этническая культура в зеркале регионального текста. 9. Основные мотивы югорского текста. 10. Научно-практическая конференция «Актуальные проблемы филологического анализа югорского текста».

Первая учебная ситуация каждой темы – это всегда работа по формированию понятий, необходимых для описания того или иного явления югорского текста. Именно во время этой работы в наибольшей степени формируются метапредметные умения: сравнивать, сопоставлять и т. д. Например, при изучении темы «Роль пейзажа в региональном тексте» школьникам предлагается рассмотреть репродукции картин Сергея Бирюкова и Виталия Карпенко и построить письменное высказывание с использованием двух типов речи – рассуждения и описания, в котором доказать, что югорская природа изображена именно на определенной картине.

Цель второй учебной ситуации – продолжить формирование понятий в работе с региональными художественными текстами. В названной выше теме школьники складывают пейзаж регионального текста из определенных знаков, образов, анализируя тексты Маргариты Сладковой, Павла Черкашина, Сергея Луцкого, Леонида Гайкевича.

Далее прелагается исследовательское задание, самостоятельный филологический анализ текста в аспекте, актуальном для данной темы. Так, например, в рассматриваемой нами теме дети отвечают на вопрос о том, какую роль играют пейзажные зарисовки в рассказе Альбины Кузьминой

«Главный лесничий», какими художественными деталями отличаются описания природы, какие функции выполняет пейзаж в рассказе, благодаря каким знакам в тексте можно узнать природу Югры.

Итоговые задания, завершающие каждое занятие, обобщают и систематизируют знания, полученные на этом занятии, и одновременно являются своеобразным «мостиком» к теме следующего. Тип этих заданий довольно разнообразен: ответы на вопросы, мини-проекты различной направленности, исследовательская работа и т. д.

В конце занятий предлагаются темы для дискуссии. Например, на занятии, посвященном югорскому тексту, можно построить дискуссию исходя из следующего положения: «Историки утверждают, что ни одно историческое событие не может быть оценено как безусловно положительное или безусловно отрицательное. Западная Сибирь в течение нескольких столетий была местом ссылки и каторги. Подумайте, можно ли сказать, что это было благом?»

Завершается пособие приложениями, в которых представлены списки литературы для учащихся и учителей, а также материалы к словарю югорского текста, созданные по материалам сайта «Культурное наследие Югры». В данном приложении приводится лишь по одному слову на каждую букву алфавита (аганские ханты, Барсова гора, вороний праздник и т. д.). Учитель, работая с учащимися по предлагаемому элективному курсу, может значительно расширить список таких слов, предложить детям ответить на вопрос, какие же еще слова являются для югорского текста ключевыми.

Издание данного пособия привело к тому, что возникла мысль о разработке подобной дисциплины по выбору для студентов-филологов, поскольку именно они прежде всего должны овладеть методикой работы по литературному краеведению, чтобы более эффективно работать с югорским литературным материалом в рамках школы. Поэтому следом появляется учебное пособие для студентов.

Главным отличием его от школьного пособия является наличие теоретической части, которая так и называется – «Теоретические аспекты филологического анализа регионального (югорского) текста». Данный материал, написанный одним из ведущих югорских литературоведов Дмитрием Владимировичем Ларковичем, безусловно, необходим педагогу, пытаю-

щемуся не только самому осмыслить понятие «региональный текст», но и донести это понимание до своих учеников.

В теоретической части пособия ведется речь о методах филологического анализа текста, отмечается своеобразие югорского текста, называются его ключевые мотивы и делается вывод о том, что югорский текст отличают идеологическая вариативность и внутренняя противоречивость, что обусловлено его полиэтнической и поликультурной природой. Однако, несмотря на это, он является цельным, и эта цельность обеспечивается единством авторских устремлений создать художественный образ уникальной по своему культурно-историческому, природному и этно-национальному ландшафту территории.

Что касается других структурных особенностей учебного пособия для студентов, то в него не включаются сами тексты или отрывки из текстов (этот материал студенты могут найти самостоятельно), однако даны списки ключевых терминов по каждой теме (например, для самой первой темы – «Что такое текст» это такие термины, как денотат, знак, информация, культурный код, денотат, пресуппозиция и т. д.), а также даются задания для самостоятельной работы и методические рекомендации.

Методические рекомендации содержат комментарий каждой учебной ситуации определенной темы, описывают основные учебные результаты. Так, например, говорится о том, что для достижения учебных результатов по теме «Югорский текст в историко-культурном контексте региона» студентам необходимо усвоить такие понятия, как знаки времени, историзм, историко-культурный анализ, историко-культурный контекст, исторический персонаж, историческое событие, среда бытования. Главным в данной терминосистеме является понятие «историзм», поэтому ключом к пониманию его являются материалы первой учебной ситуации. Вокруг понятия «исторический персонаж» выстроена вторая учебная ситуация. Рассмотрение конкретных исторических персонажей, судьба которых связана с севером Западной Сибири, должно послужить основой для рассуждений о роли каждого из них в истории Югры, о роли отдельной личности в истории страны. Наконец, третья учебная ситуация посвящена понятию «исторический контекст». Отдельные бытовые делали, описанные авторами, приметы реального времени – все это создает историко-культурный контекст, без рассмотрения которого немыслим филологический анализ регионального текста.

При создании методических пособий по лингвистическому и литературному краеведению для югорских школьников и студентов перед авторами стояла задача определить место югорского текста в культурно-языковом пространстве России. Было дано следующее определение данного феномена: югорский текст – это неотъемлемая составляющая северного текста, включающая, в узком понимании, различные тексты локальной культуры (памятники деловой письменности, художественные произведения региональных авторов, устные речевые произведения жителей города и деревни – воспоминания, дневники и т. д.), в широком понимании – все семиотическое пространство Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (обряды коренных жителей региона, фольклор пришлого русского населения, вербальные проявления региональной языковой личности, местное ономастическое пространство и многое другое).

При подаче материала в названных мной учебно-методических пособиях мы исходили из того, что региональный текст как факт культуры можно узнать по определенным знакам – природным, биографическим, историческим. Чем больше таких знаков мы обнаруживаем в тексте, чем большую семиотическую нагрузку они несут, тем больше вероятности, что данный текст является знаковым не только в региональном культурном сознании, но и в культурном сознании жителей всей России. Например, Урал… Произнося это слово, вы наверняка представите величественные горы и густые леса, большие промышленные города (Екатеринбург, Пермь, Челябинск) и глухие уральские деревни – то, что в совокупности будет представлять собой образ этой местности.

Какие знаки отличают югорский текст его от других региональных текстов?

Одни из важных – знаки природные. Восприятие природы отличается в текстах разного времени, написанных в разных обстоятельствах. Так, например, один из сургутских политических ссыльных XIX века, Сергей Трофимович Швецов, дает следующую характеристику месту своей ссылки: «Дик и неприветен Сургутский край. Все в нем сурово, печально, угрюмо, хотя грандиозно и величественно: суров климат, угрюма и таинственна молчаливая тайга, неприветны необозримые пространства вод. Холодом и унынием веет от этого далекого края, но этот холод не холод могилы – повсюду заметны проявления жизни, дикая могучая природа заключает в себе неисчерпаемые богатства, только, как бы нарочно, для

лучшего сохранения своих сокровищ от жадности человека, она приняла суровые, неприступные формы» [3, с. 37].

А вот как описывает югорскую зиму наш современник Сергей Луцкий в своей миниатюре «Минус пятьдесят»: Мороз под пятьдесят. Тихо так, что слышен злой визг снега под ногами на другом конце деревни. И то лишь изредка. В такую стужу люди сидят по домам, топят печки, а на улицу выходят при крайней необходимости. Горизонт затянут мутной пеленой, которая бывает только в большие морозы». Прочитав данный текст, студенты отвечают на вопрос, можно ли считать суровую северную зиму знаком югорского текста, называют визуальные и аудиальные образы, с помощью которых автор описывает мороз, находят в тексте случаи аллитерации и определяют ее функции.

Важны для интерпретации регионального текста мифологические знаки, несущие те культурные смыслы, которые формируются в сознании людей на протяжении определенного времени. И здесь мы можем говорить не только о мифологии коренных народов (это тема отдельного разговора), но и о тех мифах о Югре, которые устойчиво бытуют в представлении русских жителей России. Югорские культурологи сформулировали несколько таких мифов, которые можно тезисно представить следующим образом:

– миф географический: Югра находится на краю земли, куда можно только самолетом долететь;

– миф исторический: в истории Югры всего 3 значимых этапа. До прихода Ермака здесь были только дикие звери и дикие же аборигены, до середины XX века Югра была отсталой периферийной колонией, и лишь в последние десятилетия жизнь территории начала налаживаться;

– миф «нефтяной»: единственным достоянием Югры являются нефть и газ и т. д.

Однако, наряду с бытовой мифологией, существующей на уровне обыденного коллективного сознания, складываются и основные черты культурной мифологии, запечатленной в различных сферах художественного творчества. В частности, как отмечает югорский литературовед Д. В. Ларкович, в новейшей литературе Югры такой устойчивой содержательной моделью, которая обладает продуктивным текстообразующим потенциалом и выступает как основной конституирующий фактор югорского текста, является миф о преображении мира. Этот миф входит в число космогонических и отражает завершающий этап упорядочения жизни в ее

движении от хаоса к космосу. Идеи преображения, как мы знаем, поразному представлены в языческой культуре, в христианской культуре. Литература Югры второй половины XX в. породила новую модификацию мифа о преображении мира. Здесь главной инициативной силой, преобразующей хаос дикой природы в мир цивилизованной гармонии, является человек – строитель и созидатель. В основе этого лежат реальные события, связанные с покорением севера, разведкой и освоением нефтяных и газовых месторождений, масштабным промышленным и гражданским строительством на территории Среднего Приобья. В результате (это отражено в текстах югорских писателей и поэтов) человек приобретает статус демиурга и наделяется божественными свойствами.

Немыслим региональный текст вне исторического контекста. В учебном пособии для школьников одна из тем называется «Как Ермак Сибирь покорил». Школьники анализируют исторические песни о Ермаке, русские предания о походе Ермака в Сибирь, а также отрывок из произведения сургутского писателя Олега Рихтера «Кучум» о гибели Ермака, сопоставляя его с известной балладой Рылеева.

В учебном пособии для студентов мы предложили для рассмотрения тему «Югорский текст в историко-культурном контексте региона», основными понятиями которой являются «историзм», «историческое событие», «исторический персонаж». Помимо образа Ермака, студенты анализируют образ князя Меншикова, созданный югорской писательницей Маргаритой Кузьминичной Анисимковой в романе «Порушенная невеста», и приходят к выводу о том, что отдельные бытовые детали, описываемые авторами, приметы реального времени – все это создает историко-культурный контекст, без рассмотрения которого немыслим филологический анализ регионального текста.

Итак, в последнее время югорский текст все чаще становится объектом не только филологических, но и методических исследований, перспективы его исследования видятся в детальном описании его жанровых разновидностей, обращении к анализу языка региональных текстов, рассмотрении особенностей идиостиля югорских писателей. Многочисленные знаки регионального текста образуют его семиотическое пространство, многомерное и объемное, в котором как в зеркале отражается культура и традиции региона, менталитет его жителей, находится ключ для понимания не только прошлых, но и будущих событий. Поэтому важно, чтобы анализом

регионального текста занимались не только исследователи-профессионалы, ученые-филологи, но и студенты, школьники. Этому способствует создание учебно-методических материалов, которые берут на вооружение учителя-филологи как при проведении факультативных занятий, так и при подготовке школьников в научным конференциям, конкурсам разного уровня.

Список литературы

1. Галян, С. В. Литературное краеведение: филологический анализ регионального текста / С. В. Галян, Т. А. Сироткина. – Сургут : РИО СурГПУ, 2017. – 166 с.

2. Галян, С. В. Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского) текста / С. В. Галян, Д. В. Ларкович, Т. А. Сироткина. – Тюмень : Аксиома, 2018. –167 с.

3. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. – 429с.

УДК 74.268

Глазкова Светлана Николаевна
Челябинский государственный университет,
Миасский филиал, кафедра филологии,
доктор филологических наук, доцент
Герберсгаген Элина Сергеевна
Центр развития ребенка детский сад № 108
г. Миасса, учитель-логопед

ТЕКСТ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ШКОЛЬНИКА: ПЕРЕЗАГРУЗКА?

Аннотация. Авторы представляют в статье свое пособие, предназначенное для чтения младших школьников. «Лесные новеллы» – попытка создать тексты, интересные детям. Цель пособия – пробудить их к вдумчивому чтению с увлечением. Это тексты в жанре научно-популярной или художественно-публицистической миниатюры. Тематикой их является окружающий мир. Методические ориентиры авторов – в поддержании интереса ребенка, доступности, обучении в зоне ближайшего развития, богатом языке, живой стилистике, юморе, лаконичности. Учитывая психологию современного школьника, авторы считают продуктивным не только дидактический, но и развлекательный подход. Делается вывод о необходимости провести ревизию текстов для чтения и оптимизировать их.

Ключевые слова: тексты для чтения, оптимизация текста, качество чтения школьников, пособие.

Glazkova Svetlana Nikolaevna
Chelyabinsk State University, Miass Branch, Department of Philology, Doctor of Philology, Associate Professor

Herbersgagen Elina Sergeevna
Child Development Center kindergarten No. 108, Miass, speech therapist teacher

TEXT FOR A STUDENT TO READ: REBOOT?

Annotation. The authors present their manual intended for reading by younger schoolchildren. «Forest Novels» is an attempt to create texts that are interesting to children. The purpose of the manual is to awaken them to thoughtful reading with passion. These are texts in the genre of popular science or artistic and journalistic miniatures. Their theme is the world around them. The authors' methodological guidelines are maintaining the child's interest, accessibility, learning in the zone of immediate development, rich language, lively style, humor, conciseness. Taking into account the psychology of a modern schoolboy, the authors consider not only a didactic, but also an entertaining approach to be productive. It is concluded that it is necessary to audit the texts for reading and optimize them.

Keywords: reading texts, text optimization, quality of reading for schoolchildren, manual.

Когда-то психолог В. Леви написал, что ребенку для успеха нужны две вещи: выжить и сбыться. Сделать это без книг невозможно. Чтение жизненно необходимо человеку, чтобы освоить культуру, понять окружающий мир и себя в нем, войти в коммуникацию, социализироваться, реализоваться. Но качество чтения современных российских школьников, по оценке международных и внутренних экспертов, остается низким [1, с.155]. Причины такого положения дел исследуются не только психологами, методистами, педагогами, но и нейролингвистами. Устанавливаются особенности восприятия, чтения, понимания ребенка цифровой эпохи. Чтение и для ребенка компьютерной эпохи остается важнейшим метанавыком, ключом к овладению знаниями и способами действий. Однако проблемы с качеством и количеством чтения школьника лишь обостряются. Причин много. Остановимся на одной из них. Качество текстов детского круга чтения не всегда соответствует социальному запросу.

Большой объем текста, сложная лексика и синтаксис делают текст для многих детей неподъемным для чтения и понимания. Порождается эффект порочного круга: дети не читают, так как не понимают, и не понимают, так как не читают. Снижение интереса к печатному слову осложняется тем, что содержание, предлагаемое, например, в учебниках чтения, не вызывает любопытства, не увлекает маленького читателя. Ребенку скучно, чтение становится рутинным, а порой и ненавистным занятием. Дети, не

имеющие серьезной книжной прививки уже во втором поколении, откровенно скучают над книгой. Осложняет дело несовременность сюжетов, неактуальность тематики в связи со сменой ценностной парадигмы, привычка к электронной подаче материала и высокой иллюстративности, отсутствие юмора в тексте [там же].

Тексты, предлагаемые школьнику для чтения, часто не вписаны в круг его интересов, архаичны по языку. Они являются нечитабельными для плохо и мало читающих детей, так как слишком сложны и длинны. Классические тексты зачастую звучат для ребенка, как тексты на чужом языке. В качестве выхода из ситуации возможны два пути: либо обновление классических текстов для детского чтения, либо создание новых. К старым текстам тоже необходим новый подход: либо их адаптация, либо цифровое ауди- и видеокомментирование. Необходим пул новых текстов, понятных ребенку. Речь ни в коем случае не идет о примитивных текстах, серьезно снижающих планку их качества: глубину, содержательность, образность и богатство речи, многообразие выразительных средств. Вспомним «Азбуку» Л. Н. Толстого. Великий писатель сделал тексты для ребенка лаконичными, при этом достаточно богатыми по языку, высоконравственными. Те же принципы мы положили в основу при создании авторского пособия для детского чтения «Лесные новеллы». В пособии сделана попытка оптимизировать материалы для чтения. Это сборник микротекстов с системой вопросов для из анализа. Новеллы написаны в жанре художественных и / или научно-популярных миниатюр.

В тексте осуществляется междисциплинарный подход к отбору материала. Микротекст опирается на информацию из разных областей жизни и знания: биологии, физики, географии, обществознания, филологии, математики, а также включает социокультурные реалии, содержит ключи и рецепты бытового и общественного поведения, основы морали. Микротекст достаточно краток и соответствует возрасту. Так, скажем, для второклассника он не превышает 200-800 слов. Будучи достаточно понятным, микротекст содержит подтекст и возможности для обобщенного понимания. Текст и задания к нему провоцируют читателя прямо и косвенно на выход в сверхтекст, на поиск дополнительной информации, на мыслительные операции с информацией, на координацию различных компонентов информации. Текст увлекательный, легкий, веселый (Разумеется, если тема

позволяет это). Он адаптирован к уровню ребенка, хорошо иллюстрирован и снабжен системой интересных заданий разной сложности.

В такой системе координат был сделан первый сборник миниатюр. В пособии представлены 17 миниатюр, объединенных темой «Лес». Они снабжены иллюстрациями (фото и картинками), сделана озвучка.

Не оторванные от жизни, а включенные в нее сведения или события погружают ребенка в реальность, несмотря на сказочную основу сюжетов. Как показал пилотный эксперимент, проведенный со школьниками второго класса школ г. Миасса № 18, 6, 4, такие микротексты становятся действенным помощником активации читательской компетенции. Ниже приведем в качестве примера одну новеллу.

Новелла 6

У постели больного Бима

Процессия с захворавшим бельчонком добралась до свертка в сосняк достаточно быстро. Поворот на улицу Земляничную был совсем недалеко. А до канадской сосны №2 и совсем рукой подать. Бельчонка сняли с носилок и позвонили в дупло. Тетерев взлетел с Бимом в лапах, заглянул в дупло и передал больного с лап на лапы (точнее с крыльев на лапы) обеспокоенным родителям.

– Как ты умудрился вывихнуть плечо? Ведь мы, белки, отлично владеем хвостом, как рулем и парашютом. Наверное, ты единственный бельчонок в лесу, который умудрился получить травму в полете, – Бела ворчала, но всем было ясно, что ей очень жалко малыша и она ворчит в воспитательных целях.

Потихоньку делегация зверей рассосалась, а Тетерева пригласили к чаю. Бельчиха попросила Тетерева побыть с ребенком, пока она спрыгает в хозяйственный блок – продовольственное дупло. Тетерев с интересом узнал, что белки хранят припасы в особом месте – дупле для провианта. А дупло, где они сейчас находились, у беличьей семьи служило спальней и гостиной.

Белка вернулась расстроенная.

– Что случилось, дорогая? – спросил ее муж.

– Не нашла, – горестно сказала Бела.

– Чего не нашла? – удивился тетерев.

– Это Бела опять гнездо с провизией потеряла, – пояснил муж.

– Как потеряла? – удивился Тетерев.

– Это с белками бывает. Прячем-прячем, а потом хватимся и найти не можем. Помнишь, дорогая, как позапрошлой зимой не осталось ни шишки, ни семечка, и вдруг нашлось старое гнездо с запасами. Мы тогда устроили пиршество. Пригласили белок с соседних улиц – Ельничной и Сосновой. Не огорчайся, милая. Я сейчас добуду вяленых ягод. Где-то на ветке их висела целая гроздь.

В дупле было тепло и чисто. Пол застелен мягкими листьями. Бима уложили на перинку из перьев и мха. В лапки дали вяленые ягоды боярышника, чтобы не плакал. Малыш успокоился.

– Почему у вас так тепло? – спросил Тетерев.

– Мы всегда наглухо закрываем двери и окна, чтобы даже зимой было тепло, – объяснила Бельчиха.

– А у нас в сугробе, в снежной пещере, зимой всегда очень холодно. – пожаловался Тетерев. – Но мы привыкли, и малышей приучаем терпеть мороз и вьюгу. Полечу, пожалуй, к своим, а вы лечите ребенка. Мне своих тетеревят надо с тренировки домой доставить, а то мать волнуется.

И тетерев неуклюже вывалился из дупла и отправился в фитнес-зал за птенцами.

Вопросы и задания:

Ты помогаешь друзьям, если с ними приключилась беда?

А навещаешь тех, кто заболел?

Помогаешь разобраться в новых школьных темах, которые одноклассник пропустил?

Поддерживаешь друга, если он не может выйти из дому?

Рукой подать – это далеко ил близко?

Можно ли сказать, что продовольствие, провиант, провизия – это слова – синонимы?

Что значит сделать в воспитательных целях?

Что значит пиршество?

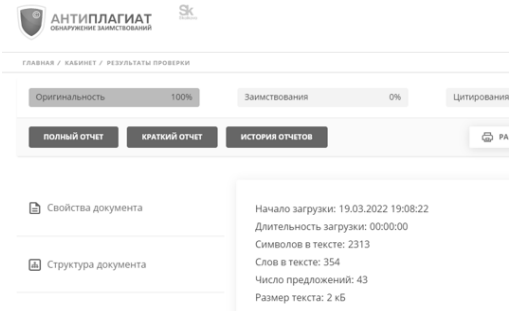
Узнай в интернете, как белки используют хвост.

Для семантического анализа текста можно использовать цифровые анализаторы: Advego, Miratext, Istio, SeoLik, Seogift и др. Кроме того, анализ может включать в себя данные, традиционные для филологического исследования текста:

- Тема, тип заголовка, анализ названия, идея текста-миниатюры.
- Статистический анализ: общее количество слов, количественное соотношение используемых слов с позиций морфологии, соотношение освоенной и недо- / неосвоенной лексики; многообразие, плотность и сложность синтаксических конструкций; многообразие и насыщенность выразительными средствами.
- Функционально-стилистическая характеристика текста.
- Художественное своеобразие текста.

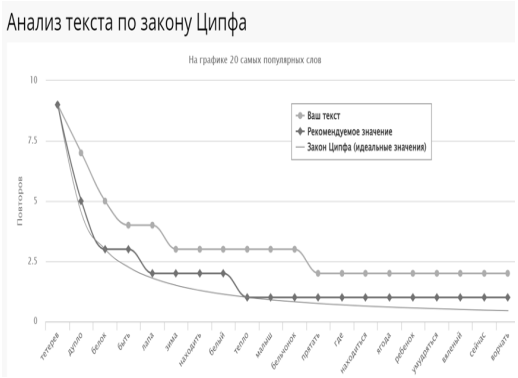
В качестве примера приведем краткий анализ названной новеллы. Ниже представлены данные проверки текста на оригинальность (По дан-

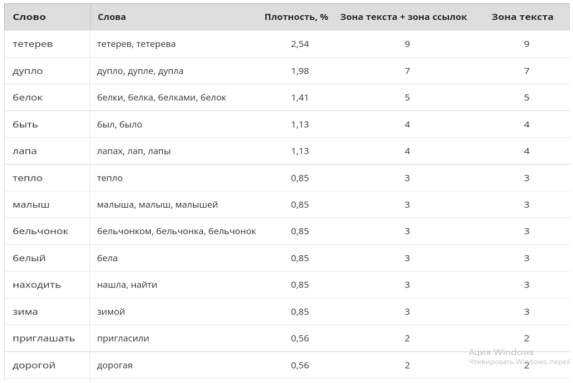
ным системы Антиплагиат, оригинальность текста – 100%), данные анализа миниатюры на ресурсах Miratext, Advego и SeoLik.



Статистика текста

Наименование показателя	Значение
Количество символов	2306
Количество символов без пробелов	1930
Количество слов	350
Количество уникальных слов	216
Количество значимых слов	112





Слово	Слова	Плотность, %	Зона текста + зона ссылок	Зона текста
тетерев	тетерев, тетерева	2,54	9	9
дупло	дупло, дупле, дупла	1,98	7	7
белок	белки, белка, белками, белок	1,41	5	5
быть	был, было	1,13	4	4
лапа	лапах, лап, лапы	1,13	4	4
тепло	тепло	0,85	3	3
малыш	малыша, малыш, малышей	0,85	3	3
бельчонок	бельчонком, бельчонка, бельчонок	0,85	3	3
белый	бела	0,85	3	3
находить	нашла, найти	0,85	3	3
зима	зимой	0,85	3	3
приглашать	пригласили	0,56	2	2
дорогой	дорогая	0,56	2	2

Результаты анализа текста в системах Антиплагиат, Miratext, Advego и SeoLik

Как видим, картина достаточно благополучная. Синтаксис текста ориентирован на младшего школьника. Он достаточно прост. Превалируют простые предложения (они занимают в тексте 50 %). Сложноподчиненные и сложносочиненные предложения по преимуществу минимальной конструкции и составляют по 25 и 17 %, соответственно; сложные синтаксические конструкции единичны и занимают 8 % в тексте. При этом в миниатюре встречаются разнообразные осложнения предложения: вводные конструкции, сравнительные обороты, обособленные приложения, обращения, однородные и уточняющие члены предложения. Диалог является одним из важных приемов организации текста. Чужая речь в тексте занимает 54 %. Используются такие средства выразительности, как тавтология, дефразеологизация, игра слов, эпитеты, мягкая ирония и юмор и др. В тексте употребляется разностилевая лексика, расширяющая словарный запас ребенка и коммуникативную гибкость: огорчаться, пожалуй, пиршество, неуклюже, горестно, наглухо, обеспокоенный, умудриться, продовольственный; представлены разные виды синонимов, например, провизия, провиант, продовольствие, запасы, припасы. В миниатюре много фразеологизмов:

рукой подать, в воспитательных целях, с рук на руки и устойчивых синтаксических моделей управления (побыть с ребенком, пригласить к чаю, получить травму, снять с носилок). Несмотря на синтаксическую прозрачность, текст нельзя отнести к примитивным ни по стилистике, ни по содержанию. При этом читается он достаточно легко, что и отвечает основной дидактической задаче пособия. Идейно текст ориентирован на традиционные национально-культурные ценности: крепкая семья, взаимовыручка, дружба, человечность, справедливость, миролюбие. Прозрачна гуманистическая направленность новеллы. Очевидно и то, что основными творческими стратегиями при составлении текста выбраны краткость, выразительность, узнаваемость для ребенка описываемых жизненных ситуаций, богатая, живая речь, юмор.

Список литературы

1. Герберсгаген, Э. С. Ключевое слово как инструмент интерпретации текста дошкольниками / Э. С. Герберсгаген, С. Н. Глазкова // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – 2019. – Вып. 10 (19). – С. 154–160.

УДК 821.161.1.09”1992/…”

Селютина
Елена Александровна
Челябинский государственный институт культуры, кафедра литературы, русского и иностранных языков, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук, доцент

ОТКРЫВАЯ СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ (АСПЕКТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ)

Аннотация. В статье сравниваются две группы нон-фикшн произведений, связанных с запросом современной аудитории на понимание тайн творчества и методов создания художественного текста. Автор приходит к выводу, что книги современных писателей, анализирующие творческий путь художника слова, имеют внеутилитарный характер, демонстрируют двойную фокализациюнарратора (направлены на мир и внутрь себя, связаны с проблемой самоидентификации писателя).

Ключевые слова: современный литературный процесс, писатели о себе, литературное мастерство, самоидентификация в искусстве, нон-фикшн

Selyutina Elena Alexandrovna
Chelyabinsk State Institute of Culture, Department of Literature, Russian and foreign languages, Leading Researcher, Candidate of philological sciences, Associate professor.

DISCOVERING OF THE MASTETRLINESS' SECRETS: MODERN WRITERS ABOUT TIME AND THESELF (SELF-IDENTIFICATION ASPECT)

Annotation. The article compares two groups of non-fiction works related to the request of a modern audience to understand the secrets of creativity and methods of creating a literary text. The author comes to the conclusion that the books of modern authors analyzing the creative path of the artist of the word have a non-utilitarian character, demonstrate a double focalization of the narrator (directed at the world and inward, are associated with the problem of the writer's self-identification)

Keywords: modern literary process, writers about themselves, literary mastery, self-identification in art, scientific literature

Изучая современный культуру, культуролог М. Эпштейн отметил удивительную тенденцию, которая, на наш взгляд, очень влияет на современное понимание авторства, а также на понимание отношений между читателем и писателем в XXI в.: ученый говорит о «диктатуре письма», определяя этимологию этого понятия через «диктование», отмечает, что «власть превращать устное слово в письменное – великая власть» [7]. Такой подход к письму не нов, что отмечается и Эпштейном, но именно новейшая социокультурная ситуация заставляет нас понимать письмо как всеобщую включенность в практику производства явлений эстетического порядка: «Скриптизация жизни - не только индивидуальное занятие, но и по-ступательное движение всего человечества, бытие которого все более пере-ходит в разнообразные формы записи, прежде всего электронные» [7]. Естественно, что любой субъект, помещенный в такую ситуацию, чувствует сопричастность тем, для кого письмо – труд и миссия, т. е. профессиональным писателям.

Если мы проанализируем сетевые платформы (библиотеки), например, ЛитРес, Bookmate, Storytel, то ясно увидим, что прикладная литература, рассказывающая о том, как субъект пишущий может стать субъектом творчества, на них представлена в большом количестве. Вот некоторые: К. Бенке «Пиши еще! Руководство для начинающего писателя», Е. Оаро «Держись и пиши», Е. Пельтек «Пишите – не пишите! Психологическое руководство по работе авторов с текстом и собой», Е. Аполлонов «Пиши рьяно, редактируй резво», К. М. Уэйланд «Архитектура сюжета», Д. С. Белл «Как писать блестящие диалоги в романах и сценариях» и этот

список можно продолжать. Популярность платформ, которые предоставляют возможность опубликоваться начинающему автору, также бьет все рекорды популярности (см, например, ЛитРес: Самиздат или Rideró). Поэтому вне зависимости от того, что напишет непрофессиональный литератор – фанфик или постапокалиптический роман, у него есть выход к читателю: «Rideró непринимает решений заавтора. Публиковать илинепубликовать книгу, продавать илираздавать друзьям, выпускать её вбумажном илиэлектронном виде - **только автор решает, чтоделать сосвоей книгой**. Если содержание книги ненарушает закон, мы её печатаем ираспространяем» [8]. Популярность книг такого рода свидетельствует об определенном общественном запросе: в короткие сроки научиться продуктивному письму (в том числе и художественному) и переместиться по ценностной лестнице в область эстетики.

Ю. М. Лотман описал процесс ценностной динамики персоны в трудах по теории коммуникации [см. 4, 5]. Передача информации от «Я» к «Я» (в отличии от взаимодействия «Я» – «Он») выполняет не мнемоническую функцию, а культурную, так как напечатанный текст для поэта не равен рукописи, несмотря на то, что текст одинаков: ранг сообщения повышен, потому что переведен в систему графических знаков, обладающим другой степенью авторитетности в данной культуре [5, с. 165]. Но инструментальный подход к эстетике (книга-инструктаж) если и оправдан в аспекте понимания искусства как «суммы приемов», то не дает ответа на главный вопрос самоидентификации человека, желающего творить: я «настоящий» автор или все же амбициозный выскочка? Тайна писательского мастерства – взгляд на литературный процесс и писательскую рефлексию изнутри – тема совершенной иной группы текстов, описывающих литературную индустрию, и обладающих иным «весом» в профессиональной среде.

Речь идет о книгах, написанным авторами, уже получившими известность, поэтому представляющими взгляд на литературу с позиции опытного акторалитпроцесса:«Мама, у меня будет книга! Как научиться писать в разных жанрах и найти свой стиль» (сост. М. Кучерская и М. Степнова), Б. Акунин «Русский в Англии. Самоучитель по беллетристике», «Проклятые критики. Новый взгляд на современную отечественную словесность. В помощь преподавателю литературы» (сост. Ю. Поляков), А. Иванов «Быть Ивановым», Д. Рубина «Одинокий пишу-

щий человек», Е. Водолазкин «Идти бестрепетно. Между литературой и жизнью» Е. Водолазкина, Д. Драгунский «Отнимать и подглядывать», Н. Кононов «Автор, ножницы, бумага». И это не специфически российское явление: среди переводных изданий –Х. Мураками «Писатель как профессия», С. Кинг «Как писать книги», К. Воннегуд «Пожалейте читателя». По нашему мнению, эти книги, носящие «продающие» названия, как и те, что мы указали выше, имеют ряд особенностей, показательных в отношении позиции современного автора.

Необходимо понимать, что объединение указанных выше книг в одно проблемное поле не означает, что все они написаны в одном жанре. Так, например, А. Иванов создал книгу, жанр которой он определяет как «диалог с читателями» [2]. Нарратив книги имеет метатекстуальный характер: голоса читателей (запрос аудитории) направляют автора, ответы на вопросы показывают не только лабораторию творца, но и динамику взглядов на писателя как на личность. На современном этапе существования словесности суждения автора воспринимаются как документ, читательская оптика имеет возможность быть настроенной художником слова. Поэтому Иванов сохраняет нарративную рамку читательских вопросов в композиции книги: «А вообще вы Россию-то любите?», «Противостояние «Москва– провинция» – оно вечное?»,«Зачем России свобода, если «народишко дрянь»?»,«Не подстерегает ли нас новая революция?»,«Чего хочет «креативный класс»?»,«Куда в России пропала интеллигенция?»,«Неужели государство в России до сих пор священно?» [2, с. 5].

Опыт, на который опираются писатели, например, М. Кучерская или Е. Водолазкин, не имеет универсального характера и не претендует на него, в отличии от книг-рекомендаций. И если в случае М. Степновой и М. Кучерской обучающая направленность книги выведена на первый план(«Опыт и пот, – вот и вся формула успеха»), хотя рассказывают они не только об этом (писательницы преподают в Высшей школе экономики, вероятно это повлияло на стиль издания) [2], то Е. Водолазкин, напротив, апеллирует к уникальному писательскому сакральному опыту [1]. В книге «Идти бестрепетно. Между литературой и жизнью» автор повествует не об инструментах письма, а о своем жизненном и читательском «горизонте ожидания», о волшебстве Набокова и пророчествах Солженицына, о разнице ожиданий от автора в российской и европейской культуре: «За границей убеждены: русские любят, когда им задают масштабные вопросы. У

меня, скажем, спрашивали, что лично я делаю для процветания моей страны. Я отвечал, что в сфере моей ответственности (история литературы) все более или менее в порядке [1, с. 237].

Об уникальности пишет и Д. Рубина, рассуждая о роли писателя в современном мире. В книге «Одинокий пишущий человек» писательница рассказывает об опыте эмиграции, семье и отношениях с сыном, о детском опыте «шутовства», который пригодился ей в дальнейшем («я была шутом – удобная позиция в любом сообществе, особенно тюремном и детском: есть надежда, что, отсмеявшись над тобой, тебя оставят в покое. Счастье, говорите? Оно тяготеет к осветительным эффектам, размывающим в кадре постыдные случаи и мелкий мусор. А писатели, они-то как раз и сделаны из тех самых постыдных случаев и того мелкого мусора» [6, с. 243]), но главное, писатель, по ее мнению, –сталкер, который бесстрашно бросается на поиск единственно верного слова. Рубина прозорливо говорит о писательстве, цитируя А. Франса: «У искусства есть два самых опасных врага: ремесленник, не озаренный талантом, и талант, не владеющий ремеслом» [6, с. 245].

Таким образом, можно говорить, что профессиональный и непрофессиональный автор, несмотря на кажущуюся легкость выхода к читателю в современном литпроцессе, реализуют в письме разные эстетические и идейные задачи. Книги о писательском мастерстве ведущих российских авторов внеутилитарны, имеют двойную оптику: они связаны с привычной практикой письменной идентификации нарратора(саморефлексии говорящего), а также легитимизируют автора во времени, в контексте его творчества.

Список литературы

1. Водолазкин, Е. Идти бестрепетно. Между литературой и жизнью. М.: Эксмо. Редакция Е. Шубиной, 2020.– 416 с.

2. Иванов, А. Быть Ивановым: Пятнадцать лет диалога с читателями. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. –336 с.

3. Кучерская, М., Степнова, М. Мама, у меня будет книга! Как научиться писать в разных жанрах и найти свой стиль. М.: Бомбора, 2020. –192 с.

4. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2004.– С. 666–668.

5. Лотман, Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2004. – С. 163–177.

6. Рубина, Д. Одинокий пишущий человек / Д. Рубина. – Москва : Эксмо. Редакция Е. Шубиной, 2020. – 608 с.

7. Эпштейн, М. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма / М. Эпштейн // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 1. – URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2015/1/skriptorika.html? (дата обращения: 01.04.2022).

8. Rideró: издательство. – URL: https://ridero.ru/l/about/ (дата обращения: 01.04.2022).

УДК: 821.161

Кислый Александр Юрьевич

магистр искусствоведения, руководитель Витебского епархиального отдела по сотрудничеству с вузами и научным сообществом, иерей, Белоруссия

ПАФОС КНИЖНОГО СЛОВА, ВЫРАЖАЮЩЕГО ДУХОВНОСТЬ, МУДРОСТЬ И РАЗУМ, КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РУСИ И БОЛГАРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Аннотация. В статье представлено описание характерной особенности одного из наиболее важных компонентов культурного кода народов Руси и Болгарии в первой половине XVI в., – эстетического сознания, влияющего на самоидентичность, полноценное формирование, дальнейшее культурное развитие указанных народов. Такой особенностью, по мнению автора статьи, является пафос книжного слова, как наиболее внятный и доходчивый способ передачи и усвоения культурной информации, духовных и интеллектуальных смыслов в контексте рассматриваемой эпохи.

Ключевые слова: пафос, книжность, культура, духовность, образование.

Kisly Aliaksandr

Master of Art History, Head of the Vitebsk Diocesan Department for Cooperation with Universities and the Scientific Community, Priest

PATHOS OF THE BOOK WORD, EXPRESSING SPIRITUALITY, WISDOM AND MIND, AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF AESTHETIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIA AND BULGARIA INTO THE FIRST HALF OF THE XVI CENTURY

Annotation. The proposed article introduces the interested reader to the description of a characteristic feature of one of the most important components of the cultural code of the peoples of Russia and Bulgaria in the first half of the XVIth century, namely, its aesthetic consciousness, affecting self-identity, full-fledged formation and further cultural development of these peoples. Such a feature, according to the author of the article, is the pathos of the book word,

as the most intelligible and intelligible way of transmitting and assimilating cultural information, spiritual and intellectual meanings in the context of the era under consideration.

Keywords:pathos, bookishness, culture, spirituality, education

Замечательной чертой, характеризующей средневековую культуру Руси и Болгарии, явилось активное освоение образованности, доставшейся в наследство от Византии и периода античности. Просвещенные мыслители, радеющие за свое Отечество, осознавали в то непростое время, что для движения вперед, создания новой общности, нового государства необходимо включение в данное развитие унаследованных традиций древней культуры. Данным обстоятельством и обусловлен своеобразный пафос, который переполняет собой литературные произведения обозначенного географического ареала первой половины XVI в. Значительной величиной на этом фоне представляется такая выдающаяся личность, как преподобный Максим Грек[1]. Его влияние на просвещение, науку, преобразование и усвоение культурного наследия трудно переоценить. В частности, он полагал, что, к примеру, произведения преподобного Иоанна Дамаскина[2] и книги других древних авторов, приобретут особую привлекательность при наличии качественного перевода их на русский язык. Тем самым, встает важнейшая общекультурная проблема (в т. ч. духовная и эстетическая): переводы текстов византийского литературного наследия, которое составляло духовную основу славянского Средневековья, – просто не выдерживали никакой критики.Данной проблемой были озабочены и западные исследователи того периода: при переводе Священного Писания на латинский язык они сталкивались с тем, что в греческом и еврейском оригинальных текстах отдельные слова можно было интерпретировать поразному, так как они имели два и более значений. Блаженный Иероним Стридонский[3] в своем знаменитом переводе Ветхого Завета, а также Авгу-

[1] Максим Грек (1470–1556) – ученый и общественно-политический деятель Средневековья, имел греческое происхождение, являлся монахом афонского монастыря. Прибыл в Россию в 1518 г. по вызову Московского правительства, где оставался до конца жизни (1556). Основные виды деятельности: переводы, публицистика. Оказал мощное влияние на развитие многих сторон культурной и общественной жизни Руси [3, с. 184].

[2] Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ок. 753–780) - крупнейший византийский богослов рубежа VII – VIII вв., выдающийся ученый-гимнограф, борец за чистоту Православия [5]. Прп. Максим Грек особенно отмечал его «Толковую Псалтырь».

[3] Иероним Стридонский (ок. 345/347–419/420) – аскет, церковный писатель, автор латинского канонического текста Библии. По некоторым предположениям, является также создателем глаголического письма.

стин Иппонский[1], каждый по-своему старались разрешить эти вопросы, накапливая определенный опыт и передавая его последующим поколениям ученых [1, с. 538–539].

Пример перевода на русский язык греческого произведения, наполненного духовным и мудрым пафосом, целиком определяющим эстетическое сознание и мировоззрение средневекового читателя

«…Ибо Ты не оставишь души моей во аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Деян. 2:27).

Слово «тленность» имеет два значения. Прежде всего оно означает страдательные состояния человека, каковы: голод, жажда, утомление, прободение гвоздями, смерть или разлучение души с телом, и тому подобное. Соответственно этому значению слова мы называем тело Господа тленным, ибо все это Он воспринял добровольно. Но с другой стороны, тление означает также совершенное разложение тела на стихии, из коих оно составлено, и его разрушение. Каковое многими лучше называется истлением. Этого истления не испытывало тело Господа, как говорит пророк Давид: «Яко не оставиши душу Мою во аде, ниже даси преподобному Твоему видетиистления» (Пс. 15:10).

Итак, нечестиво утверждать, согласно с мнением Юлиана и Гайана, что тело Господа и до воскресения было нетленно – в первом значении слова тление. Ибо если бы оно было нетленно, то не было бы одинаково с нашей сущностью, и в таком случае то, о чем говорит Евангелие, как о свершившемся – алкание, жажда, гвозди, прободение ребра, смерть, – совершилось бы призрачно, а не в действительности. Если же (все это) совершилось призрачно, то и тайна домостроительства нашего спасения является лишь ложью и представлением на сцене, и Господь призрачно, а не поистине соделался человеком, и мы спасены призрачно, а не действительно. Но – да не будет сего, – и те, которые говорят это, да лишатся участия во спасении! Мы же получили истинное спасение и получим. Соответственно же второму значению слова тление, мы исповедуем, как предали нам богоносные отцы – что тело Господа нетленно, или неистленно. Но мы утверждаем также, что после воскресения Спасителя из мертвых тело Господа нетленно и в первом значении. И нашему телу Господь даровал

[1] Августин Иппонский (354–430) – святитель, блаженный, церковный политик, философ, проповедник. Его колоссальное влияние как на философию, так и на западное богословие, является неоспоримым.

через Свое тело воскресение и затем – нетление. Сам сделавшись для нас Начатком воскресения, нетления и бесстрастия.

«Подобает ботленному сему облещися в нетление» (1Кор. 15:3) – говорит божественный Апостол» [2].

Если говорить о традициях болгарской словесности, то по источникам можно отследить, каким образом происходит изменение культурных процессов и приоритетов в книжном наследии. Для сравнения: практически всю первую половину XV в. в монастырях мы можем констатировать лишь относительно слабый проблеск духовной книжности – кое-где переписывается богослужебная литература. Вследствие того, что Османская империя в 1396 г. положила конец существованию Второго болгарского царства, произошло угасание Серебряного века болгарской литературы. Выпускались также рукописные нравоучительные сборники религиозного содержания, позже получившие наименование «дамаскинов» (по имени греческого проповедника XVIв. епископа Дамаскина Студита[1]), о которых ниже скажем чуть подробнее. Ситуация кардинально меняется, начиная со времени падения Константинополя (1453). В данный период происходит чувствительный импульс в развитии как балканской письменности в целом, так и болгарской в частности. Обусловлено это тем, что в 1459 г. под ударами османов пал последний оплот независимости сербов – г. Смедерево. Новой властью было выпущено особое распоряжение – султанский фирман – по которому все, исповедующие христианство на балканских землях, переходили под церковную юрисдикцию Патриарха Константинопольского, что, безусловно, оказало заметное воздействие на болгарскую духовную культуру. Результаты данного воздействия следующие:

1) большое влияние на умы и души читающих и мыслящих людей приобрела литература братской Сербии, утратившей свою независимость;

2) усилилось проникновение в болгарский духовный и культурный контент грекоязычной литературы и вообще всего греческого [9, с. 29].

«Дамаскины» как особый род повествования

Первым сборником, получившим такое наименование, озаглавленным «Сокровище», явилось произведение преосвященного Дамаскина

[1] Дамаскин Студит (20-е гг. XVIв. – 1577) – митрополит Навпакта и Арты, прославлен Элладской Православной Церковью в лике святых в 2013 г. Писал на разговорном греческом языке, что было весьма доходчиво для простых масс населения во времена владычества османов. Известны сочинения: «Сокровища», «Увещание монахам, желающим спастись», «Разговор о непорядках архиерейских» и др.

Студита, митрополита Навпактского и Артского (20-е гг. XVI в. – 1577). С одной стороны, данный сборник давал, что называется «путевку в жизнь» подобного рода сочинениям, являясь оригинальным опытом болгарского книжного слова, а с другой – продолжал, в свою очередь, византийскую традицию, при которой составители объединяли под одним наименованием произведения самых разных жанров. «Сокровище» содержало в себе 36 рукописных повествований, в основном, житийного характера, переработанных св. Симеоном Метафрастом. Среди них особое место занимают жития святых: Георгия Победоносца[1], Николая Мирликийского[2], Димитрия Солунского[3], а также поучения и проповеди [6].

Следует также отметить, что не только болгарская, сербская, но и вся славянская книжность и культура в целом, испытала в описываемый период колоссальное и неоценимое воздействие Симеона Метафраста[4] – писателя и государственного деятеля второй половины X в. Данный автор продолжал задавать определенный вектор и в XIV – XV вв., в том числе и в тырновской литературной школе, что привело к стремлению постоянно совершенствовать и обновлять язык. Прослеживается широкое безусловное влияние преподобного Симеона (а именно: возведение «метафраза», «парафраза» – пересказа в высокое искусство, канон) на творчество последующих славянских составителей житийных сборников: Цамблака[5], Вл. Грамматика[6], митрополитов Макария Московского[1] и Димитрия Ростов-

---

[1] Георгий Победоносец (год преставления – 303/304) – один из наиболее почитаемых святых христианских великомучеников. Принял смертельные мучения во времена императора Диоклетиана. Широко известно сказание о его житии и чудесах – «Чудо о Змие».

[2] Николай Мирликийский (ок. 270 – ок. 345) – Угодник, Чудотворец, Святитель – святой архиепископ Мир Ликийских. По преданию, покровительствует узникам, путешественникам, детям-сиротам. Житие имеет схожие черты с Николаем Пинарским, из-за чего долгое время существовала путаница, кого считать подлинным Николаем Чудотворцем.

[3] Димитрий Солунский (ум. 306) – Мироточивый, святой великомученик. Скончался в жестоких мучениях, причиненных ему по приказу императора Максимиана. Прославлен в лике святых и одинаково почитается как католиками, так и православными.

[4] Симеон Метафраст (вторая половина X в.) – магистр, логофет, святой, писатель, автор множества житийных повествований о святых. К концу своей земной жизни удостоился звания патриция и должности магистра.

[5] Григорий Цамблак (ок. 1364 – ок. 1420) – писатель, общественный и церковный деятель Болгарии и Руси. Являлся представителем т. н. Тырновской книжной школы, также занимал должность митрополита Литовского и всея Руси, на которую был поставлен в Великом княжестве Литовском.

[6] Владислав Грамматик (XV в.) – болгарский писатель, каллиграф, составитель литературных сборников, переводчик. Трудился при монастырях Северной Македонии. Принадлежал к Тырновской книжной школе, писал на среднеболгарском языке. Известно его единственное сочинение – «Рильская повесть» о святом Иоанне Рильском.

ского[2] [8, с. 149]. Примеры усердной работы преподобного Симеона Метафраста и организации его школы приводит К. С. Кекелидзе в «Трудах Киевской духовной академии» (1910), которые, в свою очередь, цитирует Д. Кенанов:

«…Его усердно просили все верующие, чтобы он, труженик слова и дела, исполненный Божеской и человеческой премудрости, взялся украсить Мучение святых мучеников и Житие святых отцов и иерархов; ибо (Жития и Мучения эти), изложенные раньше, насколько позволяло время, в виде Сказаний какими-то современниками, не сохранились в своей первоначальной простоте, но были искаженные еретиками и злыми людьми, которые, примешав к безыскусственности их свои коварные слова. Затемнили правду ложью и сделали ее сомнительною...

…Вокруг него было сгруппировано достаточное количество помощников: одни из них записывали под его диктовку первоначальный текст, затем другие переписывали продиктованное (каллиграфически), причем иногда менялись ролями: тот, что прежде писал под диктовку, в другой раз брал на себя обязанность переписчика (каллиграфа). Сверх того, были справщики, просматривавшие написанное и по требованию смысла выправлявшие ошибки, пропущенные переписчиками. Сам Симеон, вследствие громадного количества сочинений (подлежавших пересмотру), не имел возможности возвращаться к одному и тому же предмету (житию, сказанию) и вновь пересматривать свое изложение.

…При этом Симеон преследовал две цели: подражать первоначальному автору в построении повествования и наилучшим образом сохранить его этический образец. Симеон чрезвычайно был внимателен к древним образцам и не отступал от них, чтобы не казалось. Что он создает нечто новое, не соответствующее этому образцу. Симеон переделывал только

---

[1] Макарий (ок. 1482–1563) – епископ, митрополит Московский и всея Руси, святитель. Собиратель всей «чтомой» на Руси духовной литературы, его вклад в развитие письменности Древней Руси неоценим. Автор Великих Четьих Миней: тщательно собранных и отредактированных списков житий различных святых. Данное произведение составляет подлинное богословское, литературное, культурноеи патриотическое наследие Русской Православной Церкви.

[2] Димитрий Ростовский (1651–1709) – в миру Данила СаввичТуптало, митрополит Ростовский и Ярославский, епископ, педагог, проповедник, агиограф, духовный писатель. Стоял у истоков Ростовской грамматической школы, которая содержала в своей учебной программе, помимо духовных дисциплин, древние языки, философию и стихосложение, что было довольно смелым новаторством для своего времени. Прославлен в лике святых Русской Православной Церкви.

внешний вид сказания, не меняя материи, не выправляя погрешности в выражениях…

…Симеон владел множеством способов построения фраз и в достаточной степени пользовался ими так. Что его могли слушать и ученые мужи, и простой люд. Он удовлетворил вкусы тех и других, ибо ритм и красота его слога привлекали как образованного слушателя, так и не просвещенного…

…Симеон ревностно взялся за дело, положил пред собою древние акты мучеников, называемые «кимен», что значит «лежащий», – и переделал их в метафразы. Он прежде всего украсил слог, притом так, что удерживая смысл раньше написанного и не изменяя его, представил его яснее; вместе с этим он потрудился совершенно устранить слова сомнительные и еретиками привнесенные. Таким образом в мучениях святых он сделал два улучшения: очистил пшеницу от плевел и некрасивое сделал красивым…» [4, с. 27–29].

В заключение отметим несомненную поэтичность, одухотворенность, характерность, даже некоторую неожиданность своеобразного угла зрения на предметы и обстоятельства, которую пафос как отдельное явление, феномен, придает литературным произведениям, как местных, так и переведенных византийских авторов [7, с. 5]. Благодаря чему большинство литературных памятников Руси и Болгарии в том числе и второй половины XVI в. сохраняют живость, свежесть повествования и востребованность у современного читателя и исследователя.

Список литературы

1. Бычков, В. В. Древнерусская эстетика / В. В. Бычков. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив; Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, 2012. – С. 538–539.

2. Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. – Ростов-на-Дону : Братство святого Алексия // «Приазовский край», 1992 [репр. переизд.: СПб., 1894]. – С. 196–197.

3. Иванов, А. И. Максим Грек и Савонарола / А. И. Иванов // Богословские труды. Изд-во МП РПЦ. – 1974. – Вып. 12. – С. 184–208.

4. Кенанов, Д. Симеон Метафраст и Търновска та книжовна школа. Великотърновски университет «Кирил и Методий» / Д. Кенанов // Търновска книжовна школа. – Т. 4. – С. 27–29.

5. Малков, П. М. Догматы – основание жизни христианина / П. М. Малков // Православие.ру. – URL: http://www.pravoslavie.ru/88888html (дата обращения: 15.12.2021).

6. Полывянный, Д. И. «ДАМАСКИН» / Д. И. Полывянный, А. А. Турилов // Православная энциклопедия. – URL: https://www.pravenc.ru/text/168722.html (дата обращения: 16.12.2021).

7. Полякова, С. В. Византийские легенды / С. В. Полякова. – Ленинград : Наука, 1972. – 303 с.

8. Попова, Т. Г. О новом исследовании по истории болгарской литературы / Т. Г. Попова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия 3: Филология, 2016. – С. 149.

9. Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX – XVIII веков. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 29.

УДК 81’38

Усанова Ольга Григорьевна
Челябинский государственный институт
культуры, кафедра литературы,
русского и иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент

Семёнова Ольга Ростиславовна
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
кафедра русского языка и методики обучения
русскому языку,
кандидат филологических наук, доцент

ДУХОВНОСТЬ НАЦИИ В ВЫСОКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье акцентируется, что одной из важных особенностей литературного языка является его сознательное культивирование именно как литературного, обслуживающего разные потребности всей нации: нормы литературного языка закрепляются (узакониваются, кодифицируются) в грамматиках и словарях, изучаются в школе, поддерживаются средствами массовой коммуникации (газеты, радио, телевидение). Культура речи как особая область языкознания оказалась необходимой именно затем, чтобы стоять на страже интересов литературного языка, отражая духовность нации, и, следовательно, на страже национальных интересов. Далеко не случайно во всех развитых и развивающихся, обретающих свое национальное самосознание странах культивирование литературного языка относится к числу приоритетных национальных задач.

Ключевые слова: литературный язык, стили речи, норма, жаргон, сленг, культура речи, языковая ситуация, коммуникация, демократизация языка, образ человека современности

Usanova Olga Grigorievna
Chelyabinsk State Institute of Culture, Department of Literature, Russian and Foreign Languages, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Semyonova Olga Rostislavovna
South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Department of the Russian language and methods of teaching the Russian language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

SPIRITUALITY OF THE NATION IN HIGH SPEECH CULTURE

Annotation. The presented material notes that one of the important features of the literary language is its conscious cultivation precisely as a literary one, serving the different needs of the entire nation: the norms of the literary language are fixed (legalized, codified) in grammars and dictionaries, studied at school, supported by mass media (newspapers , radio, television). The culture of speech as a special area of linguistics turned out to be necessary precisely in order to guard the interests of the literary language, reflecting the spirituality of the nation, and, consequently, guarding national interests. It is no coincidence that in all developed and developing countries, acquiring their own national self-consciousness, the cultivation of the literary language is among the priority national tasks.

Keywords: literary language, styles of speech, norm, jargon, slang, culture of speech, language situation, communication, democratization of the language, image of a modern person

Языку поболе надо дать воли,
чтобы развивался он сообразно законам своим.

А. С. Пушкин

Язык является носителем культуры, а культура играет важную роль в регулировании языка. Они взаимозависимы и развиваются вместе. В переломные периоды в жизни нации в центре внимания развития общества встает вопрос об участии языка в созидании духовной культуры и о влиянии культуры на формирование языка. «Общественный вкус нынешнего времени, несомненно, диктует демократизацию речи, – отмечает В. Г. Костомаров, – что естественнее всего связывается с обновлением литературного канона за счет внутренних языковых ресурсов, за счет заимствований из вне и нелитературных сфер общенародного языка» [7, с. 60].

Культура речи – это такой выбор и такая организация языковых средств, как формулирует Е. Н. Ширяев, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [14, с. 36].

Таким образом, в понятие культуры речи помимо нормативного входят еще два компонента: этический и коммуникативный. Этика обще-

ния запрещает сквернословить, регулирует обращение к человеку на «ты» или «Вы», и многое другое. На коммуникативный компонент культуры речи указывал известный языковед Г. О. Винокур: «Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества» [2, с. 28].

Важность коммуникативного компонента для культуры речи подчеркивает чешский лингвист К. Гаузенблас: «Не секрет, что, пользуясь нелитературным языком, можно выражаться культурно, малокультурно и совершенно некультурно. Нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурно, чем иной говорящий на литературном языке» [4, с. 301].

Совокупности языковых средств, обусловленные различными сферами общения и их функциями, и есть функциональные стили. В классификации существующих функциональных стилей разговорный стиль занимает собственное место в системе современного русского литературного языка как коммуникативный стиль, необходимый в бытовом общении.

Для разговорной речи характерны неподготовленность, спонтанность и непринужденность общения. Непринужденность устной речи создается за счет трех признаков: 1) отсутствие между говорящими официальных отношений, т. е. близкие (дружеские, родственные) или нейтральные; 2) отсутствие у говорящих установки на сообщение, имеющее официальный характер (лекцию, доклад, выступление на собрании, ответ на экзамене, научный диспут и т. д.); 3) отсутствие элементов, нарушающих неофициальность общения (посторонних лиц, магнитофона для записи речи и т. п.). На выбор и построение разговорной речи влияют: 1) число говорящих и жанр речи (монолог, диалог, полилог); 2) условия осуществления речи; 3) опора на внеязыковую ситуацию; 4) наличие общего житейского опыта, общих предварительных сведений у собеседников.

Устная разговорная речь особенно легко усваивает элементы, идущие из различных социальных диалектов. Современный лингвист Л. П. Крысин отмечает, что «из всех современных социально-групповых разновидностей языка молодежный жаргон наиболее значим социально: им пользуются достаточно многочисленные группы носителей языка, элементы его во множестве проникают в литературную речь [12, с. 114]. Под молодежным жаргоном/сленгом понимается совокупность постоянно трансформирующихся языковых средств высокой экспрессивной силы, ко-

торые возникли из противопоставления себя не столько старшему поколению, сколько официальной системе и используются в общении молодыми людьми, состоящими в фамильярных, дружеских отношениях и отдельных замкнутых референтных группах. Это социолект, носителями которого являются, как правило, люди в возрасте 12–30 лет [15].

Термины, которые встречаются в литературе для передачи языка отдельных социальных групп, в какой-то степени отражают путь слова из «низких» сфер в нормативную разговорную речь. Ср.: «арго» – (франц. argot) – чаще употребляется в узком смысле, обозначая способ общения деклассированных элементов (воровского арго), как правило, с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления данной группы от остальной части общества. Термины «жаргон» и «сленг» могут выступать как синонимы. Термин «общий жаргон» служит для определения образования, которое занимает промежуточное положение между собственно жаргонами, с одной стороны, и литературным языком, с другой [6, 9, 10].

В. В. Химик справедливо указывает на многослойность и неустойчивость молодежного жаргона. Границы между отдельными жаргонами, жаргоном, просторечием и литературным языком весьма условны и проницаемы [13, с. 57]. Стремительная «жаргонизация» языка размывает не только языковые границы, но и нормы, вызывая закономерную обеспокоенность общества за дальнейшее развитие культуры нации и её языка. Основу молодежного жаргона, как отмечает М. А. Грачев, автор-составитель современного словаря молодежного жаргона, включает экспрессивные эквиваленты разговорно-бытовой лексики [5, с. 10].

Исследователь В. Н. Портянникова [11, с. 7] отмечает, что «жаргонная лексика, отличаясь образностью и эмоциональностью, обогащает язык экспрессивными средствами и способствует тем самым осуществлению положительной тенденции в языке».

Неофициальность, непринужденность разговорной речи создаёт оптимальные предпосылки для возникновения словотворчества. Молодому человеку важно не только «что сказать», но и «как сказать», чтобы быть интересным рассказчиком. Молодежный жаргон можно рассматривать как форму языковой игры. Языковáя игрá (нем. Sprachspiel) – термин Людвига Витгенштейна, введённый им «Философских исследованиях» 1953 г. для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участ-

вует говорящий [3, с. 220–546]. Понятие языковой игры подразумевает плюрализм смыслов. Манипулирование словами – языковая игра. Можно освоить игру, «не изучая или не формулируя ее правил».

Современную молодежную жаргонную лексику, выражающую различные чувства и эмоции, можно разделить на следующие группы:

1. Эмоциональные слова и выражения (слова-оценки): отпад, улет, прикол, чума и др.

2. Слова с эмоциональным компонентом значения (грамматические средства): например, уничижительные суффиксы -няк, -н, (депрессняк, тусняк, тусня,), усечения (ботан, туса,жиза(в значении «такова жизнь»)), фамильярные суффиксы в личных именах (Димон, Колян, Юрец) и др.

3. Использование стилистически сниженной сферы лексики (фамильярные и пренебрежительные слова). Снижению общественного статуса в речи подвергаются значимые для носителей жаргона явления, предметы, действия: ящик-телевизор; видик, видак, видюшник – видеомагнитофон; бабки, капуста и пр. – деньги, хавать – есть и др.

4. Оценочная лексика: оценочные существительные (дрэк - что-либо плохое по качеству, дрянь; мутата – что-то недостойное внимания, чепуха), оценочные прилагательные (вышатский – отличный, высокого качества; аховский – хороший, красивый; клевый, суперский – хороший, отличный; гнилой – плохой, отвратительный).

5. Эмоциональные речения. По своей форме они сходны с побудительными конструкциями, имеющими значение волеизъявления, адресованного собеседнику, т. е. второму лицу, но не предполагают немедленного исполнения адресатом воли говорящего: Иди ты ежиков пасти! Иди ты тайгу пылесосить! Иди ты в трубу! Иди ты в пень! и др. Являясь по своей сути эвфемизмами более грубых выражений, эти речения, будучи употребленными в речи, не имеют иного функционального значения, кроме эмоционального самовыражения говорящего. Все эти речения демонстрируют раздражение говорящего собеседником (адресатом) и, как правило, желание прекратить общение с ним.

На платформе «Другое Дело» создан проект, цель которого – собрать все слова и фразы, функционирующие в речи молодежи на территории России. Жаргонная лексика Южного Урала представлена в словарях Б. Б. Максимова «Фильтруй базар: Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска» [8] и С. В. Вахитова «Словарь уфимского сленга» [1].

В семантике уральских жаргонизмов зафиксированы разнообразные оценочные представления о человеке. В картотеке кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета насчитывается 213 лексических единиц (123 лексемы характеризуют лиц мужского пола, 80 лексем – лиц женского пола). Анализ номинаций свидетельствует о плотной оценочно-нормативной вербализации образа человека в молодежной среде. Основанием для оценки человека становится соотнесение конкретного факта действительности с нормативными представлениями о нем. Преобладают слова с отрицательной семантикой (65%). В семантической сфере «нравственность и мораль» обнаружены многочисленные номинации, обозначающие мужчин и женщин лёгкого поведения (кармен, клуха, лярва, попрыгунья, промокашка, скарлетка, шалаболка, шалава, шмара, шныряла) и злоупотребляющих алкоголем и наркотиками (калдырь,алик, алконавт, алколоид, бухарик, наркоша, слива, ушатанный и др.).

Человек в молодежном жаргоне мыслится как деятельное и общественное существо, поэтому чрезмерная медлительность, вялость порицается (вялый, ежик). Излишняя подвижность и суетливость, наглость осуждается (борзач, борзый, бык), высмеивается несообразительность и глупость (балда, бивень, вольтанутый, груз, дуб, дятел и под.). Самостоятельную группу составляют наименования, характеризующие речевую деятельность человека (прогоняло, звонарь). Большое значение для молодежи имеет правдивость речи (гонщик, динамист, трепач-обманщик). Хорошая речь – залог успешного развития, поэтому необходимо формировать у молодежи умение пользоваться тем ценнейшим даром, которым наделен человек, – даром слова, умение передавать словами чувства, мысли, знания, убеждать и доказывать. На занятиях по русскому языку в школе и в вузе необходимо обсуждать место жаргона в языке, его значение для демонстрации языковых законов и изменений в обществе (метафоризация, словообразовательные модели и процессы, заимствование (молодежный жаргон быстрее литературного языка обновляется новыми заимствованиями: юзать – пользоваться (английское to use –использовать), иллюстрирует новые технологии: аська – приложение ICG). Обращать внимание на то, что при использовании в речи жаргонизмов следует придерживаться следующих правил: во-первых, избегать вульгаризации речи, во-вторых, стараться точно и красочно характеризовать именуемое понятие, в-третьих, жаргонизмов в речи

не должно быть слишком много, и, в-четвертых, необходимо учитывать уместность их использования в определенной речевой ситуации.

Таким образом, можно констатировать, что А. С. Пушкин в свое историческое время стремился к устранению разрыва между литературным языком и живой речью, так и современный молодежный жаргон вносит вклад в развитие языка и отражает духовность нации.

Список литературы

1. Вахитов, С. В. Словарь уфимского сленга. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 262 с.

2. Винокур, Г. О. Культура речи. – Москва: Лабиринт, 2006. – 256 с.

3. Витгенштейн, Л. Философские исследования/ Языки как образ мира: антология. – Москва, Санкт-Петербург, 2003. – С. 220–546.

4. Гаузенблас, К. Культура языковой коммуникации / Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1988. – Вып. 20. – 301с.

5. Грачев, М. А. Словарь современного молодежного жаргона. – Москва: Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с.

6. Ермакова, О. П. Слова, с которыми мы все встречались : толковый слов. рус. общ. жаргона : ок. 450 сл. – Москва: Азбуковник,1999. – 273 с.

7. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – Москва: Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.

8. Максимов, Б. Б. Фильтруй базар: слов. молодеж. жаргона г. Магнитогорска. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2002. – 506 с.

9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 716 с.

10. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг: толковый слов. – Москва: АСТ, 2004. – 912 с.

11. Портянникова, В. Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов. (На материале «молодежного жаргона» современного немецкого языка в ФРГ): автореф. дисс. …канд. филол. наук. – Москва: МПГУ, 1971. – 21 с.

12. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин; отв. ред. Ю. Д. Дешериев; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1989. – 186 с.

13. Химик, В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – Санкт-Петербург: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. – 269 с.

14. Ширяев, Е. Н. Культура речи: теория, методика, практика // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1992. – Т. 51, № 2. – С. 36–46.

15. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – URL: http://feb-web.ru/feb/izvest/1992/02/922-036.htm. Текст: электронный (дата обращения: 04.02.2022).

УДК 81.351.033.23

Будейко Валерий Эдуардович
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания,
кандидат филологических наук

О ЛЮБОМУДРИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Статья посвящена защите церковнославянского языка от нападок современных реформаторов, которые, не понимая значения и сущности богослужебного языка, пытаются заменить его на вавилонскую эманацию мирского языка.

Ключевые слова. Церковнославянский (богослужебный) язык, древний язык, внутренняя форма языка, статус языка в культуре

Boudeyko Valery Eduardovich
Chelyabinsk State University, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Candidate of philological sciences, associate professor

ABOUT PHILOSOPHY OF CHURCH SLAVONIC LANGUAGE IN MODERN LIFE. ASSOCIATE PROFESSOR

Annotation. The article deals with the protection of Church Slavonic language. The defense against modern reformers (materialists), they do not understand importance, essence of divine servicing language, they attempt to substitute it for Babylonian emanation of mondial, secular language.

Keywords: Church (divine servicing) language, ancient language, internal form of language, status of language in culture

Первая апология (защита) церковнославянского языка изложена в нашем учебном пособиипо церковнославянскому языку [5, с. 22–29], а также в сборниках прошлых лет [1; 9], где были представлены основные доводы и факты, связанные с обусловленностью статуса иисторией становления русского языка, зависящего от состояния изучения и функционирования церковнославянского языка, а также о благотворном влиянии церковнославянского языка на телесное и духовное состояние молящегося и читающего человека. Вторая апология посвящена огромной и сложной теме понимания и некоторым его сопутствующим аспектам применительно к языковому пониманию, чистоте языковой формы и её охранительности во времени святым Преданием [3, с. 126–134].Третья апология выражает идею сущностного понимания языка богослужения и его неприкосновен-

ности со стороны внешних, мирских (мірскихъ) сил современного общества, а также определения внутренней формы языка, как его духовной основы, являющейся самою плодотворящей сутью языка богослужения и молитвенного опыта, а также возможным губительным последствиям, которые могут привести к изменению духовной основыхристианства [4, с. 285–291].

В данной статье мы коснёмся философской составляющей и духовной основы, являющейся общей схемой языка богослужения и молитвенного опыта, а также закономерных последствий, связанных с изменением формы и ноэматической составляющей. Пытаясь объяснить читателю любомудренное значение и высшую ценность церковнославянского языка и его книг в наиболее общем виде, мы обязаны вкладывать в это важное понимание самого языка и его деятельной цели, как выход за предельные основания фактического понимания, что не является аналитикой предметной области языка (грамматики, формы письменной речи, синтаксиса, дискурса текста), но утверждает желание и намерение выйти за пределы наличного опыта, способствующие мысли, интеллекту, душе, духу умственно и духовно узреть отражаемого этим языком Бога и мир (т. е. міръ и пакибытіе) в их бесконечности, дабы постигнуть высший смысл богослужебного языка, оживления здесь и сейчас тех мыслительных и духовных состояний, в коих находились соборные творцы нашего богослужебного языка. Конечно, о русском языке такого сказать утвердительно невозможно, потому что русский современный язык есть отражение сознания многих и многих личностей далеко не близких Богу и Его правде. Наконец, не праздным остаётся вопрос о том: чем и зачем движется этот и тот язык?

1. Итак, философское значение невольно и закономерно связано ссовременным мондиальным (обмірщённым) движением, не признающим абсолютность истины, поэтому для молодой «зеленеющей» современности истина – это плод человеческой похоти, где мерою всего является эго падшего человека, а не Бог, не Абсолют! Вспомним недавнюю статью на реакцию речи патриарха Кирилла в неделю торжества Православия, реакцию, которая проникнута и вдохновлена мондиальным движением [7, с. 1, 4].

2. Проблему исследования критериев развития современного русского языка мы поднимали ранее в своих прежних статьях [6, с. 159–171; 2, с. 44–49].

Эта проблема логически связана с определением масштаба мер, определителей качественного движения и изменения в языке. И если посмот-

реть на наш предмет(язык) исследования с иной,естественнонаучной стороны, то согласно кинематике «всякое движение, а также покой тела (как частный случай движения) относительны» [8, с. 26], т. е. относительно другого тела. В истории нашего языка для определения движения, языкового изменения требуется такое же «тело или вещь». Без такого «тела или вещи» история языка как собственная теория, созерцающая объект и предмет, абсолютизирует относительность, что является нелепостью, ведущей к уничтожению идеала, эстетического канона, нормы в языке. Это и происходит в современном русском языке, в котором уже нет идеала (то, что составляет высшую цель устремлений и усилий филологов в совершенное воплощение языковой формы), следовательно, в принципе разрушен или постепенно разрушается высокий стиль, т. е. некоторые остатки церковнославянского языка в русском языке. И причина тут не в злонамеренности каких-то необразованных чиновников от науки, а в общем (міровоззрѣнческомъ) настрое, цивилизационном настрое, направленном на вытеснение всего церковного и христианского из современного образования и культуры. Необходимо в такой теории выбрать «тело», «вещь», точку отсчёта, относительно которых движение в языке наблюдается и осмысляется. Современная точка наблюдения, которая находится в настоящем, движется вместе со временем, поэтому сохраняется относительность такого наблюдения. При подобной методике наблюдения не определена постоянная, идеальная закреплённая точка наблюдателя-филолога, философа, а сам наблюдатель лишён опоры взгляда на «абсолютно статичное тело», его идеалы, смыслы формы и канона, нормы лишены твёрдых принципов и оснований. В таком положении учёный филолог, лингвист, отражая закономерности языковых перемен,должен иметь опору на «абсолютное тело», «вещь», точку отсчёта, в противном случае мы приобретаем новую проблему, развивающуюся как некое дело, связанное с борьбой мнений, школ, направлений, т. е. доксологией, а не с наукой. За выбранные методологические основания надобно бороться, защищая их на разных уровнях. Для верующих учёных идеальным «абсолютным телом» и отсчётом является Бог, а точкою отсчёта принимается либо время возникновения языка (начало богослужебного церковнославянского языка – 863 год по Р. Х.), либо время (эпоха ѳеоцентризма / феоцентризма / теоцентризма) как наивысшего духовного расцвета Православия – XV – начало XVII в., когда высокий стиль национального языка или языка русского народа в

явленности его церковнославянского языка достиг уровня наивысшей возможности предлагаемого и понимаемого богообщения.

3. Ежели текст старый, традиционный, церковнославянский – это книжный текст, который не нами составлялся, а древними, святыми отцами и женами непорочными, ничего не ведающими о декларации прав человека, О.О.Н., Ю.Н.Е.С.К.О., о панамериканской администрации и т. д. Потому-то сей старый текст по сути своей защищает нас от искажений, ибо защищён он вековой традицией, христианским Святым Преданием ради спасения от исправления и вмешательства посторонних враждебных Богу сил, т. е. от ереси. Посему исторической этой силою сохранения церковнославянский язык остаётся границей, стеною, ограждающею нас и наше сознание от внешних вмешательств, ересей и блужданий современных (мірскихъ) стихий.

Ныне живём мы в эпоху эгоцентрическую, поэтому, когда молимся «своими словами» (т. е. своимъ мірскимъ современнымъ языкомъ), то свои слова уводят нас в область личных переживаний, и, если оставаться в этом озере или заливе личных переживаний, чувств, слов довольно долго, то эгоцентрическая стихия неприметно уводит душу в антропоцентризм, потом в эгоцентризм, романтизм и далее – в море эгоизма. При таковой душевно-духовной жизни, плывущей в море личных слов, чувств весьма трудно, почти невозможно, подняться над своим «я», своим «эго», которое неотступно оправдывает себя, свои чувства и поступки. Несложно приметить, что это самолюбование осуществляется на основе личного языка и переходит в порочный страстный навык, который (зѣло) губителен духу, ибо постепенно итогом таковой молитвенной практики становится критерием не Бог, не высокий стиль и слог божественных молитв, «возлетаніе во области заочны», а романтизм, самолюбование родного звучания и эгоизм оправдания себя своими словами, кои начинают этою словесностью пользовать душу и обладать сознанием молящегося. Иначе обстоит речевая деятельность с языком богослужебным, церковнославянским, в коем заложена своеобразная прививка против эгоцентризма и самолюбования собою, ибо общее дело сего языка есть общая, соборная молитва всего русского, а шире – и славянского народа Божия о взыскании правды и спасения о Христе.

Таким образом, наша задача правды и совести: определить и объяснить ложь, и воспрепятствовать современному обману или самообману,

связанному с осовремениванием богослужебного языка и текста Святого Писания.

Список литературы

1. Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. – Москва : Изд. Сретенского монастыря, 1999. – 411 с.

2. Будейко, В. Э. Диалектическая аксиоматика в онтологии языка / В. Э. Будейко // Вестник Челябинского гос. университета. – Серия. Филологические науки. – Вып. 118. – 2019. –№ 10 (432). –С.44–49.

3. Будейко, В.Э. О значении церковнославянского языка в современной жизни. Вторая апология / В. Э. Будейко // Восемнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. – Челябинск : ЧГИК, 2020. – С. 126–134.

4. Будейко, В. Э. О значении церковнославянского языка в современной жизни. Третья апология / В. Э. Будейко // Девятнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. – Челябинск : ЧГИК, 2021. – С. 285–291.

5. Будейко, В. Э. Церковнославянскій языкъ: начальный курсъ. Часть I. Исторія. Письмо: азбука, графика. Элементы фонетики и орѳоэпіи / В. Э. Будейко. – Челябинскъ : Авторское изданіе, 2019. – 149 с.

6. Будейко, В. Э. Языковое развитие: философско-лингвистический подход / В. Э. Будейко, Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского гос. университета. – Серия. Филологические науки. Вып. 115. – 2019. –№ 1 (423). – С. 159–171.

7. Щипков, А. В. Патриарх и гуманизм / А. В. Щипков // Литературная газета. – 2016. – № 14. –URL: https://lgz.ru/article/14-6548-7-04-2016/patriarkh-i-gumanizm/(дата обращения 05.05.2022).

8. Элементарный учебник физики. – Москва : Наука, 1971. – Т. 1. – 656 с.

9. Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви. – Москва : Русскій Хронографъ, 2012. – 288 с.

УДК 821.161.1

Стрелкова Ольга Сергеевна
Курский государственный медицинский университет, Международный медицинский институт, кандидат филологических наук

ПОЭЗИЯ НА СТРАНИЦАХ ДООКТЯБРЬСКОЙ ДУХОВНОЙ ПЕРИОДИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЯ «КУРСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»)

Аннотация. В статье рассматривается поэзия священника Алексея Петровича Яхонтова, опубликованная изданием «Курские епархиальные ведомости» в начале XX в. Показывается, что этот автор не ограничивался традиционным для духовной литературы дискурсом, хотя и позиционировался как поэт из среды духовенства. Статья знакомит с творчеством А. П. Яхонтова, а также раскрывает эстетические доминанты его поэтического наследия.

Ключевые слова: духовная поэзия, региональный текст, поэтическое творчество, духовная поэтическая традиция, духовная периодика

Strelkova Olga Sergeevna
Kursk state medical university of the Ministry of Health of Russia, International medical institute, Candidate of Philology

POETRY ON THE PAGES OF THE PRE-OCTOBER CHURCH PERIODICALS (BASED ON THE PUBLICATIONS «KURSK EPARCHIAL VEDOMOSTI»)

Annotation. The article deals with the poetry of the priest A. P. Yakhontov, published by the Kursk Diocesan Gazette at the beginning of the 20th century. It is shown that this author is not limited to the discourse traditional for church literature, although he was positioned by the publication as a poet from the clergy. The article introduces the work of A. P. Yakhontov, and also reveals the aesthetic and philosophical dominants of his poetic heritage.

Keywords: Christian poetry, regional text, poetic creativity, church poetic tradition, church periodicals

Провинциальная духовная периодика рубежа XIX – XX вв. в Курской губернии была представлена изданием «Курские епархиальные ведомости» (далее – КЕВ), история которого начинается 1 января 1871 г. Согласно указу Св. Синода № 2637 от 1 декабря 1870 г. Издание просуществовало вплоть до 1917 г., объединяя в себе информационный печатный орган и литературную газету. Литературная жизнь российской провинции дооктябрьского периода долгое время оставалась мало исследованной, и, как следствие, недооценённой. Интерес к проблемам локального текста, заметно возросший в современной науке в последние десятилетия, способ-

ствует расширению знаний о феномене регионального текста посредством включения в широкий литературоведческий контекст ранее неизвестных произведений провинциальных авторов.

Следует отметить, что поэтический текст, включённый в духовное периодическое издание, особенно издание официальное, каким были КЕВ, помимо эстетических свойств, приобретает идеологические надстройки. Так, стихи курского поэта-священника Алексея Петровича Яхонтова в системе жанров КЕВ становились частью локального мифа, поэтому не могли быть предложены читателю без надёжного пояснения, которое готовило бы почву для восприятия. Весьма показательна следующая фраза о. Якова Тимофеева (друга почившего поэта) в предисловии к подборке стихов А. П. Яхонтова «Памяти давно почившего (устами его самого)», опубликованной КЕВ посмертно в 1913 году: «Сделаем, что можем, для воскрешения памяти почившего. Почитая и гордясь ею, из имеющегося в нашем распоряжении поэтического и прозаического материала, выберем всё для печати годное и поместим в родном для него и нас епархиальном органе» [2, с. 766].

«Всё для печати годное», очевидно, также располагается в неслучайном порядке, на что указывает пренебрежение принципом хронологии с целью сформировать у читателя образ местного поэта, не известного широкой общественности, хотя и не уступающего по силе дарования признанным авторам. О стихах А. П. Яхонтова говориться следующее: «Если бы они не были бы написаны собственноручно о. Алексеем и в его собственной тетради, и были напечатаны где-либо… под ними обеими руками могли бы подписаться создавшие себе славу на подобных опытах поэты Львов, Фофанов и др.» [2, с. 765]. Такая оценка транслирует мысль о том, что творчество провинциальных авторов имеет немало эстетических достоинств и лишь по трагическому и несчастливому стечению обстоятельств они так и не получили должного признания.

Специфика позиционирования произведений А. П. Яхонтова на страницах церковной периодики Курской губернии свидетельствует о компенсаторной функции данных публикаций. Однако при этом делается попытка показать черты сходства или преемственность по отношению к другим, более известным православным и даже светским поэтам (упоминается, в том числе М. Ю. Лермонтов). Именно попытка сравнения и доказательства, что творчество А. П. Яхонтова не уступает более именитым ав-

торам, во многом отрицает его самобытность и обесценивает уникальность, которые, несомненно, имеют место. Более того, на данный момент остаётся только догадываться, какие стихи так и остались неопубликованными по причинам далёким от собственно эстетических.

Стихи А. П. Яхонтова, согласно шести тетрадям, на которые ссылается публикатор, датированы 1884, 1886, 1888, 1899 гг., однако литературный дебют поэта состоялся лишь в 1902 г. Стихотворение «Великой звон» позволяет говорить об отсутствии каких-либо признаков наивной (непрофессиональной) поэзии.

Как звон родной, как звон приятный,
Люблю я с детства этот звон:
Высокой скорбью благодатной
Всегда исполнит сердце он. [5, с. 277]

Повтор лексемы «звон» в первых строках создаёт ритмический рисунок, напоминающий начало воскресного благовестника. Стихотворение имеет явные маркеры духовной поэзии, в частности, такие словосочетания как «исполнит сердце», «в глаголах величавых», «в делах и помыслах лукавых», «отдать создателю отчёт», «светоч возрожденья», «грешные сердца», «Любили Вечного Отца». В «Великом звоне» Алексея Яхонтова угадывается сильное поэтическое дарование, однако в настоящий момент не установлено, была ли это прижизненная публикация автора, равно как публиковался ли он где-либо за пределами Курской губернии.

Весьма вероятно, что подборка стихов, опубликованная КЕВ в 1913 г. (с разбивкой на три номера № 39, 40, 41), является единственным и наиболее полным собранием сочинений А. П. Яхонтова. До нас дошло 15 поэтических текстов, в которых, по наблюдению публикатора, «весь он (Яхонтов), во весь свой рост, в натуральную, так сказать, величину, без прикрас и утайки». Стихи Яхонтова можно разделить на тематические группы. Духовная лирика, тесно связанная с библейскими сюжетами и мотивами: «Пир у Есфири» (1888), «На реках Вавилонских» (1884), «Подражание церковной песни страстного четверга» (1898), «Станс» (1898). Пейзажная лирика с элегическими мотивами: «Радуга» (1899), «Сжатое поле» (1888), «В родной усадьбе» (1888), «Весною» (1886), «Разлука» (1887), «Разсвет» (орфография оригинала) (1887). Баллады или сюжетные стихотворения –«Страшный гость» (1888) и «Богомолка в пустыне» (1888) – в которых присутствует мистический колорит. В жанре философского сти-

хотворения написаны «Стансы» (1888), «Без названия» (1886), «Детский сон» (1888). Таким образом, можно даже по этой относительно небольшой подборке можно составить представление о жанровом многообразии лирики А. П. Яхонтова.

Проследить литературные истоки творчества А. П. Яхонтова несколько сложнее. Можно предположить, что на него оказали влияние многие поэты XIX в., в числе которых, разумеется, А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов. Так, стихотворение «Детский сон» сюжетно отсылает к лермонтовскому «Ангелу», перекликаясь с ним и на идейно-тематическом уровне:

Я спал. Мне явился во сне Серафим
И райскую песню пропел.
И плакал я сладко, восторгом томим,
И жить на земле не хотел [7, с. 785].

На сходство с «Ангелом» указывает издатель: «Настоящее стихотворение чем хуже знаменитого весь мир облетевшего Лермонтовского «Ангела». Не те же ли мысли, образ и глубина художественного проникновения?» Очевидно, что литературные публикации КЕВ не только не скрывали «привязанности» к высоким литературным образцам, но и стремились сделать источник подражания как можно более узнаваемым. Посредством этого провинциальный автор как бы вступал в диалог с большой литературой, переосмысляя первоисточник или демонстрируя читательский отклик, выраженный в поэтической форме. Для провинциального автора были принципиально значимы генетические связи с определенной поэтической традицией, следование которойпозволяло вписаться в широкий литературный контекст. При этом идея оригинальности и самобытности литературных публикаций в провинциальных периодических изданиях зачастую отодвигалась на второй план. В связи с этим трудно сказать, действительно ли творчество А. П. Яхонтова представлено в подборке 1913 г. в своих наиболее выдающихся проявлениях.

Особый интерес для исследования представляет выявление связей, влияний и веяний, которые воспринял провинциальный автор и отразил в собственном творчестве. Несмотря на упорно позиционируемую публикаторами принадлежность стихов А. П. Яхонтова к духовной поэтический традиции, отчётливо просматривается связь со светской поэзией. Так, например, весьма правомерно предположить, что Яхонтов основательно вос-

принял творчество Ф. И. Тютчева и отразил в собственном поэтическом наследии во множестве аспектов. Рассмотрим некоторые мотивы и образы, которые дают возможность говорить о поэтической перекличке двух поэтов.

Для лирики А. П. Яхонтова характерно ощущение пребывания человека на краю, на границе двух миров, которое перекликается с философскими произведениями Тютчева.

Долго не мог я заснуть, размышляя о судьбах вселенной.
Грозною, вражьей толпою сомненья меня обступали.
Жутко и страшно мне было под гнётом их власти мятежной.
Чудилось, бездны, зияя, холодно меня обнимали... [3, с. 807]

Лирический герой А. П. Яхонтова находится во власти пугающих его сомнений («вражьей толпою сомнения мой ум обступали», «В ужасе смерти, рыдал я, просил у Создателя веры», «Чудилось, бездны, зияя, холодно меня обнимали»), что, несомненно, также сближает его с Ф. И. Тютчевым. При этом перед нами не подражание или какая-то аллюзия. Более вероятно, что стихи Яхонтова отразили дух времени, который столь же отчётливо проявляется как у его современников, так и предшественников. Именно это обстоятельство позволяет говорить о том, что поэзия Яхонтова была шире узкоконфессиальной среды и не может считаться исключительно локальным явлением. В стихах курского поэта слышится предчувствие катастрофы, которое было столь характерно для философской лирики Ф. И. Тютчева, К. М. Фофанова и других поэтов.

Для поэта характерно ощущение величия природы, в сопоставлении с которой человек мыслится как малая частица мироздания, неспособная противостоять таинственным силам судьбы.

Я видел радугу. Величественной аркой,
В окраске неземной, волшебно чудно-чудно яркой,
Она торжественно обняла ближний лес
Таинственный привет природы от небес.
(Радуга) [8, с. 785]

У Ф. И. Тютчева человек и природа нерасторжимо связаны и живут по единым законам бытия –лирический герой Яхонтова также часто созвучен с окружающим его миром.

Какая всюду тишина!
Как полно все благоуханий!

И как душа моя полна
Былых святых очарований!
(В родной усадьбе) [4, с. 807]
Опять восторженный привет
Земле шлют небеса:
Опять горячий льётся свет
На долы и леса.<…>
И я стряхнул тоску свою:
Встречать тебя лечу,
И гимн весне златой пою,
И жизнь любить хочу...
(Весною) [7, с. 808]

Лирический герой Яхонтова пребывает на некой грани: дня и ночи, неведения и прозрения, надежды и отчаяния, его страшит пропасть в которую можно легко соскользнуть в минуту слабости. Это сближает его с лирическим героем Ф. И. Тютчева, который «как сирота бездомный, стоит теперь и немощен и гол, лицом к лицу пред пропастию тёмной» [1, с. 215].

Произведения А. П. Яхонтова наглядно демонстрируют, что оставаясь представителем «закрытой», конфессионально замкнутой системы, поэт находится в очевидном дискурсе с литературной традицией своего времени. В таких стихах как «Подражание церковной песни страстного четверга» (1898), «Станс» (1898), «Радуга» (1899), «Детский сон» (1888), «Богомолка в пустыне» (1888–1890), угадывается влияние светской поэтической традиции. Хотя между духовной и светской поэзией XIX в. нет чётких границ и многие поэты как золотого, так и серебряного века черпали вдохновение в библейских сюжетах.

Для стихотворных апокрифов А. П. Яхонтова большое значение имеет авторское видение не только ветхозаветных («Пир у Есфири», «На реках Вавилонских»), но и фольклорных сюжетов. Так, например, стихотворение «Страшный гость» наиболее ярко это демонстрирует.

Молвы устрашившись, преступная мать
Дитя утопила ночною порою.
Пришедши с реки, боязливой стопою,
С тоской и со страхом легла она спать. <…>
С тех пор, говорят, не давал ей покою
Младенец, являясь к ней каждую ночь.

Ни церковь, ни бабки своей ворожбою,
Ничто не могло её горю помочь [9, с. 810]

Примечательно, что возмездие за совершенный грех осуществляется в мистическом ключе и обнаруживает близость поэта к народному мировосприятию: суд над грешником происходит здесь и сейчас. Это произведение близко по содержанию к фольклорным рассказам о чудесах, а так же к литературным балладам романтизма. Характерно ещё то, что А. П. Яхонтов, с присущим ему стремлением к максимально достоверной передаче эмоционально-чувственных образов, изображает сцену возвращения младенца детализировано и красочно. Исчезновение призрака осуществляется также в духе народной фантазии – с криком петуха.

За полночь с убийцей младенец ужасный,
Дрожа и стоная, во тьме пролежал –
И страшно соседство то было несчастной!
Но крикнул петух... и младенец пропал [9, с. 811]

Подборка стихов А. П. Яхонтова, опубликованная КЕВ, представляет собой экскурс в духовный мир поэта, с ярко выраженным стремлением осмыслить через творческое наследие трагедию его жизни. Согласно датировке 1898 г., «Станс» можно считать одним из поздних стихотворений курского поэта. Вероятно, это образец зрелого творчества, который действительно позволяет с твёрдой уверенностью говорить о несомненной одарённости автора.

Начало стихотворения отсылает к словам Христа: «*Блаженны те*, кто верует, *не видя*»:

Творец! Тебя не знаю я,
Тебя не вижу и не слышу,
Но, чуя тайну бытия,
Тобой одним живу и дышу [10, с. 785].

Следует отметить, что Творец не выносится за пределы мироздания, а пребывает в нём, наполняя собой всё живое и присутствуя во всём: от небесных сфер, до глубинного, внутреннего «Я» лирического героя. Бог выступает в качестве движущей силы, можно сказать, что именно вера в высший смысл и высшую силу помогают А. П. Яхонтову преодолеть наиболее характерный и мучительный для него вопрос о «судьбах вселенной»:

Ты – Тот, Кем сильно мирозданье,
В законах вечных бытия,

Ты – Тот, Кем я, Твоёсозданье,
Могуществен в ничтожном «Я» [10, с. 785]

У А. П. Яхонтова восприятие духовных субстанций осуществляется через эстетическое переживание, подобное перетолкование христианства было характерно, например, для религиозного мировосприятия А. Григорьева. Публикатором многократно подчёркивается, что доминанту мировоззрения А. П. Яхонтова определяет его принадлежность к духовному сословию, однако очевидно, что творчество поэта выходило далеко за рамки, в которые его стремились поставить издатели КЕВ. Указание на близость А. П. Яхонтова к светской литературной традиции содержится в его «личном признании»: «Я редко пишу стихи, во-первых, потому что я очень ленив, во-вторых, потому что часто бываю нездоров, и, в-третьих, потому что редко приходит ко мне вдохновение, а, по выражению Пушкина, «вырывать стихи насильно у дремлющей музы» я считаю варварством, да и совершенно бесполезным делом, так как такие стихи обыкновенно выходят для слуха неприятнее и скрипучее, чем немазаная водовозка» [2, с. 766]. Вероятно, что вспоминая А. С. Пушкина, поэт говорит об эстетических ориентирах и генетической привязанности своего собственного творчества.

Список литературы

1. «Святая ночь на небосклон взошла…» // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. – М.: Классика, 2002. – Т. 1. Стихотворения, 1813–1849.

2. Памяти давно почившего (устами его самого) // Киевские Епархиальные ведомости. –1913, №39, с.766.

3. Яхонтов, А. П. Без названия // Киевские Епархиальные ведомости. – 1913. – № 41. – С.807–808.

4. Яхонтов, А. П. В родной усадьбе // Киевские Епархиальные ведомости. – 1913. – № 41. – С.807.

5. Яхонтов, А. П. Великий звон // Киевские Епархиальные ведомости. – 1902. – № 15. – С.277–278.

6. Яхонтов, А. П. Весною // Киевские Епархиальные ведомости. – 1913. – № 41. – С.808.

7. Яхонтов, А. П. Детский сон // Киевские Епархиальные ведомости. – 1913. – № 40. – С.785–786.

8. Яхонтов, А. П. Радуга // Киевские Епархиальные ведомости. – 1913. – № 40. – С. 785.

9. Яхонтов, А. П. Страшный гость // Киевские Епархиальные ведомости. – 1913. – № 41. – С.810–811.

10. Яхонтов, А. П. Станс // Киевские Епархиальные ведомости . – 1913. – № 40. – С. 785.

УДК 82.01.09

Паршина
Оксана Александровна
Луганский экономико-правовой лицей-интернат им. героев «Молодой гвардии», преподаватель филологических дисциплин, Луганская Народная Республика

«ЖИВОЕ СЛОВО ДОРОЖЕ МЕРТВОЙ БУКВЫ». ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ – КАЗАК ЛУГАНСКИЙ

Аннотация. В статье рассматривается жизнь и творчество Владимира Ивановича Даля. Человека, который знаменит не только как автор «Толкового словаря живого великорусского языка», но и как лингвист, изобретатель, доктор медицины. Проводится краткий анализ сказок В. И. Даля, влияние православия на его творчество. Статья знакомит с мероприятиями, проходившими в Луганской Народной Республике, в честь празднования 220-летия со дня рождения В. И. Даля.

Ключевые слова: классическая русская литература,творчество, христианство, Владимир Даль, сказка, народные сюжеты, жития святых

Parshina Oksana Alexandrovna
Lugansk economic-legal boarding school by the name of the heroes of the «Young Guard», teacher of philological disciplines

«A LIVING WORD IS MORE VALUABLE THAN A DEAD LETTER». VLADIMIR IVANOVICH DAL – COSSACK LUGANSK

Annotation. The article deals with the life and work of Vladimir Ivanovich Dal. A man who is fa.mous not only as the author of the Explanatory Dictionary of the Living Grea.t Russian Language, but also as a linguist, inventor, doctor of medicine. A brief analysis of the tales of V. I. Dal and the influence of Orthodoxy on his work.The article introduces the events that took place in the Luhansk People's Republic in honor of the 220th anniversary of the birth of V. I. Dal

Keywords: classical Russian literature, creativity, Christianity, Vladimir Dal, fairy tale, folk stories, the lives of saints

> Мы должны закладывать в наших детей духовно-нравственный код, который поможет им вырасти полноценными гражданами
>
> *митрополит Илларион (Алфеев)*

Классическая русская литература – бессмертное создание творческого гения русского народа, художественная история его жизни, ярчайшее воплощение его свободолюбивых стремлений и чаяний, любви к Родине, бесценный вклад в отечественную и мировую культуру.

Она активно участвует в современной жизни, влияя на души людей, их культуру и идеологию. В наше время повышенного интереса к историческому опыту, культурному наследию, к подлинным духовным ценностям литература оказывается интересной и нужной широким массам. Она открывает возможности для нравственных изысканий, формирования тонкого эстетического вкуса.

Русская литература – неисчерпаемый источник благородных человеческих чувств: гуманности, любви, дружбы, преданности высоким идеалам. Она прививает чувство прекрасного, показывает, что такое красота в жизни и творчестве.

М. Горький писал: «В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собою феномен изумительный. Я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур не возникала к жизни с такою силою и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске талантов, нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось яркого созвездия великих имен как в России».

Еще одной отличительной чертой русской классической литературы является то, что она является носительницей христианского благочестия для миллионов людей, продолжая свидетельствовать о тех духовно-нравственных ценностях, которые атеистическая власть ставила под сомнения или пыталась уничтожить.

По словам Н. А. Бердяева, вся наша литература «…ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью».

Свое творчество русские писатели сознавали как служение пророческое. Отношения к деятелям литературы как к пророкам и мудрецам, постигшим суть мироздания, присутствует в русском сознании и до сих пор. А ведь многим великим писателям исполнилось уже 200 лет.

На творчестве одного из таких гениев хочется остановиться подробнее.

Большинство из нас знает Владимира Даля прежде всего как автора «Толкового словаря живого великорусского языка», на составление которого у него ушло без малого 55 лет. А между тем писатель был выдающимся человеком со многими увлечениями и талантами. Он прожил невероятную, исключительно богатую событиями жизнь. Он владел множест-

вом профессий, был смельчаком воином, и даже своеобразным «диссидентом», побывавшим в жандармском Третьем отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии… Владимир Иванович Даль – собиратель фольклора, этнограф, первый российский тюрколог-востоковед, учредитель Русского географического общества, философ, диалектолог, а также военный врач и доктор медицины.

Он родился в Луганске, в семье обрусевшего датчанина Иоганна Кристиана Даля, лингвиста и придворного библиотекаря Екатерины II. При получении российского подданства он принял имя Иван Матвеевич Даль и позже женился на девушке из семьи обрусевших немцев и французских гугенотов Юлии Христофоровне Фрейтаг. По настоянию тестя Иван получил также и медицинское образование. Фрейтаг считал, что быть врачом в разы выгоднее, чем быть филологом. Именно отец смог передать детям любовь к своей второй родине.

Родители Даля были людьми достаточно образованными, и Владимир получил хорошее домашнее образование. В 1814 г. поступает в Морской кадетский корпус в Петербурге, от учебы в котором, по словам Даля, «в памяти остались только розги». В числе лучших 12 гардемаринов Владимир Иванович совершил плавание на бриге «Феникс» к берегам Швеции и Дании. Выяснилось, что у него морская болезнь, однако он заканчивает корпус и направляется мичманом на службу в Николаев.

Именно дорога к новому месту службы положила начало развития Даля как собирателя слов. Услышав от ямщика незнакомое слово – «замолаживает» – Даль записывает его. И с тех пор, куда бы не забросила судьба, будущий писатель, этнограф, фольклорист всегда находит время записать меткое слово, выражение, песню, загадку.

Исправно неся службу на протяжении семи лет, Владимир Иванович все же занимается литературой и собиранием слов. А по окончании положенного срока выходит в отставку и решает пойти по стопам отца. Он поступает в Дерпский университет на медицинский факультет и получает диплом хирурга – окулиста. Перед уходом на русско-турецкую войну, Даль досрочно защищает диссертацию на получение степени доктора медицины.

Дерпский период своей жизни Даль называет «временем восторга и золотым веком нашей жизни». В этот период стихи начинающего автора были опубликованы в журнале «Славянин». А хирург Н. И. Пирогов, нахо-

дившийся в то время в Дерпте, вспоминает о Дале как об остроумном, жизнерадостном юноше, блестящем рассказчике и балагуре.

В 30-х гг. XIX в. он служил в Петербургском военно-сухопутном госпитале и был известным в столице хирургом и офтальмологом. Даль интересовался гомеопатией и первым в истории российской медицины опубликовал статью в пользу этого альтернативного метода лечения, защищая его перед скептически настроенными коллегами.

Проявил себя Владимир Иванович и как изобретатель. Во время боевых действий он впервые использовал электрический ток для подрыва переправы, после перехода русской дивизии через реку. Но, как это часто случается в России, инициатива бывает наказуема, и на рапорт о решительных действиях дивизионного лекаря командир наложил такую резолюцию: «*За подвиг представить к ордену. Объявить выговор за невыполнение и уклонение от своих прямых обязанностей*».

В это же время, Даль исполняет свои обязанности военного врача. Он оперирует раненых, борется с чумой и холерой. Общаясь с солдатами, собранными со всех концов России, Владимир Иванович успевает вести и собирательскую работу. Записи слов и произведений народного творчество вырастают у него до таких размеров, что для перевозки материалов приходится использовать верблюда. Но все же не медицина стала основным призванием Владимира Даля. Живая стихия русского языка – вот что по-настоящему влекло потомка трех западных народов!

Особое место в творчестве писателя занимают сказки. Именно они принесли ему первую известность как писателю. В1832 г. в Санкт- Петербурге были выпущены «Русские сказки, из предания народного известного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый».

Используя народные сюжеты, Даль свободно их изменял, комбинировал, вносил черты сентиментальности и сказочную фантастику. Сказки стали поводом для знакомства с Пушкиным, к которому Даль пришел в 1832 г. со своим сборником как литератор к литератору. А через год они встретились в Оренбурге. По дороге в Бердскую слободу Пушкин рассказывает Далю сказку о Георгие Храбром и волке, Владимир Иванович в ответ – сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Через месяц Александр Сергеевич пришлет Далю рукопись этой сказки с надписью «Твоя от твоих! Сказоч-

нику казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». Именно Пушкин подвиг Владимира Даля привести в порядок свой словарь. Свидетельство тому исторические заметки П. И. Бартенева: «За словарь свой Даль взялся по настоянию Пушкина». О времени, проведенном с Пушкиным, Даль вспоминал всю жизнь. Перед смертью Александр Сергеевич подарил ему свой перстень-талисман. И позже Владимир Иванович писал: «Как гляну на этот перстень, так сразу хочется приняться за что-то порядочное».

Гоголь писал: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремления. Даль публиковал статьи и очерки на самые широкие темы и стал предтечей производить творческие создания; он видит всюду дело и глядит на всякую вещь с ее дельной стороны. Все у него правда и взято так, как есть в природе». И скорее всего, это было возможно благодаря тому, что Даль полюбил в русском человеке его...Православие. Святая Русь, хотя он и был иноземцем, не стала для него чуждой абстракцией. Он весь проникся Ею. Хотя само православие принял уже перед самой смертью. И, возможно еще и потому, (как свидетельствуют исследователи жизни писателя), что не хотел, чтобы тело его везли через всю Москву на лютеранское кладбище, а похоронили недалеко от дома, на Ваганьковском.

Религиозные воззрения и проявления русского народного духа – вот главная особенность произведений Владимира Ивановича Даля. Именно из православия выводил он многие величественно – богатырские, самые широкие и яркие черты русского национального характера. Илья Муромец у него не просто – легендарный богатырь, обладающий немереной силой и побивающий врагов Руси великой. В той сказке-легенде, которую предлагает своим читателям Даль, Илья Муромец – прежде всего глубоко религиозная личность, делами и словами его руководит Сам Господь Бог. Илья – плоть от плоти и мощный заступник Святой Руси. Даль, несомненно, связывал образ Ильи Муромца с личностью преподобного Илии, чьи мощи покоятся в Киево-Печерской Лавре. Он жил в XII в. В детстве страдал тяжелой болезнью и был недвижим. После исцеления пошел на службу к Киевскому князю воеводой. После легендарных воинских подвигов, в расцвете лет (по свидетельствам исследователей и историков, около сорока лет) он ушел в монастырь и скончался, будучи иноком Киево-Печерской Лавры, около 1188 г.

В своей сказке Даль по-особому, с глубокой верой в религиозный инстинкт народа, который также видел в своем богатыре святого преподобно-

го Илию Печерского, выстраивает судьбу героя: Илья Муромец рождается в ночь с Великой субботы на Святую Пасху, встает на ноги – тоже в Светлое Христово Воскресенье, а его дед Тимофей принимает схиму в Киево-Печерской Лавре с именем Илларион. Сам же Илия «сидит сиднем сидячим», «сидит вс твердой верой, со смирением, кроме молитвы присной, слова не вымолвит», «по зарям шепотом молитвы начинает», «а поклоны кладет, словно в воду ныряет». По сказке Даля, Илия «отродясь постится, а скоромного куска у него душа не принимает».

С Ильи Муромца и начал казак Луганский описывать Святую Русь, которая живет не только в прошлом, но и в настоящем, и в будущем России. Святаю Русь для писателя Даля – это не только легендарные герои, богатыри, князья, святые. Это и обычные люди, которых он встречал на своем жизненном пути и которые поразили его глубиною духа, крепостию веры, чистотою жизни. В народном придании «Послух» писатель показывает великую тайну человеческой жизни перед Богом: перед смертью старушки к ней является умерший знакомый священник и причащает ее. И этот случай раскрывает высоту духовной жизни обыкновенной старушки.

Нельзя не сказать и о том, что Владимир Иванович Даль прекрасно знал церковный календарь, церковные обряды. Его «малая проза» наполнена названиями православных церковных праздников, именами святых (св. Феодор Тирон, св. сорок Севастийских мучеников). Для дальнейшего использования в своих произведениях, он читал жития святых. В таких рассказах как «Правда» и «Нищий», он выводит героя, странника-старичка, который неожиданно является заблудшему, запутавшемуся в жизни человеку и своим примером, своей чудесной помощью показывает человеку прямые, честные пути жизни. Совершенно понятно и очевидно, что хотя Даль и не называет этого героя иначе как «старичок», перед нами – святитель Николай Чудотворец. Никто иной не является в русском фольклоре таким верным и сильным помощником и заступником человека, особенно заблудшего, погибающего, как святитель Николай. Хорошо знает он и строй церковной службы. Так в рассказе «Подземное село» мы читаем: «Как заблаговестили к Достойной». Автор знал, что во время освящения Даров на Божественной Литургии установлено «благовестить к Достойну, чтоб этот звон возбуждал к большему благоговению находившихся в храме». Такие произведения В. И. Даля каждый раз включают в себя элементы

чудесного, – но не как выдумки и фантазии, а как реального духовного бытия и народного опыта.

2021 г. в Луганской Народной Республике был ознаменован юбилейной датой – 220-летием со дня рождения Владимира Ивановича Даля. Человека, который прославил нашу землю своим творчеством, взяв себе псевдоним по месту своего рождения – Казак Луганский. Мероприятия, посвященные этой знаменательной дате, прошли во всех городах и районах Луганской Народной Республики. Глава ЛНР Л. Пасечник объявил 2021 г. в Республике Годом Владимира Даля. Празднование такой значимой для Луганска даты началось с торжественного митинга у памятника знаменитому земляку. Участники митинга рассказали о важности сохранения памяти о Дале, после чего возложили цветы к памятнику.

Церемония специального гашения блока почтовых марок «220 лет со дня рождения Владимира Ивановича Даля» состоялась в Литературном музее Даля. После церемонии состоялось награждение обладательницы гран-при фестиваля русского языка «Я думаю по-русски» луганской школьницы Анастасии Бортник, рисунок которой изображен на марке «В. И. Даль». Общественная палата ЛНР пригласила жителей Республики принять участие в международной общественной акции «Далевский диктант-2021».

Сотрудники Луганской молодежной библиотеки провели краеведческий круглый стол «Далем оставленный след с человечеством будет всегда». В Луганском государственном университете имени Владимира Даля прошел митинг, открылась структурная единица казачьего общества – станица Далевская.

Республиканский казачий кадетский корпус имени маршала авиации Александра Ефимова провел онлайн-конференцию «Жизнь и творчество Владимира Даля», в которой приняли участие представители образовательных организаций Луганской, Донецкой Народных Республик, Российской Федерации. На конференции подчеркивалось значимость личностного вклада этнографа, фольклориста, государственного деятеля, врача, изобретателя Владимира Ивановича Даля в наследии русской культуры XIX в. В кадетском корпусе подвели итоги луганского городского фестиваля русского языка «Я говорю по-русски».

«Мы понимаем, что этот год – год великого учителя русского языка. Очень приятно, что свою деятельность Владимир Иванович Даль начал с того, что поступил в кадетский корпус. И поэтому мы являемся продолжа-

телями его деятельности. Всем хочу пожелать, чтоб мы ровнялись на таких великих людей, как Владимир Иванович, не только тем, что он служил в армии, оказывал большую помощь при проведении боевых действий, лечил людей, но и в его очень мощном творчестве в различных направлениях. И тогда все наши выпускники станут настоящими гражданами нашего государства», – сказал директор кадетского корпуса Владимир Базака.

В «Луганском экономико-правовом лицее-интернате» имени героев «Молодой гвардии» в рамках защиты курсовых работ была проведена конференция «Юные Далеведы». Первого сентября прошел единый воспитательный час «Наш земляк Владимир Иванович Даль». Лицеисты принимали участие в «Далевском диктанте – 2021», онлайн-викторине по жизни и творчеству нашего великого земляка.

Отметим также такие мероприятия, как тематическая встреча «Феномен Владимира Даля», конкурс видеороликов «А Даль все так же нужен», онлайн-акция «Пословица недаром молвится», вечер-портрет «Дорогами судьбы Владимира Даля», выставка работ луганских художников «Владимир Иванович Даль – гордость земли Луганской».

Были подготовлены спектакли по мотивам сказок Владимира Даля «Привередница», «Путешествие по сказкам Казака Луганского», «Лиса-лапотница», «Старик-годовик», «Девочка-Снегурочка», «Медведь-половинщик». Торжественный митинг прошел в сквере на улице Интернациональная в Красном Луче. В ходе мероприятия школьники прочитали стихи, посвященные творчеству Даля. Затем состоялось литературно-музыкальное мероприятие «Собирал человек слова».

Сегодня, как никогда, мы должны защищать, сохранять и передавать молодому поколению знания и ценности наших предшественников. На основание далеко не полного обобщения информации о жизни и творчества Владимира Ивановича Даля – казака Луганского – отметим, что это образец таланта, целеустремленности, любви к России и жизни в целом.

Список литературы

1. Бартенев, П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей / П. И. Бартенев. – Москва : М. и С. Сабашниковы, 1925. – 140 с.

2. Даль, В. И. Избранные произведения / В. И. Даль. – Москва : Правда, 1987. – 447 с.

3. Даль, В. И. Повести, рассказы, очерки, сказки / В. И. Даль. – Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1981. – 384 с.

4. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. – Москва : Моск. патриархат : Моск. отд-ние ВООПИИК, 1993. – 427 с.

5. Николаев, П. А. Русские писатели. Биобиблиографический словарь : в 2 т. / П. А. Николаев. – Москва : Просвещение, 1990.

6. Пирогов, Н. И. Посмертные записки / Н. И. Пирогов // Русская старина. – 1855. – № 2. – С. 292–294.

УДК 81-25

Морозова Лилия Михайловна
Макеевский педагогический колледж,
г. Макеевка, Донецкая Народная Республика,
преподаватель

РОЛЬ В. И. ДАЛЯ В ОБОГАЩЕНИИ ИСКОННО РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация. В статье рассматривается роль В. И. Даля в обогащении лексики русского языка, определяется значение толкового словаря В. И. Даля в формировании языковой культуры современного человека.

Ключевые слова: словарь, русский язык, лексемы, исследователь русского языка, синонимы, ученые, языковеды.

Morozova Lilia Mikhailovna
Makeevsky Pedagogical Training College, Makeevka, Donetsk People's Republic teacher

THE ROLE OF V. I. DAHL IN ENRICHING THE ORIGINALLYRUSSIAN VOCABULARY

Annotation. The article deals with the role of V. I. Dahl into enriching of the vocabulary of the Russian language, the meaning of the explanatory dictionary of V. I. Dahl into formation of the language culture of modern human.

Keywords: dictionary, Russian language, lexemes, researcher of the Russian language, synonyms, scientists, linguists

Все явления и предметы, которые нас окружают, имеют названия. Огромный запас слов собран в словарях – научных и технических, библиографических, исторических и педагогических, орфографических и этимологических, толковых. Эти словари многократно переиздаются, а самым уникальным памятником русского языка и русской культуры был и остается «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля.

Исследованием собирания, систематизации русских слов занимались и занимаются многие ученые языковеды и литературоведы (Зинин С. И., Карпюк Г. В., Кузьменко Т. Н. и др.). К юбилейным датам В. И. Даля, составителя словаря живого русского языка, проходят научно-практические конференции и форумы (к 100-летию, 150-летию, 170-летию, 200-летию).

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью приобщения студентов к богатейшей многовековой русской культуре, слову, которое точно и образно отражает окружающую нас жизнь. А чтобы лучше знать истоки русского слова, мы обязаны изучать и знать нормы родного языка, происхождение слов и их значение. Правильно постичь и понять язык народа поможет словарь, в который нужно «заглядывать» по мнению А. С. Пушкина, который поможет понять значения многих слов, правильно использовать их в речи. Наша цель – акцентировать роль В. И. Даля, как составителя «Толкового словаря», пропагандиста живого русского слова. В качестве объекта исследования мы рассматриваем словарный запас исконно русских слов, многие из которых незаслуженно забыты, значение которых со временем претерпели изменения. Предметом исследования является «Толковый словарь живого великорусского языка» как образец исконно русской речи, а в нынешнее время и в ситуации нашей республики – «борец» с англицизмами, суржиком, которые часто вытесняют родные русские слова.

Толковый словарь В. И. Даля составлен в необычной форме. Он содержит около 200 000 слов и 30000 пословиц, поговорок, загадок и присловий, служащих для пояснения смысла приводимых слов. Возможно, это обстоятельство делает его столь популярным даже в наше время. Сам по себе словарь Владимира Ивановича Даля настолько укоренился в русском языке, что фамилия его составителя и собирателя едва не стала нарицательной. 80% студентов нашего колледжа, как показало анкетирование в группах школьного и дошкольного отделений, до сих пор не знают, почему словарь великорусского языка называют словарем Даля.

Из жизни собирателя и хранителя языка многое стало легендой. Показателен рассказ о том, как по пути на юг, морозным вечером, В. И. Даль услышал, что ямщик из Новгородской губернии, поглядывая на небо, сказал: «Замолаживает». Для В. Даля слово было непонятно по смыслу, поэтому он переспросил ямщика: «Как замолаживает?» И услышал разъяснение: «А это по-нашенскому, значит, что потеплеет скоро, запасмурнеет».

Несмотря на мороз, В. И. Даль выхватил из кармана записную книжку и замерзшими от холода руками записал: «Замолаживать – иначе пасмурнеть – в Новгородской губернии значит заволакиваться тучами, говоря о небе, клониться к ненастью».

В своем словаре исследователь русской лексики дает объяснение и толкование слов не только описательно, но и прибегая к помощи синонимов, которые называет «тождесловы», поскольку они тождественны, равноправны, близки по своему значению. Среди них есть слова литературные, просторечные и диалектные. Так, например, в статье

> «ТОЖДЕ нареч. церк. тоеже, тоежь, то же, то ж самое, одно и то же; как наречие, оно заменяет: также, равно, одинаково, пишется слитно тоже церк. тожде же. О Боже мой, Боже, всякий день тоже: полдень приходит, надобно есть! Боже мой, Боже, поедим, поспим да опять за то же! Здоровье всего дороже, да и деньги тоже. Все люди (всяк человек) ложь, и мы тож. Тождественый, тожественый, равный, одинаковый или вполне подобный; однозначащий, равносильный, безразличный, во всем сходный; по смыслу и значению своему один и тот же. тождественность ж. тождество и тожество ср. полное сходство, подобие, равенство смысла, разума, значения. Слова: лоб и чело, плечо и рамо, ляжка и бедро – тожественны, по тожеству значения или по разуму, но обычай ставить иногда одно, иногда другое. Тождеименный равноименный, одноименный, соименный, тезоименный. Тождеименность, одноименность. Тожесловие (тождесловие) однословие, повторение одной и той же мысли разными оборотами. Тожесловы (тождесловы) м. мн. равнозначащие слова, синонимы. И в тождесловах всегда заключаются тонкие оттенки различия. Словарь тождесловов. тождесловный, к тожесловию и тожесловам относящийся. Тожно нареч. вологодск. вят. перм. сиб. тожто олон. тожноля вят. тогда, в то время, втепоры; || теперь, сейчас; || вслед за тем, потом, после; || в то прошлое время, о котором речь, прежде. Он тожно пришел, как я спал. Сперва ты ко мне, тожно и я к тебе. А ты товоперво выслушай, тожно и делай как знаешь. Некогда теперь, тожно приходи. Он тожно лучше учился, прежде. Беги тожно, не мешкай!» [2, с. 410].

Все достаточно знакомо и близко, но наши студенты и не подозревали, историю развития и происхождения слова, которое иногда пишут с ошибками, что «тождеслов» – фигура речи, синоним.

В. И. Даль приводит в словарных статьях много пословиц и поговорок, акцентирует внимание на народных приметах, гаданиях. Примеры из словаря:

В ложке Волги не переедешь.

Коровушка с кошку, надоила с ложку.

Нечего хлебать, так дай хоть ложку полизать.

Красна ложка едоком, лошадь ездоком.

Ложка, забытая на столе – к гостю.

Замораживают к новому году воду в ложке: пузыри к долгой жизни; ямка сверху, к смерти. А человек, промышляющий выделкой деревянных ложек, т. е. мастер по их изготовлению, назывался ложечник, ложкарь [2, с. 263].

В своем толковом словаре исследователь русского языка слово контроль объясняет:

«КОНТРОЛЬ м. учет, поверка счетов, отчетности; присутственное место, занимающееся поверкою отчетов. Контрольный, к контролю относящ. Контролировать, что, кого, поверять, проверять. контролироваться, быть поверяему. Контролер м. поверщик, поверитель, поверяющий отчетность или пробу металлов и пр. Наше контрольное ведомство, в виде особого министерства, управляется государственным контролером. Контролерша, жена контролера» [2, с.153].

Некоторые лексемы, приведенные в словаре В. И. Даля, «контролерша», «дублерша», «врачиха», «чиновница» и другие, сегодня либо морально устарели, либо их можно отнести к просторечным словам, диалектизмам, поскольку русский язык интенсивно развивается и обогащается новой лексикой, благодаря суффиксам.

Сейчас модным стало англоязычное слово «КОНТРОЛЛИНГ», что означает систематический контроль, отслеживание хода выполнения поставленных задач с одновременной коррекцией работы. Осуществляется такой контроль на основе соблюдения установленных стандартов и нормативов, постоянного регулирования и мониторинга как важнейшая задача управления. Но ведь наши контрольные работы, задания, тестирование – это тоже форма систематического и постоянного контроля, оценки за знания ставятся на основании установленных нормативных документов, актов, приказов, а ошибки при выполнении контрольных, работа над этими ошибками – это коррекция знаний студентов, чтобы не допустить их повторения в будущем. Возникает вопрос, а так ли важно заменять слово контроль англоязычным контроллинг? Не тождественны ли они по своему значению, за исключением незначительных нюансов?!

Современное, достаточно часто используемое слово – «толерантность», которое, порой, употребляют не по назначению. Толерантный в со-

временном понимании – терпимый к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям. Словарь Даля толерантность объясняет как, «выносить, страдать, крепиться, стоять, выжидать чего-то, допускать, послаблять и т. д.», что близко с современным словарным пониманием значения слова. У многих студентов, тех, кто считает себя начитанными, эта лексема используется как синоним воспитанности, вежливости, что не совсем так. Мы проявляем терпимость к иным убеждениям, пытаемся понять чью-то точку зрения.

В качестве примера, безусловно, диалектного, которое используется в лексике Донбасса, приведем слово «тормозки». У нас и взрослые, и дети берут не завтраки, не бутерброды, а тормозки. Слово зародилось в угольном регионе, распространившись затем по всему Советскому Союзу. Учитывая активность представителей бизнеса Великобритании в освоении месторождений Донбасса в XIX и начале XX в., одной из версий происхождения термина «тормозок», может быть его сходство со словом «термос». Вполне вероятно, что термосы использовались англичанами на шахтах и слово термос (термосок) трансформировалось в «тормозок». Тормозок – шахтерский обед, еда, которую брали и берут с собой в шахту (обычно – хлеб и сало, колбасу, яйца), происхождение слова неизвестно. Наиболее логичное объяснение в словаре В. И. Даля такое: «тормозок» – от слова «тормозить», делать перерыв в работе для еды [2, с. 420].

Безусловно, словарь В. И. Даля поучительный, интересный и информативный источник для изучения языка, его статьи содержат самые разнообразные сведения о жизни народа, культуре. Недаром словарь называют энциклопедией народной жизни XIX в. Однако словарь не может быть использован как справочник по современному русскому языку. Он отражает состояние языка XIX столетия, в некоторой степени – начала XX в. С тех пор значения многих слов изменились, что нам удалось подтвердить. Словарь, по мнению многих языковедов, не свободен от неточностей, связанных с лингвистическими взглядами автора, который по своему основному образованию не был филологом. Поэтому ссылки («как сказано, написано, отмечено в словаре Даля, как утверждает Даль, как считает великий собиратель исконно русских слов…») не всегда возможны.

И все же ценность словаря Владимира Ивановича Даля со временем не уменьшается. Он неисчерпаемая сокровищница для тех, кто интересуется историей русского народа, его культурой и языком, кому интересны ис-

токи русской лингвистики. Словарь помогает нам не забывать, сколько нужного и полезного мы можем узнавать, использовать (главное – не забывать). Словарь дает возможность нам понимать друг друга, чувствовать, что мы одна большая семья с Россией, которую объединяет «великий, могучий, правдивый и свободный», как писал в свое время И. С. Тургенев, русский язык.

Список литературы

1. Балакай, А. Г. Уроки словаря. Заметки современного читателя о словаре В. И. Даля / А. Г. Балакай // Русская словесность. – 2004. – № 5. – С. 74–78.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4 / В. И. Даль. – Москва : Русский яз., 1989–1991.
3. Зинин, С. И. Владимир Иванович Даль: лингвистические заметки (к 200-летию со дня рождения) / С. И. Зинин // Русский язык в школе. – 2001. – № 5. – С. 95–100.
4. Карпюк, Г. В. Искатель слов: к 170-летию со дня рождения В. И. Даля / Г. В. Карпюк // Русский язык в школе. – 1971. – № 3. – С. 109–116.
5. Кузьменко, Т. Н. Вечен как слово: к 200-летию со дня рождения В. И. Даля / Т. Н. Кузьменко // Ставропольский хронограф на 2001 год. – Ставрополь: СКНБ, 2001. – С. 149–154.
6. Мельников-Печерский, П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале / П. И. Мельников-Печерский // Литература в школе. – 2002. – № 1. – С. 9–17.
7. Контроль // Толковый словарь Даля. – URL: https://gufo.me/dict/dal/контроль.

УДК 811

Кривошапова
Наталья Викторовна
Приднестровский государственный
университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь,
кафедра русского языка и межкультурной
коммуникации филологического факультета,
кандидат филологических наук, доцент

ОНОМАСТИКОН ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА СЕРГЕЯ БАГНЮКА «БЛАГОДАТНЫЙ ПУТЬ»

Аннотация. В работе затрагиваются тематические особенности, стилистические функции онимов сборника «Благодатный путь» приднестровского автора С. А. Багнюка в контексте этимологии имен и трансформации понятий. Предпринимается попытка проследить, насколько оправданно употребление автором имен собственных в своих поэтических текстах.

Ключевые слова: ономастикон, философская лирика, аксиологические вопросы, гидроним, топоним

Krivoshapova Natalia Viktorovna
Pridnestrovian State University named by T. G. Shevchenko, Tiraspol, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Faculty of Philology, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

ONOMASTICON OF SERGEY BAGNYUK'S POETRY COLLECTION «THE BLESSED WAY»

Annotation. The paper deals with the the thematic features, stylistic functions of the onyms of the collection «The Blessed Way» by the Pridnestrovian author S. A. Bagnyuk in the context of the etymology of names and the transformation of concepts. An attempt is made to trace how justified the use of proper names by the author in his poetic texts is.

Keywords: onomasticon, philosophical lyrics, axiological questions, hydronym, toponym

Знакомство с приднестровским поэтом С. А. Багнюком стоит начать с его биографических данных, которых чрезвычайно мало. Известно, что поэтом С. Багнюк стал в зрелом возрасте, и больше всего его привлекала философская лирика и исторические сюжеты. Будучи глубоко верующим православным человеком, С. Багнюк посвятил себя религиозной поэзии, истории России и родному краю.

В 2001 г., к 215-летию г. Тирасполя, выходит сборник стихов С. А. Багнюка «Благодатный путь», состоящий как раз из сплетения религиозных тем и исторических фактов. Прилагательное благодатный обычно употребляется с существительным огонь и обозначат символ Пасхи. Окказионально-авторским стало образование словосочетания благодатный путь, ставшего названием поэтического сборника [4].

Тематика лирики – религиозная, а чем говорит множество имен собственных христианской тематики:

Руси не знаю без Христа,
И нет Москвы не златоглавой.
Россия — храм, покрытый славой
От основанья до креста.
…
Россия, вспомни — ты святая,
Вставай с колен — Господь велит!!!

(«Набат»)

В объятьях северной природы
Священный остров Валаам

…
Во славу Бога зазвучали
Здесь в первый раз колокола.

(«Валаам»)

Гляжу на вас, привычные иконы:
Как много глаз, печальных и родных.
В них видятся бессмертные законы
Христа Спасителя – Владыки всех святых

(«Иконы») [1; 4]

Тема защиты Родины – основная в стихотворении «Набат». Микротемы: заветы наших дедов и прадедов, вера в себя и в Бога – развивают основную тему Уголками святой веры становятся православные монастыри, один из которых расположен на острове Валаам. В одноименном стихотворении отражена аскетическая красота северной святыни и воплощена в древних статичных образах:

Где ледяные дремлют воды,
Лежит, подаренный ветрам,
В объятьях северной природы
Священный остров Валаам.
Средь зарослей деревьев хвойных
Чернеет всюду скал гранит.
И каждый камень дел достойных
Немало в памяти хранит [4].

Стихотворение «Иконы» представляет собой внутренний диалог верующего с иконами. Риторический вопрос «Что претерпели вы, невинные страдальцы, // Что зрите вы чрез пелену веков?» проходит красной нитью в стихотворении. Печальные лики на иконах лирический герой запоминает в энергетике взгляда и считывает в ликах святых.

Стихотворение, положенное в название сборника, кроме религиозной темы, поднимает и аксиологические вопросы: кто я есть? кем скоро буду?

Тут автор говорит о духовных истоках славян и славянства, напоминая с помощью имен собственных о тех, кто стоял у истоков Крещения Руси. Упоминаются заветные славянские и христианские скрепы и благородная миссия книжников:

С благоговеньем книгу открываю,
В лицо пахнуло воздухом веков,

И словно песней песнь читаю
Созвучью внемля сокровенных слов [4].

Автор вспоминает монаха Нестора, составителя «Повести временных лет», «отечества духовных истоков»:

Люблю я приснопамятные строки,
Написанные Нестора рукой.
Отсель Отечества духовные истоки
Текут истории бурлящею рекой [4].

Топонимы Днепр и Киев дополняются приложениями, как в устном народном творчестве, например, в былинах: Днепр – Славутич, разбиваясь о пороги, Возвысил стены стольный Киев-град [4].

Поэт рассказывает, как нелегко Русь приняла христианство:

Спешит наперекор степным ветрам,
Пройдя сквозь россов древние чертоги,
К далёким византийским берегам [4].

К топонимам добавляется дополнительная информация, поэтому они в тексте выполняют семиотическую функцию.

Ольга, Святослава сын могучий, Владимир – князь, царевна Анна – это не просто антропонимы. Это исторические деятели, что предвосхитили, спланировали и совершили Крещение Руси:

Славян несокрушимая твердыня,
Взрастившая династию царей.
Здесь Ольга правила – великая княгиня
Христовым словом, просвещавшая людей [4].

Гидронимы Днепр, Иордан по значимости для русского человека одинаково важны. Русские люди одинаково терпимы к представителям других народов и религиозных конфессий:

И день настал. Русь, словно в Иордане,
В Днепре Святого Духа приняла
…
Покрылся Днепр испариной тумана,
Вверх по реке ладьи скользят.
Владимир – князь, царевна Анна
На землю русскую глядят [4].

Существует ряд гипотез происхождения названия реки.

Название Днепр, как и других рек восточной Европы на дон-, дн- («река, вода») – иранского происхождения. По этимологии, предложенной В. И. Абаевым, скиф. Dan-Apr (Δαναπρις) «Днепр» – буквально «Река» (dān) – «Глубокая» (āpr). Скифское «апр» в современном осетинском языке соответствует слову «арф» – глубокий (закономерная метатеза звуков «р» и «п» («ф») в иранских языках).

Днепр и Днестр – слова кельтского происхождения, от общего корня don («вода»), don-ieper и don-iester, что означает соответственно «верхняя река» и «нижняя река». Днепр – слово фракийского происхождения. Днепр (в древних источниках – Данаприс) восходит к тюркскому Дынпорис (от тюркского тын ‘тихий’ и порис ‘извилистый’) [3, с. 65].

Некоторые исследователи (например, В. В. Иванов) высказывают предположения об индоевропейском происхождении названия реки Иордан. Оно могло сохраниться от индоиранцев или, скорее, «народов моря» (в частности – филистимлян), живших здесь в своё время. Сторонники этой версии во второй части гидронима выделяют индоевропейский корень *danu (‘влага, вода, река’), который присутствует в названиях рек Дунай, Днепр, Дон и т. д. [2, с. 917].

Архаичная тематическая лексика чертоги, приснопамятные, багряница, старославянизмы созерцаю, взрастившая, внемля, благоговеньем специфический инверсионный порядок слов типа Славян несокрушимая твердыня, осложненные предложения несколько затрудняют понимание сути стихотворения в незрелых умах школьников, поэтому целесообразно сделать глоссарий к тексту.

Автор и сам понимает это. Задуманная им тема и стилизация текста предполагает некие пояснения для неспециалистов по древней отечественной истории и старославянскому языку:

Задумчиво я древний текст читаю,
Столетия проходят чередой,
И не умом, а сердцем созерцаю
Картины, что встают передо мной
Как стены храма сложены сказанья,
Звучащие узором древних слов.
Далёкой старины священные преданья
Блестят зарницей золочёных куполов

Обратим внимание, что автор проводит линию Христа, принятия христианства сквозь весь текст. Антропоним Христос употребляется и самостоятельно («Дорогой горнею идущей за Христом»), и образует при помощи морфологического аффиксального суффиксального способа относительные прилагательные: «В Христ-ов-ую облекшись багряницу», «Христ-ов-ым словом».

Таким образом, ономастикон сборника «Благодатный путь» приднестровского поэта С. А. Багнюка привязан к религиозной тематике и Крещению Руси. Стилизация под образцовый текст времен русской классической литературы, специфическая тема для обсуждения закономерно требуют от поэта пояснений, чтобы молодом читателю понимание сути стихотворений стало более доступным.

Список литературы

1. Багнюк, С. Благодатный путь / С. Багнюк. – URL: http://www.priestt.com/rtvor/rtvor_307.html.

2. Гамкрелидзе, В. Н. Индоевропейский язык и индоевропейцы : в 2 ч. / В. Н. Гамкрелидзе. – Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1984.

3. Поспелов, Е. М. Днепр / Е. М. Поспелов // Географические названия мира. Топонимический словарь: Ок. 5000 ед. – Москва : Русские словари : Астрель : АСТ, 2002. – 512 с.

4. Сергей Багнюк... Знакомство с автором – URL: https://stihi.ru/2012/08/27/3586.

УДК 82.09

Калабина
Вероника Михайловна
Объединённый музей писателей Урала, музей «Литературная жизнь Урала XIX в.», Екатеринбург, научный сотрудник

ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ В РАССКАЗЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ОЗОРНИК»

Аннотация. В статье анализируются этностереотипы о башкирах, сибиряках и «расейских людях» в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Озорник». Рассмотрен локальный конфликт данных этнокультурных групп. Обозначены причины возникновения этностереотипов.

Ключевые слова: этностереотип, башкиры, русские, Д. Н. Мамин-Сибиряк, рассказ «Озорник»

Kalabina Veronika Mikhailovna
United Museum of Writers of the Urals, Museum «Literary life of the Urals of the XIX century», Ekaterinburg, researcher

ETHNIC STEREOTYPES IN D. N. MAMIN-SIBIRYAK'S STORY «THE MISCHIEVOUS MAN»

Annotation. The article deals with the analysis of the ethnic stereotypes on Bashkirs, Siberians and «raseyskikh people» in D. N. Mamin-Sibiryak's story «The Mischievous Man». The local conflict of these ethnocultural groups is considered. The reasons for the emergence of ethnic stereotypes are highlighted.

Keywords: ethnic stereotypes, Bashkirs, Russians, D. N. Mamin-Sibiryak, story «The Mischievous Man»

В 2022 г. исполняется 170 лет со дня рождения известного уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. 2022-й в Свердловской области указом губернатора Е. В. Куйвашева был объявлен Годом Д. Н. Мамина-Сибиряка [7]. Юбилейная дата сообщает новый импульс мероприятиям, проектам, выставкам и исследованиям, посвящённым творческому наследию писателя.

Многие произведения Мамина-Сибиряка посвящены теме Урала, этническим группам, проживавшим на этой территории. К таким произведениям можно отнести и сборник «Уральские рассказы». В состав сборника входит рассказ «Озорник», который привлёк наше особое внимание.

Впервые рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка «Озорник» был опубликован в 1896 году в журнале «Русская мысль» [2, с. 220]. Это произведение затрагивает такие темы, как межкультурная коммуникация, процессы аккультурации, культурная идентичность, этнические стереотипы.

Действие рассказа «Озорник» происходит недалеко от озера Карагай-Куль в деревнях Кульмякова, Расстань и Ольховка. Современное озеро Карагайкуль находится на территории Кунашакского района Челябинской области. Башкирская деревня Кульмяково находится севернее озера Карагайкуль в Каслинском районе [5].

Согласно сюжету произведения, в Кульмяковой живут башкиры, в Расстани – сибиряки (русские, «старожилы»), в Ольховке – «расейские люди» (русские, «новожилы», выходцы из Рязанской и Тульской губерний).

В рассказе представлен локальный конфликт этнокультурных групп, проживающих у озера Карагай-Куль: башкир, сибиряков, «расейских людей». Необходимо отметить, что данный конфликт был типичен для уральского региона, так как эта территория испытывала на себе влияние нескольких миграционных волн русского населения.

На протяжении многих лет были напряженные отношения башкир и русских переселенцев из деревни Расстань, захвативших эту землю. Собственные права башкир на землю также не были подтверждены; споры по поводу права на аренду земли стали причиной постоянных конфликтов между жителями двух русских деревень.

Мы выделили в рассказе «Озорник» следующие этностереотипы: о башкирах, сибиряках, «расейских людях». Этностереотип – обобщение о представителях различных этнических групп, как правило, эмоционально окрашенное и обладающее высокой устойчивостью [10]. Этнические стереотипы делятся на автостереотипы (этнические стереотипы о себе) и гетеростереотипы (стереотипы о других) [11, с. 74].

Обратимся к гетеростереотипам русских о башкирах. Главный герой рассказа, сибиряк Спирька, так отзывался о соседях: «неумытые рыла», «кобылятники», «черти немаканые» (некрещёные). Данные стереотипы, имеют отрицательную коннотацию, которая объясняется особенностью культурной бинарной оппозиции «свой-чужой», где «свой» чаще всего имеет отрицательное, субъективное отношение к «чужому». В национальных стереотипах о башкирах отражены особенности быта, кулинарных традиций, религиозная принадлежность народа. В стереотипах нашли своё выражение наиболее контрастирующие, экзотичные этнокультурные особенности башкирского народа по сравнению с русским.

Обращение «неумытые рыла» связано с особенностями башкирского быта. Французский историк П.-Ш. Левек в своём труде 1812 г. «История различных народов, находящихся под властью русских» писал о башкирах: «Хотя магометанский закон требует максимальной чистоплотности, башкиры – очень грязные и почти никогда не моются в бане» [9, с. 39]. В русской традиции было принято мыться в бане часто, она была первой потребностью в повседневной жизни, выполняя гигиенические, оздоровительные и гедонистические функции [8, с. 529].

В рассказе Спирька называет башкир «кобылятниками», указывая на то, что башкиры употребляют в пищу конское мясо. Данный стереотип отражает особенности традиционной культуры башкир, для которой конь являлся важнейшим элементом. Лошадь обеспечивала кочевника практически всем необходимым. Лошадь – основная рабочая сила, транспортное средство, помощник в делах. Башкирские лошади легко переносили длинные переходы и постоянное содержание на подножном корму. Из лошади-

ной кожи изготовляли утварь. Конское мясо и кобылье молоко имели большое значение в пищевом рационе башкир [1, с. 49–50]. В то время как в традиции русской кулинарии конина входила в ряд пищевых запретов [3, с. 147].

«Черти немаканые» (некрещёные) – так именует главный герой башкир, указывая на то, что они «неправославный» народ. Как известно, традиционной религией башкир является ислам, который утверждается среди них в первой половине XIV в. [1, с. 182].

Спирька также отмечает, что у башкир существуют свой уклад жизни, свои нормы и правила поведения, отличающиеся от образа жизни русских. Гетеростереотип главного героя о башкирах и автостереотип о русских также формируется в мышлении главного героя под влиянием личного опыта, так как Спирька в тайне от своих поддерживал социальные контакты с башкирами. Он уважает уклад жизни башкир, отмечая, что они «такие же люди, хоть и живут по своему закону. Другой башкир получше будет русского, даром что кобылятник» [6, с. 104]. Большое влияние на формирование этностереотипа оказывает процесс сравнения себя с другим объектом, выявления того, насколько свойства своей этнокультурной группы отличаются от чужой [11, с. 2]. Главный герой сравнивает свой образ жизни с башкирским укладом, пытаясь оправдать своё попустительство в хозяйстве, в частности некормленого коня: «Вон башкиры тоже не кормят лошадей, а живут…» [11, с. 102].

В рассказе отражён стереотип о том, что башкиры занимаются воровством скота (баранов, лошадей). Главный герой Спирька так объясняет дым над башкирской деревней: «И отчего бы это дыму идти у башкир, а?.. Вот так штука… Не иначе, што где-нибудь барана скрали, а то и цельную лошадь» [11, с. 101]. Французский путешественник П. Лаббе в своём труде 1900 года «Русская колонизация в Башкирии» так пишет о башкирах: «…крадут они охотно, при этом даже считается доблестью угнать соседский скот» [9, с. 107].

Рассмотрим этнические стереотипы сибиряков и «расейских людей».

Сибиряками («старожилами») называли потомков русских переселенцев, осевших на Урале. «Расейскими людьми», «новожилами» – называли русских переселенцев из центральной России, прибывших на Урал не так давно и налаживающих свой быт на новом месте.

Между сибиряками и «расейскими людьми» складывались непростые отношения (как уже говорилось выше, в результате земельных конфликтов). Несмотря на то, что «старожилы» и «новожилы» являлись представителями русского крестьянства, русской культуры, они значительно отличались друг от друга укладом жизни, строгостью нравов, отношением к работе, одеждой, говором, физическими признаками, типом застройки поселений. Эти различия нашли отражение в гетеро- и автостереотипах.

Этностереотипы «расейских людей» о сибиряках имеют субъективный, отрицательный эмоциональный окрас. Причина этого явления может скрываться в том, что «новожилы» только обживались на новой земле, и для этого требовались большие усилия: особая строгость нравов, ведения хозяйства, особое отношение к труду. А для «старожилов», как для потомков переселенцев, такой уклад не являлся жизненной необходимостью.

Один из героев рассказа, старик Антон, глава «новожилов», считает «неправильным» уклад жизни сибиряков, подвергает критике нормы поведения мужчин и женщин: «Батюшка-свекор постоянно указывал на Расстань, как пример не настоящего житья зазнавшихся сибиряков. Разве это правильная деревня? Разве это правильные мужики, а тем больше – бабы? На последних старик особенно нападал, потому что бабой дом держится, а сибирская баба не имеет настоящей острастки» [6, с. 112].

Ещё один этностереотип «расейских людей» о сибиряках, что они бесстрашные, смелые, «отчаянные, удержу в них нет» [6, с. 125]. Мы предполагаем, что стереотип о смелых сибиряках связан с тем, что «старожилы» научились жить в сложных условиях уральского края: коммуницировать с коренными народами Урала, испытывать набеги степных народов. Эти условия повлияли на образ жизни сибиряков и их менталитет. Главная героиня рассказа Дунька так отзывается о своих «новожилах» в сравнении с сибиряками: «Себя ущитить не умеют… Духу в них нет… Тошно глядеть. Хуже бабы, а еще мужики…» [6, с. 139].

Обратимся к гетеростереотипам сибиряков о «расейских людях» и автостереотипам сибиряков: «А видно, что народ всё хороший, правильный народ, не чета сибирскому. Этакому-то народу дай-ка вольную сибирскую землю, так работа огнем загорит. И бабы все хорошие, хотя и в лаптях» [6, с. 121]. Гетеростереотипы отличаются положительными оценками «расейских людей», в частности, отмечается их трудолюбивость. Это явление по-

казывает, что в системе ценностей этнокультурной группы сибиряков «труд» имеет высокую оценку.

В то же время Спирька в порыве гнева противопоставляет и превозносит себя в сравнении с «расейскими», что также типично для автостереотипов (позиция «Свой – хороший, чужой – плохой»): «Всех вас взять, Новожилов, так вы пальца одного Спирьки не стоите…» [6, с. 108].

Таким образом, мы проанализировали этностереотипы о башкирах, сибиряках и «расейских людях» в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Озорник». Мы выяснили, что в них отражаются представления народов о менталитете, укладе, нормах поведения, системе ценностей, быте, религиозной принадлежности других этнических групп.

Большинство этностереотипов сибиряков о башкирах, «расейских людей» о сибиряках носят негативный характер. Субъективизм и негативизм этностереотипов – характерные черты этностереотипов в целом [11, с. 2]. По мнению В. В. Ильюшкина, негативизм этностереотипов также очень часто стимулируется конфликтными событиями или обстоятельствами [4]. Таким образом, стереотипизация отрицательных качеств башкир, сибиряков, «расейских людей» может также объясняться земельными спорами. Отметив в рассказе «Озорник» стереотипы о башкирах, сибиряках и «расейских людях», Д. Н. Мамин-Сибиряк запечатлел, сквозь призму этноса, характерные историко-культурные особенности Урала конца XIX в.

Список литературы

1. Бикбулатов, Н. В. Башкиры: Этническая история и традиционная культура / Н. В. Бикбулатов, Р. М. Юсупов, С. Н. Шитова, Ф. Ф. Фатыхова. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2002. – 248 с.

2. Горева, В. В. Летопись жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912) / В. В. Горева. – Екатеринбург : Кабинет учёный, 2017. – 377 с.

3. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 511 с.

4. Ильюшкин, В. В. Роль национальных стереотипов в межнациональном взаимодействии / В. В. Ильюшкин // International scientific review. – 2015. – № 5 (6). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-natsionalnyh-stereotipov-v-mezhnatsionalnom-vzaimodeystvii (дата обращения: 19.03.2022).

5. Карта Челябинской области. – URL: https://yandex.ru/maps/geo/chelyabinskaya_oblast/53000088/?ll=60.241459%2C54.237290&source=wizgeo&utm_medium=maps-desktop&utm_source=serp&z=6 (дата обращения: 19.03.2022).

6. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Уральские рассказы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Рига : ЛАТГОСИЗДАТ, 1950. – 152 с.

7. Об объявлении 2022 года Годом Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка в Свердловской области // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/574658832 (дата обращения: 19.03.2022).

8. Панкеев, И. А. Полная энциклопедия быта русского народа. Т. 2 / И. А. Панкеев. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 1998. – 688 с.

9. Сафин, Ф. Г. Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX в. / Ф. Г. Сафин. – Санкт-Петербург : Своё издательство, 2015. – 144 с.

10. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. – Москва : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. // Словари и энциклопедии. – URL: https://sociolinguistics.academic.ru/846/Этнический_стереотип (дата обращения: 19.03.2022).

11. Шевелева, И. П. Этнический стереотип как феномен культуры / И. П. Шевелева // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 37. – С. 72–76.

УДК 821.161.1

Жорникова Мария Николаевна
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, кафедра русской и
зарубежной литературы, кандидат
филологических наук, доцент

Иванова Виктория Викторовна
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, кафедра русской и
зарубежной литературы, магистрант

МОТИВ ЖЕРТВЕННОЙ ЛЮБВИ ГЕРОИНИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТРАДИЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Т. Н. ТОЛСТОЙ, Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ)

Аннотация. В статье исследуется мотив жертвенной любви героини в русской литературе. Для анализа взяты рассказы Т. Н. Толстой и Л. И. Петрушевской, женские образы в которых сопоставляются с образами из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Т. Н. Толстая продолжает традиции Ф. М. Достоевского, создавая для своих героинь такие жизненные ситуации, которые перекликаются с евангельскими мотивами. Мотив жертвенной материнской любви в рассказе Л. С. Петрушевской, хоть и претерпевает изменения в новых реалиях, но не исчезает совсем, поскольку выражает одну из основных ценностей русской культуры. В целом мотив жертвенной любви героини сохраняется в современной отечественной прозе и говорит о том, что общечеловеческие ценности и те традиции, которые во многом

определяют глубину и значимость русской литературы, сохраняют ее нравственные ориентиры, продолжают существовать.

Ключевые слова: русская литература, русская проза, литературная традиция, мотив, женские образы, Ф. М. Достоевский, рассказы Т. Н. Толстой, рассказы Л. И. Петрушевской

Zhornikova Mariya Nikolaevna
Buryat State University, PhD, Associate Professor

Ivanova Victoriya Viktorovna
Buryat State University, undergraduate

THE MOTIVE OF THE SACRIFICIAL LOVE OF THE HEROINE IN RUSSIAN LITERATURE: TRADITIONS OF F. M. DOSTOEVSKY (ON THE EXAMPLE OF THE STORIES OF T. N. TOLSTOY, L. S. PETRUSHEVSKAYA)

Annotation. The article deals with the motive of the heroine's sacrificial love in Russian literature. For analysis, the stories of T. N. Tolstoy and L. I. Petrushevskaya are taken, in which female images are compared with images from the novel «Crime and Punishment» by F. M. Dostoevsky. T. N. Tolstaya continues the traditions of F. M. Dostoevsky, creating for her heroines such life situations that resonate with gospel motifs.

The motive of sacrificial maternal love in the story of L. S. Petrushevskaya, although undergoing changes in the new realities, does not disappear completely, since it expresses one of the main values of Russian culture. In general, the motive of the heroine's sacrificial love is preserved in modern Russian prose and suggests that universal human values and those traditions that largely determine the depth and significance of Russian literature, preserve its moral guidelines, continue to exist.

Keywords: Russian literature, Russian prose, motive, female images, F. M. Dostoevsky, T. N. Tolstaya, L. I. Petrushevskaya

Образ женщины в русской литературе всегда привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей. Вопреки современному литературному вектору, который все более ориентируется на массового читателя и руководствуется законами спроса и предложения, все же необходимо помнить о том, что общечеловеческие, гуманистические ценности «всегда присутствовали в русской литературе и нынешний этап ее развития – не исключение» [3].

Несмотря на сильное влияние постмодернизма, общую ситуацию низкого уровня духовности в обществе, вдумчивому читателю можно найти произведения современных отечественных авторов, сохраняющие общечеловеческие ценности и те традиции, которые во многом определяют глубину и значимость русской литературы, сохраняют ее нравственные ориентиры, разрабатывают нового положительного героя эпохи. При этом

следует учитывать, что, знакомясь с современной прозой, даже с ценностно-ориентированной, мы можем наблюдать сильное влияние постмодернизма, прежде всего, в используемых авторами приемах иронии, пародирования, в использовании разговорной (а зачастую и пограничной с нормой) лексики, в искажении («выворачивании наизнанку») привычного для читателя смысла или в нарушении читательских ожиданий.

В статье рассматривается традиционный для прозы Ф. М. Достоевского и для русской литературы в целом мотив жертвенной любви на примере рассказов Т. Н. Толстой «Соня» и Л. С. Петрушевской «Как ангел». В произведениях современных русских писательниц мотив жертвенной любви представлен с разных ракурсов, тем интереснее сопоставление этих рассказов с традициями прозы Ф. М. Достоевского.

В романе «Преступление и наказание» в образе Сонечки Мармеладовой писатель воплотил свою идею самопожертвования, страдания за других. Кроткая, смиренная Сонечка продает свое тело, чтобы спасти семью от голодной смерти. Она приносит себя в жертву, тем не менее, эти страдания укрепляют ее душу, ее веру в Бога. Как пишут А. Н. Горбанева и Л. И. Ибрагимова: «В идейной структуре рассматриваемого романа «теории» Родиона Раскольникова противопоставлена «правда» Сони Мармеладовой. «Ее решение» состоит в самопожертвовании и в том, что она «переступила» себя, и основная ее идея – это идея «непреступности» другого человека. Преступить другого – значит для нее погубить себя. В этом она и противостоит Раскольникову» [2, с. 225]. Помыслы героини остаются чистыми, убеждения стойкими.

В рассказе Т. Н. Толстой «Соня» мотив самопожертвования является сюжетообразующим. Имя героини выбрано не случайно – это прямая аллюзия к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», чьи традиции продолжает писательница. Героинями рассказа являются женщины с «говорящими» для современного читателя именами – Соня и Ада. Как у Сонечки Мармеладовой, главными чертами характера Сони в рассказе Толстой являются бескорыстие и самопожертвование, а также наивная, детская душа. Героиня Т. Н. Толстой готова помогать всем знакомым на кухне, с детьми не за плату, чем окружающие бессовестно пользовались.

Мотив самопожертвования в рассказе обозначен в мотиве близких к Богу «блаженных», божьих людей (которые «не как все»). Эти божьи люди бескорыстно служат ближнему (все «пользовались Соней», «выяснилась

незаменимость Сони на кухне») и не требуют ничего для себя, они спасают ближнего, отдав буквально последнее (довоенную банку томатного сока).

Внешне Соня некрасива, в противоположность Сонечке Мармеладовой Ф. М. Достоевского, которая была миловидной. Непривлекательная внешность героини рассказа Т. Н. Толстой противопоставлена богатому духовному миру героини. Образ толстовской Сони очень напоминает юродивых, потому что этой внешней некрасивостью (окружающие замечают «Сонины лошадиные черты», голову, «как у лошади Пржевальского», «костяные лошадиные зубы» [6, с. 227], называют ее между собой «старая дура и лошадь» [6, с. 228]), своей неспособностью лицемерить, своим бескорыстием и наивностью очень отличается от прагматичных и злых людей своего круга.

Полная противоположность Соне – Ада Адольфовна (недвусмысленный намек автора на героиню как исчадие ада и на Адольфа Гитлера). Образ Ады и внешне, и внутренне контрастирует с образом Сони: «фигурка прелестная, лицо смуглое с темно-розовым румянцем, в теннис она первая, на байдарке первая, все ей смотрели в рот» [6, с.228]. Внешняя красота Ады противопоставлена Сониной внешности, у Ады много поклонников, она очень злопамятна. Однажды, попав в неловкое положение из-за Сони, Ада принимает решение жестоко ей отомстить. Вместе с другими своими знакомыми она придумала таинственного поклонника, который якобы влюблен в Соню, и от его имени начала сочинять и отправлять Соне любовные письма. Ничего не подозревавшая Соня всем сердцем поверила в вымышленного Николая и полюбила его.

Однако здесь в планы Ады вмешалась Великая Отечественная война. Обе женщины жили в Ленинграде, и в блокаду не успели эвакуироваться. «И две женщины на двух концах Ленинграда, одна со злобой, другая с любовью, строчили друг другу письма о том, кого никогда не существовало» [6, с. 229]. Писательница включает в текст рассказа ужасающие современного читателя подробности, которые передают трудности быта, рассказывают о цене выживания голодавших ленинградцев. Так, Ада похоронила отца и брата, которые умерли от голода. «Она съела все, что было можно. Сварила кожаные туфли, пила горячий бульон из обоев» [6, с. 229].

Однако среди ужасов войны, голода и лишений Соня сохраняет свою любовь к реальному для нее Николаю. Она жертвует своей жизнью ради, как она думает, любимого: принимая Аду за Николая, Соня выпаивает ей

последнюю баночку томатного сока и уходит умирать («больше ее никто не видел»). По замыслу писательницы Ада выжила, она проводит свои дни среди накопленных ею вещей, в окружении родственников, которые с нетерпением ожидают ее смерти. Т. Н. Толстая в лучших традициях русской литературы показывает читателю, что смысл жизни человека – в любви, доброте, искренности и самопожертвовании. И все эти качества олицетворяет собой образ «вечной Сонечки».

Символом бескорыстной любви в рассказе Т. Н. Толстой является брошка Сони – «белый эмалевый голубок». Даже испытывая ненависть к «дурочке» Соне, Ада не смогла вместе с Сониными письмами бросить в огонь голубка, которого Соня отправила в одном из писем Николаю, «ведь голубков огонь не берет» [6, с. 229]. Также здесь Т. Н. Толстая обыгрывает эмблемы христианства: Ада похожа на змею – символ искусителя, нечистого, а любимая брошь Сони – голубок – это символ святого духа.

В рассказе Т. Н. Толстая использует тот же прием, что и Ф. М. Достоевский. Она ставит героев в такие жизненные ситуации, которые недвусмысленно связаны с мотивами Евангелия, с заповедями Христа. Так, готовность обеих Сонь помочь ближним тесно связана с заповедью «и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай» (Мф. 5:41–42) [2]. Также и работа Сони Мармеладовой «по желтому билету», и спасение Соней Николая (Ады) в рассказе Т. Толстой и гибель при попытке принести ему воды – прямая отсылка к завету «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин 13:15) [2].

Кроме образа Сонечки в романе Ф. М. Достоевского мотив жертвенной любви воплощает мать Родиона Раскольникова, Пульхерия Александровна. Ф. М. Достоевский на протяжении всего романа неоднократно показывает, на какие шаги готова идти героиня ради того, чтобы помочь своему сыну. Так, в начале романа, из письма матери читатель узнает, что она согласна даже пожертвовать судьбой своей дочери Дуни – одобряет ее готовность выйти замуж по расчету с тем, чтобы на полученные от будущего зятя деньги Родион мог завершить обучение. Пульхерия Александровна очень гордится своим сыном и настолько ему доверяет, что его просьбу – никому не верить, что бы о нем ни говорили, она исполняет неукоснительно. Несмотря на свое внутреннее ощущение того, что ее сын совершил нечто страшное, Пульхерия Александровна стремится даже прохожим рас-

сказать, что ее Родион – прекрасный человек, что он спас детей из пожара. Веру в сына, в его лучшие качества она сохранила до самой своей смерти..

В творчестве современных авторов мотив жертвенной родительской любви можно рассмотреть на примере рассказа Л. С. Петрушевской «Как ангел». Мир произведений Л. С. Петрушевской – мир «вывернутый», болезненный, не приукрашенный благородными чувствами и порывами души. Сама писательница строит сюжеты своих произведений таким образом, что ее герои попадают в ситуации, когда не на кого положиться и надеяться не на что. Тем не менее, «в мире Петрушевской наивысшей ценностью обладает то, что не вписывается в условия этой жестокой борьбы. То, что существует вопреки ей. Это беспомощность и самопожертвование» [4, с. 176]. Так и произошло с героиней рассказа «Как ангел».

Прочитав название рассказа, читатель настраивается на религиозную тематику, на светлый финал, предполагает, что главный герой будет похож на ангела. Текст не оправдывает читательских ожиданий. Уже в самом начале рассказа автор пишет о героине: «Как в насмешку, ей дали имя Ангелина» [5, с. 352]. Все произведение проникнуто авторской иронией, она видна уже в названии рассказа: ребенок сравнивается с ангелом, но девочка не может быть ангелом, потому что ее родители «обычные люди». Их дочка неизлечимо больна, причина самая обычная: родители – работники химической промышленности. С каждым годом больная девочка все больше начинает и внешностью, и своим поведением напоминать чудовище, дьявола во плоти. В обычной жизни только близкие и родные люди ее воспринимают как ангела. Этот близкий круг с взрослением девочки сужается, остается только мать и перенесший инфаркт отец.

Для игры с читателем Л. С. Петрушевская использует прием «переключения» точки зрения с внутреннего круга (родители и родственники) на внешний (все остальные) в течение всего рассказа. Сначала читатель находится во «внутреннем круге», писательница показывает Ангелину с точки зрения ее родных и близких: «ангел был любим и балован всей огромной семьей», «как-то не входило в бедную больную головенку, что нет добра и справедливого распределения между всеми жаждущими» [5, с. 422]; «как Ангелина ни старалась понравиться людям, например на улице, как ни кидалась долгие годы с открытой душой ко всем <…> ничего не получалось в итоге» [5, с. 353]; «только родня видела в ней несчастного ребенка, <…> обостренное чувство справедливости у маленького ангела, когда она пыта-

лась печенье поделить на всех и всем раздать», «ведь она там, внутри, осталась все той же маленькой слепенькой девочкой» [5, с. 353].

Далее неожиданно читатель «переключается» на точку зрения окружающих, и Петрушевская показывает, что все остальные видели «сильно раскрашенное синим и красным лицо с постоянно зияющим беззубым ртом, в котором по углам торчало четыре клыка»; «чужие же не отзывались ни на какие просьбы, сверстники называли крокодилом и просто били Ангелину по голове сразу, без обиняков, что и привело к тому, что так же без обиняков Ангелина била людей кулаком прямо по голове в метро, учтя уроки детства» [5, с. 353]. Л. С. Петрушевская осуществляет переключение на иную точку зрения, другую оценку, используя разговорную, грубую лексику, бранные слова и выражения.

Эта игра с точками зрения существенно затрудняет для читателя понимание авторского замысла, но только до тех пор, пока читающий не дойдет до кульминации рассказа, когда Л. С. Петрушевская «снимает маски». Из юродивой, которую все жалеют, Ангелина превращается в настоящего зверя («созрела в крепкую, мощную, буйную женщину, которая отвечала немедленно действием на все возражения отца или матери» [5, с. 354].

Настоящим ангелом предстает здесь мать Ангелины. И это действительно ангел-хранитель своей дочери, как называет женщину в финале сама Л. С. Петрушевская. Мать оберегает мужа, который восстанавливается после инфаркта, оберегает дочь от сумасшедшего дома, потому что «она тоже творение Божье и имеет все права на место на земле» [5, с. 354]. Самопожертвование матери безгранично: она мало спит, переносит тумаки дочери, терпеливо принимает позор и стыд за поведение Ангелины «на прогулках». «Кроткая душа» – говорит о ней автор. Финал рассказа, полный иронии, окончательно раскрывает глаза читателю. Буйная Ангелина своим существованием опровергает фразу Христа из Нагорной проповеди: «Она идет против всего человечества, вольная и свободная, свирепая, нищая духом, про которых ведь сказано, что их будет царствие небесное, но где – где-то там, где-то там…» [5, с. 354].

Мысли кроткой, жертвенной матери оказываются мыслями смертельно уставшего от такой жизни, от своего терпения человека: «все невинны, думает мать, а я так и буду бегать с ней пока не сдохну окончательно» [5, с. 354]. И автор завершает рассказ окончательной расстановкой точек над i: «Она надеется – смешно сказать, – что они все умрут как-нибудь

вместе» [5, с. 354]. Вводные слова «как в насмешку» в начале рассказа и «смешно сказать» в его финале создают своего рода рамку рассказа, а также обнаруживают авторскую иронию. Особо следует отметить, что здесь ирония не выражает насмешку над общечеловеческими ценностями. Насмешка служит, скорее, средством изображения всей сложности современной жизни, в которой все не так просто и однозначно, как может показаться на первый взгляд. Здесь ирония придает тексту эмоциональную окрашенность, она заставляет читателя размышлять, ставит в ситуацию выбора, и не дает готовых решений.

Таким образом, используя традиционный мотив жертвенной любви, писательницы продолжают традиции Ф. М. Достоевского. Так, Т. Н. Толстая, вслед за писателем, создает для своих героинь такие жизненные ситуации, которые перекликаются с евангельскими мотивами. Мотив жертвенной материнской любви в рассказе Л. С. Петрушевской, хоть и претерпевает изменения в новых реалиях, но не исчезает совсем, поскольку выражает одну из основных ценностей русской культуры. В целом мотив жертвенной любви героини сохраняется в современной отечественной прозе и говорит о том, что общечеловеческие ценности и те традиции, которые во многом определяют глубину и значимость русской литературы, сохраняют ее нравственные ориентиры, продолжают существовать.

Список литературы

1. Библия: Синодальный перевод. – URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/ (дата обращения 01.03.2022)

2. Горбанева, А. Н. Нравственно-религиозная позиция Сони Мармеладовой в романе Ф. М. Достоевского «преступление и наказание» / А. Н. Горбанева, Л. И. Ибрагимова // Известия ВГПУ. – Филологические науки. – 2019. –№ 6 (139). – С. 223–226.

3. Круглов, Р. Г. Христианские мотивы в современной русской литературе / Р. Г. Круглов // Российский писатель. – URL: http://www.rospisatel.ru/t-kr.htm (дата обращения 01.03.2022).

4. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – Кн. 3. – 160 с.

5. Петрушевская, Л. С. Дом девушек / Л. С. Петрушевская. – Москва : Вагриус. – 1999. – 448 с.

6. Толстая, Т. Н. Круг: рассказы / Т. Н. Толстая. – Москва : Эксмо, 2003. – 348 с.

УДК 81-25

Брыкова Неля Александровна
Макеевский педагогический колледж,
г Макеевка, Донецкая Народная Республика,
преподаватель

КОНЦЕПТ «ПОДВИГ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматривается особенность концепта «подвиг» в русской языковой картине мира. За основу анализа автор принимает русский язык как средство отражения личностью окружающего мира в своем восприятии.

Ключевые слова: лексикология, концепт, русский язык, подвиг, языковая картина мира

Brykova Nely Alexandrovna
Makeevsky Pedagogical Training College, Makeevka, Donetsk People's Republic, teacher

THE CONCEPT «ПОДВИГ» INTO THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Annotation. The article deals with the peculiarity of the concept «подвиг» (act of bravery) into the Russian language picture of the world by means of the Russian language as a means of reflecting the perception of the surrounding world by a person.

Keywords: lexicology, concept, Russian language, feat, linguistic picture of the world

Термин «концепт» находит на сегодняшний день широкое применение не только в лингвистике, но и других областях гуманитарного знания. Обратим внимание на существующие определения концепта с точки зрения русского языка. Концепт – многокомпонентная система, включающая в себя существенные и несущественные признаки обозначаемого объекта, предмета, явления, а также те ассоциации, знания, представления и переживания, которые они вызывают в сознании человека. Другими словами, концепт есть средство отражения восприятия окружающего мира человеком. Под «картиной мира» в данном случае мы будем понимать совокупность представлений человека о самом себе, о природе, духовном мире, обществе, вселенной, которые он черпает из таких составляющих культуры, как язык, искусство, наука, религия.

Итак, мысли, суждения и взгляды на окружающую действительность личности, народа отражены в структурно-содержательных единицах сознания, концептах. Особое внимание нами будет уделено концепту «подвиг» в русской картине мира. Рассмотрим слово «подвиг» с точки зрения его происхождения, обобщим содержание словарных статей; проведем анализ опроса среди студентов (с целью определения тех ассоциаций, которые вызы-

вает концепт «подвиг»). На основании анализа всей полученной информации окажется возможным сделать определенные выводы о значении концепта «подвиг» в создании языковой картины мира.

Объект нашего анализа –концепт «подвиг» в языковой картине мира как средство отражения восприятия мира носителями русского языка, предмет – русский язык и языковая картина мира.

В русской культуре, с самых ее истоков, категория подвига является одной из центральных. В русском языке и культуре подвиг ассоциируется с самопожертвованием ради близкого, родного человека, Родины. Подвиг подразумевает принятие тяжелого и мучительного решения, так как подвиг не всегда гарантирует сохранность жизни человека, идущего на него; совершение подвига есть проявление могущественной воли и силы человека, за что непременно должно быть человеку вознаграждение и вечная слава.

В словаре С. И. Ожегова «подвиг» определяется как «героический, самоотверженный поступок. Воинский подвиг, трудовой подвиг. Подвиг во славу Родины» [6, с. 25]. По мнению В. И. Карасика, лингвиста, доктора филологических наук, содержательный минимум концепта «подвиг» выражается как «…неординарный, исключительный, благородный поступок, связанный с моральным выбором и с большими усилиями и риском» [5, с. 88]. Отношение к подвигу моделируется как характеристика человека, совершающего такой поступок либо неспособного к подвигу.

Обратимся к этимологии слова подвиг и рассмотрим развитие его значения в истории русского литературного языка. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера нет словарной статьи на слово подвиг. В Старославянском словаре подвигъ имеет три значения: 1) соответствие др. греч. αγων борьба. Подвигъ и брань ныняшьнее житье; 2) подвиг; 3) аскетическая жизнь, подвиг духовный [10, с.408].

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского дается четыре значения слова подвиг: 1) движение. Без подвига значит без движения, без перемены, неизменный; 2) стремление, старание; 3) борьба; 4) подвиг, великое и трудное дело. Подвиг страдания. Житие и жизнь Константина Философа, перваго наставника и учителя Словенску языку [9, с. 98].

В Словаре В. И. Даля есть только одна словарная статья с заглавным словом подвигать, подвигнуть. Затем в ряд приводятся имена существительные, обозначающие действие по глаголу: подвиганье, подвизанье, под-

винутье, подвигъ, подвижка. Как видим, ничего особенно героического нет. Для существительного подвиг В. И. Даль приводит следующие значения: подвигъ, движение, стремление, путь, путешествие, поездка [2, с. 22]. Следовательно, внутренняя форма слова подвиг, его первоначальное значение – движения. Значение героического поступка появляется из второго значения слова подвиг – борьба, так как во время борьбы возникают условия для совершения доблестного и героического поступка. Именно это значение стало основным в современном русском литературном языке.

В ходе работы над концептом мы выяснили, что 9 мая, в день 75-летия Победы над фашизмом, организация «Русская Инициатива», во главе с ее лидером Юлией Серебрянской, обратилась ко всем народам с призывом поддержать идею проекта «Подвиг – слово русское», с тем, чтобы слово «подвиг» в его русском значении было внесено в Оксфордский словарь английского языка, словарь Королевской академии испанского языка и другие международные издания. Лидер организации «Русская Инициатива» неоднократно поднимала этот вопрос на встречах с послами иностранных государств, во время зарубежных командировок, обсуждала с журналистами, лингвистами, филологами и представителями общественности.

Члены организации «Русская Инициатива» нашли подтверждение актуальности своего требования и в работах академика Д. С. Лихачёва. Известный учёный считал, что ни один европейский язык не может передать даже приблизительного значения, соответствующего русскому «подвигу». «В корне слова «подвиг» (тоже) «застряло движение»: «по-двиг», то есть то, что сделано движением, побуждено желанием сдвинуть с места что-то неподвижное», – так понимал это слово Д. С. Лихачёв [3, с. 59].

Возвышенное значение «подвигу» придавал и Н. К. Рерих, выступая за то, чтобы оно пополнило международные словари. «Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова «указ» и «совет», то они обязательно должны включить лучшее русское слово – «подвиг»…», – писал Н. К. Рерих в одном из своих писем [8, с. 195].

Впрочем, Д. С. Лихачев и Н. К. Рерих были не одиноки в своих суждениях. Такое определение мы встречаем в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: «Доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях. Героические подвиги красноармейцев в боях с японскими самураями. Во-

енные подвиги. Гражданский подвиг. Подвиг ученого. Беззаветный, бескорыстный поступок, вызванный чем-нибудь. Подвиг любви» [11, с. 208].

В Макеевском педагогическом колледже был проведен опрос среди студентов третьих курсов. Необходимо было написать десять наиболее ярких ассоциаций, которые вызывает концепт «Подвиг». Ассоциации должны состоять из словосочетаний, отражать реалии русского мира. В исследовании приняло участие сорок студентов. Результаты показали, что 68 % обучающихся назвали словосочетания, связанные с событиями Великой Отечественной войны: подвиг разведчика, подвиг молодогвардейцев, подвиг Зои Космодемьянской, подвиг героев-панфиловцев, подвиг А. Матросова, А. Маресьева, подвиг Гастелло, подвиг ленинградцев, подвиг русских моряков, подвиг народа, подвиг во имя жизни на земле, подвиг во имя Родины и др. Учащимися указывались такие понятия, как, например: великий и вечный подвиг, бессмертный подвиг, ратный подвиг, трудовой подвиг, нравственный подвиг, космический подвиг.

30 % студентов назвали и понятия современного мира: подвиг врачей в борьбе с коронавирусом, подвиг во имя любви, подвиг ликвидаторов-чернобыльцев, подвиг работников МЧС, подвиг «ради спасения людей», подвиг ученых, духовных подвижников. 2 % студентов назвали понятия: любовный подвиг, подвиг (в значении негативном, «проделка, нелепый, неблаговидный поступок»).

Как видим, в русской картине мира концепт «подвиг» включает в себя прежде всего такие приоритетные понятия и явления, как героизм, победа, бой, сражение, бесстрашие в разных сферах жизни; уничтожение или смерть врага, смерть во имя Родины и товарища (что говорит о жертвенной составляющей личности русского человека, преданности стране, готовности принести себя в жертву ради спасения других). Мы по праву можем гордиться таким словом и надеяться, что всё больше русских слов станет частью других языков. Например, такие слова, как «спутник», «указ», «совет»», «чернозём», «дума» уже используются в иностранном лексиконе, полагаем, теперь очередь за концептом «подвиг».

Список литературы

1. Бугаева, И. В. Церковнославянский язык в современной языковой культуре и школьном образовании / И. В. Бугаева // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия Филологические науки. –2006. – № 3 (16). – С. 83–87.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П / В. И. Даль. − Москва : Русский язык, 1980. – 555 с.

3. Духовные смыслы национальной культуры России: ретроспекция, современность, перспективы. − Москва : Институт Наследия, 2020. − 934 с.

4. Дьяченко, Г. П. Полный церковно-славянский словарь. Т. 2: С-Я / Г. П. Дьяченко. − Москва : Терра-Кн. клуб, 1998. − С. 568−1120.

5. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Архангельск : Перемена, 1996. − С. 3–16.

6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. − Москва : Русский язык; 1987. − 796 с.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. − Москва : Азбуковник, 1996. − 928 с.

8. Рерих, Н. К. О Вечном... / Н. К. Рерих. − Москва: Изд-во полит. лит., 1991. – 462 с.

9. Материалы для Словаря древнерусского языка : в 3 т. − Москва : Знак, 2003.

10. Старославянский словарь (по рукописям X − XI веков). − Москва : Рус. яз., 1999. − 842 с.

11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. − Москва : Рус. словари, 1994.

12. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. – Москева : Наука, 1974−2012. − Вып. 1−38.

УДК 82-1

Бакунович Ольга Васильевна
Библиотека им. Я. Купалы – филиала № 3
Полоцкой районной централизованной
библиотечной системы, библиотека Прихода
храма Святого Архангела Михаила,
г. Новополоцк, Белоруссия,
библиотекарь

«ДУША ЗА ВСЁ В ОТВЕТЕ»: ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ В ПОЭЗИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА РОМАНОВА И ПОЛОЦКОГО ПОЭТА ВЛАДИМИРА ГЛУШКОВА

Аннотация. В статье рассматривается поэзия двух совершенно разных авторов – Великого князя Константина Романова и полоцкого поэта Владимира Глушкова, проводится сравнительный анализ их поэзии.Выявляется очевидная объединяющая доминанта их творчества – непреходящие ценности христианства и традиции православной культуры.

Ключевые слова: душа, совесть, православная культура, духовные ценности, русская литература, поэзия, духовная поэзия, Полоцк

Bakunovich Olga Vasilievna
Library of Polotsk named after Yanka Kupala library branch № 3 of district centralized library system, Librare of the Parish of the Church of St. Michael the Archangel, librarian

«THE SOUL IS RESPONSIBLE FOR EVERYTHING»: SPIRITUAL AND MORAL ASPECT IN THE POETRY OF GRAND DUKE KONSTANTIN ROMANOV AND POLOTSK POET VLADIMIR GLUSHKOV

Annotation. The article deals with the poetry of Grand Duke Konstantin Romanov and Polotsk poet Vladimir Glushkov and gives the comparative analysis of their poetry. It contains information about the general theme of their creativity like the eternal values of Christianity and traditions of Orthodox culture.

Keywords:soul, conscience, Orthodox culture, spiritual values, Russian literature, poetry, spiritual poetry, Polotsk

В истории культуры и общества состояние неопределенности, рубежности, всегда вызывало в человеческих душах чувство тревоги и растерянности, заставляя переосмысливать прожитое, вновь и вновь осознавать себя и свой жизненный путь в контексте данной эпохи. Неудивительно, что в такие периоды ощущается особый накал в произведениях литературы и искусства. Рассмотрим, в качестве примера, творчество двух поэтов, живших на рубеже XIX – XX вв.

Великий князь Константин Романов вошёл в историю русской литературы как поэт, публиковавшийся под псевдонимом К. Р. Он родился 10 августа 1858 г. в Константиновском дворце в Стрельне под Петербургом. Его называли «отцом всех кадетов». Воспитанники всех военных учебных заведений Российской империи почитали его, как своего второго отца. Внук Николая I, двоюродный дядя императора Николая II, генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук.

Имя Константина Романова неразрывно связано с историей Полоцкой земли. В Полоцком кадетском корпусе учился его любимый сын Олег, который унаследовал поэтический дар и был более всех других детей духовно близок своему отцу. Великий князь Константин Романов любил бывать в Полоцке, о чем свидетельствуют его дневниковые записи, а в 1910 г. он принимал участие в Торжествах, посвящённых перенесению мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк. Особенно примечательно, что именно в Полоцке в 1910 г. Константином Романовым был написан сонет «Юнкеру».

Умер Великий князь 2 июня 1915 г., в своём кабинете во дворце Павловска. Он был последним из Романовых, умершим ненасильственной смертью до революции исо всеми почестями, погребённым в великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости.

В. Н. Глушков родился 11 мая 1938 г. в Полоцке. В трёхлетнем возрасте встретил войну. Зимой 1942 г. вместе с матерью бежал из оккупированного немцами Полоцка в лес к партизанам Полоцко-Лепельской партизанской зоны, где и находился до освобождения города. В. Н. Глушков с отличием окончил филологический факультет Могилёвского педагогического института. Преподавал в Полоцком педагогическом колледже. Ему были присуждены звания «Отличник просвещения СССР» и «Выдатнік асветы БССР».

Владимир Глушков – автор трёх книг. Его поэзия отличаются художественной завершенностью и глубиной. Она призывает читателя к размышлениям и рассуждениям – заставляет критически осмыслить негативные явления современности, вспомнить о своих исторических корнях, вглядеться в собственную душу и обратиться к духовным истокам.

Первая поэтическая книга «Может быть» была выпущена в 2000 году в Полоцке. В предисловии к этой книге Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» А. Раткевич отметил: «Может быть…» – не случайно так назвал свою книгу Владимир Глушков, приглашая своих читателей размышлять и спорить, соглашаться и не соглашаться, но не быть равнодушными» [3, с. 3].

Второй сборник стихов «Здесь и теперь» в 2001 г. издан по благословению епископа Полоцкого и Глубокского Феодосия и отмечен его рецензией: «Стихи – афоризмы глубоко содержательные и назидательные для верующих и неверующих» [2, с. 2].

Третья книга стихотворений, получившая название «Врата зримые и незримые», была подготовлена уже после смерти поэта, в 2014 г., Издательством Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. В неё вошли лучшие стихотворения духовного содержания из двух предыдущих книг, а также никогда не публиковавшиеся стихи поэта. 4 января 2007 г. окончился земной путь В. Н. Глушкова. Его отпевали в храме Покрова Пресвятой Богородицы г.Полоцка.

В поэзии Константина Романова и Владимира Глушкова можно выделить одну общую центральную тему – мир человеческой души, её проти-

воречивые переживания, сомнения, раскаянье, и непрестанное устремление к непреходящим ценностям – к вечным истинам христианства. Как же следует понимать определение «человеческая душа»? В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля сказано: «Душа – бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею…» [4, с. 504–505]. А согласно словарю русского языка, С. Ожегова – «Душа – внутренний, психический мир человека, его сознание» [5, с. 163]. Существует предположение, что слово «душа» происходит от понятия «дышать». «Это некая особая сила, присутствующая в человеке, которая составляет высшую его часть, она оживляет человека, даёт ему способность мыслить, болеть,чувствовать», – писал священник Даниил Сысоев [8, с. 5]. По учению Православной Церкви забота о спасении души – главное в жизни человека. От того, как человек прожил свою жизнь, его бессмертная душа либо спасается, либо обрекается на вечную погибель. Согласно христианскому мировоззрению в поэзии Константина Романова жизнь человека являет собой подвиг преодоления собственных недостатков и пороков, непрестанный труд внутреннего совершенствования:

Блаженны мы, когда идем
Отважно, твердою стопою
С неунывающей душою
Тернистым жизненным путем... [6, с.89].

В отличие от оптимистически настроенного Константина Романова Владимир Глушков в поэзии частовыражает искреннюю печаль и тревогу за своё поколение, избравшее материальные блага вместо духовных ценностей. Вот, к примеру, стихотворение «Здесь и теперь», давшее название всему сборнику:

Что нам старинные мудрые прописи,
Если сегодня любой не дурак!
Здесь и теперь получить мы торопимся
Сонмы земных кратковременных благ.
Сколько же нас пребывает в беспечности,
Не сознавая душою больной:
Здесь и теперь мы в преддверии вечности,
Там и потом будет мера иной.
Сколько земного душе отпускается –
Знать не дано нам о том рубеже.

Здесь и теперь, согрешивши, покаяться –
Там и потом будет поздно уже [2, с. 4].

В чем же призывает покаяться поэт? В том, что отягощает совесть – вечного стража, обличителя и судью нашей жизни. В энциклопедии «Русский образ жизни» сказано: «Совесть – внутренний духовно-нравственный закон» [7, с. 784]. Владимир Глушков в своём верлибре даёт следующее определение понятию «совесть»:

Оправдание перед самим собой –
это совсем не совесть,
Оправдание перед людьми –
это ещё не совесть.
И только оправдание перед Богом –
это и есть наша совесть [2, с. 29].

Чистая совесть, по мнению Константина Романова, является непременным условием духовного совершенствования и успешного преодоления жизненных катаклизмов:

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышали дело, мысль и речь!...
Мы свято совесть соблюдем,
Как небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем [6, с. 90].

В поэзии Константина Романова и Владимира Глушкова есть прямые обращения к Богу; встречаются своеобразные стихи – молитвы. Интересно сопоставить хрестоматийное произведение К. Р. «Молитва» и стихотворение Владимира Глушкова «Молю Тебя».

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем…
Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить! [6, с. 75].

Необходимо заметить, что в этих стихах Константин Романов изложил своё прошение научиться исполнять самую главную заповедь Божию – любить Бога и ближнего. Также важно, что в заключении стихотворения поэт вспоминает Христа, искупившего Своей Кровью род человеческий. Именно об этом же Искуплении и о значении Воскресения Христа говорит Владимир Глушков в своём стихотворении «Молю Тебя»:

Молю Тебя, Подателя надежды,
Молю Тебя, Зиждителя земли,
Воззри на нас, подъяв Святые вежды,
И грешным нам прощенья ниспошли.
Пошли спасенье нам, рабам неверным,
Рабам страстей, рабам слепой судьбы,
Забывшим в самомнении безмерном,
Что мы, о Боже, лишь Твои рабы.
Из рода в род, народу от народа
Спеша греховный опыт передать,
Из мрака зла мы не нашли исхода,
Одна надежда – Божья благодать.
О, как взыскуют души исцеленья,
Устав от бренной службы у телес.
Не зря ж во имя жизни, а не тленья
Поправший смерть Христос Воскрес! [1, с. 81–82].

Нужно сказать, что и драма Константина Романова «Царь Иудейский» посвящена последним дням земной жизни и Воскресению Христову. Великий князь готовился к ее созданию четверть века. Музыку к пьесе написал А. К. Глазунов. Премьера состоялась в Эрмитажном театре 9 января 1914 г. Глубоко религиозный человек, Великий князь Константин понимал всю сложность создания драматического произведения на сюжет Страстей Господних. Иосифа Аримафейского, тайного ученика Христа, сыграл сам автор, Константин Романов. Роли Христа, апостолов и Богоматери в спектакле отсутствовали, так как по церковным канонам это категорически запрещалось. Однако представление о библейских событиях создавалось через реплики и игру других актеров. В отличие от литературных приёмов Константина Романова поэт Владимир Глушков, обращаясь к этому же библейскому сюжету, поступает достаточно смело. Стихотворение «В Геф-

симанском саду» включает в себя основанный на тексте Евангелия монолог Христа:

– Я вас прошу, друзья мои, не спите!
Со мной побудьте два иль три часа,
Бодритесь сами, душу мне крепите –
Она мрачна, как эти небеса.
А тишина, прислушайтесь, какая!
Во всей вселенной стала тишина.
Как будто в день грядущий проникая,
Она предчувствий горестных полна.
Неужто скоро гляну Я с распятья
На безрассудный замысел людей?..
Горят мои стопы, мои запястья
Огнём следов от будущих гвоздей... [2, с. 10–11].

Согласно учению Православной Церкви, человеческая душа после смерти даёт ответ пред Богом за все свои поступки прожитой жизни. И, перешагнув рубеж смерти, у души нет возможности исправиться и изменить свою участь в Вечности. Об этом говорится в стихотворении Владимира Глушкова «Душа за всё в ответе»:

У тех, кто не чает по смерти своей воскресения –
Ещё и со спросом за всё прожитое к тому ж, –
У тех нынче в моде легенда о мнимом спасении,
О мнимом бессмертии в переселение душ.
Я знаю, душа не навек в моём теле прописана,
Но вечна на ней лишь моей только жизни печать,
Всё чаще мне сердце знобит беспощадная истина,
Что этой душе за меня одного отвечать.
И, модными не обольщаясь утехами,
Что будто бы души меняют тела, как бельё,
Рыдать бы уже мне над теми прискорбными вехами,
Какими отметил земное блужданье своё. [1, с. 137].

Размышляя о жизни и смерти, Константин Романов пишет о том, что бессмертно также и всё истинное творчество, созданное людьми. По его мнению, высочайшие образцы мирового искусства остается не только в памяти живущих на земле, но и переходят в Вечность вместе с их создателями:

Нет! Мне не верится, что мы воспоминанья
О жизни в гроб с собой не унесём;
Что смерть, прервав навек и радость, и страданья,
Нас усыпит забвенья сном.
Раскрывшись там, ужель ослепнут очи,
И уши навсегда утратят слух?
И память о былом во тьме загробной ночи
Не сохранит освобожденный дух?
Ужели Рафаэль, на том очнувшись свете,
Сикстинскую Мадонну позабыл?
Ужели там Шекспир не помнит о Гамлете,
И Моцарт Реквием свой разлюбил?
Не может быть! Нет, всё, что свято и прекрасно,
Простившись с жизнью, мы переживем
И не забудем, нет! Но чисто, но бесстрастно
Возлюбим вновь, сливаясь с Божеством! [6, с. 73].

Очевидно, что в человеческой жизни ничто не проходит бесследно. И неизменно остаётся «душа за все в ответе» …

Список литературы

1. Глушков, В. Н. Врата зримые и незримые: стихотворения / В. Н. Глушков. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский жен.монастырь, 2014. – 150с.

2. Глушков, В. Н. Здесь и теперь: книга стихов / В. Н. Глушков. – Полоцк, 2001.– 88 с.

3. Глушков, В. Н. Может быть: стихи / В. Н. Глушков. – Полоцк : Славянский путь, 2000. – 71 с.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1981. – LXXXVIII, 699 с.

5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: около 57 000 слов.– Москва : Русский язык, 1983. – 816 с.

6. Романов, К. Избранное / К. Романов. – Москва : Советская Россия, 1991. – 336 с.

7. Русский образ жизни: Большая энциклопедия русского народа. – Москва : Институт русской цивилизации, 2007. – 944 с.

8. Сысоев, Д. (свящ.) Беседы о страстях / Д. Сысоев. – Москва : Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева, 2014. – 144 с.

УДК 821.161.1 – 14.0

Березкина Елена Петровна
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова,
кафедра русской и зарубежной литературы,
кандидат филологических наук, доцент
Бямбасурэн Номин
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, магистрант кафедры
русского языка как иностранного

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД «РЯБИНА» В ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЯХ (С. ЕСЕНИН – Е. ЮШИН)

Аннотация. В статье представлен анализ двух стихотворений С. Есенина, поэта начала XX в., «Покраснела рябина…» и Е. Юшина, поэта конца XX – начала XXI в., «Исцели меня, родное поле». Авторы статьи используют структурно-семантическое направление анализа для выявления универсальных и индивидуальных черт образа рябины. Общность наполнения культурного кода «рябина» у обоих поэтов признаками осеннего времени года, настроением грусти, уныния, мотивами увядания и умирания позволяет указать на универсальный культурный код. В стихотворениях присутствуют мотив исцеления, спасения, мотив божественного крыла, свойственные христианской символике, что формирует представление поэтов и всей русской культуры о вере и божественном мироздании.Кроме того в стихотворении Юшина образ рябины выполняет функцию оберега, свойственную древним поверьям, что отсутствует у Есенина, но также входит в культурный код.

Ключевые слова: лирический герой, мотив, образ, универсальный код, православный контекст, культурно-исторический контекст

Berezkina Eelena Petrovna
Buryat State University, Department of Russian and Foreign Literature, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Byambasuren Nomin
Buryat State University,Department of Russian as a Foreign Language Master’s student

THE UNIVERSAL CULTURAL CODE «MOUNTAIN ASH» IN TWO POEMS (S. YESENIN – E. YUSHIN)

Annotation. The article deals with the analysis of two poems by S. Yesenin, a poet of the early twentieth century, "The rowan tree blushed ..." and E. Yushin, a poet of the late twentieth and early twenty-first century, "Heal me, my native field". The authors of the article use the structural and semantic direction of analysis to identify the universal and individual features of the image of mountain ash. The commonality of filling the cultural code "rowan" in both poets with signs of the autumn season, the mood of sadness, despondency, the motives of wi-

thering and dying allows us to point to a universal cultural code.The poems contain the motif of healing, salvation, the motif of the divine wing, characteristic of Christian symbolism, which forms the idea of poets and the entire Russian culture about faith and the divine universe. In addition, in Yushin's poem, the image of a mountain ash performs the function of a talisman peculiar to ancient beliefs, which is absent from Yesenin, but is also included in the cultural code.

Keywords: lyrical hero, motive, image, universal code, orthodox context, cultural and historical context

Поэзия представляет собой особую область изучения в литературоведении и преподавании ее обучающимся. Русские школьники, иностранные граждане, изучающие русский язык, – многие испытывают трудности в понимании лирики. Поэтический текст «говорит» с читателем своими особыми образами, повышенными средствами художественной выразительности, особым ритмом, рифмой, строкой. Каждое слово в стихотворении несет в себе дополнительные оттенки смысла, образует свое емкое семантическое единство, свойственное только ему.

Исследования в области поэзии и стиховедения принадлежат многим ученым: М. Л. Гаспарову, В. М. Жирмунскому, А. Квятковскому, Ю. М. Лотману, Б. В. Томашевскому, Ю. Н. Тынянову, В. Е. Холшевникову, Б. М. Эйхенбауму, Р. О. Якобсону. Научиться понимать поэзию – большое искусство, и важную роль в этом представляют работы Ю. М. Лотмана, известного русского ученого XX в. с мировым именем, основоположника структурно-семантического метода исследования. Его труд «О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста» дает фундаментальные основания для понимания природы поэзии, ее отличия от прозы, ее особой организации, начиная от художественного повтора, ритма, рифмы до проблемы поэтического сюжета, композиции стихотворения, текста как системы [5].

Ю. М. Лотман утверждал, что стихотворение – «…сложно построенный смысл. Все его элементы – элементы смысловые, являются обозначениями определенного содержания» [5, с. 48]. Приступая к анализу любого стихотворения, об этом необходимо помнить, иначе понять его окончательно будет невозможно. Раскрывая далее содержание данного утверждения, исследователь пояснял: «Это значит, что входя в состав единой целостной структуры стихотворения, значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможным в обычной языковой конструкции. Это придает и каждому эле-

менту в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку. Слова, предложения и высказывания, которые в грамматической структуре находятся в разных, лишенных черт сходства и, следовательно, несопоставимых позициях, в художественной структуре оказываются сопоставимыми и противопоставимыми, в позициях тождества и антитезы, и это раскрывает в них неожиданное, вне стиха невозможное, новое семантическое содержание» [5, с. 49]. Фактически приведенные мысли исследователя помогают составить план работы со стихотворением, направить внимание исследователя на поиск всех элементов сложной структуры поэтического текста. Сделаем попытку применить это на практике при рассмотрении двух стихотворений русских поэтов: С. А. Есенина и Е. Ю. Юшина.

Одна из излюбленных тем русской поэзии – природа, изменчивая и неизменная, привлекательная своими простыми и необычными красками, чертами, образами. Лотман также обращал на это внимание: «Символика времени года – одна из наиболее общих и многообразных в смысловом отношении. Связанная с философией природы, идеей цикличности, символикой крестьянского труда, она является удобным языком для выражения самых общих метафизических понятий» [5, с. 511]. Надо заметить, что у поэтов разных стран выявляются свои предпочтения в образах природного мира. Так, для русских поэтов важен образ березы, как и для всей русской культуры в целом, береза становится русским концептом, вбирающим множество смыслов и представлений.

Кроме того, при создании осенних пейзажей довольно часто в русских стихотворениях можно найти образ рябины, который также становится универсальным культурным кодом. В исследовании М. Н. Эпштейна «Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии» утверждается, что среди деревьев и кустарников рябина является одним из часто употребляемых в ряду: береза, сосна, ива [8]. Как известно, образ рябины был воплощен в творчестве различных поэтов: М. Цветаевой, С. Есенина, Н. Рубцова, Е. Юшина и др. История русской литературы, начиная с конца XVIII и до XXI в., демонстрирует развитие образа рябины в художественном мире поэтов и писателей, отразивших как эволюцию своих мировоззренческих установок, так и воплотивших в символических природных образах общенациональные русские идеи.

Даже у двух поэтов разных исторических эпох один и тот же поэтический образ никогда не повторяется, он вбирает новые смыслы и грани своего постижения, накладывающиеся на понимание их читателем, что создает определенный «культурный код». Это понятие Ю. М. Лотман предлагал рассматривать через взрыв, возможный в своем проявлении минимально для двух знаков культуры, которые при взаимодействии друг с другом могут сталкиваться в семиотическом пространстве как полностью тождественные или оставаться абсолютно несоприкасаемые. Поле взаимодействия между смысловыми элементами, знаками, создает объемный смысл,который постигается в полной мере только изотношения всех элементов между собой и каждого их них к целому [6, с. 116].

В связи с этим отобранные нами стихотворения разных поэтов позволяют увидеть систему как общих, так и отличительных признаков, создающих универсальный культурный код, заключенный в образе рябины.

С. А. Есенин (1895–1925) известен как поэт «золотой бревенчатой избы», он всегда много писал о русской деревне, красоте природы и нуждах-заботах сельских жителей. Исследователи не раз указывали на особую одухотворённость «мира земного, чувственного, конкретного», на традиции народной живописи, на «растительную, древесную природу человеческой – животной плоти». «Прообраз человеческого мира, – отмечал К. А. Кедров, – Есенин чувствует в каждом дереве, в каждой травинке» [4, с. 174].

Стихотворение С. Есенина «Покраснела рябина…» было написано в 1916 г., сложном во всех смыслах. Продолжалась первая мировая война, в которой погибали русские солдаты, бывшие крестьяне и пахари, была сложной обстановка внутри страны, что также отражалось на жизни русской деревни. Поэтому в стихотворении доминирует настроение грусти.

В первой строфе поэт использует олицетворения и синтаксический параллелизм при построении первых двух строк: «Покраснела рябина, / Посинела вода», – наступившая осень обыденна в своих проявлениях [3, с. 83]. Выделение признака уныния начинается в следующих строках через использование метафоры: «Месяц, всадник унылый, / Уронил повода». Третья строфа усиливает данное настроение: обращаясь к родному краю, лирический герой отмечает его печальное состояние: «Край ты, край мой, родимый, / Вечный пахарь и вой, / Словно Вóльга под ивой, / Ты поник го-

ловой» [3, с. 83]. Даже сравнение с легендарным былинным героем Вольгой не способно изменить состояние природного мира.

Но поэт верит в незримую живую душу родного края. Четвертая строфа наполнена оптимистическим призывом: «Встань, пришло исцеленье, / Навестил тебя Спас». Следующая за призывом метафора:«Лебединое пенье / Нежит радугу глаз», – подчеркивает не только состояние ласкового прикосновения, но и цветового – белого, чистого видения [3, с. 83]. Становится понятно, что спасение приходит свыше. На обращение С. Есенина у религиозной образности указывал М. М. Дунаев: «Вся природа у Есенина становится всеобнимающим храмом. В ней все молится и зовет к молитве. В подобных образах отразилось христианское средневековое крестьянское видение, восприятие мира как вселенского Божиего храма, под небесными сводами которого совершается совокупностью всех человеческих деяний сакральное общее дело» [2, с. 741]. В более поздних стихотворениях Есенина будет происходить смещение от искренней веры и христианских ценностей к снижению религиозных образов, отказу от религиозных убеждений. В рассматриваемом тексте важны мотивы исцеления, спасения, искупления греха, чудотворных мощей и божественных крыл.

В пятой строфе происходит ассоциативное световое соотношение с первой: красный цвет рябины и красный цвет заката. Указывая метафорически на жертву закатного дня, как на прошлое, лирический герой, возможно, видит покрасневшую рябину: «Дня закатного жертва / Искупила весь грех». Далее поэт вводит антитезу, поскольку настоящее, которое скоро станет прошлым, противопоставляется будущее: «Новой свежестью ветра / Пахнет зреющий снег» [3, с. 83]. Неизбежное наступление зимы связано не только с мыслью об умирании, но и с надеждой на возрождение, что соответствует природному циклическому кругу (осеннего увядания, зимней смерти, весеннего возрождения, летнего процветания). В связи с этим логично и завершение стихотворения: «Помяну тебя в дождик / Я, Есенин Сергей» [3, с. 83].

Стихотворение Есенина «Покраснела рябина…» вбирает весь семантический спектр природного круговорота. Поэт сумел показать, что именно осени при ее ярких красках присуще грустное настроение, уныние, печаль, усиленные и культурно-историческим контекстом времени его написания. В мотиве увядания, смерти содержится мотив исцеления, мрак осеннего вечера не так страшен, поскольку именно он «чудотворные мощи… принес

на крылах». Первобытный мир природы пронизан православным кодом спасения всего живого и сущего.

В поэтическом мироощущении Есенина рябина становится и приметой осени, признаком скорого увядания, приближающегося снега, зимы, холода и знаком спасения, исцеления, снисходящего через чудотворные мощи, принесенные мраком и окутывающие все пространство вместе с деревом. Рябина – это и часть родного края, с которым слиты все чувства лирического героя.

Другой русский поэт Евгений Юшин (1955 г. р.) сумел сохранить и продолжить литературную традицию, восходящую к Есенину. В статье В. Цыбина к сборнику стихов «За околицей рая» верно отмечено: «Юшин наследует у него (Есенина) даже не само письмо, а есенинскую любовь к Руси, ту любовь, что полнокровней правды» [9, с. 340]. За стихотворения сборника «За околицей рая» поэт был удостоен Большой литературной премии в 2006 г., одна из его последних премий была присуждена в 2020 г. – литературная премия «Слово».

Стихи Юшина наполнены жизнью, красками и звуками природного мира, катаклизмами современной действительности, пронизаны любовью к родной земле и болью за страдания русского человека. Среди стихотворений о природе, взаимосвязи человека и окружающего мира у Юшина выбираем тематически близкое Есенину, имеющее в своем составе образ рябины.

При всей разности исторических эпох, творческих путей этих двух поэтов их сближает отношение к природе родного края, собственной сопричастности живым началам жизни, любовь к родине и боль за нее. Эту причастность Юшин выразил в следующих словах: «Я родился, как всякий русский, / За рекою, за лесом – там…» [9, с. 11]. Наше сравнение оправдано и тем, что Юшин не только родился и жил в рязанских «раздольях», но и размышлял о своем предшественнике С. Есенине и общности творческого пути. Стихотворение в жанре послания «Есенину» отражает их воображаемый диалог, суть которого предельна ясна: «Я тоже русской песней обожжён» [9, с. 170]. Данное признание свидетельствует о правомерности избранного нами сравнительно-сопоставительного подхода.

Исследователь Б. В. Томашевский определял задачу лирического произведения через«сопоставление отдельных мотивов и словесных образов, производящее впечатление художественного построения мысли» [7,

с. 91]. Стихотворение Е. Юшина «Исцели меня, родное поле…»как заклинание начинается с прошения-просьбы «Исцели», этот глагол и производное от него «исцеление» повторяется в текстепять раз. Первая, третья и шестая строфы начинаются этим словом. У Есенина в рассмотренном выше стихотворении то же было использовано слово «исцеленье»: «Встань, пришло исцеленье, / Навестил тебя Спас».Лирический герой Есенина сам, обращаясь к родному краю, указывал на исцеление, то есть обладает неким высшим знанием.В противоположность ему субъект стихотворения Юшина просит исцеления у родного поля, родной дороги, рябины. Ракурс обращения изменен, у Юшина человекслаб и немощен, он ищет спасение в незыблемых основах природного мироздания.

В четвертой строфе поэт, соединяя природное и сакральное воедино, видит божественное проявление в полете журавлей: «Божью высь увидев на крыле» [9, с. 48]. Как у Есенина «чудотворное», у Юшина «божественное» сходит свыше («чудотворные мощи он принес на крылах») или проявляется в том, что в небе.

Необходимо обратить внимание на то, что в обоих примерах присутствует мотив крыла, встречающийся в Библии. В нескольких местах из Псалмов упоминается о крыльях Бога как возможной защите или«укрытии»: «Ибо Ты помощь моя, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь» [1(Пс. 16:8, 35:8, 56:2, 60:5, 62:8; Ис. 34:15)]. В книге Нового Завета от Матфея и от Луки говорится о Иисусе, который, желая спасти соотечественников, упоминает крылья: «…сколько раз Я хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» [1(Мф. 23:37; Лк. 13:34)]. Таким образом, оба поэта используют образ крыльев в сакральном значении, несущих спасение – у Есенина, позволяющих прикоснуться к божественной тайне – у Юшина.

Обращение в стихотворении Юшина к рябине: «Исцели меня, моя рябина…» – указывает на ту составляющую образа рябины, которая связана с силой оберега [9, с. 48]. С давних пор дерево садили возле дома как символ защиты от злых сил, нечисти. Существовали традиции, когда на свадьбе молодым давали веточку рябины от дурного глаза, в доме пучки рябиновых ягод хранили от болезней, если человек долго болел, его выводили и садили под рябину для исцеления, если муж с женой не могли ужиться, их также садили под рябину. Из подобных поверий и сложилось представление о спасительной силе дерева. Подобное представление,

весьма отличное от есенинского видения рябины, более характерно преданьям далекой старины, поэтому образ рябины у Юшина обретает новые смысловые грани, расширяя семантическое поле символа.

В стихотворении Юшина прямо не говорится об осени, но ее признаки присутствуют: улетают журавли, упоминаются заготовленное сено, синь воды, рябина. Следовательно, как и у Есенина,природный мир Юшина представлен в осеннее время года. Однако универсальный код, запечатленный в образе рябины, лишь частично повторяется в стихотворении современного поэта, наполняясь новыми гранями и представлениями.

Рассмотрев два стихотворения, близких друг другу по мироощущению поэтов, отметим общность семантических признаков рябины, связанных с изображением осеннего времени года, передачей настроения грусти, признаков увядания природного мира, так и отличительных черт, позволяющих вписать древесный образ в традиционный культурный контекст, авторские представления и мироощущения. Появление новых смысловых оттенков, связанных с образом рябины, указывает на семантическое многообразие, которое может быть заложено в лирике русских поэтов.

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями : в синодальном переводе. – Москва: Никея, 2016. – 1593 с.

2. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII –XX вв. / М. М. Дунаев. – Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 1056 с.

3. Есенин, С. А. Собрание сочинений : В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / С. А Есенин. – Москва : Совет. Россия : Современник, 1991. – 480 с.

4. Кедров, К. А. Образы древнерусского искусства в поэзии С. А. Есенина /Есенин и современность / К. А. Кедров. – URL: http://esenin-lit.ru/esenin/kritika/esenin-i-sovremennost/kedrov-obrazy-drevnerusskogo-iskusstva.htm.

5. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1999. – 848 с.

6. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2010. –704 с.

7. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.

8. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. – Москва : Высш. шк., 1990. – 303 с.

9. Юшин, Е. За околицей рая / Е. Юшин. – Москва : Московский писатель, 2006. – 352 с.

УДК 821.161.1

Бадуева Гунсэма Цыдыповна
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, кафедра русской и
зарубежной литературы, кандидат
филологических наук, доцент

СИТУАЦИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА «ЛОХ»

Аннотация. Сюжетообразующей ситуацией в романе А. Варламова «Лох» выступает мировой сюжет возвращения. Главный герой Александр Тезкин приближается к истине через возвращение к истинному дому, к духовному началу.

Ключевые слова: современная русская проза, Алексей Варламов, роман «Лох», сюжет, возвращение, истина

Badueva Gunsema Tsydypovna
Buryat State University, department of Russian and Foreign literature, candidate of philological sciences, associate professor

RETURN SITUATION IN A. VARLAMOV'S NOVEL «GOOF»

Annotation. The plot-forming situation in A. Varlamov's novel «Goof» is the world plot of return. The protagonist Alexander Tezkin approaches the truth through a return to the true home, to the spiritual principle.

Keywords: modern Russian prose, Alexey Varlamov, novel «Goof», plot, return, truth

Сюжет возвращения, связанный с мировоззренческими понятиями дороги/пути, приближения к истине, воскрешения, судьбы, жизни, смерти – один из устойчивых в мировой культуре. Важной составляющей ситуации духовного и физического возвращения становится образ героя пути, героя-искателя. По мнению Ю. А. Счастливцевой, появление подобного героя в литературе «связано с кризисными, рубежными моментами российской истории» [4]. А у Варламова, чаще всего, это последние десятилетия XX в., время распада государственной системы СССР.

Действие романа «Лох» (1995) охватывает 30 лет (1963– 1993 гг.) и захватывает исторически важные события 1980–1990-х гг., когда государство переживает, по мнению главного героя, «последние времена перед концом света» [1]. В центре произведения – мыслящий и тонко чувствующий человек, странник, бредущий по миру в поисках высших идеалов. Блуждания героя позволяют автору расширить хронотоп романа и охватить огромное пространство не только СССР/России, но и других стран.

Жизнь Александра Тезкина, человека, на первый взгляд неустроенного, непрактичного, выделяющегося среди других, в финале нравственно возвышающегося над остальными персонажами, состоит из череды уходов и возвращений. Не случайно с ним связаны мотивы одиночества, скитальчества, судьбы, «блудного сына» [5].

Т. Л. Рыбальченко делает интересное наблюдение: «Русское слово «возвращение» этимологически связано с корнем «vert» (лат. vertere – вертеть) и сохраняет пространственную (круговое движение, завершённость, связь: ср. «вращать», «вериги», «ворота») и временную (повторение, преодоление разрыва во времени, исчезновения: ср. «время», «превращение») семантику» [3, с. 58]. Варламовский герой идет по некоему кругу, повторяя на своем тернистом пути в поисках истины ситуацию ухода и возвращения, преодолевая разрыв во времени и пространстве. Сюжетная схема повторяется: уход – испытания (искушения) – возвращение, покаяние. Т. А. Федорова приходит к выводу, что она «совпадает с традиционной сюжетной схемой евангельской притчи (о блудном сыне. – *Г. Б.*) и по композиции, и по содержащемуся в ней нравственному идеалу» [5].

Первый уход Тезкина связан со службой в армии, которую можно интерпретировать как обряд инициации. В заброшенных забайкальских степях, далеких от какой-либо цивилизации, молодой солдат тяжело заболевает. Спасает от верной смерти любимая девушка Козетта-Катерина, пожертвовавшая своей честью и любовью. Возвращение после инициации не свидетельствует «о приращении знания и об утверждении ценности „центра”, родного пространства после получения знаний об ином, высшем или аномальном, мире» [3, с. 58]. Хотя Саня и хранит память о потустороннем мире, с которым мистически связан с детства, куда должен был попасть после начавшегося туберкулеза, но был спасен, физическое возвращение оборачивается для него душевным и сердечным невозвращением.

Возвратившись домой после незавершенного лечения в госпитале, где узнал о замужестве Кати, Тезкин не находит себе места в прежде родном мире, равнодушном к его чувствам и идеалам, и снова отправляется в дорогу. Он скитается по стране, не находя спасения, не может успокоить тоскующую душу, потерявшую ценность жизни. Здесь возвращение героя в прежний мир можно трактовать как ситуацию отказа от возвращения, что вызвано знанием невозможности сделать этот мир гармоничным.

Вновь вернувшись домой, Александр работает санитаром. После случайной встречи с Козеттой под ее влиянием поступает в университет, где изучает астрономию. Выбор специальности не случаен. Еще в армии новобранец Тезкин полюбил смотреть на небо и звезды, и можно трактовать увлечение звездным небом как стремление приблизиться к истине на пути к вере.

Разочаровавшись в друзьях-физиках, мечтающих остаться в Москве и забывших о прежних идеалах бескорыстного служения науке, герой забирает документы из вуза и в поисках своего места в жизни уезжает на метеостанцию, расположенную на одном из островов Онежского озера. Тезкину казалось, что он наконец-то «нашел тот кусок земли, где можно было прожить всю жизнь, не жалея ни об одном дне, не изводя себя пустыми сожалениями и страстями, ибо дни были непохожи один на другой, разрушая тем самым скуку, которая томит горожан и заставляет их выдумывать суетные заботы о деньгах, почестях и наградах» [1]. Но и здесь Санька потерян, не находит опоры и смысла жизни, несмотря на чтение книг и написание философских трудов о тайнах и символах бытия.

Через два года «стихийный философ», тщетно стремящийся постичь смысл жизни и обрести дом, возвращается в Москву, где уже нет Кати, уехавшей с мужем в Германию, и друга Левы Голдовского, отправившегося покорять Америку. Он появляется в тот момент, когда страна находится на пороге больших перемен. Варламовский герой выпал из своего времени. Он осознает не только неосуществленность идеалов, но и разрушение общенациональных ценностей. Новое возвращение открывает безрезультатность, даже невозможность что-либо изменить. Автором снимается семантика возвращения как свидетельства обретенных ценностей и восстановления нормы.

Не найдя приюта в родном доме, где появились две невестки («Дом, казавшийся ему непоколебимым… канул в прошлое, да теперь это был никакой и не дом, а снова коммунальная квартира» [1]), Тезкин совершает новый побег, но уже не в дальние области страны, а в близлежащее пространство, тоже родное ему: уезжает жить на дачу в Купавну. Здесь устраивается на работу в НИИ, где расшифровывает космические снимки разрушаемого человеком мира: «На них была видна истерзанная земля, залитая искусственными морями, с вырубленными лесами и наступавшими оврагами, словно вопрошавшая: о род людской, камо грядеши? Но даже думать об

этом было страшно. Хотелось закрыть глаза и не видеть ничего вокруг, разве что достать звездной ночью телескоп и снова разглядывать небо» [1]. Возвращаясь из института, герой заходит в запущенную церковь: «Здесь острее, чем где бы то ни было, он чувствовал, что жизнь его, такая же вольная и независимая, как всегда, жизнь, в которой он был сам себе предоставлен, все же ущербна. Ей чего-то недоставало, и душевный разлад его все больше усугублялся, точно кто-то выбил из-под его ног опору и все закачалось, зашаталось и пошло вразброд. А где было эту опору искать, он не знал» [1]. Приезжая из Купавны в Москву, Саня видит, как происходящее в государстве меняет его бывших друзей по университету, стремящихся не оказаться «лохами», стать богатыми любой ценой, так как быть бедным стыдно. Герой не принимает моральные нормы современного ему мира и в то же время не видит нравственных ориентиров. Он несет вину не только за себя и свои дела, но и за состояние мира, его несовершенство. Герой обречен «на бесконечные поиски своего места в жизни» [2].

После смерти отца Тезкин, не желающий становиться в угоду времени бизнесменом, вновь отправляется в странствия по России, проповедуя второе пришествие Христа: «призывал пока не поздно покаяться, отказаться от стремления к наживе и обратиться к Богу» [1]. Но после беседы с монахом в Почаевской лавре Александр «прекратил всю свою самозваную пастырскую деятельность», купил дом с баней и гектаром земли на краю деревеньки Хорошей – «медвежьем углу Тверской губернии», в которой живут дед Вася Малахов да три старухи, мечтающие о том, чтобы их кто-нибудь похоронил по всем правилам. Здесь он чинит свой ветхий дом, стоящий на самом берегу речки Березайки, и снова пишет философские сочинения, остро чувствуя, что мир находится на пороге своей гибели. Эсхатологические мысли не оставляют героя.

Почувствовав, что Катя в опасности, в разгар путча 1991 г. Тезкин отправляется в Германию в поисках любимой. Он живет и работает в Мюнхене, после долгих поисков находит Катерину и возвращается с ней в деревню Хорошую. Это возвращение героя окончательное. Он наконец-то в своем доме рядом с любимой женщиной, его поиск пути к праведной жизни завершается приходом к вере.

Сюжетообразующая ситуация возвращения свидетельствует о восстановлении нормы (хотя и неполном), обретении ценностей. Думается, не случайно в финале романа Лева Голдовский видит то ли сон, то ли грезу о

наступившем конце света и исчезновении материков и стран, остается и светится только «маленькая точка между Питером и Москвою, где по-прежнему жили три одинокие старухи, три ветхие мойры, которых не взяли на небо и не сказали, что история закончилась, оставив охранять сокровища потухшей земли и память о ее смешных обитателях» [1]. Здесь, согласно завещания героя, прошедшего тернистый путь, он находит последний приют. Разомкнутое художественное пространство романа, охватившее Москву, забайкальские степи, южные части, Черное море, среднюю полосу России и др., смыкается в светящейся точке между двумя главными городами страны.

Ситуация возвращения связана с еще одной важной для писателя темой – патриотизма, раскрывающейся в эпизодах отъезда своеобразного антипода Тезкина, его друга Левы Голдовского, который, как многие россияне в те смутные годы и в современное время, в поисках лучшей доли уехал в Америку, но накануне свадьбы и получения долгожданного гражданства, повинуясь неожиданно охватившему чувству, вернулся на Родину, чтобы здесь родились его дети от любимой женщины и здесь они воспитывались. Он понимает бессмысленность своей жизни вне России. Душевный импульс подтолкнул героя к внезапному и необъяснимому на первый взгляд возвращению в родную страну. Оно продиктовано чувством любви: «Голдовский любил Россию. Он проклинал ее нищету, разбитые дороги, пьяные рожи опустившихся мужиков, но представить себя вне ее не мог»; «… думал, что не испытывает к своей земле ни капли ненависти и обиды. Скорее, его чувство было чувством сына по отношению к обанкротившемуся и спившемуся отцу – хочешь не хочешь, а если ты порядочный человек и уважаешь себя, то надо принимать наследство, из одних долгов состоящее, и эти долги платить» [1]. Тезкин тоже неоднократно сталкивается с ситуацией отъезда за границу – его зовет с собой Лева; Маша-Машина, не решившаяся родить от него ребенка, при новой встрече через много лет почти заклинает его уехать из страны. Александр отправляется в Германию только в поисках Козетты, но не планирует остаться там, несмотря на уговоры Фолькера. В разговоре с профессором он говорит: «Моя жизнь была не самой удачной, но все равно я с ужасом думаю, что было бы, если б моя жизнь прошла не в России, а в вашей чудесной, милой стране» [1]. Герой связан кровными узами со всеми людьми, природой, с родной землей, с происходящими событиями: «Тезкин подумал, что его отец, эта девушка

(любимая женщина Левы – Г. Б.), старухи в церкви, священник – эти люди образуют единое целое, они связаны между собою, и больше всего на свете он боялся бы выпасть и эту связь с ними разорвать» [1]. Возможная потеря связи с ними – одна из причин возвращения героя.

Ситуация возвращения – повторяющийся элемент сюжета романа – позволяет запечатлеть знаки духовного становления и воскрешения главного героя, «блудного сына», скитальца, ищущего смысл жизни, в наиболее ответственные периоды жизни. За каждым его уходом/побегом, сопровождающимся «пограничным» состоянием в мире, следует возвращение, свидетельствующее то о крушении ценностей, их необнаруженности в мире, где бродил Саня, то о невозможности их утверждения, то о несовершенстве мира, то о принятии трагического несовершенства бытия. В финале душа Тезкина, блуждающая в сомнениях, приходит к Богу и приближается к истинному дому. Праведник, как и в ранней повести А. Варламова «Здравствуй, князь», «становится центром истинного мира» [3, с. 61].

Ситуация возвращения активно используется в прозе А. Варламова, но это уже тема отдельного исследования.

Список литературы

1. Варламов, А. Н. Лох : роман / А. Н. Варламов // Электронная библиотека Modern Lib.Net: – Москва, 1995. – URL: http://modernlib.net/books/varlamov_aleksey_nikolaevich/loh/read (дата обращения: 21.02.2022).

2. Личманова, Т. О. Художественная концепция личности в прозе А. Н. Варламова, М. П. Шишкина, О. О. Павлова : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. О. Личманова. – Краснодар, 2016. – 23 с.

3. Рыбальченко, Т. Л. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950-1990-х гг. / Т. Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – № 1. – С. 58–82.

4. Счастливцева, Ю. А. Проза А. Варламова 1980– 1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие : автореф. дис. … канд. филол. наук / Ю. А. Счастливцева. – Магниторск, 2007. – 21с.

5. Федорова, Т. А. Поэтика прозы Алексея Варламова : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. А. Федорова. –Астрахань, 2012. – 17 с.

УДК 75.046 (470.54) + 246.3 "18"

Давыдов Остап Михайлович
сотрудник Информационно-издательского
отдела Челябинской епархии

МАЛЬЧИК ИЗ УРЖУМА ПРОТИВ СВЯТИТЕЛЯ МАКАРИЯ: РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИКОНОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРОЗЫ

Аннотация. В статье дилогия Антонины Голубевой о С. М. Кирове рассматривается как образец жанра «повесть взросления» и как революционная квази-икона

Ключевые слова: С. М. Киров, повесть взросления

Ostap M. Davydov
Publishing Department of Chelyabinsk Orthodox Diocese

THE BOY FROM URZHUM VS BISHOPMACARIUS: REVOLUTIONARY ICONOGRAPHY OF THE SOVIET CHILDREN'S LITERATURE

Annotation. The article deals with the A. Golubeva's dilogy on Kirov. Dilogy is considered as a quasi-iconic text and as a typical example of teenager soviet novel.

Keywords: S. Kirov, teenager soviet novel

«Квазирелигиозность» советского культа вождей и героев революции отражена и в детской литературе. Отдельной строкой идут дети, совершающие «взрослые» подвиги, к обобщённым образам которых относится Мальчиш-Кибальчиш, литературные портреты Павлика Морозова и Коли Мяготина.

Полагаем, не менее интересно и другое направление: наставительные рассказы и приключенческие повести о дореволюционном детстве деятелей революции. Советским юным читателям они служили не только в качестве «священных» биографий героев, но и как истории взросления (особый жанр, в русской литературе ориентированный на трилогию Льва Толстого «Детство. Отрочество. Юность»), и как источник детальных исторических знаний о безвозвратно ушедшей эпохе.

Советский прозаик, приступающий к созданию такого текста, становился перед дилеммой: изобразить героя положительным, послушным мальчиком или самостоятельным искателем приключений, Томом Сойером, шалости которого служили бы выражением нонконформизма.

Хороший мальчик в советской литературе – это, конечно, юный Володя Ульянов, смотрящий с октябрятской звёздочки. Воспоминания родст-

венников Ленина, изначально призванные очеловечить монументальный облик вождя, в итоге служили лишь его идеализации. Володя Ульянов не может обманывать, единственный раз он позволил себе сказать маме неправду про разбитую вазу (но тут же сознался во лжи). Это вписывается в «агиографическую» канву Ленинских биографий – Ильич никогда не говорит неправду, разве что слегка лукавит с иронией.

В галерее ярче галерея юных нонконформистов многочисленные гимназические повести, когда нарушение школьной дисциплины, непослушание учителям выдаётся за сопротивление царизму («Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля, «Серебряный герб» Корнея Чуковского, отчасти «Дорога уходит вдаль» Александры Бруштейн), и непосредственная помощь революционерам («Зелёная кобылка» Павла Бажова, «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева).

Часть этих текстов была написана (во всяком случае задумана) в 1920-х или первой половине 1930-х, – по сути, до формирования чёткого идеологического заказа, который перед детской прозой был поставлен Первым съездом советских писателей в 1934 г. Часть же появилась после войны. Сталинская эпоха в общем не создавала ограничений трикстерской приключенческой беллетристике. Однако не исчезала в детской прозе и потребность в изображении революционного идеала.

Детская «лениниана» для младшего школьного возраста не получила продолжения в соответствующей «сталиниане». Вождь номер два не любил вспоминать кавказское детство. Но линию идеалов внезапно продолжила дилогия «Мальчик из Уржума» А. Г. Голубевой, посвящённая детству и юности Сергея Мироновича Кирова.

Про таких, как Антонина Голубева, говорят – «писатель одной книги». «Мальчик из Уржума» – первая часть дилогии с таким же общим названием, «идиллическая», посвящённая детству Серёжи Кострикова (настоящая фамилия Кирова), переиздавалась многократно, вплоть до 1980-х. Вторая часть дилогии, «революционная», посвященная юношеским годам Кирова в Томске в 1905 году – «Заря взойдёт» – появилась на свет только в период Оттепели, в 1957 г., на подъеме общей волны романтизации забытых революционных героев. «Заря», в отличие от первой части дилогии, успеха не имела, а повесть «Клаша Сапожкова» и вовсе оказалась забытой. Впрочем, Антонина Голубева, вероятно, и не стремилась занять место сре-

ди известных советских детских писателей, сосредоточившись на редакционной работе в литературном журнале «Звезда».

Мы будем рассматривать две части дилогии «Мальчик из Уржума» и «Заря взойдёт» как единое целое. Почему юный Серёжа Костриков мог занять место в продолжении ленинианы «вместо» юного Иосифа? Киров оказался едва ли не единственным довоенным мучеником среди вождей Сталинской эпохи. Он не предал, как Троцкий, Зиновьев, Каменев и Бухарин. Он не умер от болезней, как Фрунзе и Орджоникидзе. После более пятнадцати лет торжества советской власти, Киров застрелен в затылок безликим врагом. Гибель вождя послужила поводом ко всеобщей скорби и началу репрессий.

Киров оказался новым революционным «святым». Поэтому молодой журналистке-комсомолке Антонине Голубевой, едва окончившей вечернее отделение Литинститута, был дан карт-бланш на воспроизведение любых трогательных подробностей детства мальчика Серёжи Кострикова.

Повесть «Мальчик из Уржума» открывается предисловием, о том как молодой автор добиралась на место писательского расследования. Впечатления можно охарактеризовать двумя словами: глушь и мрак. Путь на лошади от железнодорожной станции занял четыре дня, «ёлки да сосны..., да полосатые верстовые столбы, будто и с места не трогались». «Снега намело чуть ли не до окон... Нигде не горели огни. Уржум спал тем глубоким сном, каким спят глухие деревни. И так же, как в деревне, где-то во дворах лаяли собаки» [1, с.6, 8–9].

Эта картина противоречит дальнейшему идиллическому описанию Уржума, вполне урбанизированного уездного города, не чуждому новинок начала века, связанному с центрами России. Неужели при советской власти, полвека спустя, стало хуже? Однако она вполне соответствует квазиагиографической установке: по смерти героя на землю опустилась тьма, а при его жизни земля озарялась его светом.

К семи годам Серёжа Костриков остался сиротой. Мать умерла от туберкулёза, а отец ушёл на заработки и пропал без вести, вероятно, бросив семью. Для героя повести отсутствие родителей могло бы решить «проблему послушания».

Впрочем, Серёжа остался не совсем один. Жива была бабушка Маланья. Она готова была воспитывать девочек, сестёр Костриковых, но мальчика-шалуна решила отдать в приют. Там ему гарантировались не только

питание и одежда, но и образование, что очень важно для будущего мужчины. Ещё одно счастливое обстоятельство: приют находился совсем недалеко от прежнего дома, и после адаптации Серёжу стали отпускать домой по выходным и праздникам. Разрыва с прежней средой, прежде всего с другом и соседом Санькой не произошло. Рефреном через всю книгу повторяется фраза: «и они с Санькой побежали купаться на речку». Более того, уже повзрослевший Сергей Костриков, студент, приезжая в Уржум на каникулы, продолжает питаться и получать вещи в приюте, ночуя дома.

Поразительно, сколько сделали для юного сироты Сергея как раз «ненавистные представители старого режима», и в особенности, духовенство. Начальное образование он получает в церковной школе, о его способностях заботятся учителя. Затем следует Уржумское городское училище. Сергей охотно поёт в церковном хоре, потому что он музыкален. Настоятель городского собора отец Константин заступается за него в случае шалостей, собирает деньги по подписке на то, чтобы юноша смог продолжить образование в Казани и получить специальность механика. Председатель благотворительного общества Польнер берётся содержать юношу во время учёбы, селит его бесплатно у казанской родственницы-немки. Правда, с точки зрения мальчика, отражаемой автором, «благодетель» исполняет обязательства не идеально, и квартира так себе...

Серёжа и его друг Саня общаются с ссыльными в Уржуме, помогают с листовками. Идиллической кульминацией служит сцена, когда два мальчика везут тираж нелегальной печати на лодке, которую ради бравады сами украсили надписью «Искра». Раннее утро, их останавливает вышедший на реку для утренних процедур полицейский надзиратель Куршаков. Он улыбается детям, и только недоумевает»: «Чудное название вы придумали! Искра! Вы бы лучше Ветерком или Зорькой назвали. Красотка тоже хорошее имя, или вот ещё Зазноба...» [1, с. 155].

Читая «Искру» Серёжа чувствует нечто невнятное, происходящее за пределами его идиллического мира. Но в Уржуме почти нет пролетариата. Эпизодически правду рабочего класса Серёжа познаёт на производственной практике в Казани. Дальше он мог бы вернуться в родной Уржум, поднимать семью, отдавать моральный долг тем, кто в детстве помог ему. Но Костриков, по совету приятеля Ивана Тарарира, отправляется в сибирский Томск. Формальный повод – чтобы поступить в университет. Провалить экзамены из-за отсутствия способностей квази-святой не может, потому ско-

ро выясняется, что он и не собирался становиться студентом, но готовился посвятить себя революции. Этим заканчивается первая часть трилогии.

События 1905 г. в Томске обрамлены двумя эпизодами: студенческой демонстрацией в январе 1905 г. и так называемым Томским погромом третьей декады октября, когда в результате беспорядков, центр города охватил пожар. От последнего советская историография дистанцировалась, называя его черносотенным.

Сергей Костриков прибывает в Томск накануне в 1904 г., к началу учебного года, чтобы учиться на подготовительных курсах. В его жизни появляется последний товарищ, который убеждает юношу посвятить себя знаниям, а не политике. Теперь это уже не ангел, а искуситель – нарочито комичный, склонный к полноте студент Капитоша, будущий доктор, который в итоге оказывается штрейкбрехером и даже идейным врагом. Впрочем, у Серёжи Кострикова, воспитанного, взращенного и отправленного на учёбу за средства православных христиан, появляется персональный противник – епископ Макарий (Невский).

Заметим, что С. М. Киров лично виновен в расстреле как минимум двоих архиереев одновременно. В 1919 г. в Астрахани митрополит Митрофан (Краснопольский) и его викарий епископ Леонтий (Вимпфен) организовали крестный ход, который должен был завершиться в местном кремле, в кафедральном соборе. Киров, как председатель реввоенсовета, объявил крестный ход «вооруженной провокацией» и приказал расстрелять архиереев как организаторов. Владыка Макарий ныне прославлен в лике священномучеников, владыка Леонтий – местночтимый святой в Астрахани. Тема превращения мирного протеста в вооруженную провокацию ещё будет упомянута ниже, в связи с рассматриваемой нами дилогией Антонины Голубевой.

Митрополит Макарий (Невский) прославлен не как новомученик, а как святитель. Его обвиняли в связях с Распутиным, к нему проявляли интерес чекисты, но всё-таки владыке довелось принять мирную кончину в 1925 г. В 1905 г., когда разворачивается действие повести, владыка Макарий, тогда ещё епископ, но уже известный как «апостол Алтая», готовился отмечать семидесятилетие со дня рождения и пятидесятилетие церковного служения.

Владыка Макарий появляется в повести как собеседник губернатора Всеволода Азанчевского-Азанчеева. Губернатор изображён в повести нарочито карикатурно, например, он мечтает о том, чтобы Томск лишился уни-

верситета. Поначалу владыка лишь один из властных мира сего. Более того, епископ человечен, он трогательно заботится о ребёнке – родственнике губернатора. О существовании Кострикова он не подозревает.

Возвращаясь к главному герою повести, нужно отметить одну деталь, препятствующую идеологической задаче автора. Дело в том, что Костриков (будущий Киров), хотя и вступил в РСДРП в 1904 г., но стал большевиком не сразу, а достаточно долго тяготел к меньшевикам. Юному читателю книги-иконы знать об этом не было нужно. Однако нелогично сразу было и вкладывать в уста Кирова идеологически идеальные речи. Пока, не будем забывать, перед нами не герой революции, а Серёжа, «мальчик» из Уржума, который задумал очередную шалость, хотя и общегородского масштаба.

Дальнейшие события стилизованы автором почти под Рождественскую сказку. И снова интересная аберрация, Сергей и его новые друзья, Ося и Варя, не отмечают Рождества, но широко празднуют Новогоднюю ночь. Это не казалось удивительным юному советскому читателю. Но для русской, пусть даже секулярной семьи тех времён, это действительно, непривычно. Однако в канун Рождества Серёжа задумал «операцию», за которую автор повести не постеснялась назвать его «антихристом» и даже вынести это слово в название главы. К празднику Рождества Христова 25 декабря 1904 года владыка Макарий, как обычно, готовит традиционное архипастырское послание, которое печатается в местной типографии и вручается в подарок тем, кто пришёл на праздничную литургию в собор. Здесь приходится констатировать, что сама Антонина Голубева текста этого послания скорее всего не видела. И кто бы предоставил комсомолке архивные подшивки епархиальных ведомостей! Поэтому в книге владыка Макарий вместо ожидаемой риторики «нахваливает» неудачную Русско-Японскую войну. Ныне текст послания доступен, ничего подобного в нём нет. Однако тон послания не вполне нейтрален, в нём обличается Европа, эпоха Возрождения, безбожные философы, что свидетельствует в большей мере об эрудиции владыки [2].

Часть тиража отпечатана накануне и отправлена влиятельным лицам, губернатору, полиции, чтобы подвох не сразу был замечен. Ночью накануне Рождества в типографию проникли неизвестные, и оставшаяся часть тиража, предназначенная для раздачи народу, была допечатана единственной

строкой: «Долой царя небесного и царя земного! Да здравствует революция! Томский комитет РСДРП». [1, с. 296]

Владыка Макарий начинает чтение послания в соборе, разумеется, не подозревая о подлоге. При этом, как описывает Голубева: «Макарий широко и размашисто заносил над их головами крест… С лица владыки не сходило злое, раздраженное выражение. Несколько раз он повышал голос до гневных выкриков. Но кое-кому из прихожан эта проповедь по-видимому нравилась» [1, с. 294] – вероятно потому, что подлог уже вручён им в руки.

Повествование вновь концентрируется на судьбе главного персонажа. Рядом с ним напрашивается появление романтической героини, но допустимо ли влюбляться герою революции? Тем более в брак Киров вступит значительно позже, за пределами повествования.

Так в романе появляются Варя и Ося, друзья детства и дальние родственники, очевидно составляющие пару. Ося вскоре погибает. И хотя Сергей испытывает к Варваре недвусмысленные чувства, те так и остаются платоническими. Революционная пара не может предаваться счастью до победы своего дела.

19 января 1905 г. должна выйти с протестом студенческая демонстрация. Ячейка РСДРП, естественно, решает, быть ей вооружённой или нет. Опытный революционер Ордынский настаивает, что оружие брать нет смысла, его настолько мало, что оно способно лишь раздразнить жандармов. Серёжа Костриков настаивает, что не пойдёт безоружным, оружие подчеркнёт серьёзность его намерений. «Вы, Костриков, как я вижу вооружены до зубов, – саркастически усмехнулся Ордынский. – От вашего смит-вессона полиция побежит сломя голову». – «Это, конечно, не смит, но и не пульверизатор», – парировал обозлившийся Сергей [1, с.308]. Пистолет в руках Серёжи играет роковую роль. Полиция отвечает огнём на огонь, но смертельно ранит не Кострикова, а шагающего рядом Осю, безоружного, несущего красное знамя. Ещё можно остановиться. Но на поминках по Осе Серёжа произносит роковую фразу: «Его убил Николай Второй!» Мораль подменяется идеологией, нет смысла задумываться над дальнейшими убийствами.

Наконец, автор изображает сцену, когда мальчик Серёжа хладнокровно убивает безоружного человека – своеобразное завершение «инициации» боевого революционера. Во время осенних событий, молодые социал-демократы собираются на сходку. Покидая помещение, они обнаруживают

во дворе подозрительного незнакомца, который может оказаться шпиком, а может и обычным прохожим. Гибель человека во время волнений не станут расследовать всерьёз, а конспирация может быть нарушена. Товарищ Серёжи целится в незнакомца из окна, но у него дрожат руки. Костриков отнимает у него пистолет и бьёт точно в цель.

Повествование не заканчивается на этом. Тюрьмы, посещение товарищей в ссылке, конспиративная работа. Чем дальше, тем более ускоряется повествование: автору необходимо и уложиться в формат повести, и довести рассказ до того момента, когда у Кострикова в газете «Терек» появляется первая публикация под псевдонимом Киров. Последние главы повести, по сути, достаточно схематичны.

Имеет смысл остановиться именно на этой сцене: двое «мальчиков», вооруженных ржавым браунингом и заражённых античеловеческой идеологией, убивают прохожего. Эволюция – неотъемлемая часть «прозы взросления», как жанра детской прозы. Серёжа Костриков из жизнерадостного малыша, больше всего любящего бабушку и купание в речку, эволюционирует в настоящую «революционную икону», которую с христианской точки зрения нельзя признать иначе, как идолом.

Как и взрослые читатели того времени, изучавшие Священное Писание в детстве, мы можем легко провести параллель между судьбой Кирова и словами Христа: «Взявший меч от меча и погибнет» (Мф. 26, 52). Сергей Киров точно так же, как его первая жертва, будет убит выстрелом сзади. Сама его смерть послужила как причиной репрессий в отношении других людей, так и мощным камнем в фундамент культа сталинской идеологии. Ответ Писания есть и на это: «Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17, 1).

Однако юный читатель, воспитанный не на Евангелии, а на заповедях строителя коммунизма, на антирелигиозных карикатурах, с удовольствием следил за приключениями «мальчика из Уржума», о чём косвенно свидетельствуют тиражи и переиздания дилогии, особенно первой её части. И перед ними появлялись непонятные, лишь номинально знакомые образы прошлого: учителя закона Божия, губернатора, епископа Макария.

Антон Семёнович Макаренко – не только педагог, но и талантливый детский писатель того времени сразу после выхода первой части дилогии отозвался о ней скептически, назвав книгу Антонины Голубевой «безыскусной». Быть может эта характеристика дилогии как раз точна.

Текст Антонины Голубевой «иконичен», в том смысле что стремится к идеалу в отображении идеологических установок, но по той же причине «иконически безыскусен». Впрочем, неудачная икона, тем более «икона» революционного квази-святого сокращает разрыв между восхищением образом героя и лубком (и, опять же, – демонстрируя очевидную, глубинную связь и духовную преемственность русской культуры).

Список литературы

1. Голубева А. Г. Мальчик из Уржума. Заря взойдёт. – Л.: Лениздат, 1957. – 404 с.

2. Слово в день Рождества Христова Макария, епископа Томского // Томские епархиальные ведомости, № 2 от 15.01.1905, оф. часть. – С. 6–15.

УДК 80. 37

Зимакова Евдокия Степановна

Владимирский государственный
университет имени А. С. и Н. С. Столетовых,
кафедра иностранных языков
профессиональной коммуникации,
старший преподаватель

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Двадцать первый век – век информационных технологий. Интернет стал неотъемлемой частью жизни. Речь современной молодёжи формируется под влиянием интернета, а точнее, так называемых социальных сетей, нежели художественной литературы. На сегодняшний день актуальной проблемой и растущей тенденцией коммуникации молодежи становится присутствие такого явления, как осуществление информационного обмена, насыщенного нестандартными словами и оборотами по отношению к общепринятым нормам языка. Данный процесс является механизмом, разрушающим чистоту речи и отдаляющим от литературного языка, требований нравственности.

Ключевые слова: чистота речи, языковая среда, интернет, речевая культура, молодое поколение, мировоззрение, литературный язык

Zimakova Evdokia Stepanovna

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Department of Foreign languages of professional communication, Senior tutor

DESTRUCTIVE INFLUENCE OF THE INTERNET SPACE ON THE FORMATION OF SPEECH CULTURE IN THE LANGUAGE ENVIRONMENT OF THE YOUNGER GENERATION

Annotation. The twenty-first century is the age of information technology. The Internet has become as an integral part of life. The speech of modern youth is formed under the influence of the Internet, or rather the so-called social networks, rather than fiction. To date, the presence of such a phenomenon as the implementation of information exchange, saturated with non-standard words and phrases in relation to the generally accepted norms of the language, is becoming an urgent problem and a growing trend in youth communication. This process is a mechanism that destroys the purity of speech and moves away from the literary language, and sometimes the requirements of morality.

Keywords: purity of speech, language environment, Internet, speech culture, young generation, worldview, literary language

Глобализация привела не к «культурному объединению», а скорее к технической унификации, единообразию без настоящего единства. Появился целый калейдоскоп возможностей, позволяющих обладать самой различной самобытностью. Сегодняшняя культура – это уже не культура какой-то местности, а культура времени. В процессе технологических и культурных изменений всё больше людей переступают культурные барьеры, которые раньше их разделяли. Культура – это форма коммуникации, которая наиболее утончённо выражается в языке и вместе с ним в широком спектре духовных идей.

Очевидно, что язык выступает в качестве средства ориентироваться в реальности: посредством абстракции он упорядочивает феномены, прежде хаотические, встраивая их в систему грамматики. Слова являются звуковым выражением понятий; понятия же суть более или менее определённые образные знаки для часто возвращающихся и совмещающихся ощущений, для групп ощущений. Для того, чтобы понимать друг друга, недостаточно пользоваться одними и теми же словами; надо ещё обозначать теми же словами один и тот же вид внутренних переживаний, надо иметь с собеседником общий опыт.

Языковая среда создаётся автоматически в условиях повседневной жизни. «Понимание особенностей современной языковой ситуации, речевого поведения современника необходимо для полноценного межличностного, в том числе профессионального общения. Языковая среда является важнейшей составляющей гуманитарной образовательной среды, и ориентация в ней требует специальных знаний и умений. Эффективная комму-

никация, умение воздействовать на собеседника или на аудиторию, не манипулируя ими, умение преодолевать конфликты, формулировать и отстаивать свою точку зрения предполагают особое внимание к языковой составляющей общения» [3, с. 4].

На формирование языковой среды влияют различные факторы. Для любого молодого человека языковая среда складывается из речи родителей и друзей, художественной литературы, радио и телевидения, кино и театра, общения в школе или университете, из ресурсов интернета, в социальных сетях, из журналов и т. д. К большому сожалению, сейчас можно констатировать, что речь современной молодёжи скорее формируется под влиянием интернета, а точнее – в большей мере социальных сетей, нежели художественной литературы.

Двадцать первый век – эпоха информационных технологий. Безусловно, интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни. К «паутине» каждый из нас обращается при первой же возможности, будь то запрос о погоде, новостях, книгах или о чем-то другом (забывая при этом о существовании, в качестве источника информации, газет или книг). К сожалению, в интернете не работают редакторы, не все статьи проходят жесткую проверку, поэтому – все больше можно найти ошибок, неточностей, ложной информации.

Чистота речи снижается с каждым днем, но почему же это происходит? Цифровизация любит краткость, поэтому многие начинают следовать этому стандарту. Старшее поколение в значительной мере склонно к правильности, грамотности речи, соблюдению языковых норм, до сих пор предпочитая живое общение. Молодое поколение предпочитает контакты виртуальные, поэтому все чаще встречаются сокращения: «пж» – «пожалуйста», «спс» – «спасибо» и т. д. Виртуальное общение все в большей степени поглощает нас, привычки, стереотипы оттуда переходят и в настоящую реальность. Современный язык интернета по своей структуре (задающий стиль всем другим видам и способам общения) становится нормой для устного (и, далее, письменного) языка.

Приведем еще один пример краткости такого рода. В 2006 г., как известно, появилась такая сеть как «твиттер». С помощью 140 используемых в сети символов нужно было передать главное, свои мысли или эмоции, сказать что-то важное. По необходимости, многие стали сокращать слова,

фразы, чтобы уложиться в заданный интервал. В итоге сформировалась привычка, которая стала нормой.

Уходит в прошлое привычка писать «бумажные» письма, следить за чистотой речи, слогом. Написание такого текста было своего рода искусством, творением, когда автор стремился посредством слов ез слова стремились передать глубокое содержание. Сейчас на смену словам пришли стикеры и эмодзи, отпала необходимость что-то придумывать. Можно просто отправить грустный смайлик или скобочку, и тебя сразу поймут. Как следствие, молодые люди привыкают к такому стилю. Однако на психологическом уровне «…такое общение наносит серьезный урон грамотности живого общения. Ведь если десять раз человек видит неправильное написание слова, именно оно отложится на подкорке подсознания. Все это становится причиной безграмотности в современном обществе» [2].

Влияние интернета на речь усиливается и за счет широкого распространения игр в Сети. Даже и в русскоязычных версиях присутствуют Англицизмы, которые запоминаются [2]. Кроме того, происходит заимствование сленга, жаргонных фраз (в русском языке это воровской, который обычному человеку покажется непонятным). Популярный англицизм сегодня – LOL, сокращенное от английского выражения «Laughing out loud» – смеяться громко вслух. Такие жаргонные слова особенно популярны в социальных сетях, и та же манера общения переносится в реальность [1].

В интернет-общении создаются слова. Так, слова появляются в процессе информационного поиска («загуглить», «заяндексить»), за счет новый возможностей социальных сетей («запостить», «залайкать») и так далее. Однозначно, что такие слова засоряют язык (не имея никакой смысловой нагрузки, кроме выполнения действия), в них нет ничего красивого, одна и та же форма образования.

Интернет представляет собой большую площадку для самовыражения. Кто-то анонимно пишет тексты, кто-то выставляет фотографии, кто-то находит людей по интересам, при этом – многие пишут с грубейшими ошибками. «Благодаря умышленной ошибке произведение может приобрести фирменный стиль и, соответственно, запоминаемость для аудитории» [4].

В прошедшие годы пандемии мы все поняли, что стиль общения в интернете – это важно, поскольку до сих пор приходится часто общаться через e-mail. С проникновением делового стиля проникает в веб-пространство, возможно, в перспективе уровень грамотности речи станет

выше. Как известно, существуют и технические средства для улучшения качества интернет-текста (например, функция «Т9», предиктивная, предугадывающая, система набора текстов для мобильных телефонов. С одной стороны, данная функция важна, однако возможности ее ограничены и достаточно часто в результате слово пишется неверно или автоматически исправляется не так, как надо. Практически то же самое происходит и в программе WORD, имеющей функцию «правописания». И этот редактор не идеален. Бывает так, что программе «не нравится» то или иное слово, а правильного написания она не дает. В случае сомнения пользователь опять таки обратиться к интернету, получается замкнутый круг, поглощающий современного человека (незаметно для него).

Формирование речевой культуры и укрепление позиций русского языка в молодёжной среде остается актуальной задачей сегодняшнего дня. От её решения зависит сохранение чистоты и красоты родного языка. Данная задача не проста, требует вмешательства со стороны государства, принятия определенной культурной политики. Укрепление позиций русского языка у современного молодого поколения особенно важно, поскольку именно в этом возрасте происходит окончательное формирование мировоззрения, складываются моральные принципы, формируются различные стереотипы. Безусловно, в немалой степени все это происходит под воздействием той языковой среды, в которой находится современная молодежь.

Список литературы

1. Жечковская, Т. Влияние интернет-общения на культуру речи / Т. Жечковская. – URL: https://www.peremenka31.ru/3822.html (дата обращения 05.01.2021).

2. ИМХО фсё оки: как Интернет меняет нашу речь. – URL: https://piter-trening.ru/kak-internet-menyaet-nashu-rech/ (дата обращения 21.12.2021)

3. Козырев, В. А. Современная языковая ситуация и речевая культура / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – Москва : Наука, 2012. – 184 с.

4. Харламова, Н. «Щас спою»: Зачем намеренно делать ошибки в словах / Н. Харламова. – URL: https://weekend.rambler.ru/crazy-world/43182604-schas-spoyu-zachem-namerenno-delat-oshibki-v-slovah/ (дата обращения 28.12.2021).

УДК 811.161.1

Кухта Светлана Владимировна
Белорусский государственный экономический университет, кафедра белорусского и русского языков, старший преподаватель

РОЛЬ АДАПТАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ-ИНОСТРАНЦАМИ

Аннотация. В статье рассматривается адаптация, как одно из важнейших условий активизации межкультурной коммуникации студентов-иностранцев, актуальность адаптации при обучении русскому языку как иностранному. Адаптация – один из главных аспектов, способствующих иностранным студентам не только изучать лексику, грамматику русского языка, но и получать знания по специальности. Осознание возможности преподавания языка с учетом специфики студентов-иностранцев – одна из составляющих успешной адаптации обучающихся.

Ключевые слова: адаптация; комфорт; речевая деятельность; поставленная задача; аспект; навык; пространство; высококвалифицированный специалист; коммуникативная деятельность; компетенция

Kukhta Svetlana Vladimirovna
Belarussian State Economic University, Department of Belarussian and Russian languages, senior Lecturer

THE ROLE OF ADAPTATION IN LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE BY FOREIGN STUDENTS

Annotation. The article deals with the adaptation as the one of the most important condition for the activating of the intercultural communication of foreign students, the actuality of adaptation into teaching Russian as a foreign language. It is adaptation is one of the most important aspects helping foreign students not only learning vocabulary and grammar of the Russian language, but also gaining the knowledge according to their specialty. The awareness of the possibility of the language's teaching, taking into account foreign students'peculiarities, is one of the components of the successful adaptation of the students.

Keywords: adaptation; convenience; speech activity; assigned task; aspect; skill; space; highly qualified specialist, communicative activity; competence

Сотрудничество между странами – одно из приоритетных направлений деятельности Белорусского государственного экономического университета, которое способствует высококачественной подготовке высококвалифицированных экономистов, менеджеров, бухгалтеров, финансистов, банкиров, разработке основных экономических наук.

Очевидно, что в сложившейся ситуации весьма важной проблемой является проблема адаптации студентов-иностранцев к абсолютно новому для них пространству, и особенно, речевому, так как речевая адаптация студентов-иностранцев определяется актуальными задачами эффективного обучения будущих специалистов. Быстрая речевая адаптация содействует включению студентов-иностранцев в учебный процесс, помогает повысить качество подготовки специалистов экономического профиля.

Культурно-образовательному сообществе Белорусского государственного экономического университета приходится выполнять роль культурной адаптации, которая имеет четкую корреляцию с успеваемостью студента. «В условиях межкультурной коммуникации у студентов формируется новая языковая личность, которая обладает способностью реализовать себя в рамках диалога культур. Данную способность называют межкультурной компетенцией, а формирование вторичной языковой личности становится все более очевидной целью иностранных учащихся русскому языку» [2, с. 64]. Процесс адаптации иностранных студентов и изучение его наиболее актуальных аспектов – предмет анализа многих научных дисциплин.

Адаптация студентов-иностранцев к незнакомой для них жизни в неродной для них стране проходит определенные этапы: это и самый сложный языковой барьер, формирование межличностного поведения, овладение нормами интернационального коллектива, вхождение в студенческую среду, определенное отношение к профессии, которую выбираешь.

Немаловажное значение в процессе адаптаци студентам-иностранцам на сегодняшний день помогает умение работать с текстом «Восприятие и переработка текста – важная составляющая обучения, которая решает поставленную задачу: насколько полезен и важен именно этот текст. Ясно одно, что понимание текста на прямую связано с процессом чтения: это и чтение просмотровое, и изучающие, и ознакомительное, и поисковое, и усваивающее» [1, с. 212]. Достижение целей адаптации через текст предполагает установление места лингводидактического текста, содержательное наполнение лингводидактической информацией, разработка определенной системы подготовки студентов к работе с текстом.

Белорусский государственный экономический университет занимает одно из первых мест по количеству обучающихся студентов-иностранцев в республике Беларусь. Отсюда понятно, что высокая результативность обучения зависит от минимальной по времени адаптации. В начале обучения ос-

новное количество иностранцев обладает явно недостаточными сведениями о нашем образе жизни, о высшем образовании в Республике Беларусь. Многие иностранцы впервые сталкиваются с проблемой необходимости общения с носителями разных социальных, этнических, национальных норм и культур. Этот период в жизни обучаемого еще и связан с тем, что каждый студент-иностранец – зрелая личность, сформированная под влиянием той среды, в которой воспитывалась, которая имеет свою, определенную жизненную позицию, целевые установки, систему ценностей и ценностные ориентации. Кроме того, каждый студент имеет свои специфические особенности: этнические, национально – психологические, личностные и т. д.

Бесспорно одно, что преподаватель – основной помощник в адаптации иностранных студентов в вузе, так как он является одновременно и носителем языка, носителем культуры, носителем профессиональных ценностей. Неоспоримо, что одна из главных задач преподавания русского языка как иностранного – это помощь иностранцем в приобретении нужного уровня коммуникативной компетенции. Очень важно учитывать менталитет студентов-иностранцев, их особенности, обусловленные родным языком, культурой, их системой образования, другие факторы. Процесс адаптации может протекать по-разному в зависимости от того из какой страны студенты, от особенностей учебной группы. Опыт показывает, что обычно все студенты-иностранцы включаются в работу, хотя некоторые из них неохотно хотят выполнять определенные задания, так как они не очень комфортно чувствуют себя в ситуациях, которые показывают их невысокий коммуникативный уровень образованности или большое количество грубых ошибок, поэтому очень важна умелая работа преподавателя, учитывающего коммуникативный и некоммуникативный психологический тип студентов-иностранцев, их общеобразовательный уровень. Условия работы с иностранными студентами требует объединения задач адаптации и преподавания русского языка. Основной проблемой преподавателя в условиях обучения студентов – иностранцев русскому языку служит выполнение программы развития связной речи. В начале овладения связным текстом у студентов бывают, как правило, большие затруднения: они часто теряются, думая, что у них не получится говорить и писать по-русски. Состояние усугубляется недостаточным на тот период объемом словарного запаса, недоработками в понимании основных закономерностей функционирования русского языка, обилием вводимого ежедневно словарного минимума и т. д.

Трудности в период адаптации в иноязычной среде, уровень образованности обучающихся являются причинами отставания отдельных студентов в овладении основами русского языка и профессиональной лексикой. Очень важно суметь выработать у студентов-иностранцев чувство уверенности в собственных силах, особенно при организации систематической самостоятельной работы. Комбинированные упражнения к специальным текстам «содействуют формированию профессиональной языковой и коммуникативной компетенций студентов, позволяют актуализировать усвоенные лексико-грамматические знания в разных видах речевой деятельности, в реальной ситуации общения» [3, с. 257].

Белорусский государственный экономический университет, обучая иностранных студентов, ориентируется на обучение будущих специалистов высшей квалификации на русском языке, программа направлена на использование языка как в общеобразовательных целях, так и в воспитательных. В настоящее время, по нашему мнению, актуализировалась практическая и теоретическая потребность в изучении тем, связанных с процессом быстрой адаптации студентов-иностранцев в Республике Беларусь. Студенты, ориентированные на определенную профессиональную область, студенты, которые имеют национально-специфический опыт должны овладеть русским языком в условиях интенсивной социально-биологической адаптации и межкультурного взаимодействия.

Формирование у студентов-иностранцев умения вербализовать свои зрительные эмоции адекватно социокультурной русскоязычной среде помогает хорошо влиять на адаптацию в наиболее типичных ситуациях. Для осуществления социальной адаптации студентов-иностранцев надо обязательно использовать методические материалы, которые включали бы реалии нашего времени.

Для интенсивной адаптации студентов-иностранцев, преподаватели на уроках создают языковые ситуации, которые похожи на реальную жизнь, рассматривают актуальные вопросы и темы, максимально важные для данной студенческой аудитории, учитывая возраст студентов, религиозные принадлежности, предоставляя самостоятельность обучаемым, объективно оценивая результаты их самостоятельных действий, формируя познавательные потребности у иностранного студента.

Обучаясь в Беларуси, иностранные студенты сталкиваются с культурной интерференцией, в связи с чем заслуживает, на наш взгляд, отдельного внимания точка зрения И. И. Новосельцевой, которая отмечает, что «усвоение социо-

культурных единиц русского языка происходит в сочетании с белорусским социокультурным компонентом, что часто усложняет задачу преподавателя по формированию культурологической компетенции обучаемых» [4, с. 278].

Психологическая защищенность студентов-иностранцев дает возможность создать положительный психологический настрой, наличие обратной связи и преодоление совместных трудностей. Создание поддерживающих условий для каждого студента-иностранца, на наш взгляд, – одно из важнейших направлений педагогической поддержки каждого обучаемого (что предполагает обязательное создание определенных условий, в том числе и адаптации). Немаловажное значение здесь отводится поддерживающей позиции педагога, который содействует созданию комфортной атмосферы для всех студентов-иностранцев, и, если надо, – совместное решение адаптационных трудностей.

Очевидно, что обязательно необходимо учитывать при адаптации и умение студента учиться самостоятельно, умение выделять важную информацию, логически мыслить, осуществлять выбор языковой среды для передачи информации, умение анализировать, обобщать, сопоставлять, используя все это в учебном процессе. В Республике Беларусь, в обучении русскому языку как иностранному, используется принцип, согласно которому студент является субъектом обучения, а, следовательно, – студент и преподаватель на занятиях считаются партнерами. Таким образом, при адаптации студента-иностранца необходим учитывать специфику национальных образовательных услуг. Факторы, влияющие на быструю адаптацию студентов-иностранцев, весьма разные, но при совместной оперативной работе студента и преподавателя всегда есть положительный результат.

Список литературы

1. Кухта, С. В. Текстовая значимость в процессе изучения специальных дисциплин / С. В. Кухта // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. – Омск : Омский автобронетанковый инженерный институт, 2021. – С. 211–215.

2. Кухта, С. В., Через диалог культур и лексику к знаниям и воспитанию личности / С. В. Кухта, М. И. Божкова // Преемственность и координация в обучении иностранных студентов вузов. – Минск : Белорусский государственный экономический университет, 2015. – С. 64–66.

3. Новосельцева, И. И. Формирование языковой компетенции студентов-инофонов в процессе обучения языку специальности / И. И. Новосельцева // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. – Ереван : Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. – С. 253–258.

4. Новосельцева, И. И. Страноведческие тексты о Беларуси в обучении русскому языку как иностранному / И. И. Новосельцева // Технологии обучения русскому языку

как иностранному и диагностика речевого развития. – Минск : Белорусский государственный медицинский университет, 2017. – С. 277–282.

УДК821.161.1

Тищенко Алексей Сергеевич
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону;
Институт филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации, кафедра
отечественной литературы, аспирант

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЙ «РУССКИЙ МИР» И «РУССКАЯ ЗЕМЛЯ»

Аннотация.Тема «русского мира» является сквозной в отечественной литературе, появляясь в самых ранних древнерусских текстах. Понятию «русский мир» свойственны особые признаки, позволяющие рассматривать его как нечто целостное: русская история, русский язык и культура, особенности менталитета, ценности, обычаи, традиции русского народа, православная культура. Многие из этих признаков можно выделить и в «Повести временных лет», где они связаны с вопросами о строительстве, укреплении и защите государства, принятии православия, независимости Руси, моральных ценностях. В «Повести временных лет»исследуемая тема находится только на стадии формирования.

Ключевыеслова: русский мир, древнерусская литература, «Повесть временных лет», православие, государство

Tishchenko Alexey Sergeevich
Southern Federal University,Institute of Philology, Journalismand Intercultural Communication,Department of Russian Literature, postgraduate student

«THE TALE OF BYGONE YEARS»: ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE CONCEPTS OF «RUSSIAN WORLD» AND «RUSSIAN LAND»

Annotation. The theme of the «Russian world» is end-to-end in Russian literature and appears in the earliest Old Russian texts. Russian world is characterized by special features that allow us to consider it as something integral: Russian history, Russian language and culture, peculiarities of mentality, values, customs, traditions of the Russian people, Orthodox culture. Many of these signs can be distinguished in the «Tale of Bygone Years», where they are associated with questions about the construction, strengthening and protection of the state, the adoption of Orthodoxy, the independence of Russia, moral values. In «The Tale of Bygone Years», the topic under study is only at the stage of formation.

Keywords: the Russian world, ancient Russian literature, «The Tale of Bygone Years», Orthodoxy, the state

В последнее время в разных областях гуманитарных наук активно обсуждается понятие «русский мир», особенно актуализировавшееся в связи с политическими событиями. Это понятие обладает довольно широким спектром значений и носит междисциплинарный характер. В изучении русского мира сложилось четыре основных подхода. При геополитическом подходе русский мир определяется как особая геополитическая реальность, рассматриваются так называемые естественные границы русского мира [3; 12; 16]. Экономический подход предполагает рассмотрение роли России в создании инновационной экономики и осмысление русского мира как сети экономических сообществ [11; 18]. При цивилизационно-культурологическом подходе на первый план выходят определенные ценностные категории, которые позволяют рассматривать русский мир как особое явление [9; 14]. Религиозный подход рассматривает православие как стержневой признак русского мира.

В работе политолога О. Н. Батановой предпринят комплексный подход к данной проблеме. Исследователь определяет русский мир как «…цивилизационное, социокультурное пространство, охватывающее почти треть миллиарда русскоязычных людей <…> Русский мир – не суперэтническая, а наднациональная общность. Это транснациональное, глобальное образование, идентифицирующее себя с русской культурой и русским языком, с духовными и ментальными признаками русскости» [2, с. 27].

В настоящее время специальных филологических работ, в которых последовательно разбираются особенности русского мира через призму художественных текстов, нет. Однако анализ древнерусских текстов показывает, что истоки темы «русского мира» появляются в самых ранних произведениях отечественной словесности. Русский мир – это особое понятие, осмысляющееся как нечто целое, и в его основе лежат определенные признаки, ценности. Среди ключевых выделяем общую историю, русский язык и культуру, особенности менталитета, традиции, ценностные ориентиры, православие [см. об этом: 6].

Тема «русского мира» находит отражение в памятниках письменности виде набора сюжетов, мотивов, образов и связывается прежде всего с вопросами о строительстве, укреплении Русского государства, фигуре правителя и его власти, православии и народе. Многие из этих вопросов являются центральными в «Повести временных лет» [10].

Исследованию «Повести временных лет» посвящено множество филологических работ, среди которых наиболее значительными являются труды А. А. Шахматова [17], Д. С. Лихачева [7], Я. С. Лурье [8], О. В. Творогова [13], И. П. Еремина [4] и др.

Начальные слова «Повести…» «Се повесть временныхълѣт, откуду есть пошла Руская земля, хто в Киеве начапѣрвѣекняжити, и откудуРуская земля стала есть» [10, с. 62] определяют тематику летописи – формирование государства, исторический путь и судьба Руси. Летопись обращена к актуальным вопросам своего времени, в ней отражается историческая действительность: «В Древней Руси летопись была основным источником сведений о прошлом Русской земли. Неудивительно, что она, выйдя за пределы монастырской кельи, где писалась, очень скоро становилась важным историко-политическим документом…» [4, с. 42].

Взгляд летописца на историю Руси всеобъемлющ: повесть начинается с рассказа о происхождении Русской земли, который предваряет изложение предания о разделении Ноем после потопа земли между тремя своими сыновьями – Симом, Хамом и Афетом. Летописец включает Русь в библейский контекст, что говорит об осмыслении книжником цивилизационной судьбы Руси как важного феномена в мировом историческом процессе. Русь показана в развитии, движении, и цель этого движения – объединение разных племен и городов не только по признаку территориальному, но и по основаниям историческим, религиозным, морально-нравственным.

Тема «русского мира» включает различные вопросы и моральные категории: «Сюда относится в первую очередь характеристика основных идейно-нравственных универсалий, представляющих основу русской ментальности. В их числе взгляды на добро и зло, справедливость и несправедливость, смысл и цели человеческого существования, власть и собственность, закон и нравственность, вераи неверие» [5, с. 6]. В «Повести…» отводится важное место морально-нравственным вопросам, связанным с преступлением и наказанием: Игорь гибнет из-за своих корыстолюбия и жадности, Святослав – из-за того, что ослушался мать, Святополк – из-за того, что убил брата. В тексте приводятся договоры между Русью и другими народами, в которых четко обозначается, как нужно относиться друг к другу, за что предполагается наказание. «Летопись… преследует морально-политическую задачу: показать на ряде примеров – в рамках рассказа о прошлом – как надо и как не надо поступать», – отмечает исследователь [4, с. 43]. Летопись наполнена дидактиче-

ской атмосферой, она иллюстрируетнравственные основания и ценности, на которых зиждется жизнь народа и государства, что объединяет людей. Для подтверждения справедливости своей позиции летописец неоднократно обращается к библейским изречениям, включая в повествование цитаты Соломона, Давида, рассказывая библейские сюжеты.

Центральное место в «Повести…» занимает вопрос о православной вере. Православие в представлении летописца – благодать Божья, объединившая Русь. О княгине Ольге, которая первая крестилась, летописец говорит: «Си бысть предъ текущия хрестьяньской земли, аки дѣньница пред солнцем и аки заря предъ свѣтомъ. Си босияше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтяшеся аки бисеръ въ калѣ: калнѣ бобѣша грѣхом, не омовени святымъ кресщением…Си пѣрвое внидевъ царство небесное от Руси, сию бохвал ять рустии сынове акы началницю, ибо по смерти моляшеся къ Богу за Русь» [10, с. 116]. О других религиях говорится в летописи как о неприемлемых для русского человека. Когда Владимир посылает своих слуг посмотреть, как проходит служба у представителей разной веры, они повествуют о греческом богослужении как о великом таинстве, равных которому нет: «…придохом же въ Грѣкы, и ведошаны, идежеслужать Богу своему, и не свѣмы, на небеси ли есмы были, или на землѣ: нѣстьбо на земли такого вида или красоты такоя, недоумѣемь бо сказати» [10, с. 154]. Принятие православия самим князем Владимиром описывается как чудо: «По Божью же строенью вь се время разболѣлся Володимиръ очима и не видяше ничтоже, и тужа шевелми, и не домышляше, что створити. И посла къ нему цесариця, рекуще: «Аще хощеши болезни сея избыти, то вьскорѣкрестися, аще ли ни, то не имаеши избыти сего». И си слышавъ, Володимеръ рече: «Аще се истина будет, поистѣнѣ великъ Богъ крестьянескь». И повелѣ креститися. И епископъ же корсуньскый с попы цесарицины, огласивъ й, и крести Володимѣра. И яко возложи руку на нь, и абье прозрѣ» [10, с. 156].

В «Повести…» появляется мотив богоизбранности русского народа, отмеченности Русской благодатью Божьей. Еще в начале повествования летописец говорит о святом Андрее, благословившем будущий город Киев: «Якоже ркоша, Андрѣю учащю в Синопии, пришедшю ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Коръсуня близъ устье Дьнѣпръское, и въсхотѣ поити в Римъ, и придевъ устье Днепръское, и оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра, въставъ, рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: “Видите горы сия? Яко на сихъ горахъ въсияеть

благодать Божия: имать и городъ великъ быти и церкви мьногыимат Богъ въздвигнути”» [10, с. 66]. Но так же, как благие дела совершаются на Руси «по воле Божьей», о бедах и нашествиях чужеземцев летописец говорит как о Божьем наказании за грехи – междоусобицы, кровопролития, братоубийства: «Грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на ныпоганыя» [10, с. 208]. Однако под конец летописи книжник приходит к выводу: «Да никтоже дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомь есмы! Кого бо Богъ тако любить, якоже насъ узлюбилъ есть? Кого бо тако почтилъ есть, якоже насъ прославилъ есть и вънеслъ есть? Никого же!» [10, с. 258]. Этот мотив устойчив в отечественной литературе и является одним из признаков русского мира как целостного явления: «Мотив небесного заступничества (помощи свыше, божественного вмешательства) является характерной особенностью поэтики древнерусских литературных памятников…» [1, с. 165].

В «Повести…» не встречается словосочетание «русский мир», но неоднократно употребляется конструкция «Русская земля» – в некоторых случаях только в географическом значении, а в некоторых она приобретает значение цивилизационное, например, «Радуйтася, луча свѣтозарная и явистася, яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Рускую, всегда тму отгоняща, являющася вѣрою неуклоньною» [10, с. 182], «Земля Руская благословися ваю кровью, и мощьми положениемь вь церкви…»[10, с. 182]. Эти и некоторые другие примеры свидетельствуют о том, что в самосознании древнерусского летописца происходит осмысление объединения людей на основе определенных ценностных категорий. Как пишет А. Н. Ужанков, «…не одно чисто территориальное (географическое) понятие вкладывалось древнерусскими писателями в выражение Русская земля. Подразумевалось нечто более значительное и значимое, объединяющее воедино все перечисленные княжества в одно государство: исповедание единой православной веры и очерчивание территории, на которой она была распространена, возможное при четком определении всех не православных соседей» [15, с. 79]. Понятие «Русская земля» в цивилизационном смысле близко по значению понятию «русский мир».

Итак, тема «русского мира» в «Повести временных лет» находится на раннем этапе своего становления. В летописи только закладываются особые признаки и основания, которые позволяют рассматривать исследуемое нами понятие как особую концепцию. Тем не менее, показательно, что уже в древнейших памятниках письменности можно обнаружить истоки темы «русского мира», что говорит о ее устойчивости в русской литературе.

Список литературы

1. Александров, С. С. Мотив небесного заступничества в древнерусских воинских повестях / С. С. Александров // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 165–169.

2. Батанова, О. Н. Русский мир и проблемы его формирования : дис. … канд. полит. наук / О. Н. Батанова. – Москва, 2009. – 163 с.

3. Дугин, А. Г. Геополитика России / А. Г. Дугин. – Москва : Академический проект : Гаудеамус, 2012. – 424 с.

4. Еремин, И. П. Лекции по древней русской литературе / И. П. Еремин. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1968. – 208 с.

5. Иванов, В. И. Русский мир (экспертные суждения и оценки) / В. И. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Социология. – 2010. – № 4. – Т. 21. – С. 5–15.

6. Ларионова, М. Ч. Тема «русского мира» в древнерусской литературе / М. Ч. Ларионова, А. С. Тищенко // Русская старина. – 2019. – № 10 (2). – С. 86–94.

7. Лихачев, Д. С. Великое наследие / Д. С. Лихачев. – Москва : Современник, 1979. – 366 с.

8. Лурье, Я. С. История России в летописании и восприятии Нового Времени / Я. С. Лурье // Россия Древняя и Россия Новая: (избранное). – Санкт-Петербург : Д. Буланин, 1997. – С. 13–171.

9. Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая. – Москва : Международные отношения, 2003. – 536 с.

10. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – С. 62–316.

11. Полоскова, Т. В. Русский мир: мифы и реалии / Т. В. Полоскова, В. М. Скрипник. – Москва : Русский Архипелаг; СО-ЛИД, 2003. – 128 с.

12. Столяров, А. М. Русский мир / А. М. Столяров // Нева. – 2004. – № 3. – С. 151–166.

13. Творогов, О. В. Литература Киевской Руси. X – начало XII века / О. В. Творогов // История русской литературы : в 4 т. – Ленинград : Наука, 1980. – Т. 1. – С. 19–62.

14. Тишков, В. А. Русский мир: история и география / В. А. Тишков // Русский мир в меняющемся мире. – Москва : ИЭА РАН, 2018. – С. 13–34.

15. Ужанков, А. Н. Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI – XV веков / А. Н. Ужанков // Вестник славянских культур. – 2003. – № 8. – С. 77–81.

16. Цымбурский, В. Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики / В. Л. Цымбурский // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 6–21.

17. Шахматов, А. А. «Повесть временных лет» и ее источники / А. А. Шахматов // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 4. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1940. – С. 9–150.

18. Щедровицкий, П. Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения / П. Г. Щедровицкий // Независимая газета. – 2000. – № 25. – С. 24–35.

II. ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФИИ, БОГОСЛОВИИ, ИСТОРИИ

УДК 281.2

Василик Владимир Владимирович
протодиакон, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории славянских и
балканских стран Санкт-Петербургского
государственного университета

БИБЛЕЙСКИЕ АРХЕТИПЫ ГЕРОЕВ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Аннотация. В процессе исследования художественно-образного, духовно-символического содержания «Слова о полку Игореве» в контексте Священного Писания, уясняется их глубинная связь, параллелизм между героями Священного Писания и персонажами «Слова о Полку Игореве». В статье изучение библейской архетипики героев «Слова о Полку Игореве» акцентировано в качестве специальной проблемы.

Ключевые слова: древнерусская письменность, Священное Писание, Слово о полку Игореве

Vasilyk Vladimir Vladimirovich
Protodeacon, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of the Slavic and Balkan Countries, St. Petersburg State University

BIBLICAL ARCHETYPES OF HEROES «WORDS ABOUT IGOREV'S REGIMENT»

Annotation. Into the process of the artistic-figurative, spiritual and symbolic content of the «Tale of Igor's Campaign» into the context of the Holy Scriptures, their deep connection, the parallelism between the heroes of the Holy Scriptures and the characters of «The Tale of Igor's Campaign» is clarified. In the article, the study of the biblical archetypes of the heroes of «The Tale of Igor's Campaign» is emphasized as a special problem.

Keywords: Old Russian writing, Holy Scripture, Words about Igorev's Regiment

Влияние Священного Писания на Слово о полку Игореве исследуется начиная с 20-х гг. XX в. Это и труды В. Н. Перетца [3], и работы В. В. Колесова [2], Н. С. Серегиной [4], и, наконец, последняя, без преувеличения, прорывная книга А. Н. Ужанкова [8]. Однако, в обширнейшей литературе,

посвященной Слову о полку Игореве (ок. 15000 наименований)[1], проблема библейской архетипики героев Слова, по большому счету не ставилась, хотя в последние годы, временами, проводились достаточно интересные параллели между героями Священного Писания и персонажами Слова.

Одна из них содержится в уже упомянутой книге А. Н. Ужанкова, который сравнивает главного героя Слова, князя Игоря, с Иудейским царем Седекией: «Судьба князя Игоря напоминает судьбу израильского царя Седекии, описанную в Книге пророка Иеремии, который в 586 г. до Рождества Христова отправился в завоевательный поход в Египет и попал, как и Игорь Святославич, в плен. Вот здесь и следует напомнить, как это сделала Лаврентьевская летопись, что 1 мая – это день памяти пророка Иеремии, второго из так называемых больших пророков» [8, с. 329–330]. Наблюдение за памятью 1 мая достаточно интересное, однако на самом деле Египет был союзником иудейского царя Седекии в его борьбе против завоевателя, вавилонского царя Навуходоносора, и попал он в плен к вавилонянам, защищая Иерусалим (4 кн. Царств…).

Однако параллель Игорь – Седекия может быть принята. И если мы соглашаемся с ней, то всё оказывается гораздо глубже и ещё интересней. Формально Седекия стремился защитить свой народ, для чего вступил в союз с Египтом и отказался платить дань Навуходоносору [10].Однако тем самым он приблизил конец Иудеи, дав повод Навуходоносору напасть на Иерусалим, по сути дела, открыл для своего народа врата погибели. Произошло это потому, что он пошёл против воли Божией, выраженной в призыве пророка Иеремии «служить царю Навуходоносору» (Иерем. 27, 6–8). Точно также Игорь формально творит благое дело для Руси, выступая против степных хищников, однако, делая это несвоевременно, он губит её.

И в том, и в другом случае особое значение имеет финансовый фактор. Седекия поднимает бунт против Навуходоносора из-за непомерно высокой дани. Игорь идёт в поход ради добычи и славы.

И здесь, и там правитель проявляет ослушание воле Божией: Седекия не слушает её провозвестника пророка Иеремию, при этом, однако, более по малодушию, а Игорь не внимает Божественному знамению – солнечному затмению из-за своей «похоти» и жадности.

---

1 См. статью О. В. Творогова [7], естественно, что в нее не попала литература за последние 27 лет.

И, наконец, если разгневанный Навуходоносор лишает Седекию телесных очей, то Игорь страдает от духовной слепоты, которая подчёркивается образами мрака, содержащимися в «Слове», которым Ужанков уделяет особое внимание.

Вавилонский след ощущается в ряде цитат и аллюзий в близком к «Слове» памятнике – летописной статье в Ипатьевской летописи за 1185 г.[1], например – в этой: «Но Владыко Господи Боже мой, не отрини мене до конца, но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намърабомъ твоимъ», которая соотносится с фрагментом из Молитвы Азарии в книге пророка Даниила: «Не предаждь нас до конца и не разори завета Твоего и не отстави милость Твою от нас, Авраама ради возлюбленнаго от Тебѣ (Дан. 3, 40). Эта цитата говорит являет нам яркий образ вавилонского плена как символ плена половецкого, в котором оказался Игорь в результате своего неразумия. Вспомним рефрен Песни Азарии: «Яко праведен еси о всех, еже навел еси на ны и на град… Иерусалим… Согрешихом и беззаконновахом». Сходное признание правоты судеб Божиих находится и в покаянном монологе Игоря в Летописной повести о походе 1185 г. [См. об этом: 1].

Таким образом, царь Седекия может считаться одним из библейских архетипов князя Игоря. Однако, аналогия является неполной:Седекия умер слепым в Вавилонском плену, в то время, как Игорь Святославич благополучно бежал из плена. В связи с этим можно вспомнить другого библейского героя – нечестивого царя Манассию [6], который оказался в ассирийском плену и в нем покаялся и обратился к Богу, спасшему его из заключения. Манассия – другой возможный архетип князя Игоря в том, что касается его покаяния и избавления, тем более, что Молитва Манассии находится в православном чине повечерия [9, с. 199–202] и могла быть известна со времени крещения Руси.

В связи с книгой Иеремии следует упомянуть параллель, которая напрашивается сама собой в связи с темой женского плача и плена: «Глас в Раме слышится, плач и рыдание. Рахиль плачущася о чадех своих и не хощетутешитися, яко не суть» (Иерем. 31,14). Ярославна, плачущая о муже, отчасти уподобляется Рахили, плачущей о пленённых чадах Израилевых. Но этот же стих употребляется в Евангелии от Матфея (2, 17), когда речь идёт об избиении вифлеемских младенцев, которым могут уподобляться

[1] Их связи подробно рассмотрел А.Н. Ужанков [см. 8, с. 204–245].

мирные русские люди, погибавшие под саблями половцев в Римове и других местах. Соответственно, можно с осторожностью считать библейскую Рахиль архетипом для Ярославны, коль скоро она оплакивает не только своего мужа Игоря, но и его воинов, и всех русских людей, пострадавших от половцев.

Если в случае с Игорем Святославичем можно говорить о двух библейских архетипах, то в некоторых случаях можно найти один библейский архетип. Такова ситуация с архетипом Каина для образов князей Всеслава и Олега Святославича.

Всеслав в «Слове» показан как князь-колдун, князь-оборотень1: он опирается клюками, чтобы достичь Киева, оборачивается лютым зверем, волком рыскает в ночи. Отметим, сюжет с оборотничеством почерпнут из Повести Временных Лет, но в Слове он приобретает иное измерение: колдовство неразрывно связано с крамолой По его вине кровавые берега Немиги засеваются костями русских сынов.

Князь Всеслав при всех своих доблестях становится повинен суду Божию: «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божия не минути» [5, с. 263]. Наказание для Всеслава приходит уже в этой жизни: он судит суд, рядит города князьям, а сам рыскает по Руси бесприютным изгоем. Крамола-колдовство выключают его из мира людей, подвергают Божественному суду. И здесь нельзя не вспомнить о проклятии Богом братоубийцы Каина: «И сказал [Господь]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. И сказал Каин Господу [Богу]: наказание мое больше, нежели снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (Быт. 4, 11–14). Осуждение свыше распространяется напотомков князя-изгоя, которые несут в себе грех своего пращура, ибо именно внукам Ярослава и Всеслава бросается обвинение в начале крамол и наведения на Русь поганых, казалось бы более приличествующее Ярославичам и самому Всеславу.

Архетип Каина во многом важен и для во многом обусловливает и образ Олега Святославовича, дальнего предка князя Игоря. Его образ тесно

[1] Сюжет с оборотничеством явно почерпнут из Повести временных лет.

связан с ликом князя-кудесника Всеслава, ибо Олег «мечом крамолу коваше». Образ кузнеца-коваля издревле связан с колдовством, а ковы – с коварством. Именно от Олега произрастают те князья, которые «сами на себя стали крамолу ковать». Однако, образ князя-кузнеца крамолы, возможно имеет библейский архетип – Каина, первого убийцы и отца всех ремесел, потомки которого – каиниты, были искусными кузнецами[1].

Как и князь-колдун Всеслав, Олег засевает землю Русскую злым посевом: при нем «сеяшеся и ростяше усобицы». И здесь нельзя не вспомнить притчу о сеятеле и плевелах из Евангелия от Матфея (Мф. 13, 24–30), особенно этот стих: «Когда же люди спали, пришел враг, посеял плевелы и ушел» (Мф. 13, 24). Этот враг человек, по изъяснению Самого Христа – дьявол.

Наконец, остановимся на символике того воскресного дня, в который пали стяги Игоревы. Воскресенье 12 мая 1185 г. – это четвёртая неделя по Пасхе, неделя о расслабленном. Слово «расслабленный» (παράλυτος) в исконном своём смысле означало «связанный, скованный». Параллель со связанным Игорем, находившимся в половецком плену, напрашивается сама собой. Эта расслабленность, этот паралич появляется из-за грехов. Стоит вспомнить кондак Недели о расслабленном: «Душу мою, Господи, во безместных деяниих люте расслабленну, якоже иногда разслабленного воздвиглеси древле, воздвигни, да зову Ти, спасаем, Щедре, слава, Христе, державе твоей». В чём состоит грех Игоря – понятно: это и неразумная опрометчивость в выступлении в поход, и желание богатств и славы, и участие в междоусобицах. В контексте Недели о расслабленном Донец приобретает семантические черты очистительной купели, подобной Силоамской, куда сходил ангел Господень и при которой тридцать восемь лет лежал евангельский расслабленный. Однако он поднимается по одному слову Христа: «возьми одр твой и ходи». Игорь же, связанный узами плена, освобождается и бежит из него по призыву Бога, Который ему «путь кажет из земли половецкия к отнему златому столу» [5, с. 268].

Итак, мы видим, что на образы героев «Слово» глубокое влиняие оказывают библейские архетипы, как реальные исторические лица, так и персонажи притч. Один библейский архетип может влиять на нескольких

[1] Цилла (супруга Ламеха, внука Каина) также родила Тувалкаина [Фовела], который был ковачом всех орудий из меди и железа.

героев «Слова», с другой стороны, в них могут совмещаться черты нескольких библейских архетипов.

Список литературы

1. Василик, В. В. «Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий (Размышления над книгой А. Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его автор») / В. В. 1. Василик // Русин. – 2021. – № 66 (4). – С. 299–300.

2. Колесов, В. В. Библеизмы в «Слове» / В. В. Колесов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. / отв. ред. О. В. Творогов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 1. А–В. – С. 110–111.

3. Перетц, В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве» / В. Н. Перетц. – Ленинград : Изд-во Академии наук, 1926. – 153 с.

4. Серёгина, Н. С. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века / Н. С. Серёгина. – Москва : Памятники исторической мысли, 2011. – 398 с.

5. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – С. 254–267.

6. Тантлевский, И. Р. Манассия / И. Р. Тантлевский, А. Е. Петров // Православная энциклопедия. Т. 43. – Москва : Православная энциклопедия, 2015. – С. 297–301.

7. Творогов, О. В. Библиографии и библиографические обзоры «Слова» / О. В. Творогов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 1. А–В. –1995. – С. 111–116.

8. Ужанков, А. Н. Слово о полку Игореве и его автор / А. Н. Ужанков. – Москва : Согласие, 2020. – 450 с.

9. Часослов. – Москва : Афонское Подворье, 1995. – 352 с.

10. The Oxford History of the Biblical World, ed. by Michael D Coogan. Published by Oxford University Press, 1999. – P. 340.

УДК 281.9

Соловьев
Владимир Михайлович
Доктор исторических наук, профессор,
ассоциированный научный сотрудник
Социологического института
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН

ПРОТОПОП АВВАКУМ: БУНТ БЕЗ ОРУЖИЯ

Аннотация. В свете популярной сегодня концепции неомедиевализма, – Нового Средневековья, фигура протопопа Аввакума неожиданно приобрела напряженную актуальность. Ему и без того уготована «вечная жизнь» в русской культуре, но всеми субъектно-личностными противоречиями, острыми углами, своеобразной конвергенцией рели-

гиозного и светского, а главное, – глубоко почвенническим патриотическим запевом, – этот пламенный православный мыслитель вписывается в нашу современность и деяниями, любым своим сочинением, но прежде всего, конечно, «Житием».
В статье акцентировано внимание на векторном значении наследия неопалимого подвижника, вот уже триста лет сохраняющего статус духовного референта нации, носителя русского духа, одного из тех наших великих соотечественников, по которому поверяется национально-культурная идентичность. Затяжная протестность Аввакума, его героическая стойкость и верность староверию – мировоззрению и самосознанию, воплощающему коренные основы русского христианства, по существу, была не чем иным, как дерзким мятежом, бунтом без оружия.
«Житие» далеко выступает за рамки частной жизни отдельного человека. Аввакум был постоянно озабочен вопросами социальной справедливости, судьбами государства, общества, государевой власти, ролью и местом церкви, соотношением между «царством» и «священством».
Дихотомия нормативно-оценочных категорий этого литературного памятника, применительно к социальным явлениям, действиям и мотивам людей, ни философски, ни морально не устарела. Мир изменился, но не перевернулся. По-прежнему свет добра, который согревал Аввакуму сердце, греет и нас, а убившее его зло не менее губительно и разрушительно для человека XXI века, чем для человека XVII столетия. Горе тем, считал Аввакум, кто называет зло добром, а добро злом, почитает тьму светом, а свет тьмою. Сам он не лукавил, не прибегал к двойным стандартам, уверенно полагался на природную мудрость, роднящую его с будущими философами-интуитивистами.
Эта многогранность и универсальность интересов, сфокусированная в уникальной личности протопопа, открывает богатые перспективы, инспирирует новые культурологические исследования.

Ключевые слова: история, философия, культурология, культура, государство, церковь, православие, раскол, старообрядчество, мировоззрение, духовный референт нации, вероучение, мудрость, самосознание, картина мира, амбивалентность, дихотомия нормативно-оценочных категорий, анахронизм, неомедиевализм, бунт, мятеж, подвиг неприятия, протестный императив, самодержец, церковная реформа, священство и царство, духовность, земное и небесное, провиденциализм, диалектика духовной жизни, фанатизм, человеческое достоинство, сакраментальный порыв, здравый смысл, гуманизм, этика

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Doctor of Historical Sciences, Professor, Associate Research Fellow of the Sociological Institute of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

PROTOPOPE AVVAKUM: UNARMED REBELLION

Annotation. In the frame of the now popular concept of neo-medievalism – the New Middle Ages – the figure of Protopope Avvakum has suddenly become flamingly relevant. The “eternal life” has already been in store for him in Russian culture; however, with all the subjective-personal contradictions, rough edges, unique convergence of religious and secular, and, most significantly, with his patriotic tune, deeply rooted in the native soil, this fervent Orthodox

thinker fits into our modern life by his deeds, any of his writings, and, most of all, by his Zhitiye (Life).
The paper focuses on the trajectory of the legacy of the unburnable ascetic, who has, already for three centuries, been retaining the status of the nation's spiritual referent, the bearer of Russian spirit, one of those great compatriots against whom the national and cultural identity is verified. Avvakum's long-lived protest, his heroic fortitude and devotedness to the Old Belief – embodiment of the Russian Christianity, its self-identification and belief system – were basically a form of a riot, an unarmed rebellion.
Zhitiye goes far beyond the private life of an individual. Avvakum was constantly concerned with the issues of social justice, with the destiny of the state, society and sovereign power, the role and place of the church, the balance between the «tsardom» and «priesthood».
In this seminal literary work and artefact, the dichotomy of normative-evaluative categories in relation to social phenomena, human actions and motives is neither philosophically nor morally outdated. The world has changed, but has not turned upside down. The glow of good, which warmed Avvakum's heart, continues to warm us now, and the evil that killed him is as destructive for a person of the 21st century as it was for a person of the 17th century. Avvakum believed that woe unto them that call evil good, and good evil; that put darkness for light, and light for darkness. He himself was not sly, did not apply double standards and steadily held on to his natural wisdom, which brings him together with future intuitionists.
The diversity and omnitude of interests, aligned in the unique personality of the protopope, present inspiring prospects for the new cultural studies.

Keywords: history, philosophy, cultural studies, culture, State, Church, Orthodoxy, Raskol (Schism), Old Belief, worldview, nation's spiritual referent, belief system, wisdom, self-identification, ambivalency, dichotomy of normative-evaluative categories, anachronism, neo-medievalism, rebellion, riot, act of resistance, protest imperative, autocrat, Church reform, priesthood and tsardom, spirituality, heavenly and earthly, providentialism, dialectics of spiritual life, zealotry, human dignity, sacred impulse, common sense, humanism, ethics

Протопоп Аввакум Петров принадлежит к тем фигурам прошлого, которые с течением времени не отдаляются, а приближаются. Его наследие остро актуально, а дела служат укором легиону соглашателей, конформистов, приспособленцев, которые плодятся и группируются вокруг царствующего лица и его клики, фактически становясь ее частью.

«Память нации, – пишет известный ученый-гуманитарий А. М. Панченко, – каждому крупному историческому персонажу стремится придать цельный, законченный облик. Памяти нации чужд протеизм. Она как бы «ваяет» своих героев. Иногда о таком изваянии можно говорить лишь условно: оно существует как некое «национальное ощущение», складываясь из разных фактов, оценок, эмоций, существует как аксиома культуры, не нуждающаяся в доказательствах и чаще всего не закрепленная в виде четкой

формулы» [8, с. 5]. Аввакум в этом отношении не то что стоит особняком, но не отлился в столь четкую словесную или пластическую форму, как его единомышленница и соратница Ф. П. Морозова. Благодаря великой картине В. И. Сурикова она воспринимается так, как изображена живописцем.

С Аввакумом сложнее. Казалось бы, он первичнее и масштабнее, чем знаменитая боярыня, и его готовность на смерть и муки равновелики силе убеждения в своей правоте и не только не уступают морозовским, а намного их превосходят. Однако если боярыня Морозова - символ непокорства, одержимости, фанатизма и воплощает в массовом сознании вполне ясные и конкретные представления и идеалы, то главный русский расколоучитель - крайне сложная натура как для художественного отображения, так и для философского толкования. Он слишком выламывается из привычных дихотомических схем, в которые традиционно укладываются особо неоднозначные субъекты истории.

Для начала есть смысл отделить реального Аввакума от его многочисленных интерпретаций, которыми изобилует историография. Трудно оспорить, что протопоп был цельной личностью. Это вытекает из его биографии, донесенной различными источниками, и прежде всего «Житием» – своеобразной литературной автобиографией Аввакума.

Между тем историографический портрет идеолога старообрядчества, как правило, сводится к двум взаимоисключающим изображениям: светлому лику страстотерпца и мученика, героя-подвижника, сохранившего духовную мощь, принявшего смерть, не отрекшись от истинной, отвечавшей запросам его ума и совести веры, и медальерно прорисованной антииконы для штамповки мерзкой образины типичного обскуранта, адепта темноты, борца с просвещением, преисполненного воли к рабству.

Не отрицая, что всяк человек амбивалентен, нельзя не возразить, что та амбивалентность, которая приписана и искусственно придана Аввакуму, не что иное, как анахронизм – перенос реалий из одной эпохи в другую, осовременивание фактов, событий, явлений, их подгонка под сегодняшние пропагандистские лекала, вольная трактовка в угоду конъюнктурной ситуации и, сообразно интересам той или иной политической силы, претендующей занять приоритетное место и доминировать в общественной жизни.

Насколько можно судить по дошедшей информации, Аввакум был человек резкий, неуемных страстей. Всю жизнь он обуздывал себя, ибо не пристало лицу духовному давать волю гневу, распускать руки. Но его нрав-

ственный максимализм, гипертрофированное чувство справедливости постоянно искали выхода не только в пламенном слове, но и поступке, действии. Он видел свое предназначение в борьбе со злом во всех его личинах и проявлениях. Будучи ригористом, редко когда одерживал победы. Гораздо чаще терпел поражения. Но всегда, в любой ситуации брал на себя ответственность. Выходец из семьи бедного сельского попа, он пошел по стопам отца, двадцатиоднолетним юношей был рукоположен в диаконы и вскоре стал священником. Аввакум мыслил себя духовным отцом, не знающим ни снисхождения, ни уступок, и вразумлял свою паству, не столько полагаясь на благодать Святого Духа, сколько на ревностное и темпераментное обличение человеческих пороков. Причем он обрушивался на презревших заповеди Господни не вообще и отвлеченно, а вполне конкретно и адресно, тем более что носителей совершенств и христианских добродетелей было несопоставимо мало по сравнению с блудниками и нечестивцами. По отношению к тем, кто нарушил заветы Христовы, молодой иерей не желал проявлять великодушия, решительно предпочитая ему безжалостность. И так он подходил ко всем без разбора, не делая исключений ни для сильных мира сего, ни для носителей власти, ни для духовных чинов, чем привлек простых прихожан, дававших гораздо меньше поводов для недовольства неистового пастыря, чем стяжавшие дурную славу и обогатившиеся поборами лихоимцы.

Аввакум искренне считал своим прямым долгом служить орудием Царя небесного, взывая к ответу провинившихся перед Ним. В стихотворении «Вопль ко Господу» он именно так понимает свою миссию и, обращаясь к самому Царю небесному, запальчиво поучает не давать спуску преступившим евангельский закон и не миловать, а карать:

Послушай мене, боже, послушай мене,
Царю небесный, свет, послушай меня!
Да не возвратится вспять ни един от них,
И гроб им там устроиши всем!
Приложи им зла, господи, приложи
И погибель им наведи… [9, с. 54]

То есть Божьей волей Аввакум склонен распоряжаться по своему разумению и усмотрению, и в процитированном стихотворении он вполне заявляет о себе как сторонник позднейшей установки «Добро должно быть с кулаками».

Впоследствии, перебравшись в Москву и сблизившись с великим государем Алексеем Михайловичем, Аввакум сначала изустно, потом эпистолярно наставляет уже не царя Небесного, а земного: « Изволиш, государь, з долготерпением послушать, и я тебе, свету, о своих бедах и напастех возвещу немного». Излагая, какие вопиющие беззакония творятся в России, какие беды и лишения терпит народ, какие муки, пытки, издевательства вынес лично он с семьей по вине царской администрации и, в частности, воеводы А.Пашкова, Аввакум твердо оговаривает право не скрывать о самодержца горькую правду: «Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, да … истинну, бо, по апостолу, реку». Свое бесстрашие он объясняет тем, что кроме него и таких, как он, честных богомольцев, некому больше открыть царю глаза на происходящее. И он мужественно ставит Алексея Михайловича в известность о своей готовности без утайки, ничего не приукрашивая, возвещать, «како строится» всё в его державе» [1, с. 524, 525].

Безусловно, протопоп отдает отчет, насколько дерзок и как много на себя берет, посвящая августейшую особу в ужасающие подробности должностных преступлений и злоупотреблений царскими наместниками своей властью. Поэтому, упреждая крутую реакцию, на которую вопреки прозвищу был вполне способен Тишайший, иерей прибегает к увещеваниям и почтительным эпитетам: «Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю» и в качестве оправдания и смягчающего обстоятельства приводит такой аргумент: «не тогда мне говорить, как издохну! А близ исходъ души моей, чаю понеже время належитъ» [1, с. 526].

Смело изобличая патриарха Никона, исказившего древние церковные обычаи, Аввакум предупреждает царя, что эти нововведения пагубно скажутся, и тогда на страшном суде придется держать ответ за деяния обманувшего доверие царя супостата. Протопоп не скрывает, что не смеет говорить всё, что мог сказать, и вынужден о многом умалчивать, дабы великого государя не опечалить, но, прекрасно зная, что патриарх приступил к своей реформе, пользуясь поддержкой монарха, отважно настаивает на том, что «Никоновы затейки дурные» и идут во зло и всей Руси, и всем государевым людям [1, с. 526].

Заканчивая эпистолу, Аввакум пишет, что не теряет надежды увидеть Алексея Михайловича и говорить с ним: «желаю наедине светлоносное лицо твое зрети и священнолепных уст твоих глагол некий слышать мне на пользу, как мне жити» [1, с. 526].

В пятом по счету послании, не добившись от царя ни отклика, ни послаблений, облегчивших его тяжелую участь, Аввакум в своем пустозерском заточении позволяет высказать переполняющее его негодование: «Почто по духу братию свою тако оскорбляеши? Единого бо мы себе отца имамы вси, иже есть на небесех, по святому Христову Еуангелию. И не покручинься, царю, что тако глаголю ти, ей, истина так». Пребывая в смрадном остроге, он, рискуя приблизить свой смертный приговор, смело уравнивает себя, опального и бесправного раба, с самим царем и напоминает: «Честь царева суд любит, по пророку… Ты, самодержче, суд подымеши о сих всех, иже таково им дерзновение подавай на ны… Воистину, царь-государь, глаголем ти: смело дерзаете, но не на пользу себе» [1, с. 531]. Фактически Аввакум оспаривает правомерность действий самого Алексея Михайловича и грозит, что на грядущем суде Христовом монарху тоже предстоит держать ответ: «там будет и тебе тошно, – предостерегает протопоп, – да тогда не пособишь себе ни мало». Далее он прямо высказывает претензию монарху: «Здесь ты нам праведного суда… не дал, и ты тамо отвещати будешь сам …» Не отрицая роковое влияние на царя Никона, протопоп в то же время указывает на непосредственную причастность Тишайшего к учиненным в стране искривлениям, и это уже нельзя не расценивать как прямой вызов великому государю. Правда, по Аввакуму, заключается в конечном счете в том, что всё сводится к царю и замыкается на нем: «Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит». Признавая, что самодержец не может не нести ответственность за то, что происходит в его царстве, исстрадавшийся заточник, судьба которого целиком зависит от монаршей воли, находит в себе силы посочувствовать попавшему, по его мнению, в куда более незавидное положение Алексею Михайловичу, бессмертной душе которого предстоят в наказание за грехи суровые испытания: «Жаль нам твоея царския души и всему дому твоего, – пишет из темницы протопоп, – зело болезнуем о тебе, да пособить не можем ти, сам ты пользы к спасению своему не хощешь» [1, с. 532]. Исподволь протопоп дает понять, что ни царю, ни патриарху, сколько бы они верховной власти ни захватывали, как бы ни карабкались к небу, место Бога не занять. Можно корежить и топтать веру, выдавать день за ночь, пытаться повернуть вспять время – все напрасно, потому что пред властью Всевышнего земная, мирская власть – ничтожная горсть праха.

Аввакум жил в мятежное время и, наверно, не будь он духовным лицом, бунтовал бы не вербально, а реально, и не ограничивался тем, что воспламенял единомышленников зажигательными речами, а поднял недовольных против бояр и неправедной власти, как это сделал Стенька Разин. У лихого атамана, как известно, был свой счет к самому царю, и, если поначалу он собирался идти «под государевы города», «изменников из Московского государства вывесть и чорным людям дать свободу», «воевод из городов выводить», то затем объявил о намерении «итить к Москве и побить на Москве бояр и всяких начальных людей». По показаниям взятого в плен стрельца, перешедшего на сторону Разина, в Астрахани, в приказной палате велено было «дела драть», и батько (так уважительно инсургенты называли своего лидера) пообещал, что и в Москве «вверху де у государя дела все передерет» [6, с. 183, 188, 212, 235, 237, 280; 7, с. 261].

Интересно, что Разин и Аввакум были весьма далеки от благоговения перед великим государем. Первый выступал против самодержца, введенного в заблуждение злокозненными боярами; второй пытался образумить и вернуть к истинной вере венценосного отступника, обольщенного лукавым Никоном и, к несчастью, «давшего слабину» в православном вероучении. Оба бунтаря, правда, каждый по своему, собирались помочь царю навести порядок: один был одержим идеей учредить, чтоб «всяк всякому был равен», другого воспламеняла мысль восстановить поруганную отческую веру, ибо в ней вся соль и сила русская.

Разин был силен как предводитель казачьего воинства, а Аввакум – своей страстной проповедью, направленной против новообрядцев. Однако временами протопоп очень горевал, что лишен возможности активно действовать и применять насилие: «Воли мне нет да силы – перерезал бы всех, что собак!» История распорядилась иначе – ему было уготовано бунтовать без оружия, но тот же бунт Разина показал, каким мощным и эффективным оружием может быть слово. Ведь «прелестные письма», рассылаемые повстанцами, открывали им ворота городов и крепостей, склоняли на сторону мятежников окрестных крестьян и посадских людей.

Хоть со временем Аввакума канонизировали, он отнюдь не был святым: дрался, бранился, сквернословил, никому не давал спуску, не раз поднимал руку на жену, со всем напором своей незыблемой правоты наседал на оступившегося, оплошавшего, ибо уперто считал: за ошибку, промах, упущение виновный должен быть не прощен, а наказан. Облажался – от-

веть. Дьяка архиепископского двора Ивана Струну за клевету, злодейские дела и прочие происки протопоп без колебания отстегал при всем народе ремнем, а тело стрелецкого головы Петра Бекетова, учинившего скандал в храме Божьем и вскоре невесть как погибшего («умре горькою смертию зле»), велел «среди улицы собакам бросить…» [12, с. 351–397, с. 361–362].

Само название главного сочинения Аввакума указывает, что в его мировоззрении земное, житейское преобладало и брало верх над небесным, горним. Его письменная речь (а устная тем более) изобиловала недопустимыми для духовного пастыря грубыми выражениями, натуралистическими сравнениями, сниженной или ненормативной лексикой. Короче, сегодня про протопопа бы сказали, что ему не хватало лоску, а его проповедям – амортизирующего гламура. Он резал правду-матку слишком в лоб и нелицеприятно, ничего не смягчая, с мужицкой прямотой называя вещи своими именами. Про своего отца священника Петра Аввакум без обиняков пишет, что был он горький пьяница («прилежаше пития хмельнова»), оттого он с теплым сыновним сочувствием отзывается о матери по имени Мария – постнице и молитвеннице, для которой вдовство стало избавлением [12, с. 355].

За время своего священничества Аввакум нажил много недругов, но чрезмерная взыскательность и настырность не помешали дотошному протопопу вызвать доверие и снискать большую популярность: «А егда въ попах был, – пишет он, – тогда имел у себя детей духовных много, по се время сот с пять или с шесть будет» [12, с. 355].

Порой житейское поведение Аввакума озадачивает. Так, во время бури на Тунгуске-реке, когда хлипкий дощаник, на котором он плыл с семьей, лишился паруса, накренился, зачерпнул полные борта воды и стал тонуть, протопоп вместо того, чтобы спасать жену и детей, истово молился («А я, на небо глядя, кричю: «Господи, спаси! Господи помози!») между тем как жена его «на полубы из воды робятъ кое-как вытаскала, простоволосая ходя». С точки зрения современной этики, автор «Жития», мягко говоря, был не на высоте, ибо повел себя не по-мужски, возложив спасение и чад своих, и любимой Анастасии Марковны на последнюю, а сам обратился к Богу. Однако Аввакум крепок провиденциализмом и не сомневается, что поступил правильно, и Господь его услышал и с удовлетворением констатирует: «И божиею волею прибило к берегу нас» [12, с. 362]. При всем том, что протопоп, конечно, был человеком глубоко верующим, его физическое

бездействие и упование в столь смертельно опасный момент лишь на Бога несколько не вяжется с прославившими его духовными подвигами.

Главная нравственная доблесть и заслуга протопопа, вознесшая его в пантеон избранных и почитаемых праведников, – это неизменная крепость веры. Посвященная ему обширная агиография в первую очередь преподносит как достойный пример для подражания, несокрушимую стойкость Аввакума. То, что он не отрекся от своих убеждений, несмотря на многолетние тяжкие испытания, вполне можно расценить как своего рода мягкий бунт несгибаемого священномученика, против день ото дня оказываемого на него жестокого давления. Твердость духа расколоучителя сравнима, пожалуй, с безграничным запасом долготерпения его набожной и смиренной супруги, на долю которой вряд ли выпали меньшие страдания, чем на опального мужа.

Жизнь била Аввакума непрестанно и беспощадно. Не успевал он оправиться от одних мытарств, как тут же на его бедную голову обрушивались новые, но ни кнутом, ни пряником невозможно было заставить его отступить от «старова… благочестия», ради которого он был готов претерпеть любые муки. Голод, холод, побои, истязания, обиды, лишения, унижения чередовались, но не прекращались, и с переменой места заключения или ссылки протопопа немедленно возобновлялись. Страшнее всего были мучения родных и близких, мыкавших горе вместе с ним – кроткой и безропотной Настасьи Марковны, дочери Огрофены, сыновей Ивана и Прокопия. Они делили с ним многие беды и невзгоды, и это, было причиной его постоянных душевных терзаний. Семья – это наиболее уязвимое место Аввакума. Осознавая ее полную беззащитность перед произволом властей он неустанно молится, простодушно уверенный, что Господь, как и в случае на Тунгуске, вступится за его жену и детей, не оставит их своим покровительством, не даст им пропасть. Однако, вопреки горячим молитвам обоих сыновей протопопа приговорили к повешению, а когда те «повинились» (раскаялись), «их и с матерью троих въ землю живых закопали» (посадили в земляную тюрьму) [12, с. 386].

Мятеж протопопа прежде всего заключается в подвиге неприятия. Как вождь раскола он противостоял государеву и официальному церковному престолу, сформулировав в проповедях, послании, «Житии» основные принципы и максимы богословствования, несовместимые с инновациями в российском православии. Протопоп облек в слова бурную народную реак-

цию на неприемлемую, больше того, непотребную в глазах основной массы населения страны реформу Никона и обосновал святое право отстаивать старую, обжитую веками., почитаемую предками веру. Главное, чем притягивал Аввакум, это то, что слово у него не расходилось с делом. Личным примером, можно сказать кожей, мясом, кровью, т. е. собственной шкурой, он подтвердил, что действительно готов идти на муки и смерть во имя древних святынь. Впрямую не говоря об антихристовой сущности самодержавной власти, протопоп соблюдает по отношению к царю скорее формальный пиетет, чем испытывает священный трепет. О гипнотическом воздействии на него монаршей особы говорить не приходится. Для него это явно не культовая фигура. Пожалуй, есть даже основания предположить, что Аввакум не исключал для себя занять место «параллельного» великого государя, которое занимал Никон, и оказывать соответствующее воздействие на богопослушного Алескея Михайловича. По сути, не только Никона и его клевретов, но и самого царя протопоп приравнивает к бесам, с которыми бьется, что с собаками.

Протестный императив Аввакума, идейное ядро его бунта – непризнание ни реформированной церкви, ни ее новшеств и твердая установка на то, что истинная вера – эта та, что была раньше. Однако за внешней стороной проступает более важная, – внутренняя. Мятежный иерей не только призывал до последнего предела отстаивать прежние православные обряды, обычаи и традиции, но и сам как мог сопротивлялся грубому попранию милой его сердцу старины, сложившегося жизненного уклада, посягательству на духовную свободу, попыткам насильственного отлучения его бессмертной души от истинного вероучения. Он заплатил наивысшей ценой – жизнью своей за отказ быть подневольным и ущемленным в своих религиозных воззрениях, лишиться спасительной веры в святость и непогрешимость русского православия. Ему и его сторонникам было далеко не все равно, как вести свой диалог с Богом и они ратовали за то, чтобы сохранить его в том неизменном и привычном виде, что и раньше [11, с. 287].

Если даже в XXI в. свобода распоряжаться собой и придерживаться собственной картины мира под вопросом, то что говорить об Аввакуме, который посмел триста лет назад упорно стоять на своем и вступать в полемику с самим великим государем.

При всей популярности поучений и наставлений Аввакума он привлекал духовных собратьев не как «идеолог-«теоретик», а прежде всего как

практик, ярко и мужественно доказавший, что административному нажиму, лютому насилию, надругательству можно и должно противостоять. Как теолог, протопоп заметно уступал старообрядческим авторитетам более позднего времени (братьям А. и С.Денисовым и др.), и при всей своей ортодоксальности был недостаточно силен по богословско-догматической части, сбивчиво толкуя учение о Св. Троице, воплощениях Христа и т. п. Что же до высшей философской мудрости, то не всякому было дано ее оценить, потому что сентенции вроде «Богъ – старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во-се, петь, в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскреситъ. Да кто о том разъсудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляетъ. Слава ему о всем!» [12, с. 387] заслоняли главный дар – прозорливо различать добро и зло.

Как человек искренний, вся жизнь которого на виду, Аввакум пользовался огромным кредитом доверия. Он ничего из себя не изображал, был таков, как есть. Откровенно рассказав, как держа руку над пламенем свечи, победил вожделение к исповедовавшейся у него блудной девице, протопоп столь же чистосердечно повествует, как устоял против иных более сильных и изощренных соблазнов, бесовских ухищрений и козней и не омрачил душу изменой установлениям и традициям древнерусского православия [12, с. 356]. Мятежный протопоп не безгрешен, но непреклонен в преодолении искушений уступить, отказаться от староверства и согласиться принять никонианскую «ересь».

Раскол вовсе не означал погружение в темноту, невежество и мракобесие, как долгое время утверждалось в дореволюционной и советской литературе, делавшей акцент на его крайних (самосожжение) проявлениях. Это был бунт в религиозной оболочке, мучительный поиск справедливости и правды, синхронный с крепостническим законодательством Соборного уложения. Само слово Раскол пристало бы писать с прописной буквы, ибо в русской истории он занимает примерно то же место, что в западноевропейской – Реформация, протестантство. В культуре России он стал надломом, привел к болезненному раздвоению традиционных и новоприобретенных ценностей. Резонанс раскола был чрезвычайно велик. Как справедливо отмечает культуролог А. С. Зверев, он «нанес страшный удар целостности русского миросозерцания. Однако, несмотря на его массовость…, не стал определяющим фактором раздвоения общества. Староверы ушли на периферию общественной жизни, посчитав, что мир полностью под вла-

стью антихриста. Отрицательным для внутренней жизни России был тот факт, что немалая часть ее населения считала себя и врагом государства, и Русской Православной Церкви» [4, с. 112–118].

По долго господствующей в науке упрощенной прогрессистской схеме выходило, что апостол старообрядчества Аввакум воплощал собой реакционное Средневековье, а его идейные оппоненты Дмитрий Ростовский или Симеон Полоцкий – ценностную систему, знаменующую переход к Новому времени. На самом же деле противостояние двух этих культурных миров было гораздо сложнее и противоречивее. Святость и богохульство в воззрениях идейных противников, спорящих об истинном православии, постоянно меняются местами, обесцениваются, приобретают противоположные коннотации. И точно так же истовая вера сочетается с изуверством, твердая ортодоксальность присуща как носителям титульного религиозного учения, так и представителям еретичества. Обеднять диалектику духовной жизни схоластической схемой было бы упрощением, ибо живые и острые проявления человеческой жизни в клерикальной оболочке для Московской Руси – в порядке вещей [10, с. 162–163].

Вешая на Аввакума ярлыки замшелого ретрограда, косного умом, зашоренного до зомбированности старообрядческими догмами истукана, авторы вроде И. И. Гарина [3] грешат против истины, ибо на самом деле головщик раскольников противится быть верноподданным богопротивного, с его довольно-таки политически грамотной по тогдашним меркам точки зрения, царства-государства, в котором больше не находит для себя базовой скрепы – религиозной опоры. В этом смысле мятеж Аввакума выходит за рамки узко конфессионального, внутрицерковного. Он, в пределах той эпохи, еще и светский, гражданский.

Если разобраться, Аввакум, которому вроде бы пристало, не вникая, покорствовать промыслу Господню, активно и пытливо осмысливает ход вещей, проявляя дар природного диалектика, выдвигает и разрешает полемические вопросы, отказываясь признать, что весь мир – юдоль стенаний, где даже неправда ниспослана провидением с особым умыслом, а любой из противников неистового протопопа строит свою аргументацию в споре с ним в русле той же средневековой схоластики.

Поддержка с высоты трона была оказана не Аввакуму, а противоположной стороне. Формально раскольники потерпели поражение, но, по существу, победа над ними государства и официальной церкви была чисто

силовой и номинальной, а торжество духа осталось за старообрядцами. Это довольно серьезный нюанс. В народной традиции выбор победителя зачастую определяет не реальный исход борьбы за умы и право навязывать как единственно правильную идейно-ценностную установку одержавшей верх стороны, а, так сказать, устный общественный приговор. Ревнители древнего благочестия не ограничиваются «бегством в обряд», не спасаются благодатью, а стойко и мужественно высокой и нерушимой нравственностью доказывают крепкую привязанность апробированным отеческим устоям. Раскол – это ответ на разброд и шатания Смуты, на затяжной кризис, проявившийся в потере ориентиров, в бессилии центральной власти, утрате равновесия на государственном уровне. Решение накопившихся проблем сверху, в том числе путем церковной реформы, мало смягчало, а то и обостряло сложившееся критическое положение, вызвав ожидание очередных потрясений. Отсюда попытка «исправы» снизу, которую предпринимают расколучителя. Их инициативы и действия – противовес официальной политике, самозащита с целью создать заслон наползанию новых бед. Страна была на изломе. Ярость перерастала в решимость действия. Аввакум зорко разглядел признаки раздрая, междоусобия, пагубного расщепления общества на враждующие лагеря и группировки. Его не могут не тревожить эти явные приметы надвигающейся гражданской войны. Протопоп с сотоварищи стали образцами человеческой твердости, силы духа. Их личный пример был мерилом истинного богатырства. Они не прячутся за непонятные, отвлеченные словеса, отстаивают свои убеждения прямо и просто, избегая витиеватых объяснений и сложного, чуждого обыкновенному человеку стиля изложения. Аввакум и его единомышленники олицетворяли мятежный дух непокорства, бунт не только против патриарха и никонианской церкви, но и против самого царя, то ли самолично изменившего от исконной, коренной веры, то ли пошедшего на поводу у отступников от православных канонов. Открытое уличение великого государя в заблуждении знаменательно само по себе. О монарших особах как о покойниках было принято отзываться или хорошо, или никак. Аввакум не побоялся бросить тень на венценосца, пренебрег его высочайшим статусом, не безрассудно, а нарочито решился умерить свет христианского солнца, дерзко подвергнув тем самым сомнению, что великий государь в самом деле источает этот свет.

Трудно отрицать, что в «Житии» превалирует эгоцентризм, но это не выпячивание собственного Я, а естественный акцент на самом себе, кото-

рый было бы ошибочно приравнивать к гордыне, суетному тщеславию, расценивать как повышенную амбициозность и избыточное самолюбие. Скорее, здесь обостренное вопреки всем попыткам его задавить-задушить не ко времени проснувшееся чувство человеческого достоинства.

Сегодня суждения об Аввакуме и оценки его деятельности по-прежнему полярно расходятся. Так, некоторые почитатели видят в нем человека твердых убеждений, готового поднять и вести за собой народ, самоотверженного подвижника и аскета, способного ради всеблагой цели отринуть все личное, отказаться от земных радостей и даже от самой жизни [2]. В книге из серии «ЖЗЛ» протопоп представлен как борец с иноземным злом, стремившийся честно и храбро пресечь чуждые русскому человеку западные веяния и полный антипод разрушителя Руси Никона, подвергшего сотни тысяч русских людей гонениям и казням за то, что совесть их не могла принять осквернения православия [5].

Другая крайность современной историографии – окарикатуривание Аввакума, придание ему черт бесновато-одержимого оглашенного фанатика, вынесенного историей на гребень волны, чтобы попытаться повести за собой темную толпу иррационально мыслящих, для которых самое страшное – свобода, а самый притягательный лозунг – «Хотим быть рабами!». Есть даже тенденция изображать подвижника как добровольного охотника за муками, ловца истязаний, жаждущего все новых экзекуций и таким образом самоутверждающегося мазохиста [3, с. 33–34, 154–156].

Эти контрастные взгляды помогают лучше понять, сколь противоречивы и сам Аввакум, и раскол, ярким олицетворением которого он был. Этика Аввакума далека от веротерпимости и терпимости вообще, от возвеличивания человеческой свободы, разума. Она отнюдь не исключала по отношению к противникам произвола, несправедливости и насилия. И все же, как свидетельствует «Житие», сквозь непримиримость и фанатизм автора постоянно пробиваются токи гуманизма, живые, горячие мысли, страсти, колебания, человеческие слабости. Повинуясь внутреннему долгу, руководствуясь сакраментальным порывом, импульсом, Аввакум заблуждался, но вовсе не был обделен здравым смыслом, как часто ему приписывают. Напротив, повышенная эмоциональная восприимчивость не застилала ему глаза, а помогала быстро, трезво, логично и точно разобраться в проблеме, оценить ситуацию, выказывая при этом мощные навыки и формы незаурядного мышления, взвешенные взгляды на окружающую действитель-

ность. Он прожил до предела напряженную духовную жизнь, всецело посвятив ее поиску по-своему понятой правды.

По факту, поборники раскола не победили, но потерпев поражение, они лишь утвердились как защитники справедливости, т. е. чисто символически в глазах народа не проиграли, а выиграли, поднялись на неформальную высоту гонимых, но признанных авторитетов и пастырей духа. Не пропал даром и бунт Аввакума. Смертию смерть поправ, он возвысился в глазах современников и потомков, потому что принес себя в жертву во имя других, до последнего мгновения жизни жадно всматриваясь в мир и проповедуя светозарные идеалы русского общества. Он был не упертым фанатом-догматиком, а именно проповедником, истинным реформатором этики и проводником своего рода этической революции. Его бунт без оружия предстает как феномен, в котором постоянно сочетается бесконечное умножение сущностей и который неожиданно дает о себе знать в самых разных контекстах русской истории и культуры. Применительно к Аввакуму в понятие «бунт» вкладывается синонимичное или достаточно близкое содержание к понятию «хаос», что намечено, к сожалению, оборвавшейся линией русской экзистенциально-персоналистической историографии (С. Г. Томсинский, С. И. Тхоржеский) и философии (Б. П. Вышеславцев, Л. Шестов). Если рассуждать не в прижившейся логике большевистского упрощения, диалектический подход к бунту заключается в трактовке этого явления как борению множества бинарных оппозиций, условно подразделяющихся, с одной стороны, на стихию, ассоциирующуюся с созидательным началом, с другой – с разрушением и уничтожением. Бунт в равной мере питают источники добра и зла, причем нацеленность на состояние свободы, онтологически обречена обесцениваться реальностью безудержного самоуправства и разбойничьей вольницы. Бунт не столько подрывает устоявшийся уклад, сколько воспроизводит его в карикатурных (институции Пугачева) формах. Разрушение утвердившегося порядка создает иллюзию придания хаосу нужного направления, но на деле выливается в беспорядочную и безысходно тупиковую кровавую реальность, криминальный беспредел и создает предпосылки для нового витка закручивания властью гаек, закрепляющих как норму принуждение, безропотную покорность, готовность устрашенной казнями и расправами массы к раболепному повиновению элитам и начальствующим особам, присвоившим себе монополию на всё и вся, узаконившим практику ломать человека, лепить из него

податливый материал, превращать в любое социальное существо и жестоко, беспощадно карать тех, кто посмеет этому воспротивиться.

Для правящего режима такие фигуры, как Аввакум или, например, философ В. В. Розанов, академик А. Д. Сахаров всегда таят угрозу и относятся к разряду инакомыслящих, диссидентов и опасных оппозиционеров, которых в профилактических целях целесообразнее всего по возможности своевременно обезвредить.

Список литературы

1. Аввакум. Послания и челобитные царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу и царевне Ирине Михайловне // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. – Москва : Худож. лит., 1988. – 704 с.

2. Бороздин, А. К. Протопоп Аввакум / А. К. Бороздин. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 382 с.

3. Гарин, И. И. Аввакум / И. И. Гарин. – Харьков : Фолио, 1994. – 159 с.

4. Зверев, А. С. Размышления о русской революции / А. С. Зверев // Революция в России: реальна ли угроза? 1917–2017. – Москва : Достоинство, 2018. – 624 с.

5. Кожурин, К. Я. Протопоп Аввакум. Жизнь за веру (ЖЗЛ) / К. Я. Кожурин. – Москва : Молодая гвардия, 2011. – 394 с.

6. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. док. – Т. I. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954. – 322 с.

7. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. док. – Т. III. Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 492 с.

8. Панченко, А. М. Боярыня Морозова – символ и личность / А. М. Панченко // Повесть о боярыне Морозовой. – Москва : Худож. лит., 1991. – 160 с.

9. Протопоп Аввакум. Вопль ко Господу // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. – Москва : Худож. лит., 1994. – 654 с.

10. Соловьев, В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность / В. М. Соловьев. – Москва : ТИМР, 1994. – 252 с.

11. Соловьев, В. М. Третий Рим: Россия от Московского царства до империи (XV – XVIII вв.) / В. М. Соловьев. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. – 605 с.

12. Сочинения Аввакума: Житие // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. вторая. – Москва : Худож. лит., 1989. – 704 с.

УДК 141.41

Логиновский Сергей Сергеевич
Южно-Уральский государственный
университет, кафедра международных
отношений, политологии и регионоведения,
доктор философских наук, доцент

СЛОВО «О ПОКАЯНИИ» ПРЕПОДОБНОГО МАРКА ПОДВИЖНИКА КАК ПРИМЕР СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Аннотация. В статье анализируется слово «О покаянии» св. Марка Подвижника. Показывается, что подход, учитывающий специфику мировоззрения святых отцов, позволяет рассматривать данный текст как пример социальной мысли отцов Церкви, в которой антропологическая проблематика неразрывно связана с проблематикой социальной.

Ключевые слова: религиоведение, социальная мысль, христианство, отцы Церкви, преп. Марк Подвижник, покаяние

Loginovsky Sergey Sergeevich
South Ural State University (National Research University), Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Doctor of Philosophy, associate professor

THE WORD «OF PENITENCE» BY THE MONK MARK THE ASCETIC AS AN EXAMPLE OF THE SOCIAL THOUGHT OF THE CHURCH FATHERS

Annotation. The article analyzes the word «Of penitence» of St. Mark the Ascetic. It is shown that the approach that takes into account the specifics of the worldview of the Holy fathers allows us to consider this text as an example of the social thought of The Church fathers, in which the anthropological problem is inextricably linked with the social problem.

Keywords: religious studies, social thought, Christianity, The Church Fathers, Mark the Ascetic (Marcus Eremita), penitence

В мае мы традиционно празднуем День Победы, нашей победы в одной из самых тяжелых и кровопролитных войн. Но война и победа в ней могут быть разными. С точки зрения святых отцов, самым важным видом «брани» является «духовная брань» – война с греховными страстями, которая в земной период существования человека не прекращается ни на минуту и победа в которой (победа окончательная и безоговорочная) – награда будущего века. Важность этой войны определяется тем, что именно она является причиной всех остальных войн и конфликтов, по причине чего предотвращение любых войн (к чему должен стремиться всякий разумный человек) не может быть прочным без искоренения греховных страстей [5].

Детальную разработку темы «духовной брани», методологию борьбы с греховными страстями мы можем найти в православной аскетической традиции, одним из представителей которой является преподобный Марк Подвижник, живший в V веке [2, с. 225; 3]. Целью данной статьи является анализ осмысления преподобным социальной проблематики в слове «О промысле», которое является третьим в его «Аскетических творениях».

В начале рассматриваемого слова, после указания на то, что заповедь покаяния дал людям сам Бог, неоднократно подчеркивая ее значимость, и что эта заповедь есть своего рода обобщение и исполнение всех других заповедей (что также указывает на ее значимость), преп. Марк Подвижник переходит к описанию современного ему общества.

Сравнивая человека с животными, преподобный отмечает, что последние, несмотря на отсутствие разума, демонстрируют гораздо большую способность к позитивному взаимодействию без конфликтов. Люди же, которые по самой своей природе (с такими ее важными особенностями как наличие разума и способность к членораздельной речи) предназначены к такому взаимодействию, вместо этого «оказались свирепее и неразумнее зверей» [4, с. 70], они «не милостивы и завистливы» даже когда для этого нет объективных оснований.

Отсутствие милосердия и зависть не просто присутствуют в человеческих взаимоотношениях, но являются их основой, причем речь у преп. Марка идет о современном ему формально христианском обществе. Первопричину этого преподобный видит в том, что люди после грехопадения предпочитают «злобу» вместо «естественных свойств» [4, с. 70] в качестве оснований для взаимоотношений. Под злобой в контексте святоотеческой мысли следует понимать греховные страсти, а под естественными свойствами – любовь и связанные с ней добродетели.

Рассматривая эту проблему подробнее, преподобный обращает внимание на отличия в проявлении жестокосердия и зависти в отношении людей, имеющих различный социальный статус. Если человек имеет более низкий социальный статус, то жестокосердие и зависть по отношению к нему проявляется открыто. Людьми с таким статусом завистник желает «обладать как наемниками и рабами», всячески демонстрируя перед ними свое превосходство («благородство»), причем не в делах добродетели, а «по плоти и богатству» [там же, с. 71].

По отношению же к вышестоящим завистник, напротив, внешне демонстрирует благожелательность. Но в действительности он и к ним относится также как к нижестоящим в социальной иерархии. Единственное отличие заключается лишь в том, что по отношению к вышестоящим такое отношение не проявляется открыто из боязни возмездия, поскольку вышестоящие также зачастую руководствуются жестокосердием и завистью в своем отношении к окружающим их людям.

При всем внешнем различии первого и второго варианта для преп. Марка они едины как по своей сути, так и по своим последствиям для социальной жизни. Более того, для преподобного оба варианта выражают не какое-то случайное, характерное для отдельных людей или определенных эпох отношение к другим людям и проистекающее из этого отношения устроение социального бытия, но способ существования всех социальных коллективов, известных современной науке. По мнению многих представителей современного обществознания, данные особенности являются естественными, а потому неустранимыми характеристиками социального бытия человека. Преп. Марк Подвижник как христианский автор считает иначе. В социальной мысли отцов Церкви эмпирически наблюдаемое общество является результатом грехопадения первых людей, в результате которого существенно изменилась в худшую сторону не только природа их самих и их потомков, но и образуемое людьми с такой природой общество.

Причина этого в том, что для отцов Церкви изменяемые особенности социального бытия определяются спецификой природы образующих их людей. Главная особенность природы человека после грехопадения – господство греховных страстей, коими люди руководствуются в своей жизни, в том числе и социальной. Поскольку это падшее состояние христианские авторы чаще всего обозначают термином «ветхий человек», постольку и образуемое такими ветхими людьми общество также можно называть ветхим. Хотя оно и не тождественно всецело греховному бытию бесов после их отпадения от Бога, все же и в нем греховные страсти прочно вошли в социальную жизнь, на что, в частности, указывает существование в ветхом обществе множества институтов, сформированных под воздействием и для удовлетворения греховных страстей, например, рабство.

Именно такое социальное бытие и описывает преп. Марк Подвижник, рассматривая важнейший для социальной мысли отцов Церкви аспект социального взаимодействия между людьми. Его рассуждения демонстри-

руют характер влияния греховных страстей на взаимодействия между людьми, показывая, что под их воздействием оно становится конфликтным, лишенным того единства в гармонии, которое является проявлением подлинной любви и естественно для человека. В ветхом же обществе подлинная любовь не является основой социальных отношений. Даже те проявления любви, которые остаются у ветхого человека, искажаются под действием греховных страстей.

Говоря об этом подробнее, преподобный отмечает, что у ветхого человека «любление никогда не может пребывать без ссоры» [4, с. 71]. Когда кто-либо находится ниже ветхого человека, он всячески старается навязать ему свою волю и выместить на нем свою злобу. Когда это удается, ветхий человек внешне изменяет злобу на «любление», которое не тождественно любви как способу правильной связи между людьми. Основанием «любления» являются греховные страсти, в то время как истинная любовь в социальной мысли отцов Церкви есть чуждый всякого греха способ правильной связи между людьми, результатом которого является мирное и гармоничное сосуществование, подлинное единство, с сохранением индивидуальных особенностей каждого человека.

Поскольку источником «любления» является злоба (и другие греховные страсти), постольку она не может быть основанием мирного и гармоничного социального бытия. Напротив, временно удовлетворив свои греховные страсти, что проявляется в возникновении «любления», ветхий человек достаточно скоро теряет и эту псевдолюбовь, поскольку «необходимо, чтобы последующее дело было подобно основанию; и тот, кто хочет так побеждать, [непременно] опять станет искать раздора, потому что любление никогда не может пребывать у него без ссоры; раздору же всегда наследует ненависть, как говорит божественное Писание: «Ненависть воздвигает распрю» [4, с. 71].

Демонстрируя природу и механизм действия греховных страстей, преп. Марк говорит, что жестокосердие и зависть, ведущие к конфликту, возникают даже в тех случаях, когда нет объективных оснований для этого, «без всякой побудительной причины» [там же]. Это также следует понимать применительно к особенностям ветхого человека, по причине того, что для жестокосердия и зависти в действительности нет и не может быть никаких объективных причин. Видимость таких причин появляется только у действующего на основе греховных страстей ветхого человека, причем те

случаи, в которых отсутствует даже видимость «побудительной причины», хорошо демонстрируют иллюзорность, надуманность этих «причин». В самом деле, если ветхий человек завидует кому-либо в силу того, что он достиг определенного успеха, то еще может показаться, что для этого есть внешние «объективные» причины, но если такую же зависть он испытывает в отношении тех, кто не демонстрирует таких внешних «причин», то это позволяет утверждать, что и в первом случае источником греховных действий являются не какие-либо внешние причины сами по себе (которые, скорее, есть повод), а исключительно неправильное мировосприятие, основанное на греховных страстях.

В рамках современного дисциплинарного деления подобные рассуждения следовало бы отнести к социальной психологии, но для отцов Церкви они имеют более широкое значение, поскольку именно поведение человека (обусловленные особенностями состояния его природы) придает специфику инвариантным особенностям социального бытия, обуславливает существование того или иного его вида.

Примером здесь может быть неравенство, которое само по себе для отцов Церкви является неустранимым признаком любого социального образования. Однако конкретный его вид, а также его восприятие может столь существенно отличаться, что различные варианты неравенства при внешнем сходстве оказываются не просто различными, но и прямо противоположными по некоторым признакам, имеющим решающее значение для человека и общества. В чуждом греха социальном устроении иерархия есть средство, которое позволяет «уподобляться Богу и соединятся с ним» [1, с. 33], суть которого в том, чтобы менее совершенные в добродетели подчиняются более совершенным, стремясь научиться у них, стать совершеннее. В ветхом же обществе иерархия зачастую превращается в средство удовлетворения своих греховных страстей, в частности таких, как «первенство в славе и стяжаниях» [4, с. 71–72], которые, как замечает преп. Марк Подвижник являются причинами зависти, жестокосердия и приводящей к конфликтам ненависти.

Восприятие социального неравенства и отношение к тем, кто занимает определенное положение («чин») также различается. В чуждом греху обществе, основанном на подлинной любви, не знающей исключений, нижестоящим, по причине любви к ним, всячески помогают в их возрастании в добродетели, а вышестоящих почитают как пример большего совершен-

ства и источник помощи. В ветхом обществе все иначе: любые успехи и возвышение в социальной иерархии воспринимаются с завистью и злословием, а нижестоящих презирают и всячески третируют.

Преп. Марк Подвижник с сожалением замечает, что даже Св. Писание ветхий человек использует для обоснования своего поведения на основе греховных страстей. Если ветхий человек видит прегрешения вышестоящего по сравнению с ним, то боясь его обличать, приводит в свое оправдание следующую цитату: прежде времени ничтоже судите, дондеже приидет Господь (1 Кор. 4:5). Если же согрешает нижестоящий, то ветхий человек его жестко обличает, ссылаясь на другое место Св. Писания: согрешающего пред всеми обличай (1 Тим. 5:20). При этом целью обличения является не помощь ближнему, а удовлетворение той или иной греховной страсти (себялюбия, жестокосердия, зависти и т. д.), что не только не помогает ближнему, но и настраивает его против «обидчика» и в конечном итоге всегда заканчивается тем или иным конфликтом [4, с. 71].

Оценивая подобное отношение к другим людям как совершенно неправильное, преп. Марк Подвижник пишет, что каждый человек должен помогать окружающим его, для чего нет никаких объективных препятствий, поскольку помощь может быть не только материальной, но и «правым произволением: аще согрешит к тебе брат твой, остави ему (Лк. 17:3) [там же, с. 73]. Такого рода милостыня, отмечает преподобный, намного важнее материальной помощи, поскольку она, став систематической, изменяет человека, помогает ему избавиться от действия греховных страстей. Если же такое поведение становится массовым (к чему и призывает преподобный), то изменения становятся видны не только на уровне отдельного человека, но и в социальном коллективе, образуемом такими людьми. Только такого рода действия и могут радикально изменить общество.

Скорость и устойчивость этих изменений зависит от количества добродетелей, которым следует человек и качества этого следования. При этом, как подчеркивает преп. Марк Подвижник, заповеди (в которых указывается, что является добродетелью и должно быть основой деятельности человека) различаются: есть частные, а есть и «более общие, которые заключают в себе многие из частных и многие части порока отсекают за один раз» [4, с. 76–72]. К последним относится покаяние, которое преподобный определяет как то, что «совершается посредством заповедей Христовых, соразмерно с оными» [там же, с. 76]. Конкретизируя это утверждение,

преп. Марк Подвижник говорит, что «дело покаяния совершается тремя следующими добродетелями: очищением помыслов, непрестанною молитвою и терпением постигающих нас скорбей» [там же с. 78]. Все эти делания должны совершаться не только формально и внешне, «но и в умном делании, так чтобы долго потрудившиеся сделались чрез сие бесстрастными» [там же], устранили из своего бытия греховные страсти.

Покаяние является универсальным средством возрастания в добродетели, которое актуально как для тех, кто только начинает вести добродетельную жизнь, так и для тех, кто уже достиг в ней заметных успехов. Преподобный специально подчеркивает этот момент, указывая, что «нет такого предела совершенства, который не требовал бы делания вышеупомянутых добродетелей» [там же], составляющих покаяние. И у тех, кто достиг значительных успехов в добродетельной жизни по заповедям Христовым, всегда есть прегрешения, пусть и менее значительные, чем у остальных. Преп. Марк Подвижник (как и другие отцы Церкви) подчеркивает, что не следует недооценивать даже малые прегрешения, поскольку, во-первых, они тоже прегрешения, а во-вторых, они являются тем, на основе чего развиваются более опасные и трудноискоренимые греховные страсти.

Покаяние, устраняя греховные страсти, является действенным средством не только индивидуального спасения, но и социальных изменений: «Если, – пишет преп. Марк, – милующий [других] сам помилован будет, то, как полагаю, весь мир держится покаянием, когда один от другого промыслительно бывает вспомоществуем» [4, с. 84]. В таких, основанных на добродетелях, взаимоотношениях рождается новое общество, стремящееся искоренить греховные страсти, которые являются главным и даже единственным препятствием к совершенному обществу, коим для отцов Церкви является Царствие Небесное. И хотя преподобный понимает, что это совершенное общество возникает не в результате человеческих усилий, которые всегда недостаточны, он указывает на то, что «Господь много милует нас за намерение наше» [там же, с. 85]. Кроме того, недостижимость идеального общественного устройства на земле до Второго Пришествия, сроки которого, как подчеркивает преп. Марк, неизвестны людям, не является основанием для того, чтобы вовсе не улучшать общество, не бороться с греховными страстями. Даже частичное улучшение социального бытия людей не может не быть благом. Поскольку же оно является следствием индивидуальных усилий человека по собственному преображению (избавлению от

греховных страстей), которые есть обязанность человека, постольку можно сказать, что и такого рода социальные изменения являются не только возможными, но и необходимыми.

Итак, анализ рассуждений преп. Марка Подвижника о покаянии, учитывающий особенности мировоззрения святых отцов, позволяет увидеть их социальное измерение, представить их как пример социальной мысли отцов Церкви, которая сознательно антропологична, что зачастую затрудняет ее восприятие именно как социальной мысли.

Список литературы

1. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. – Санкт-Петербург : Глаголъ, РХГИ, Университетская книга, 1997. – 188 с.

2. Исихазм. Аннотированная библиография. – Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. – 912 с.

3. Ким С. С. Марк Пустынник // Православная энциклопедия. Т. XLIII. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия, 2016. – С. 701–705.

4. Марк Подвижник, преп. Аскетические творения. – Москва : ТСЛ, 2013. – 232 с.

5. Папагеоргиу Ника. Социальные проблемы и исихастское предание по учению свт. Григория Паламы // Международная научно-богословская конференция «Россия - Афон: тысячелетие духовного единства». Москва. 1–4 окт. 2006 г. – Москва : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. – С. 86–93.

УДК 1 (091)

Клюев Александр Сергеевич

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра музыкального воспитания и образования, доктор философских наук, профессор

ЧТО ТАКОЕ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

Аннотация. В статье раскрывается специфика русской философии. Отмечается, что русская философия базируется на византийских философско-мистических традициях, но вместе с тем воплощает основной постулат русской культуры (русскости): утверждение духовности как нравственного подвига – служения созиданию и противления разрушению (уничтожению).

В соответствии с указанной установкой русской культуры определяется феномен русской философии. Утверждается, что русская философия – решение нравственной задачи победы над смертью.

Ключевые слова: русская философия, духовность, человек, мир, Бог

Klujev Alexander Sergeevich
The Herzen State Pedagogical University of Russia, Department of Music Upbringing and Education, Doctor Habil. in Philosophy, Full Professor

WHAT IS RUSSIAN PHILOSOPHY?

Annotation. The article deals with the specifics of Russian philosophy. It is noted that Russian philosophy is based on the Byzantine philosophical and mystical traditions, but at the same time embodies the basic postulate of Russian culture (Russianness): the affirmation of spirituality as a moral feat – service to creation and resistance to the destruction (annihilation).
Russian philosophy phenomenon is determined in accordance with the above-mentioned attitude of Russian culture. It is argued that Russian philosophy is the solution to the moral task of victory over death.

Keywords: Russian philosophy, spirituality, man, world, God

Итак, мы ставим вопрос: что есть русская философия? Вопрос непростой, попробуем в нём разобраться.

Изначально нужно сказать, что русская философия неразрывно связана с Православием. Эта связь постоянно подчёркивалась русскими философами. Сошлёмся хотя бы на высказывание В. В. Зеньковского: «Русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой; здесь был и остаётся главный корень своеобразия… русской философской мысли» [3, с. 18].

Сегодня в отечественной философской литературе отчётливо проводится мысль о том, что связь русской философии с Православием («со своей религиозной стихией») не свидетельствует о её оригинальности: русская философия перманентно связана с западной, является стадией её развития. Такая позиция не оригинальна. Её заявляли и раньше [см.: 11]. На каком основании выдвигается такая точка зрения?

Авторы, придерживающиеся такого подхода, считают, что русская философия взаимодействует не с каноническим, строгим Православием, а с его сокровенным глубинным ядром, которым является гностицизм. Например, как утверждает И. И. Евлампиев, «постоянное тяготение русской философии и всей русской культуры к гностическому мировоззрению не вызывает никаких сомнений. Этот факт долгое время не получал должного признания в литературе только в силу устоявшейся тенденции, характерной для церковных и православно-ориентированных авторов» [2, с. 9]. Такие учёные полагают, что гностическое умонастроение интенсивно упрочива-

лось на Западе, начиная с позднего Средневековья: Бернард Клервоский, Майстер (Иоганн) Экхарт и др., а отсюда – русская философия связана с западной. Но что такое гностицизм?

Гностицизм – явление сложное и до конца не определённое. По словам авторитетного специалиста в этой области германо-американского философа Ханса Йонаса, «мы можем говорить о гностических школах, сектах и культах, гностических произведениях и учениях, гностических мифах и спекуляциях, и даже о гностической религии» [5, с. 47–48]. Йонас приходит к выводу, что гностицизм являет собой своеобразный сплав эллинистической философии и восточных истоков, при этом отмечает, что «в целом,.. тезис о восточном (ориентальном) происхождении гностицизма имеет преимущество перед… эллинским» [5, с. 49].

Таким образом, гностицизм – respective мистицизм, пришедший с Востока. А что такое мистицизм? Мистицизм – совокупность представлений о непосредственной связи человека с сакральными началами [8]. Такая связь обеспечивает человеку прорыв из земного, тленного, мира в мир Божественный, нетленный, и тем самым – избавление от земного мира, выходом из него. Мистицизм лежит в основе всех религий (на это указывают в своих работах известные исследователи мистицизма: Э. Андерхилл, Р. Отто, С. Катц, К. Шмидт и другие), но особенно – Православия как Восточной Церкви. Более того, в Православии мистицизм, по сути, сливается с каноническим богословием.

Так, согласно В. Н. Лосскому, «восточное предание никогда не проводило резкого различия между мистикой и богословием, между… опытом познания Божественных тайн и догматами, утверждёнными Церковью» [7, с. 198].

В Православии мистицизм, прежде всего, представлен исихазмом.

Родина исихазма – Византия. Наиболее известные византийские исихасты – свв. Макарий Египетский, Диадох Фотикийский, Григорий Синаит, Исаак Сирин, Григорий Палама. На основе византийского исихазма стал развиваться исихазм в России. Потому совершенно справедливо утверждение В. Н. Лосского о том, что «русское христианство – византийского происхождения» и имеет вместе с ним однородный характер «духовной семейственности» [7, с. 204]. Основу исихазма составляет аскетическая практика внутренней (безмолвной) молитвы, именуемой умно-сердечной или Иисусовой.

Молитва направлена на добывание, хранение и передачу опыта единения христианина с Богом. Такое единение есть обóжение, стяжание Духа Святого, осуществляемое по Божией Благодати. Оно есть дар Божий.

Единение христианина с Богом есть единение энергий «всецелого» – телесно-душевно-духовного – человека и Энергий Бога, которое предстаёт как осуществляемое по Божией Благодати возрастание энергий человека в последовательности: телесные – душевные – духовные. При этом, по свидетельству Григория Паламы, Энергии Бога превосходит все энергии человека, «не только потому, что Он их причина, но и потому, что принятое всегда оказывается лишь ничтожной долей Его дара» [1, с. 309].

Взаимодействие энергий человека и Энергий Бога именуется синергией. Синергия обеспечивает человеку преодоление тягот земной жизни и даже – самой смерти. Такое преодоление есть спасение. («Спасение» – понятие, чрезвычайно важное в Православии. По сути, вся жизнь православного человека – труд, который, по Божией Благодати, может привести человека к спасению. А труд этот, как мудро было замечено, заключается в «преображении сердца» : Макарий Египетский).

Исихазм обусловил в русской философии её ярко выраженный антропологизм, метаантропологизм. На это указывает С. С. Хоружий.

Хоружий подчёркивает что, благодаря исихазму, в русской философии «человек становится бытийным..; бытие становится человечным… [Возникает] взаимная принадлежность человека и бытия. Реальность событий, взятую в горизонте этой взаимной принадлежности, [можно] называть действительностью человека...» [10, с. 281].

Имея теснейшую связь с византийской мистико-философской традицией, прежде всего – через исихазм, русская философия постоянно стремилась к самоопределению в ней, обретению в ней своего лица – не за счёт исключения византийства, но за счёт его освоения, преобразования. А это своё лицо, своё «Я» русской философии предопределялось особенностью русской культуры (по сути, русскостью), о которой проницательно писал Г. В. Флоровский.

По мнению Флоровского, русская культура (русскость) заключает в себе две культуры, как бы находящиеся на двух этажах. На нижнем этаже находится культура, идущая от язычества. Флоровский называет её «ночной» культурой. На верхнем этаже – культура, идущая от христианства (Православия), обозначаемая учёным «дневной» культурой. По суждению Флоровского, «“ночная” культура есть область мечтания и воображения», она проявляется «в недостаточной “одухотворённости” души, в чрезмерной “душевности” или “поэтичности”». «“Дневная” культура [является] культу-

рой духа и ума». Когда мы говорим о «дневной» культуре «речь идёт о духовной сублимации и преображении душевного в духовное» [9, с. 15–16].

Таким образом, обретение русской философией своего лица, своей самобытности имело два этапа. Первый – обретение себя на уровне «ночной» культуры: душевности, и второй – на уровне «дневной» культуры: духовности. При этом важно помнить, что духовность на Руси издревле понималась как нравственный подвиг: служение созиданию и противление разрушению (уничтожению) [4].

И вот теперь, учитывая всё вышесказанное, можно попробовать ответить на вопрос: «Что такое русская философия?»

Думается, в самом обобщённом, суммарном виде ответ на этот вопрос будет выглядеть следующим образом: русская философия есть решение нравственной задачи победы над смертью. (Предельно точно об этом пишет Л. В. Карасёв: «Нет проблемы России, есть проблема преодоления смерти» [6, с. 104].)

Список литературы

1. Григорий Палама, святитель. Триады в защиту Священно-безмолвствующих. – Москва : РИПОЛ Классик, 2018. – 440 с.

2. Евлампиев, И. И. Гностические мотивы в русской философии / И. И. Евлампиев // Соловьёвские исследования. – 2006. – Вып. 2 (13). – С. 5–16.

3. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Москва : Академический проект, 2011. – 880 с.

4. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – Москва : Художественная литература, 1969. – 799 с.

5. Йонас, Г. Гностицизм (Гностическая религия) : пер. с англ. / Г. Йонас. – Санкт-Петербург : Лань, 1998. – 384 с.

6. Карасёв, Л. В. Русская идея (символика и смысл) / Л. В. Карасёв // Вопросы философии. – 1992. – № 8. –С. 92–104.

7. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. – Москва : Академический проект; Парадигма, 2015. – 543 с.

8. Мистицизм: теория и история. – Москва : ИФ РАН, 2008. – 203 с.

9. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Москва : Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.

10. Хоружий, С. С. Исихазм как пространство философии // О старом и новом / С. С. Хоружий. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. –С. 261–288.

11. Яковенко, Б. В. История русской философии / Б. В. Яковенко. – Москва : Республика, 2003. – 510 с.

УДК 821.161.3

Мушинский
Николай Иосифович
Белорусский национальный технический
университет, кафедра философских учений,
кандидат философских наук, доцент

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЭТИКЕ «СУБСТАНЦИАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ» Н. О. ЛОССКОГО

Аннотация. Русскоязычная философская литература на рубеже XIX – XX вв. отражала нравственные процессы, служащие движущей силой развития науки и техники в современных условиях. Этическая проблема справедливости имеет важное значение в современном технократическом социуме. Теория «субстанциальных деятелей» Н. О. Лосского исторически является частью формирования мира славянской письменности. Выявление в этом контексте ценностных аспектов справедливости позволяет успешно решать техногенные проблемы современности.

Ключевые слова: русскоязычная философская литература, Н. О. Лосский, теория «субстанциальных деятелей», мир славянской письменности, религиозная этика, идеи справедливости, проблемы техногенеза

Mushinsky Nikolai Iosifovich
Belarusian National Technical University, Department of Philosophical Exercises, Candidate of Philosophical Sciences, associate professor

RUSSIAN-LANGUAGE PHILOSOPHICAL LITERATURE: IDEAS OF JUSTICE IN THE ETHICS OF «SUBSTANTIAL FIGURES» N. O. LOSSKY

Annotation. Russian-language philosophical literature at the turn of the XIX – XX centuries reflected the moral processes, that serve the driving force for the development of science and technology in modern conditions. The ethical problem of Justice had important significance in modern technocratic society. The theory of "Substantial Figures" of N. O. Lossky is historically as the part of the formation of the World of Slavonic writing. The identification of the value aspects of Justice in the context allows to successfully solve the problems of Technogenesis of modernity.

Keywords: Russian-language philosophical literature, N. O. Lossky, Theory of «Substantial Figures», religious Ethics, Ideas of Justice, problems of Technogenesis

Русский язык на протяжении многих веков играл связующую роль на обширных евразийских просторах, в значительной мере сохраняет её в современных условиях на «постсоветском пространстве». Именно поэтому, когда «коллективный запад», стремясь окончательно «уничтожить геополи-

тического противника», пытается разобщить народы не только формально-политически, но и духовно, в первую очередь его действия направлены на искоренение русского языка, противопоставления ему бесконечного многообразия местных наречий. Считается, что новые поколения «не должны» знать русский язык (это якобы умаляет их «национальное начало»); соответственно, им предстоит замкнуться внутри себя, лишиться средств взаимной коммуникации, стать слабыми, беззащитными и озлобленными, испытывать ненависть ко всему русскому. Этот деструктивный проект за последние тридцать лет в значительной мере удалось реализовать в Украине; к чему это приводит, наглядно показали события 2022 г., когда России пришлось реагировать на постоянно усиливающуюся угрозу военными средствами. Негативный пример служит уроком для Республики Беларусь (тоже испытавшей давление во время президентских выборов 2020 г.), где на законодательном уровне сохраняется двуязычие, русский и белорусский языки полностью равноправны. Каждый гражданин Беларуси имеет полную свободу, на каком языке ему удобнее разговаривать в конкретных жизненных обстоятельствах, а также – получать образование, вести делопроизводство и т. п. Тем самым удаётся найти тонкую грань между национальной самобытностью и средствами международного общения соответственно фундаментальным принципам справедливости.

Особый вклад в осмысление указанных проблем в контексте технократического развития мировой цивилизации внесла русскоязычная философская литература на рубеже XIX – XX вв. Её представители, в том числе уроженцы Беларуси, пытались выявить в этом контексте универсальные ценностные аспекты справедливости. Ярким примером такого рода является теория «субстанциальных деятелей», которую разработал Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965), родившийся в Витебской губернии (Креславка), учившийся в гимназии в Витебске, и далее – за границей и в Петербургском университете. Там он впоследствии и преподавал; после 1922 г. жил в эмиграции, внеся тем не менее достойный вклад в формирование мира славянской письменности.

Проблема справедливости приобретает особую актуальность в современных условиях, когда технократический социум порождает всё новые глобальные проблемы, ставящие под вопрос дальнейшее выживание человечества. Этико-философская мысль русского православия (и, несколько шире, - вся русскоязычная религиозная философия конца XIX – начала

XX в.) предвосхищала и пыталась осмыслить технократические вызовы современности с позиций органической целостности природного и социального бытия, научного и религиозного дискурса, выраженной в принципах «всеединства», «соборности», «мистического рационализма», «разумной теократии»; в традиционных христианских ценностях, призывающих «возлюбить ближнего как самого себя». Философия «субстанциальных деятелей», которую разработал Н. О. Лосский, вносит важный вклад в создание универсальной «этики справедливости», призванной объединить всех людей для преодоления общими усилиями кризисных явлений современного технократического социума.

Связь вызовов и угроз начала третьего тысячелетия с бесконтрольным развитием науки и техники, получившим автономный самодостаточный статус как высшая ценность в современном мире, становится всё более очевидна. Русская религиозная философия эпохи Н. О. Лосского критиковала западное общество за его односторонний рационализм и техницизм, порождающие потребительское отношение к окружающей природе и «Другому» человеку, взаимную вражду и конкуренцию как в межличностных отношениях, так и на международной арене. Действительно, научно-техническое творчество играет важнейшую роль в историческом развитии человеческой цивилизации, при этом оно атрибутивно имеет индивидуальный характер. Изобретает что-то новое всегда один человек, получая тем самым на какое-то время преимущество перед остальными. Чем ближе к современности, с появлением патентной деятельности и авторского права, подобных изобретателей можно уже назвать поимённо. Индивидуальный характер научно-технического творчества является его неотъемлемой составляющей, человечество многим обязано такого рода изобретателям и рационализаторам, их имена (там, где возможно) известны в веках. Однако западная технократическая цивилизация некритически абсолютизирует этот принцип индивидуализма в сфере рыночных отношений и «свободной конкуренции», рассматривает его в качестве движущей силы прогресса, как в человеческом обществе, так и в природе (эволюционная теория «естественного отбора» и «борьбы за существование»). В результате, когда совершенствование средств коммуникации (транспорта и связи) расширило ареал западной технократической цивилизации до современного глобального состояния, - как отдельные личности, так и социальные группы, корпорации, страны и народы, оказались не готовы к равноправному взаимовыгод-

ному сотрудничеству на основе принципов справедливости. В XIX – XX вв. проявляется эксплуатация человека на капиталистических заводах и фабриках, колониальная система, по мере истощения природных ресурсов – борьба за рынки сбыта и сферы влияния между промышленно развитыми странами (мировые войны, ракетно-ядерное противостояние). Угнетённые и эксплуатируемые слои народонаселения не хотят согласиться с несправедливостью своего положения: в ряде стран произошли социальные революции и антиколониальные выступления, которые парадоксальным образом в некоторых случаях послужили источником новых несправедливостей. Негативные тенденции продолжаются на рубеже третьего тысячелетия: экологический кризис и глобальное потепление климата (природоохранные мероприятия часто остаются несогласованными и используются как дополнительное средство недобросовестной промышленной конкуренции), локальные и «гибридные» войны, практика международного терроризма, миграционный кризис и т. п. Западный односторонний технократизм (на основе индивидуалистического принципа, доведённого до абсурда) продолжает вести человечество в тупик взаимной конфронтации, остаётся главным источником несправедливости.

Между тем, указывала русскоязычная религиозная философия, движущей силой прогресса в природе и обществе является не только крайний индивидуализм и «борьба за существование», но и взаимопомощь, конструктивное сотрудничество. Именно совместное взаимодействие часто становится более эффективным средством выживания, в том числе для отдельной особи, причём на самых разных уровнях, от колоний морских кораллов, муравейников и пчелиных ульев, до высших животных (стада копытных, стаи хищников и т. п.). Родительские особи в биологическом мире заботятся о своих детёнышах, причём в тем более развитых формах, чем выше уровень эволюционного развития вида. Аналогично и в человеческом обществе: индивид-изобретатель не обладает достаточными количественными ресурсами, чтобы эффективно использовать своё открытие; в полном масштабе творческий потенциал раскрывается, только когда отдельное изобретение становится всеобщим достоянием, когда его перенимают другие люди, начинают использовать для блага всего человечества. Исторически развитие идёт от родовой и соседской общины к национальным государствам и общечеловеческой цивилизационной общности. Именно здесь религия на фоне эмоционального сопереживания предстаёт

как действенная связующая сила и гарант справедливости в её прикладном выражении, общедоступном для понимания и мироощущения широких масс народонаселения (а не только узкой философской элиты). Русская религиозная философия обращает внимание, что западный технократический дискурс носит разъединительный характер, т. е. по сути содержит в себе рудимент языческого мировосприятия. Люди разделяются на «своих» и «чужих» (мотив «Чужого») по самым разным критериям: расовым, национальным, государственным, религиозным, вплоть до отдельного индивида как субъекта «рыночных отношений», отстаивающего свой «бизнес» в жёсткой конкурентной борьбе с другими аналогичными «бизнесменами». Об этом говорили многие русскоязычные философы, используя разнообразную конкретную терминологию: В. Соловьёв рассматривал технократический социум в исторической перспективе как стадии «природных религий» (политеистических) и Богочеловека (в единственном числе, потому что призыв Христа «возлюбить ближнего» остался не услышан в современном технократическом мире); Н. Фёдоров размышлял о «небратских», «сиротских» отношениях, поскольку современный человек в погоне за материальными благами утратил единство друг с другом и с прошлыми поколениями (забыл заповедь «чти отца»); Л. Толстой подчёркивал, что в западном разобщённом мире у каждого своя «справедливость», опирающаяся, в конечном итоге, на открытое насилие («прав» тот, кто сильнее, победитель в «конкурентной борьбе», способный заставить с собой считаться и навязывающий остальным свою волю).

При этом русские философы не ограничиваются деструктивной критикой и не отвергают научно-технический прогресс в категорической форме. Они пытаются придать ему высший духовный смысл единения, выраженный в ценностях православия, в наибольшей степени сохранившего заветы и традиции раннего христианства, видят в этом критерий подлинной общечеловеческой справедливости.

Так, тот же В. Соловьёв предлагал современному технократическому социуму стать подлинным «Богочеловечеством» (во множественном числе), «разумной Теократией», на основе «мистического рационализма», обрести «всеединство» внутри себя и с окружающей природой. Н.Фёдоров разрабатывал «философию общего дела» (систему «супраморализма, как всеобщего синтеза»), с футурологическим прицелом на многие тысячелетия вперёд, стремился объединить материальные достижения технического

прогресса с высшей духовной целью – обретением физического бессмертия (в медицинском смысле), воскрешением умерших поколений, освоением космического пространства, других звёздных систем. Л. Толстой создал теорию «непротивления злу насилием», призванную научить человечество следовать подлинной универсальной справедливости, основанной на убеждении своим положительным примером, а не на грубой силе.

В этом же направлении продвигался Н. О. Лосский, создавая оригинальную теорию «субстанциальных деятелей», пытаясь в её рамках преодолеть противоречия науки и религии, индивидуального и общественного, материализма и философского идеализма. Задавая извечный вопрос «что первично: материя (совокупность атомов и молекул) или сознание (дух, идея, умопостигаемая сущность, животворящая душа мироздания)?», он предлагал то и другое рассматривать как разные виды и уровни «субстанциальных деятелей», т. е. части органического целого [2, с. 83]. Мир эволюционирует от неживой к живой природе и человеку, и далее, – к божественной духовной субстанции. Таким образом, материя и сознание, атомы и идеи, наука (техника) и религия, – не противостоят друг другу (как это им навязывает западный технократический подход), а являются взаимозависимыми составляющими единого целого. Так и в отдельном человеке сознание, чувства, эмоции не могут существовать без телесного носителя, но и тело не выживет без инстинктов и рефлексов, хотя бы самых первичных, а без развитого сознания, мышления индивид не сможет полностью раскрыть свою творческую человеческую сущность. Для наглядности Н. О. Лосский использует данные медицинской патологии: если добрый и хороший человек, перенеся инсульт, становится злобным и капризным, всячески третирует окружающих, это свидетельствует, по мнению философа, что высшие «субстанциальные деятели» в душе больного уже погибли, а их место заняли низменные животные инстинкты, которые до этого подавлялись и контролировались высшим человеческим началом. Таким образом, все они сосуществуют в человеке как некая целостность (наряду с чисто физиологической молекулярно-атомарной структурой органического вещества) и нет никакого смысла противопоставлять изучающие их естественные и гуманитарные науки, материализм и идеализм, «экспериментальную механику» и религиозную веру.

Этот органически целостный подход Н. Лосский сформулировал вполне определённо, в конструктивной дискуссии с другими трактовками

личности на основе генетики, теории наследственности и т. п. В подобном контексте он, в частности, описывает свою встречу в эмиграции в 1923 г. в Медоне вблизи Парижа с семьёй С. И. Метальникова: «С Сергеем Ивановичем… обмен мнений сосредоточивался… на понятии индивидуума. Я настаивал на сверхвременности и сверхпространственности, а следовательно, на вечной и абсолютной неделимости индивидуума; иными словами, я излагал свое учение об индивидууме как субстанциальном деятеле (монаде)… Сергей Иванович… выводил производность индивидуума от своих родителей» [1, с. 93–94]. В подобных дискуссиях выявилось характерное понимание справедливости.

Поскольку всё в мире органически взаимосвязано, соответственно и справедливость не может быть у каждого своя, она принимает универсальные общечеловеческие характеристики. При этом Н. О. Лосский вовсе не разделяет толстовского благодушия, выраженного в теории «непротивления злу насилием». Разумеется, накануне мировых войн и социальных революций проповедь ненасилия приобретала особую актуальность, однако только в случае нравственной готовности всех совместно осуществлять справедливое и равноправное взаимовыгодное сотрудничество. В противном случае безнаказанность порождает дальнейший произвол со стороны агрессора, т. е. насилие продолжает увеличивать свои масштабы, причём только в одну сторону, а «гуманные» устремления воспринимаются как обыкновенная слабость и беззащитность. Подобных примеров очень много в новейшей истории, в том числе – после распада СССР, который «коллективный запад» использовал для дальнейшего продвижения блока НАТО на восток и т. п. Именно поэтому Н. О. Лосский, оставаясь религиозным философом, всё же допускал применение насильственных средств, хотя, разумеется, ставил их в непосредственную зависимость от универсальных критериев справедливости: «Милосердие Божие не есть попустительство; оно сочетается со строгой справедливостью» [3, с. 158]. Более того, по его мнению, в исключительных обстоятельствах даже «бывают случаи, когда смертная казнь есть воздаяние справедливое» [3, с. 155]. Такого рода казусы связаны не столько с профилактикой конкретных преступлений, сколько с реализацией общественного интереса в рамках совершенствования всей социальной системы. В результате, не смотря на интерес к отдельной личности (идеи интуитивизма и персонализма), Н. О. Лосский с логической последовательностью восходит к структурным обобщениям: «Отсюда ясно,

что для осуществления социальной справедливости кроме поднятия нравственности отдельных лиц необходимо еще заботиться об усовершенствовании общественного и государственного строя» [3, с. 224]. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что этика справедливости, которую Н. О. Лосский разработал на основе теории «субстанциальных деятелей», как яркий образец русскоязычной философской литературы объединяет человечество, позволяет ему найти точки соприкосновения для согласования усилий по преодолению техногенного кризиса.

Список литературы

1. Лосский, Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский // Вопросы философии. – 1991. – № 12. –С. 92–153.
2. Лосский, Н. О. Мир, как органическое целое / Н. О. Лосский. – Москва : Изд. Лемана и Сахарова, 1917. – 170 с.
3. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – Москва : Политиздат, 1991. – 367 с.

УДК 130.3+141

Довгаленко
Наталья Владимировна
Саратовский государственный технический
университет имени Ю. А. Гагарина,
кафедра философии, социологии, психологии,
кандидат философских наук, доцент

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СЛОВЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ СВТ. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО И РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье рассматривается метафизика слова, отраженная в богословских трудах свт. Василия, одного из основателей каппадокийского «движения». Автор акцентирует внимание на идеях, подхваченных и развившихся русской философской мыслью конца XIX – начала XX в., ставших основой символизма, русского имяславия, семиотики. Особое внимание уделено триаде «нерожденность-рождение-исхождение», раскрывающей слово, с одной стороны, как апофатическое основание, с другой, как важнейший онтологический инструмент, связующий человека и мир.

Ключевые слова: христианство, слово, каппадокийство, свт. Василий Великий, нерожденность-рождение-исхождение, логос

Dovgalenko Natalya Vladimirovna
PhD in Philosophy, associate Professor of the Philosophy, Sociology, Psychology Department of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

THOUGHT ABOUT THE WORD: CONTINUATY OF THE IDEA OF ST. BASILIUS AND RUSSIAN PHILOSOPHY

Annotation. The article deals with the metaphysics of the word. The author is based on the works of the Cappadocian theologian st.Basilius. Particular attention is paid to those ideas that influenced the development of Russian philosophical and religious thought in the late XIX-th and early XX-th centuries, as the base form for the philosophical directions of symbolism, semiotics, Russian «imeslavie». The word reveals the nature of being as an apophatic foundation and as a tool connecting of the man and the world.

Keywords: Christianity, word, Cappadocian theology, st.Basilius, logos

Патристический этап развития восточно-христианской мысли стал неким итогом для синопсиса не только богословско-философского учения, но и дела. В этот период через диалектические споры, ереси, соборы, а также духовное подвижничество отстаивалась «бродившая» до этого, не созревшая мысль, ставшая оплотом нового культа и породившая совершенно новую культуру – Логоса-Личности. «…Многочисленные параллели, которые подыскивают… у еврейских раввинов Талмуда или у греческих моралистов, при всем своем историческом интересе совершенно не объясняют нам происхождение учения Иисусова» [8, с. 418]. С. Н. Трубецкой сталкивается, исследуя истоки христианства, с наследованиемим огромного количества идей: греко-римский логос, монотеизм иудаизма, гностицизм, апокалиптика сиро-вавилонскихмифов и пр. Однако, отмечает православный философ, последние получили такой мощный толчок для преобразования, который превосходит всякую логическую возможность объяснения возникновения основоположений христианства. Положения христианства дали откровение миру и человеку, которое мы осмысливаем до сих пор.

Прежде всего таким откровением стала явленность слова. В статье предпринимается дескриптивный (описательный) и прескриптивный (предписывающий) анализ основных положений учения о слове свт. Василия Великого, известного капподакийца, архимандрита Кесарии, одного из основателей экзегезы, духовного подвижника, в связи с особым влиянием его идей на развитие русской философии языка, семозиса, имяславия, теории познания (в борьбе с идеями Евномия) [4, с. 372].

Мы намерено выносим за скобки исследования понимание слова как творческой силы, инструмента, определяющего акт создания мира, которое ясно звучит в знаменитых «Беседах на Шестоднев», а также идею о вочеловечивании слова и откровении Христа, посчитав их артикулированными, проработанными мыслителями схоластического и последующих периодов. Это позволит переместить внимание к не так ясно выраженным и проговоренным философским проблемам.

Свт. Василий не единожды в своих трудах останавливается на мысли о слове как начале. «Но не таково оное начало. Ибо ни с чем оно не связано, ничему не подчинено, не в отношении к чему-либо рассматривается, но свободно и независимо, отрешено от всякого отношения к другому; за него не проступает разумение; для него нельзя найти чего-либо запредельного» [6, с. 498]. Простираясь дальше мыслимого, оно служит основой ему. В начале присутствует апофатика, к которой мы не привыкли, ибо она не в форме логического отрицания, а в форме пребывающего, несозерцаемого истока всего. Как если бы начиналось какое-либо событие, и мы уходили от темы его причин, условий, повода, темпоральности, ведь первично оно просто должно состояться, «стать», начаться. Однако в его точке отсчета незримо присутствует немыслимое «до», которое и не сила, и не предписание, а исток, пребывание. В начале не означает во времени или последовательности, в нем «кров» бытия (*бе*).

В беседе «На слова: «В начале бе Слово (Ин 1, 1)» свт. Василий отождествляет «свет» – «жизнь» – «слово», чтобы, с одной стороны, показать ясную связь с платоновским образом «Пещеры», в котором метафизика света позволяет понять, что осмысленное и вещь находятся в познавательной связи лишь только благодаря наличию «третьего игрока», постоянного упускаемого из вида основания, или «умного света». Познание раскрывается как пред-ставление: «свет» устанавливает вещи в самой возможности их зрить, мыслить. С другой, для того, чтобы открыть саму логику «рождения», которая не следует из заданногоплана природы, а превосходит его в указании на умный, смысловой исток. «Почему Слово? Чтобы показано было, что произошел из ума. Почему Слово? Потому что рожден бесстрастно. Почему Слово? Потому что Сын – образ Родившегося, всецело показывающий в себе Родившего, ничего не отделивший от Него и Сам в Себе совершенный, как и наше слово изображает собою целое наше понятие» [6, с. 501].

Само рождение в привычном понимании, определяется идей повторения, матричного «копирования», заключенного в природе телесного мира. «Принцип рождения» не терпит инаковости, напротив, он основан на подобии, тождестве физических, химических, биологических и др.форм. Однако еще греческий φυ'σις не так однозначно определял привычное нам в понимании природы. «То, что Гераклит называет λο'γος, он называет также и другими именами, которые являются ведущими словами его мышления:φυ'σις, из-себя-распускание, которое одновременно бытийствует как самораскрывание…» [11, с. 189]. Природа предстает как область постоянного умножения или «отпускания» форм, физическое выражение которых лишь последний акт.Свт. Василийуказывает, что рождение определено не сферой материально-телесного, а умного и бесстрастного. Оно подразумевает естественность акта, который не отделяет родившего от рожденного, как в природе, а восполняет, содержит в пределе. Полноту рождения реализует образ.

В своем «Опровержении на защитительную речь злочестивого Евномия» Василий Великий связывает слово с таинственными отношениями внутри Троицы. Имена скорее говорят не том, *что* есть Бог (постичьего сущностьневозможно), а о том, *как* он есть. Потому «нет ни одного имени, которое бы, объяв все естество Божие, достаточно было вполне его выразить. Но многие и различные имена, взятые в собственном значении каждого, составляют понятие, конечно, темное и весьма скудное в сравнении с целым, но для нас достаточное» [7]. Ипостасные отношения внутри Троицы – Нерожденность – Рождение – Исхождение – содержат различие в действиях, затрагивая вопрос о «примышлении» в слове или путях его онтологической илогической «активности». Оно прямо обращает к тайне (апофатика); оно воспроизводит, рождает образ, заключая в нем полноту бытия; оно постоянно «открывает-закрывает» бытие, исходит заново. Свт. Василий отмечает, что допущение «примышления» в имени не затрагивает сущность сказанного. «Таким образом, кто рассмотрит каждое из этих имен, тот найдет различные примышления, тогда как во всех, по сущности, одно подлежащее» [7]. Словосопутствует природе непостижимого «как». С этим соглашается и преп. И. Дамаскин. «Ибо хотя и Дух Святый исходит от Отца, но исходит не по образу рождения, но по образу исхождения. Это – иной образ происхождения, и непостижимый, и неведомый, подобно тому как и рождение Сына» [5, с. 31]. В том числе через «примышления» откры-

вается путь движения к Богу, но на нем важнее умного проникновения в ипостасное различие становится действие, дело, которое заключает в себе собирание, цельность.В условной же раздельности слова, которую замечает Василий Великий, отражается тройственность путей проявления: внутренней, неизреченной тайны слова, полноты смысла, которая не всегда может быть артикулирована, высказана; духовного, умного рождения имен во внутреннем сердце (в русской философской традиции – и есть подлинное дело диалектики); исхождения, выговаривания слов. «…Есть слово, произносимое голосом, но по произношении исчезает в воздухе; и есть слово внутреннее, заключенное в сердцах наших, мысленное и иное искусственное слово» [6, с. 500]. Слово есть само высказывание человеческого естества, рождение образа его. Но сам акт высказывания протекает в нерасчленённости 1) внутренней тайны нерожденности слова, 2) его умного оформления и 3) сказания, написания. Сердце – источник, слово – текущий ручей.

В русской философской традиции капподакийские идеи свт. Василия получили полное признание и развитие. Наиболее ярко это выразилось в течениях символизма, имяславия. О. П. А. Флоренский прямо определяет существо имени как «Нерожденность». «Имя есть Тайна им именуемая; вне же Тайны, оно не только безжизненно, но и вовсе не есть имя, лишь «звук пустой», «воздушное ничто», –flatusvocis, говорили схоластики» [9, с. 142]. Это прямое отношение к тайне ярко выразилось в понимании символа, которое является всегда «бытием больше себя самого», по существу преступая собственные границы. Слово и есть синергия, символ, обращенный одной стороной к миру, другой к неизъяснимому началу. «…Связь бытий, их взаимоотношение и взаимооткровение, само есть нечто реальное и, не отрываясь от центров, ею связуемых, она не сводится к ним» [9, с. 278].Очень показательно, что и в трудах самого свт. Василия активно используется термин «символ» (σύμβολον), употребляемый в различных смыслах: вещественном, психологическом, литургическом и др.[3].

В трудах Флоренского развивается и идея о слове, аккумулирующем-силу рождения. «Таким образом, слово мы сопоставляем с семенем, словесность с полом, говорение с мужским половым началом, а слушание – с женским, действие на личность – процессом оплодотворения» [9, с. 263]. Философ справедливо замечает, что мысль эта не нова и сами отношения в античном гнозисе были построены на эросе, сама философия вытекает из влечения, любви, а рождение Евангелия, в свою очередь, связано с «прит-

чей о сеятеле». Интенция слов связана с сеянием, ожиданием всходов, хотя сам процесс не всегда может быть осознанным, как и в организменном начале.

С. Н. Булгаков исходит из самодостаточности слова, возникающего с существом самого человеческого ума, мышления, в сращенности друг сдругом. «Само слово объяснить нельзя, также как и мысль: ни слово, ни мысль в этом смысле не имеют генезиса, не возникают, но суть» [2, с. 28]. Однако мысль не есть слово, ибо способна пребывать в себе, и наоборот.Λο'γος двойственен. В таинстве рождения слова всегда присутствует и полнота образа, воспроизводимого, наследуемого, и сумма естества, и инаковость или присутствие большего, выставленность вовне, высказанность.С точки зрения Булгакова, человек вовлечен в этот процесс, но отнюдь не является его инициатором. «…Не мы говорим слова, но слова внутренно звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной…» [2, с. 34]. Слово космично, онтологично. Человек принимает участие в процессе его обмирщения называя вещи участием логоса, показывая и умалчивая.Именно поэтому слова не могут быть аналитически разложимы. «…Слова суть символы смысла, конкретные, нераздельные сращения смысла и звука, которые не существуют в отдельности друг от друга, а значит слово в своих элементах – смысле и звуке – *не может возникать по частям*, складываясь из этих элементов, но может только сразу произойти, само себя доказать» [2, с. 44]. Буква реализует «тело» слова, его плотность, она несет в себе существоφυ'σις, тогда как слово – есть «вспышка» смысла, идея, рождаемая из себя.

Слово у Василия Великого определяет путь, действие самого человека, требует труда по движению к собственной тайне. Такой акцент был связан с пастырской деятельностью, поискомспособов организации подлинной монашеской жизни.«В учении о богопознании всего ярче сказывается основная идея антропологии св. Василия, – представление о человеке, как существе динамическом, становящемся, всегда находящемся в пути» [10, с. 119]. Будь одновременно пастырем, земледельцем, воином, подвижником, возделывай душу свою как землю, борись с врагами внутри себя, стремись к спасению.«Слово требует, чтобы таков ты был в жизни, не расслабевал, не предавался сну, но трезвенно и бодрственно стоял за себя» [6, с. 248]. Практики духовного трезвения, исповедания, внутреннего сосредоточия и моления основаны на внутреннем слове. В трудах свт. Василия

близки античным принципам «заботы о себе» [1]. Русская философская мыслькпродлевает размышление о слове как античной (стоической), так и восточно-православной традиции. «Однако положительная сила человеческого существа есть здоровье, целомудрие, природная святость, грех же есть болезнь, небытие… Так и положительная основа языка есть… изначальное слово как сущность и язык как мощь…» [2, с. 193]. Немощь языка следует из психологизма, утилитаризма их употребления, превращения слов в термины или «звуковую сигнализацию». Пустословие как болезнь слова отражают и существо действий, превращаемых в ничто. «Все человеческие слабости и грехи проступают словесной сыпью…» [2, с. 196], – отмечал С. Н. Булгаков. Флоренский определял эту болезнь как иллюзионизм или сознательный отказ от реальности. Замена ее «схемостроительным перспективизмом», с доминирующим принципом *Я*, изобретательством и субъективностью. Только слова-символы способны сделать брешь в иллюзии. «Ими и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано от нашего сознания. …это отверстия, пробитые в нашей субъективности» [9, с. 333].

Каппадокийские пути движения к слову открыливажные темы, продляемые русской философией. Прежде всего, это тема «открываемости» мира, связи ноуменального и явленного,обозначенная в русской мысли в роли символа и его понимания как «окна» в другой мир. Символ, став частью процесса семиозиза, позволил выйти к определению знака, его иконического, парадигмального выражения. Другой темой стала тема «умногодействия»слова, связанного с онтологическими актами «рождения» и «исхождения».Являясь универсальной матрицей, инструментально выводя вовне, порождая предметный мир,словосвязует его через «родовое» основание логоса. С другой стороны, проявляясь в действии исхождения, наполняет его смыслом, новизной.Слово есть «семя», отмечает о. П. А. Флоренский,подразумевая, что оно несет в себе «план», проект того, что должно вырасти; скрывает потенциал и силу разворачивания скрытых возможностей; оно требует жизненного исхода, всхода (семема-морфема-фонема).

Наконец, слово открывает особую зону идеации данного разворачивания, и традиция капподакийцев, наследуемая русской мыслью, учит, чтопервичен отнюдь не мир, а дух человека. Ибо слово должно сначала родиться, а лишь затем стать носителем творческой воли, смысла и пр. Сво-

бодный выбор, деятельность человека предрешают исход мира, его план осуществления. «…Если внемлешь себе – ты не будешь иметь нужды искать следов Зиждителя в устройстве вселенной, но в себе самом как бы в малом каком-то мире усмотришь великую премудрость своего Спасителя», – отмечает свт. Василий [6, с. 255]. Ему вторит мысль С. Н. Булгакова: «Ни одно слово не дает безнаказанно употреблять себя всуе, а, следовательно, вопрос об ответственности за слово и пред словом должен быть всегда перед нами неотступен» [2, с. 229]. «Исхождение» выражает итог всякого стремления слова и на него, прежде всего, должны быть направлены все усилия человека. Решимость в спасении человека характерна и для времени Василия Великого, и для эпохи кануна XIX – XX вв. русского мира. Но если Василий уповает на «охранение» духовного мира, «борьбу с грехами», «задушевную близостьс Богом», то в новейшее время делается акцент на движении к чистым образам [4, с. 376], разрушении «болезни слов», о которой мы говорили ранее. «Средний» человек не делает преступлений, не лжесвидетельсвует, он равнодушен. Но такая «его «праведность» делается тяжелым бременем и жестоким игом» [9, с. 389], ибо нет подлинной добродетели без любви к слову, к Богу.

Список литературы

1. Алиева, О. В. Беседа III свт. Василия Великого «На слова: внемли себе» как философский протрептик / О. В. Алиева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2012. – № 1 (39). – С. 21–29.

2. Булгаков, С. М. Философия языка / С. М. Булгаков. – Санкт-Петербург : Наука. 1998. – 447 с.

3. Курдыбайло, Д. С. О понятии символа в трудах свтт. Василия Великого и Григория Нисского / Д. С. Курдыбайло, И. А. Герасимов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18. – № 1. –С. 19–32.

4. Лосский, В. Н. Боговидение / В. Н. Лосский. – Москва : АСТ, 2003. – 759 с.

5. Преподобный Иоанн Дамаскин Точное изложение православной веры. – Москва : Отчий дом, 2011. – 480 с.

6. Святитель Василий Великий Избранные творения. – Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.

7. Святитель Василий Великий Творения : в 2 т. / свт. Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской. – Москва : Сибирская благозвонница. 2008–2009 / Т. 1: Догматико-полемические творения; Экзегетические сочинения; Беседы. – 2008. – 1135 с. / Опровержение на защитительную речь злочестивого Евномия. – С. 169–317. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/vasilij_velikij/oproverzhenie-na-zashhititelnuju-rech-zlochestivogo-evnomiia/ (дата обращения: 18.03.2022).

8. Трубецкой, С. Н. Учение о Логосе в его истории / С. Н. Трубецкой. – Москва : Фолио, 2000. – 656 с.

9. Флоренский, П. А. Христианство и культура / П. А. Флоренский. – Москва : Фолио, 2001. – 672 с.

10. Флоровский, Г. В. Восточные отцы церкви / Г. В. Флоровский. – Москва : АСТ, 2002. – 633 с.

11. Хайдеггер, М. Положение об основании / М. Хайдеггер. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 290 с.

УДК 101.1 : 316

Даренская Вера Николаевна

Луганский государственный педагогический университет, кафедра философии, кандидат философских наук, доцент

АГИОКРАТИЯ КАК РУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ

Аннотация: В статье рассмотрен феномен традиционного русского социального идеала, который П. И. Новгородцев предложил определять термином «агиократия». На примере отдельных элементов этого идеала, сформировавшихся в русской традиционной культуре, показаны исторические основы современных социальных ценностей.

Ключевые слова: Россия, агиократия, идеал, социальность

Darenskaya Vera Nikolaevna

Lugansk State Pedagogical University, Department of Philosophy Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

HAGIOCRACY AS A RUSSIAN SOCIAL IDEAL

Annotation. The article deals with the phenomenon of the traditional Russian social ideal, which P. I. Novgorodtsev proposed to define by the term «hagiocracy». The historical foundations of modern social values are shown by the example of individual elements of this ideal formed in Russian traditional culture.

Keywords: Russia, hagiocracy, ideal, sociality

Понятие «социальный идеал» в современной философии обычно относится лишь к гипотетическому будущему, а не к прошлому. Вместе с тем, это понятие может быть переосмыслено и с другой точки зрения – как поиск определенных исторических констант, которые сформировали в прошлом характер народа и его представление о социальном идеале. Старые исторические формы жизни не могут вернуться, однако в новых формах

народ старается воплотить свои исторически сформировавшиеся образы «идеального» общества. Русский православный социальный идеал можно определить как *агиократию*, т. е. власть святынь. Агиократия – понятие, введенное П. И. Новгородцевым [6]. Слово «агиос» переводится с греческого как святой, и этот термин означает социальный строй, в основе власти лежит реализация высших христианских ценностей. Понятие агиократии выражает не внешнюю форму социального устройства, но самый существенный, онтологический аспект социального идеала, свойственного русскому традиционному обществу. В любом традиционном обществе вообще социальный идеал связывается в первую очередь не с внешними – политическими и экономическими – формами жизни, а с нравственным состоянием общества. По цели этот идеал можно определить как всеобщее стремление к праведности – жизни по заповедям Божиим. Внешние формы организации социальной жизни при этом тоже важны, но уже второстепенны. В традиционном сознании понятие идеала всегда связывается с понятием праведности и святости.

Христианизация массового сознания и социальной практики в русской традиционной культуре до настоящего времени остается мало исследованной темой, хотя имеет очень важное значение для понимания российской истории, национального характера и специфики российской цивилизации. А. С. Пушкин, говоря о Православии, отметил: «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [6, с. 91]. Один из классиков русской философии Н. О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957) выделил русский духовный максимализм, сформированный Православием, как одну из основополагающих черт русского национального характера, во многом объясняющую парадоксы русской истории: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» [5, с. 11]. В последние десятилетия в науке и философии произошло возрождение интереса к этой теме. В первую очередь следует выделить исследования М. М. Громыко (1927–2020), в частности, «Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.)» (1975), «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» (1986), «Мир русской деревни» (1991), «Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века (Период гонений на веру и Церковь)» (2015). В большом совместном труде М. М. Громыко и А. В. Буганова «О воззре-

ниях русского народа» (2000) авторы как специалисты по этнографии привлекли обширный материал из самых разнообразных источников. Они показали те религиозные убеждения, которые проявились повседневно, в самом образе жизни.

Как отмечают исследователи, у русских в массовой народной среде было больше, чем у европейцев, распространено молитвенное обращение к Богу, Богородице и святым во всяких случаях жизни, которое верующий человек понимал не только как просьбу о помощи, но в певую очередь, как просьбу направить свои действия в благом направлении. А именно, «одним из основных действий в народной религиозности было постоянное обращение к святому миру за получением благословения буквально на все, что делал или собирался делать человек. Полученное свыше благословение освящало и самого человека и все его деяния. Выходя утром из дома, говорили: “Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, Господи!”» [3, с. 326]. Фактически молитвенные обращения у большинства людей становились «автоматической» частью речи, которая, непрерывно воздействуя на сознание, постоянно углубляла религиозное восприятие жизни.

Принципиальным фактом для понимая массового сознания русских до 1917 года является то обстоятельство, что реально абсолютное большинство русского народа жило не в государстве, а в «миру» – общине, имевшей контакт с государством не напрямую, а «через старосту и помещика. Отношения в общине строились на принципах морального авторитета ее членов, открытости и справедливости, – и именно это сформировало тот максимально свободный, честный и искренний тип личности, которому так дивились иностранцы и который стал жизненным базисом великой русской литературы. В качестве классического примера вспомним знаменитый разговор с англичанином о русских крестьянах, записанный А. С. Пушкиным:

> «Строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе крестьянина. К тому ж подушные, барщина, оброк! Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина? Англичанин. – Английский крестьянин. Я. – Как! свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба? Он. – Что такое свобода? Я. – Свобода есть возможность поступать по своей воле. Он. – Следовательно, свободы нет нигде; ибо везде есть или законы, или естественные препятствия. Я. – Так; но разница: покоряться законам, предписанным нами самими, или повиноваться

чужой воле. Он. – Ваша правда. Но разве народ английский участвует в законодательстве? Разве власть не в руках малого числа? Разве требования народа могут быть исполнены его поверенными? Я. – В чем вы полагаете народное благополучие? Он. – В умеренности и соразмерности податей. Я. – Как? Он. – Вообще повинности в России не очень тягостны для народа; подушные платятся миром, оброк не разорителен... Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол крестьянину доставать оный, как и где хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2.000 верст, вырабатывать себе деньгу. И это называете вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простора действовать. Я. – Но злоупотребления частные... Он. – Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников – волосы встанут дыбом... Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой – какая страшная бедность! В России нет ничего подобного. Я. – Вы не читали наших уголовных дел. Он. – Уголовные дела везде ужасны. Я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотреблениях, не о преступлениях: нет в мире несчастнее английского работника... Я. – Живали вы в наших деревнях? Он. – Я видал их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа. Я. – Что поразило вас более всего в русском крестьянине? Он. – Его опрятность и свобода. Я. – Как это? Он. – Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки (У европейских крестьян того времени такое было еще не принято. – *В. Д.*). О его смышлености говорить нечего: путешественники ездят из края в край России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия... Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны. Я. – Справедливо. Но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным? Он. – Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии? Я. – Не удалось. Он. – То-то! Вы не видали оттенков подлости, отличающие у нас один класс от другого» [7, с. 443].

Как известно, крепостное право не оказало существенного влияния на народный характер, поскольку оно пришло в Россию весьма поздно, когда этот характер уже сформировался, и по сравнению с Европой существовало недолго. Крепостное право – это европейский институт, пришедший в Россию в ходе вестернизации (в особо жесткой форме – с эпохи Петра I).

Причем в Европе он возник намного раньше и существовал значительно дольше, охватывая намного большую часть населения, чем в России – и поэтому именно там, а отнюдь не в России, мог оказать намного более существенное влияние на национальный характер. В России крепостные работали на барина менее половины всего времени полевых работ, которые занимали всего месяц или полтора в год. Тем самым, общее время крепостных отработок составляло две-три недели в год, а остальной год крестьянин был свободен и обычно отправлялся на вольные промыслы. Кроме того, между крестьянами и дворянами в России не было и такого большого психологического барьера, как в Европе, поскольку по своему мировоззрению они составляли один народ.

> «Мужик, – отмечал известный писатель XIX в. П. Д. Боборыкин, – совсем не представлялся нам как забитое, жалкое существо, ниже и несчастнее которого нет ничего. Напротив! Все рассказы дворовых – и прямо деревенских, и родившихся в дворне – вертелись всегда на том, как привольно живется крестьянам, какие они бывают богатые и сколько разных приятностей и забав доставляет деревенская жизнь. Мужицкой нищеты мы не видали. В нашей подгородней усадьбе крестьяне жили исправно, избы были новые и выстроенные по одному образцу, в каждом дворе по три лошади, бабы даже франтили, имея доход с продажи в город молока, ягод, грибов. Нищенство или голытьбу в деревне мы даже с трудом могли себе представить. Из дальних округ приходили круглый год обозы с хлебом, с холстом, с яблоками, свиными тушами, живностью, грибами. Все это были барские поборы; но сами крестьяне от этого не падали в наших глазах. Мы на них смотрели как на очень почтенное сословие <…> каждый из нас останавливался на праве помещика владеть душой и телом крепостных. Протестов против такого порядка вещей мы не слыхали от взрослых, а недовольство и мечты о “вольной” замечали всего больше среди дворовых. Но, повторяю, отношение к крестьянству как к особому сословию и к деревенской жизни вынесли мы отнюдь не презирающее или унизительно-жалостливое, а почтительное и заинтересованное в самом лучшем смысле» [1, с. 54].

П. Д. Боборыкин пишет и о том, что во многом он был воспитан своими крестьянами: «кроме старших из своего сословия и круга, учителей и гувернеров, развивали нас и дворовые. Это вовсе не парадокс и не выдумка <…> я говорю о дворовых, моих друзьях, от которых я многому научился, и вовсе не в дурном смысле» [1, с. 52].

Н. О. Лосский писал о том, что в числе многих парадоксов русской жизни, – «…один из самых замечательных тот, что политически Россия была абсолютною монархиею, а в общественной жизни в ней была бытовая демократия, более свободная, чем в Западной Европе. Славянофил Хомяков говорил, что по своему характеру русские склонны к демократии. В русском обществе ярко выражена нелюбовь к условностям, иногда бьющая через край» [4, с. 67]. Крестьянское сословие в дореволюционный период фактически жило еще в состоянии догосударственной, «вольной» жизни, поскольку его контакты с государством были минимальными и опосредованными – не напрямую, а через общину. В свою очередь, сама община была автономным коллективом, никак не контролировавшимся государством и жившим по своим внутренним обычаям и нравственнвм принципам: «Крестьянские общины в России на протяжении большей части периода своего существования рассматривались должностными лицами как своего рода устойчивые неформальные группы, не включенные в систему государственного управления. Вплоть до второй четверти XIX в. русское государство не располагало достаточно развитым административным аппаратом, чтобы установить какие-либо отношения с общиной каждого отдельного селения» [9, с. 12]. Современными учеными крестьянская община рассматривается как «институт непосредственной демократии» [12]. Такой тип «вольной» жизни, на который не влияло ни крепостное право, ни государство, и сформировало тот удивительный «русский характер», который благодаря великой русской литературе стал известен всему миру, и во всем мире вызывает уважение и восхищение.

Так, Л. Н. Толстой в рассказе «Рубка леса» дал яркую классическую характеристику преобладающего в народе типа русского человека на примере солдат: «Чаще других встречающийся тип – тип более всего милый, симпатичный и большею частью соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле Божией, – есть тип покорного вообще. Отличительная черта покорного хладнокровного есть ничем несокрушимое спокойствие и презрение ко всем превратностям судьбы, могущим постигнуть его» [10, с. 43]. Такой преобладающий в русском народе характер был сформирован, с одной стороны, православной верой, а с другой – вольной жизнью. А. Герцен «Былом и думах» писал: «Оконченная, замкнутая личность западного человека, удивляющая нас сначала своей специальностью, вслед за тем удивляет од-

носторонностью. Он всегда доволен собой, его suffisance [самодовольство. – *В. Д.*] нас оскорбляет. Он никогда не забывает личных видов, положение его вообще стесненное и нравы приложены к жалкой среде. Я не думаю, чтоб люди всегда были здесь таковы; западный человек не в нормальном состоянии – он линяет» [2, с. 419]. В русском человеке по контрасту с западным он отмечал его разносторонность, которая и является следствием отсутствия самодовольства в его характере.

В свою очередь, дворяне служили царю, как вассалы служили своему сюзерену, но в то же время они делали общее с государем дело. Так «особенность» и избранность положения дворян была обусловлена чувством долга, чувством ответственности за общее дело, за судьбы родной страны. И такая служба являлась не только обязанностью, но и правом; ответственность за общенациональное дело питала чувство гражданственности. Кодекс дворянской чести и благородства в первую очередь предполагал обязательность высоких нравственных качеств – верности, честности, храбрости, высокой ответственности за «службу» и за свои поступки. Согласно этому кодексу, дворянину предписывалось прежде всего думать об этическом значении поступка, в отличие от принципов буржуазной психологии, ориентирующейся на практические последствия. Выдающийся русский мыслитель А. С. Хомяков в своей статье «О старом и новом» отмечал более высокий уровень развития гражданских свобод и самоуправления в допетровской России, чем в Европе того же времени:

> «...с равенством, почти совершенным, всех сословий, в которых люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей. Мы этому имеем множество доказательств, и даже самые злые враги древности русской должны ей отдать в сем отношении преимущество перед народами западными. Власть представляет нам явные доказательства своего существования в распространении России, восторжествовавшей над столькими и столь сильными врагами, а дружба власти с народом запечатлена в старом обычае, сохранившемся при царе Алексее Михайловиче, собирать депутатов всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных» [11, с. 458].

Вот, например, как в изложении А. С. Пушкина, происходило избрание царем Петра Первого на малом Земском соборе в Москве: «Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил им избрание, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиные, и черных сотен, и

иных имен люди единогласно избрали царем Петра. Патриарх говорил потом боярам и окольничим и думным и ближним людям, и они были того же мнения» [8, с. 22]. Как видим, на соборе царя избирали, в том числе простые горожане – «черные сотни». Одна уже в эпоху после Петра такое соборное избрание царя стало уже невозможным, поскольку «народная монархия» сменилась в России европейской «диктатурой бюрократии» (И. Солоневич).

Трагический характер событий XX в. и разрушение церковной традиции привели к ослаблению лучших качеств русского народа, которые были воспитаны православной верой. Тем не менее, даже и в современных условиях эта традиция сохраняется и возрождается. Даже в случае полной утраты традиционного православного мировоззрения современные русские часто сохраняют те лучшие черты национального характера, которые были свойственны их православным предкам. Именно на основе культивирования этих традиционных элементов национального характера в наше время и сохраняется жизнеспособность российского общества, его способность к развитию и мобилизации, и возрождение самой религиозной традиции на массовом уровне. Кроме того, социальный идеал агиократии также сохранился на уровне массовой психологии народа («коллективного бессознательного»). Для социального мышления народа современной России понятие «святынь» до сих пор намного важнее в обосновании ценности каких-либо явлений, чем другие факторы. Сама Россия мыслится как «священная держава», как об этом поется в государственном гимне, Великая Отечественная война также именуется «священной» по названию главной её песни и т. д. Таким образом, предложенное П. И. Новгородцевым понятие «агиократии» не потеряло своего эвристического значения.

Список литературы

1. Боборыкин, П. Д. Воспоминания : в 2 т. Т. 1 / П. Д. Боборыкин. – Москва : Худож. лит., 1965. – 672 с.

2. Герцен, А. И. Былое и думы. Ч. 1–5 / А. И. Герцен. – Москва : Худож. лит., 1969. – 926 с.

3. Листова, Т. А. Мир святости в религиозном народном понимании / Т. А. Листова // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. – Москва : Наука, 2010. – С. 285–337.

4. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – Москва : ДАРЪ, 2005. – 334 с.

5. Новгородцев, П. И. Восстановление святынь // Сочинения / П. И. Новгородцев. – Москва : Правда, 1991. – С. 559–580.

6. Пушкин, А. С. Заметки по русской истории XVIII в. // Полное собрание сочинений : В 10 т. Т. 8 / А. С. Пушкин. – Ленинград : Наука, 1978. С. 89–93.

7. Пушкин, А. С. Путешествие из Москвы в Петербург [Из ранних редакций] // Полное собрание сочинений : В 10 т. Т. 7. 4-е изд. / А. С. Пушкин. – Ленинград : Наука, 1978. –С. 429–452.

8. Пушкин, А. С. История Петра. Подготовительные тексты // Полное собрание сочинений. Т. 9 / А. С. Пушкин. – Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1951. – С. 5–464.

9. Слепков, М. С. Крестьянская община в системе государственного управления по материалам реформы 1861 г. / М. С. Слепков // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5. – С. 12–19.

10. Толстой, Л. Н. Рубка леса // Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 3 / Л. Н. Толстой. – Москва : Худож. лит., 1928–1958. – С. 40–74.

11. Хомяков, А. С. О старом и новом / А. С Хомяков // Соч. : в 2 т. Т. 1 / А. С. Хомяков. – Москва : МЕДИУМ, 1994. – С. 456–470.

12. Шнейдер, Ф. А. Крестьянская община как институт непосредственной демократии в системе социально-правовых отношений России, 1861–1918 гг. : дис. … канд. юрид. наук / Ф. А. Шнейдер. – Москва : ИГП РАН, 2001. –186 с.

УДК 230.2

Чернышев Алексей Евгеньевич
(иеромонах Герман)
Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и
Мефодия аспирант, г. Москва

«НАЧАЛО ЦЕРКВИ» В СИСТЕМЕ ЕВХАРИСТИЧЕСКОЙ ЭККЛЕЗИОЛОГИИ ПРОТОПРЕСВ. Н. АФАНАСЬЕВА

Аннотация. В статье рассматривается одна из составляющих системы евхаристической экклезиологии, разработанной в середине XX в. протопресвитером Николаем Афанасьевым, а именно: появление Церкви как сообщества последователей Иисуса Христа в свете православного догматического учения. Отец Николай предлагает несколько иной взгляд на известные из библейской и церковной истории события, связывая их с устройством раннехристианских общин, что представляется в качестве обоснования самой модели евхаристической экклезиологии.

Ключевые слова: экклезиология, евхаристическая экклезиология, Николай Афанасьев, единство Церкви, Пятидесятница, апостол Петр

Chernyshev Alexey Evgenievich (Hieromonk Herman)
Saint Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, postgraduate, Moscow

«THE BEGINNING OF THE CHURCH» IN THE SYSTEM OF EUCHARISTIC ECCLESIOLOGY OF PROTOPRESB. N. AFANASIEV

Annotation. One of the main components of Eucharistic ecclesiology formulated by protopresbyter Nikolai Afanasiev in XXth century is being considered in the article – the appearance of the Church as a community of Jesus Christ's followers in terms of an Orthodox dogmatic doctrine. Father Nikolai presents a quite different point of view on famous biblical and historical events connecting them with early Orthodox communities' structure which is shown as a justification of the Eucharistic ecclesiology model itself.

Keywords: ecclesiology, eucharistic ecclesiology, Nikolai Afanasiev, Church unity, Pentecost, apostle Peter

Согласно мнению протопресвитера Николая Афанасьева, основная ошибка в представлениях о первоначальном состоянии Церкви сводится к попытке воспринимать Ее нынешнее устройство, как нечто незыблемое и абсолютно древнее, восходящее чуть ли не к прямым апостольским установлениям. Отец Николай настаивает на том, что до III в. Церковь придерживалась евхаристического взгляда на экклезиологию, который впоследствии был изменен на «универсальный», вместе с чем возникла идея Вселенской Церкви как суммы Поместных Церквей, состоящих в общении друг с другом. Наиболее точную формулировку эта система получила в догматическом богословии второй пол. XIX в., в трудах митр. Макария (Булгакова). «Церковь вселенская, обнимающая собою всех истинных Христиан, и видимо вверенная вообще епископам, делится обыкновенно на церкви частные, заключающие в себе верующих той или другой страны, и подчиненных власти нескольких епископов или одного» [9, с. 244]. Афанасьев, в свою очередь, выдвигая термин «Церковь Божия во Христе», связывает Церковь как единое кафолическое Тело Христово с церковью местной. «Как в евхаристической жертве пребывает весь Христос, так в каждой церковной общине есть вся полнота Христова тела. Это означает, что всякая церковная община есть вселенская церковь и что только та община есть церковь, в которой присутствует Христос» [2, с. 156]. Таким образом, сумма всех поместных церквей не может быть чем-то большим в экклезиологическом значении, чем каждая церковь в отдельности [10, с. 228].

Евхаристическая экклезиология прот. Николая Афанасьева представляется как целостная система, отражающая взгляд не только на природу Церкви, Ее богословское осмысление, но и устройство, первоначальное состояние и процессы изменения. Особое место в экклезиологической системе Афанасьева отводится вопросу начала Церкви. Его рассмотрение позво-

ляет определить взгляд отца Николая на несколько проблем, касающихся учения о Церкви, которые можно выразить в следующих вопросах: Можем ли мы считать Церковью общину Христа и апостолов? Началась ли Церковь в апостольские времена или ее возникновение связано с завершением апостольского века? Почему именно Петр считается первоверховным и именуется Иоанном Златоустом «устами апостолов» [11, с. 275]? В чем заключается значение Пятидесятницы для становления Церкви?

Отвечая на эти вопросы, о. Николай раскрывает свою главную идею – о Церкви как едином евхаристическом собрании, составляющем Тело Христово, где Христос есть Глава, а каждый из участников собрания – составляющая часть этого Тела. Впервые о. Н. Афанасьев поднимает вопрос иерархической градации поместных общин в 1934 г., в статье «Две идеи вселенской церкви», опубликованной в журнале «Путь». Но это рассуждение только поверхностно касается поставленных вопросов, автор лишь пытается объяснить причины различного понимания вселенскости Церкви в православии и католичестве посредством соотнесения идеи первенствующей или председательствующей Церкви. Позднее, когда отец Николай работал над своим фундаментальным трудом, «Церковь Духа Святого», в основу которого была положена его докторская диссертация, защищенная в 1950-м, он расширил проблему иерархии между Поместными Церквами до рассмотрения предположительного времени основания церквей и личностей апостолов, стоявших у их основания. Еще спустя пять лет, в «Православной мысли» о. Николаем была опубликована статья «Апостол Петр и римский епископ», ставшая ответом на книгу О. Кулльманна «Святой Петр», где Афанасьев, защищая православное учение о Церкви и месте ап. Петра в нем, более четко обозначил свою позицию по данной тематике. Еще одним дополнением к богословской мысли этого направления стала статья «Церковь, председательствующая в Любви», вышедшая в свет в 1960-м году. На данном этапе трудно утверждать, являются ли идеи «начала Церкви», высказанные Афанасьевым, глубоко проработанной гипотезой, но можно быть уверенным, что предположения его твердо выражены и имеют под собой достаточные основания.

Поскольку центральное место в данной модели занимает Евхаристия, то одной из отправных точек существования Церкви можно было бы считать время совершения первой Евхаристии, состоявшейся на Тайной вечере. Очевидно, что Тайная вечеря была не единственной трапезой Христа с

Его учениками, их было множество. Возможно ли предположить, что подобного рода трапезы были аналогичны той последней, о которой пишут евангелисты? В таком случае начало Церкви могло бы относиться не к традиционной теории, связанной с пятидесятницей, а ко времени призвания апостолов, исповеданию Петра (Мф. 16:18) или речи Христа о Его теле как хлебе жизни (Ин. 6). Однако ни Евангелия, ни предание не сохранили каких-либо указаний на тождественность событий Тайной вечери и трапез Христа и учеников, бывших до этого времени. Тайная вечеря лишь потому описана евангелистами, что ее содержание имело значение для евхаристического бытия Церкви в перспективе смерти и воскресения Христа [6, с. 540]. Кроме того, сомнительным выглядело бы присутствие Христа на этих трапезах, объявляющим, что хлеб есть Его плоть, а вино есть Его кровь и при этом остающимся среди апостолов. И, тем не менее, о. Николай видит в общине Христа и апостолов «предвосхищение ἐκκλησία » [1, с. 426]. Временем зарождения Церкви он считает скорее установление Евхаристии на Тайной вечере, чем Пятидесятницу, но при этом воспринимает ее не как установившееся незыблемое основание Церкви, но как указание Христа, каким именно образом будет проявляться Его присутствие после Гефсиманской ночи.

«Первое евхаристическое собрание на день Пятидесятницы в точности воспроизвело Тайную вечерю Христа» [4, с. 293], что стало связующим звеном между апостольским содружеством, собранным и возглавляемым Христом и общиной первых христиан, собранных и руководимых апостолами. Данное построение служит Афанасьеву в качестве подтверждения его теории о евхаристичности природы Церкви, ведь невозможно оспаривать существование Церкви в догматическом смысле этого слова после Пятидесятницы. В его работе «Церковь Божия во Христе», звучит формула евхаристической экклезиологии: «Где Евхаристия, там и Церковь, а где Церковь, там и Евхаристия. В евхаристическом собрании местной церкви пребывает вся полнота Церкви, подобно тому, как во Христе *обитает вся полнота Божества (Кол. 2:9)*» [3, с. 260]. Следовательно, Евхаристия уже должна была совершаться в день сошествия Святого Духа на апостолов.

Не менее важным элементом «начала Церкви» в евхаристической экклезиологии Афанасьева является личность предстоятеля или председательствующего по выражению самого Афанасьева на евхаристическом собрании, совершенном апостолами в день Пятидесятницы. Евхаристическая

экклезиология утверждает, что Церковь может быть единой только в собрании, где совершается одна для всей местной церкви евхаристия одним предстоятелем, где последний занимает свое место совершителя таинства только в силу своей соотнесенности со всей общиной, т. е. поместной Церковью. Следовательно, идея о наличии возглавляющего собрание с апостольских времен, является фундаментальной. Согласно мнению отца Николая, первенствующим, совершающим Евхаристию в этот момент мог быть только апостол Петр, что и придает его персоне особый статус в Новом Завете. «Ап. Петр не был сверхапостолом, который стоял бы над апостолами, а следовательно, над Церковью. Он был только первый или старейший между ними… Именно в силу этого своего положения, он оказался «приносящим благодарение» на первом Евхаристическом собрании» [4, с. 294]. Таким образом, Петр становится во главе иерусалимской общины первых христиан. Однако устоявшаяся традиция называет первым епископом Иерусалима апостола Иакова, брата Господня, и если следовать тезисам о. Николая, то мы должны либо отказаться от этого мнения, либо признать ошибочными его тезисы. Кроме того, большинство свидетельств указывают на то, что сам ап. Петр в последние годы своей жизни находился в Риме [8, с. 492–493] и, по всей вероятности, исполнял здесь служение предстоятеля, что подтверждают последующие памятники церковной письменности (послания Климента, Игнатия Антиохийского), указывающие особый статус Римской Церкви среди Поместных Церквей того времени.

Сам Афанасьев выходит из этого затруднения посредством предположения, что в ранней Церкви предстоятельство не всегда сочеталось с епископством. Последний мог поставляться Церковью с согласия апостолов и всегда оставался в общине, в то время как апостол, призванный к распространению веры, был вынужден постоянно перемещаться из города в город. В то же время, апостол мог быть предстоятелем евхаристического собрания в той общине, которую посещал.

Петр оставляет свое предстоятельство ради служения благовествования, а апостол Иаков принимает его, причем с согласия самой Иерусалимской Церкви, исключая единоличное поставление Петром или каким-либо другим апостолом. Впрочем, четких свидетельств или опровержений поставления Иакова или его избрания общиной мы не имеем. Затем Петр основывает церкви в Антиохии и других городах, а завершает свое служение в Риме, христианская община которого в силу своего положения в импе-

рии, воспринимается другими местными церквами как первенствующая. Иерусалимская же община прекращает свое существование после 70 года, когда город был разрушен.

На первый взгляд может показаться, что Афанасьев проводит линию католического богословия в области примата епископа Рима, а значит, реализует в своих трудах католическую экклезиологическую модель. На самом деле, о. Николай, как православный богослов и священник признает ошибочность римско-католического понимания первенства Петра [5], а в заключении рассмотрения данного вопроса делает следующие выводы: «В процессе борьбы против католического первенства Рима православное учение потеряло идею приоритета. Что касается католической церкви, она потеряла ее еще раньше, борясь за единое руководство Церковью, руководство, которое она превратила в примат» [5, с. 600].

В современном православном богословии экклезиологическая теория, представленная протопресв. Н. Афанасьевым не находит окончательного суждения. К последователям идеи евхаристической экклезиологии причисляли себя прот. Иоанн Мейендорф, прот. Александр Шмеман, а также ряд других церковных писателей и богословов, представляющих русское зарубежье. При этом известна критика трудов о. Николая и его учения о Церкви [7].

Завершая краткий обзор предложенной темы, стоит отметить, что евхаристическая экклезиология Афанасьева периодически вызывает интерес, как в кругу православных богословов, так и инославных теологов и светских философов. Однако на сегодняшний день существует всего лишь несколько работ, рассматривающих с научной точки зрения систему, разработанную отцом Николаем. Этот пробел в русском богословии по - прежнему требует более детального осмысления, а также возможного развития или соответствующего положения в свете экклезиологических поисков современного православного богословия.

Список литературы

1. Афанасьев Н., протопр. Апостол Петр и римский епископ/ протопресвитер Николай Афанасьев // Церковь Божия во Христе : сб. ст. [сост. А. А. Платонов; сост. пер., ред. В. В. Александров; пер. свящ. Ф. Парфенов]. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. – С. 422–455.

2. Афанасьев Н., протопр. Две идеи вселенской церкви/ протопресвитер Николай Афанасьев // Церковь Божия во Христе: Сборник статей [сост. А. А. Платонов; сост. пер., ред. В. В. Александров; пер. свящ. Ф. Парфенов]. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. – С. 146–160.

3. Афанасьев Н., протопр. Церковь Божия во Христе/ протопресвитер Николай Афанасьев// Церковь Божия во Христе. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. – С. 222–269.

4. Афанасьев Н., прот. Церковь Духа Святого / протопресвитер Николай Афанасьев. – Киев : Центр православной книги, 2005. – 480 с.

5. Афанасьев Н., протопр. Церковь, председательствующая в Любви / Церковь Божия во Христе. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. – С. 542–600.

6. Желтов М., диак, Михайлов П. Б., Петров В. В., Такченко А. А. Евхаристия/ Православная энциклопедия. Т. XVII. – Москва : Православная энциклопедия, 2008. – С. 533–615.

7. Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение: Очерки о личности и Церкви. – Москва : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. – 280 с.

8. Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2019. – 632 с.

9. Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Т. II. – Санкт-Петербург : Изд-во Аксион эстин, 2006. – 723 с.

10. Hauptmann P. Die ekklesiologishe Neubesinnung in der russischen Theologie des 20. Jahrhunderts // Kyrios – 1970. №10.– pp. 225–234.

11. Ioannis Chrysostomi. Homilia in apostolicum dictum: hoc autem scitote, quod in novissimis diebus erunt tempora gravia (2 Tim. 3.1) // Patrologiae cursus completus: PG T. 56. – 1862. – Col. 271–280.

УДК 94(47)

Михальченко Сергей Иванович

Брянский государственный университет имени академика И. Г.Петровского, Институт экономики, истории и права, директор, доктор исторических наук, профессор

Ткаченко Елена Викторовна

Брянский государственный университет имени академика И. Г.Петровского, кафедра земельного, трудового и экологического права, кандидат исторических наук, доцент

РУССКИЕ ИСТОРИКИ ПРАВА – ЭМИГРАНТЫ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В РАЗМЫШЛЕНИЯХ О БУДУЩЕМ РОССИИ[1]

Аннотация. Статья посвящена воззрениям русских историков права – эмигрантов «первой волны» Ф. В.Тарановского и М. В.Шахматова на будущее устройство России в случае реставрации дореволюционных порядков. В отличие от дистанцировавшегося от подобных размышлений Тарановского, Шахматов предложил целую программу

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00024.

экономического устройства российской деревни в будущем. Статья подготовлена на основе писем ученых, хранящихся в русских и зарубежных архивах.

Ключевые слова: Тарановский Ф. В., Шахматов М. В., историки права, общественно-политическая мысль русской эмиграции

Mikhalchenko Sergey Ivanovich
Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University, Institute of Economics, History and Law, Director, Doctor of Historical Sciences, Professor

Tkachenko Elena Viktorovna
Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University, Department of Land, Labor and Environmental Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

RUSSIAN HISTORIANS OF LAW – «FIRST WAVE» EMIGRANTS IN REFLECTIONS ON THE FUTURE OF RUSSIA

Annotation. The article deals with the views of Russian historians of law - emigrants of the «first wave» F. V. Taranovsky and M. V. Shakhmatov on the future structure of Russia in the event of the restoration of pre-revolutionary orders. Unlike Taranovsky, who distanced himself from such reflections, Shakhmatov proposed a whole program for the economic organization of the Russian countryside in the future. The article was prepared on the basis of letters from scientists stored in Russian and foreign archives.

Keywords: Taranovsky F. V., Shakhmatov M. V., historians of law, social and political thought of the Russian emigration

Оказавшиеся в эмиграции после Гражданской войны в России представители интеллигенции не могли не задумываться о будущем устройстве Русского государства после реставрации, в которую свято верили на первых порах почти все [9; 10]. Не были исключением и историки права, которые в своих научных занятиях сочетали юридическое знание с возможностью опоры на исторические параллели. В этой связи их размышления о будущем государственном устройстве и экономической строе представляют несомненный интерес.

Одним из самых известных историков права, оказавшихся в эмиграции, был Ф. В. Тарановский (1875–1936), чья биография и творчество довольно хорошо изучены в последние годы [5]. Всю жизнь погруженный в науку и преподавание, он старался дистанцироваться от политики, поэтому, когда в 1931 г. в среде российской эмиграции в Югославии возникла идея проанализировать трудности, с которыми столкнется Россия после реставрации старых порядков и начал, было, готовиться соответствующий сборник «Трудные вопросы», Тарановский счел за лучшее отказаться. «Положительно не представляю себе, что я мог бы написать, – отвечал он на при-

глашение коллеги–правоведа Е. В. Спекторского. – Я не занимаюсь ни государственным правом, ни политикой, совершенно не знаю СССР. Ничуть не преувеличиваю, что не знаю, о чем и что писать! Ввиду этого я вынужден отказаться». Остроумно Тарановский замечал, что «нельзя посвящать книгу «трудностям, с которыми придется встретиться в случае падения большевиков». А то сам собой будет напрашиваться ответ - пусть большевики остаются». Но в конце письма все же заметил, что, если и готовить сборник, то для этого «нужен съезд участников. План должен быть разработан и всеми хорошо усвоен. Иначе сборник не оправдает себя и может даже оказаться вредным. Это должен быть план действий, сочетания разума и воли, – ясность, определенность, решительность. Если этого не будет, то лучше не писать» [2]. Сборник в итоге так и не вышел.

В отличие от ставшего маститым ученым еще в дореволюционные годы Тарановского, другой историк права, Мстислав Вячеславович Шахматов (1888–1943), приобрел известность в бытность свою в эмиграции в Чехословакии в 1920–1940-е гг. [6; 7; 8] Он был автором многочисленных работ по истории права средневековой Руси, а также ряда публицистических статей.

Наиболее известным, ставшим сейчас фактически афористичным, его теоретическим положением стала идея о так называемом «государстве правды» в Древней Руси, которое он противопоставлял понятию правового государства [3]. По мнению исследователя, «государство правды в противоположность правовому государству не довольствуется правовыми целями государства и его правовым устроением. Государство правды невозможно организовать введением какой-либо идеальной конституции. Государство правды имеет, кроме правовых, также нравственные и религиозные цели и нравственную организацию». Он подчеркивал, что реально это выражалось «в первенстве блюстительства православия над остальными государственными целями, в священности звания царя, являющегося не только правителем, но и пастырем, и в стремлении подчинить правду государственную Правде Вечной» [11, с. 284].

Некоторые из его публикаций давали основание причислять его к евразийцам. В последнее время ряд исследователей справедливо подвергают сомнению такое определение [4], да и сам Шахматов еще в июне 1925 г. отверг свою принадлежность к этому течению, написав обширное письмо в редакцию парижской газеты «Возрождение», где размещенные в евразий-

ских изданиях свои публикации назвал статьями всего лишь «нейтрального научно-философского содержания» [12]. Несколько позже, в примечании к материалу, опубликованному в том же «Возрождении» в ноябре 1925 г., редакция отметила, что статья «принадлежит молодому специалисту по истории русского права, который прежде принадлежал к «евразийству» и ушел от него, оставаясь самобытником» [13, с. 2]. В правовой сфере Шахматов оценивал самобытничество как необходимость «творить законы и политику не на основании отвлеченных рационалистических схем, а руководствуясь указаниями прошлого исторического опыта России; опыта этого искали порою не только в общем ходе крупных политических событий, но и в ряде вопросов ежедневного законодательства» [13, с. 2]. «Самобытничество не болезненная реакционность, а здоровый консерватизм», – замечал он [13 (ч. 2), с. 2].

Весьма важной является мысль Шахматова о возможности базирования на самобытничестве при дальнейшем переустройстве России после возвращения старого порядка, во что он верил в 20-е гг. Так, в письме известному политику и мыслителю П. Б. Струве 15 ноября 1925 г. он подчеркивал, что ценит русское самобытничество и древнюю Русь «не только чувствами, но и головой», поскольку убежден, что общенародное движение против большевиков может быть организовано «только пламенным разжиганием самобытническо-патриотических страстей. Умеренный западнический национализм страстей, ведущих на героический подвиг, вызвать не может». При этом он отмечал, что «такой пламенный патриотизм можно вызвать только у чисто-русского или у совершенно обрусевшего населения. Только оно может быть действительно крепким ядром будущего русского государства. Инородцам может быть предоставлено более или менее широкое самоуправление. Если же они вольются в центральную русскую государственность, они ее опять разложат. Доказательством является необычайная стойкость и живучесть чисто-русской московской государственности и общественности в сравнении с недостаточно устойчивой государственностью и общественностью 1917 г.»

Размышляя о возможном будущем устройстве России после реставрации прежнего строя, Шахматов высказывался достаточно расплывчато, будучи конкретным лишь в вопросе о владении землей. Дело в том, что Шахматов происходил из дворян, до революции владел поместьем в Саратовской губернии, поэтому этот вопрос был для него важен и близок. В том же письме Струве он выдвинул несколько положений будущего распоряже-

ния землей. Во-первых, полагал Шахматов, «надо дать возможность антибольшевистским элементам во время контрреволюции захватить земли у приспешников большевизма», во-вторых, эти земли после возможного переворота «конфисковать и отдать участникам переворота». Причем здесь Шахматов, как историк, ссылался на средневековый опыт, замечая, что «Московское правительство часто практиковало конфискацию у своих политических противников и отдачу конфискованных земель своим сторонникам». Трезво понимая, что полностью вернуть поместья не удастся, Шахматов предлагал, в-третьих, отводить помещикам вместо захваченных в годы революции пахотных земель «участки лесов и иных угодий в других губерниях, каковых много стоит без дела на Руси (многие помещики предпочтут получить хоть что-нибудь, чем ничего)», при этом он несколько наивно рассчитывал на то, что «усадьбы и часть мелких участков крестьяне вернут без сопротивления». При этом он настаивал на том, что «необходимы жертвы и со стороны торгово-промышленников и домовладельцев, иначе получится вопиющая несправедливость: получившие землю «за кровь и за смерть» становятся нищими, а торгаши, разбогатевшие по пословице «не обманешь, не продашь» остаются единственными богачами в России» [1, л. 1–4]. Конечно, мнение Шахматова о будущем переустройстве поземельных и, в целом, экономических отношений в России выглядели малореалистичными. Они важны как пример такого рода размышлений и планов, строившихся в среде русской эмиграции.

Следует подчеркнуть, что далеко не все историки права оставили свидетельства такого рода размышлений. Тем ценнее приведенные выше заявления Тарановского и Шахматова, позволяющие оценить разброс мнений по такому животрепещущему вопросу как будущее устройство России.

Список литературы

1. Государственный архив РФ. Ф. 10003. Оп. 15. Д. 13.

2. Arhiv Republike Slovenije (ARS). Fond SI AS.1901. Škatla 1.

3. Быстрюков, В. Ю. Правовое государство и «государство правды» в работах М. В. Шахматова / В. Ю. Быстрюков // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 304–308.

4. Дербин, Е. Н. Евразийство и М. В. Шахматов (к вопросу о разграничении точек зрения) / Е. Н. Дербин // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – № 6. –С. 146–152.

5. Михальченко, С. И. Федор Васильевич Тарановский / С. И. Михальченко // Вопросы истории. – 2017. – № 9. – С. 16–33.

6. Михальченко, С. И. Мстислав Вячеславович Шахматов и его диссертации / С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко // ЭНОЖ «История». – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 28. – URL: https://history.jes.su/s207987840008951-5-1/.

7. Михальченко, С. И. Русская эмиграция в Праге глазами историка права: письма М.В.Шахматова Е.В.Спекторскому / С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко // Проблемы славяноведения. Вып. 20. – Брянск, 2018. – С.214–230.

8. Михальченко, С. И. Русские высшие учебные заведения Праги 1920–1930-х годов глазами эмигрантов / С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. – 2016. – Вып. 3. – С.96–106.

9. Омельченко, Н. А. В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности / Н. А. Омельченко. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1996. – 549 с.

10. Урядова, А. В. Советская Россия 1920-х: восприятие эмиграции / А. В. Урядова. – Ярославль : Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2011. – 391 с.

11. Шахматов, М. В. Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России) / М. В. Шахматов // Евразийский временник. Берлин, 1925. – Кн. 4. – С. 268–304.

12. Шахматов, М. В. Евразийство и Русское Самобытничество. Письмо в редакцию / М. В. Шахматов // Возрождение. – 1925. – № 4. – С. 1.

13. Шахматов, М. В. Самобытничество и любовь к отечеству / М. В. Шахматов // Возрождение. – 1925. – № 153. – С. 2; № 160. – С. 2.

УДК 821.161.1, 81'32

Суровцева Екатерина Владимировна

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник

ЖИТИЯ МУЧЕНИКА МИХАИЛА (НОВОСЁЛОВА) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ

Аннотация. В русле проводимых нами исследований житий новомучеников и исповедников необходимо сопоставительное изучение разных вариантов житий одного и того же святого. Для такого изучения мы избрали пять житий новомученика Михаила Новосёлова. Выявляется специфика отбора материала и подробности его изложения в каждом тексте в зависимости, в том числе, от жанровой модификации жанра, цитатный потенциал житий, предпринимается предварительная попытка анализа языка.

Ключевые слова: житие, житие новомучеников и исповедников, современная русская литература, церковная литература, корпусная лингвистика, жанр, Михаил Новосёлов

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna
Moscow State University M. V. Lomonosov, Candidate of Philology, Senior Researcher

Annotation. A comparative study of different versions of the holy lives of the same saint is necessary In line with our research of the holy lives of the New Martyrs and confessors. For such a study, we have chosen five holy lives of New Martyr Mikhail Novoselov. The specifics of the selection of the material and the details of its presentation in each text and depending, among other things, on the genre modification of the genre, the quoting potential of the holy lives are revealed, a preliminary attempt to analyze the language is made.

Keywords: holy life, holy life of the New Martyrs and Confessors, modern Russian literature, church literature, corpus linguistics, genre, Mikhail Novoselov

В русле проводимых нами исследований современных житий, в частности – житий новомучеников и исповедников, необходим сопоставительный анализ разных вариантов житий одного и того же святого.

На настоящий момент нам известно пять житий мученик Михаила Новосёлова – два канонических жития, написанных Е. С. Полищуком (2002) [10] и игуменом Дамаскиным Орловским (2005) [5]; житие, тяготеющее к каноническому, составленное В.Марченко (2011) [8]; детское житие, принадлежащее перу протоиерея Константина Островского (2012) [9] (о правомерности выделения такой разновидности современного житийного жанра обосновано в работах Е. К. Макаренко и А. Э. Санько [7; 8; 12]); «журнальное» житие, написанное архимандритом Дамаскиным Орловским (2000-е) [4]. В предисловии к сборнику «журнальных» житий, публиковавшихся на протяжении 2000-х гг. в журнале «Фома», их автор пишет: «К сожалению, для того чтобы значение того или иного явления восстановилось, необходимо, чтобы оно стало хотя бы формально известным, иными словами говоря, чтобы сообщения о нем появлялись в средствах массовой информации. Тогда только будет признано, что такое событие в действительности было и можно обсуждать его значение. В настоящее же время многие положительные явления не становятся массовыми, это скорее подвиг одиночек, действующих из нравственных принципов, прислушивающихся к голосу совести и надеющихся на помощь Божию» [3, с. 688].

В каждом житии говорится о семье Новосёлова, причём в каждом тексте, кроме «журнального» жития, отмечается, что это была священническая семья. В каноническом житии Дамаскин отмечает либерализм свя-

щенников из этой семьи (Михаил Васильевич Зашигранский, дед Михаила по матери, даже приветствовал учение Толстого и выражал радость по поводу борьбы Толстого с тем учреждением, «которое он до глубины души презирает», то есть с церковью). Кратко характеризуя настроения семьи Новосёловых, Дамаскин пишет: «…целостность православного мировоззрения была ими утрачена и вера представлялась абстрактным христианским умозрением, и если еще оставалась вера в Христа как в нравственный идеал, то видение православного пути к этому идеалу уже затуманилось…» В житии Островского этот вопрос освещается так: Александр Григорьевич «не пошел по стонам своих предков (священников. – *Е. С.*) и не только не захотел служить Богу у церковного престола, но и вообще мало веровал во Христа и плохо относился к Православной Церкви. Этим своим заблуждением Александр Григорьевич заразил и сына Михаила». Именно Островский чётче всех проговаривает о влиянии Александра Григорьевича на сына.

В анализируемых нами текстах упоминаются самые разные детали земной жизни мученика: первоначальное его желание идти в медики (каноническое житие Дамаскина); издание им «Религиозно-философской библиотеки» (житие Полищука, каноническое житие Дамаскина, житие Марченко, (житие Островского), «журнальное» житие Дамаскина); его организация «Кружка ищущих церковного просвещения» (1907) (житие Полищука, каноническое житие Дамаскина, житие Марченко); участие Новосёлова в Братстве Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (каноническое житие Дамаскина); борьба с Распутиным (житие Полищука, каноническое житие Дамаскина; отметим, что факт борьбы Новосёлова с Распутиным упомянут и А.Варламовым в жизнеописании Распутина) [2]; избрание Новосёлова почётным членом Московской Духовной Академии (1912) (житие Полищука, каноническое житие Дамаскина, житие Марченко, «журнальное» житие Дамаскина); членство Новосёлова в Училищном Совете при Синоде (житие Полищука, каноническое житие Дамаскина); профессорство Новосёлова на кафедре классической филологии в Императорском Московском университете после 1916 г. (житие Марченко); тот факт, что после 1917 г. Новосёлов вошёл во временный Совет объединённых приходов Москвы (житие Полищука, каноническое житие Дамаскина, житие Марченко); организация и преподавание Новосёловым на Богословских курсах, открывшихся весной 1918 г. по благословению Патриарха Ти-

хона (житие Полищука); его участие в работа Поместного собора Православной Всероссийской Церкви (1918) (житие Полищука, житие Марченко); членство Новосёлова (с 1922) в Обществе ревнителей православия (житие Марченко). Как мы видим, чтобы восстановить набор отбираемых для жития фактов в разных текстах различен – видимо, авторы руководствуются своими соображения о степени их важности для понимания подвига святого. Наиболее полными можно считать житие Полищука и каноническое житие Дамаскина, далее за ними следует житие Марченко.

Марченко пишет, что до ареста Новосёлов жил в Москве и под Москвой на нелегальном положении, но не упоминает, что будущий святой перешёл на нелегальное положение после обыска в июле 1922 г., а обыск, в свою очередь, состоялся после распространения новосёловского воззвания против обновленцев «Братское предостережение чадам истинной Церкви Христовой» (при этом Полищук не упоминает места жительства Михаила; в каноническом житии Дамаскина повествуется об обыске, но не о воззвании, местом жительства Новосёлова названы Москва и Петербург).

Особо следует рассмотреть вопрос о толстовстве Новосёлова.

Полищук указывает, что с идеями Толстого Новосёлов был «знаком через своего отца еще с детских лет», а горячее увлечение ими началось во время учёбы на историко-филологическом факультете Московского университета. В каноническом житии Дамаскина говорится о сближении Александра Григорьевича, отца Михаила Александровича, с Толстым с бытность свою директором Тульской гимназии в 1873–1881 гг. и о его восприятии толстовской личности и толстовских идей – в восприятии Александра Григорьевича это было «воплощение христианского идеала». Говорится в житиях и о попытке Новосёлова создать коммуну. Так, у Полищука читаем: «На деньги, оставшиеся после смерти отца, он покупает землю в селе Дугино Тверской губернии и создает одну из первых в России толстовских земледельческих общин. Эта коммуна просуществовала всего два года: интеллигенты не были приспособлены к физическому труду и не могли себя прокормить крестьянским трудом». Дамаскин в каноничексом житии пишет так: «Михаил Александрович решил сам применить учение Толстого на практике. На деньги, оставшиеся от отца, он купил землю в селе Дугино Тверской губернии, и здесь им была основана одна из первых толстовских общин, состоявшая из пяти интеллигентов. Однако, как и следовало ожидать, община людей, не приспособленных к труду на земле, предполагавших, что крестьянский труд – это

бесконечный праздник, пораженных тщеславием от набегающих помыслов об оказываемой будто бы ими помощи людям, а на самом деле не способных переносить наималейшие немощи друг друга, потерпела полный крах и рассыпалась». Марченко освещает этот «сюжет» более кратко: «Михаил решил на практике осуществить пропагандируемый Толстым образ жизни – жить на земле трудом своих рук. На собственные деньги купил землю и создал одну из первых в России толстовских земледельческих общин. Она просуществовала только два года». В «журнальном» житии Дамаскин упоминает о желании Новосёлова «на практике осуществить теорию учителя». Полищук пишет и о том, что Михаил Александрович был арестован за незаконное распространение запрещённых антицерковных и антигосударственных сочинений Льва Николаевича, однако он освобожден под гласный надзор полиции, с запрещением проживать в столицах.

Обратим также внимание на то, как Дамаскин в каноническом житии характеризует личность Толстого – по Дамаскину, Лев Николаевич – лжеучитель, ему присуще «сектантское лицемерие», с которым он «пытался оправдаться в том, что, явившись соблазнителем многих людей, вовлек их в безумное мероприятие». П. В. Басинский полагает, однако, и подтверждает свою мысль ссылками на воспоминания дочери писателя Татьяны, что Толстой в действительности не был «*вождём* “толстовцев”», «не мог бы возглавить сектантское движение с его неизбежными *знаками*, *паролями* и полным подчинением своему лидеру» (курсив автора цитируемого исследования) в силу своей любви к личной свободе и разумному пониманию веры, хотя и состоял в личных дружеских отношениях с некоторыми своими последователями (тем же Новосёловым, но не только с ним), а сектантом по натуре был, скорее, его последователь В. Г. Чертков) [1, с. 188–189].

В житиях Полищука и Дамаскина (и каноническом, и «журнальном») говорится о причинах охлаждения Новосёлова к учению Толстого. Это не только крах толстовской общины, что, по мысли авторов житий, показало нежизнеспособность идей писателя, но и отношение Толстого к Христу. По Полищуку, это «непризнание последним божественности личности Иисуса Христа. Согласиться с этим и жить в пустом и холодном мире нравственного долга внук священников никак не мог». По Дамаскину, это «ненависть <Толстого> ко Христу». В «журнальном» житии Дамаскин в качестве причин рахождения указывает, что Новосёлов убедился в толстовском «лицемерии и неосуществимости его учения».

Полищук указывает также, что одной из причин охлаждения Новосёлова к Толстому была в разнице между словом и делом писателя. Так, цитируется письмо Михаила Александровича Льву Николаевичу с упрёками в том, что тот, признавая зло денег, продолжает ими пользоваться и живёт в роскоши. В связи с этим приведём рассуждения П. В. Басинского – он опровергает мнение о роскошной жизни Толстого, на основании архивных данных он делает вывод о том, что Ясная Поляна была убыточным имением. «Согласно “Приходно-расходной книге”, которую скрупулёзно вела Софья Андреевна, она ежегодно вкладывала (!!! – *Е. С.*) в Ясную Поляну до двух тысяч рублей и даже больше. Доходы, позволяющие покрывать расходы, в том числе и на имение, получались только от продажи книг» [1, с. 175]. Однако, по мнению П. В. Басинского, противоречие всё же существовало – отказавшись от собственности, Лев Николаевич продолжал жить в семье и этой собственностью пользоваться, и это порождало в том числе и серьёзные семейные проблемы [1, с. 169, 180].

Полищук и Дамаскин (каноническое житие) цитируют «Открытое письмо» Новосёлова, написанное в 1901 г. после выхода церковного документа, свидетельствующего об отпадении писателя от церкви. Марченко цитирует не «Открытое письмо», а другое письмо – последнее в своей жизни письмо Толстой написал Новосёлову из Оптиной после бегства из дома, но не успел отправить. Михаил Александрович не успел на него ответить, но позже говорил, что, скорее всего, и не ответил бы, так как не приемлет отрицания Львом Николаевичем Божественности Личности Иисуса Христа. Марченко указывает имя Новосёлова часто упоминается в дневниках и письмах Толстого – Новосёлов был его любимым учеником (его имя даже попало в специальную энциклопедию, посвящённую Толстому) [11].

В каноническом житии Дамаскина приводятся слова Новосёлова о причинах революции из «Писем друзьям», где он пишет: «Давнишнее и все углублявшееся многообразное отступление народа от пути Божия должно было вызвать кару Божию, может быть, для спасения от гибели того, что могло быть спасено чрез очистительный огонь испытания». Ссылаясь на Священное Писание, в том числе на первую книгу Маккавейской, Михаил Александрович писал, что крушение государства тогда было связано со сближением израильтян с народами языческими и введением «у себя образования и порядков языческих с отвержением святого закона отеческого».

Отметим, что не один Новосёлов говорил о духовных корнях революции – об этом и о том, что новая советская власть дана нашему народу за грехи, говорили и другие мученики, пострадавшие за веру и канонизированные в наше время – например, преподобномученицы Вера (Морозова) и София (Селиверстова), священномученик Иоанн (Восторгов) и другие [14]. Мысль о том, что гонения на христиан попускаются по их грехам, высказывал ещё Киприан Карфагенский (III в.), принявший мученическую смерть в Римской империи.

Отдельного разговора заслуживает отношение Михаила Александровича к Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. о лояльности советской власти. Об этой декларации упомянуто в двадцатом письме из «Писем друзьям», цитируемом в каноническом житии Дамаскина. При этом при допросе в 1929 г. он завил о себе как о противнике «полного перехода Церкви на катакомбное положение». В рассматриваемом житии упоминаются и «аресты священнослужителей и мирян, несогласных с позицией митрополита Сергия и недовольных внутренней политикой советской власти по отношению к Церкви», и борьба Новосёлова с обновленчеством. Марченко приводит запись из дневника Михаила Александровича от 4 ноября 1927 г. и одно из писем 1927 г. с отрицательным отзывом на декларацию, а также дневник В. Д. Пришвиной, в котором зафиксированы слова будущего святого: надо всячески избегать церковного раскола, несмотря на аресты противников Сергия.

У Дамаскина в каноническом житии наиболее полно из всех анализируемых нами текстов описывается заключение Новосёлова, цитируются приговоры, допросы, письма к тюремному начальству Ярославской тюрьмы, где он провёл часть срока, показания осведомителя вологодской тюрьмы Базилевского. Поименно перечисляются сокамерники – Лексан, Мелик-Арутюнян, Альфред. Полищук и Марченко называют только одного заключённого – турка по имени Ахмет Исхан.

Марченко сообщает, что некоторое время до революции Новосёлов был послушником в одном из монастырей Москвы, однако вернулся к мирской жизни. В 1920 г. принял тайное монашество с именем Марк и позже хиротонисан во епископа; по сведениям Марченко, «На протоколах допросов М. А. Новоселова (1937 г. – *Е. С.*) приписано сверху его мирского имени рукой следователя: «“Епископ Марк”». О епископстве упоминает и А. Варламов [2]. Вопрос о монашестве и хиротонии Михаила окончательно

не решён – такая версия есть, однако документами она не подтверждена и официально церковью не принята, канонизирован Новосёлов как мирянин и в его канонических житиях этот «сюжет» не упомянут (о его тайной хиротонии речь идёт в письме М. М. Бренстеда от 1 июля 1930 г. к Н. А. Бердяеву – но это единственное упоминание, необходимы дополнительные свидетельства и доказательства [см. 13, с. 16][1].

Марченко пишет, что точная дата смерти Новосёлова неизвестна. Дамаскин же в обоих своих текстах эту дату называет – 20 января 1938 г. Полищук называет дате вынесения приговора – 17 января 1938 г.

При анализе лексического состава текстов, проведённого с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум» (названная система разработана в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова), мы получаем количество слов в обоих житиях с цитатами и исключая цитаты, а также количество (в процентах) оригинального текста.

Таблица 1

Количество лексем и процент оригинального текста в житиях мученика Михаила Новосёлова

Тексты жития мученика Михаила Новосёлова	Примерное количество лексем в тексте		Примерный процент оригинального текста
	с цитатами	без цитат	
Житие, составленное Е. С. Полищуком	1460	855	58,5
Каноническое житие, составленное Дамаскиным Орловским	2070	1075	52
Житие, составленное В. Марченко	1350	920	68,2
Житие, составленное Константином Островским	245	230	93,9
«Журнальное» житие, составленное Дамаскиным Орловским	330	300	90,1

Приведём также количество цитат в текстах: в житии – Полищука 12, в каноническом житии Дамаскина 3, в житии Островского 1, в житии Марченко 15, в «журнальном» житии Дамаскина 3. Документальность как одну

[1] Сердечно благодарю Алексея Геннадьевича Полякова, кандидата исторических наук, помощника директора Киевского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, за консультацию по данному вопросу.

из отличительных особенностей современных житий учёные уже отмечали [7], но средства компьютерной лингвистики мы можем получить подтверждение этому наблюдению и проследить, в какой мере эта особенность зависит от жанровой модификации жития (так, в детском житии документальность проявляется не столь ярко).

Полищук цитирует открытое письмо Новосёлова Толстому; неназванного современника; из «Забытого пути опытного Богопознания» Новосёлова; письма Михаила Александровича Ф. Д. Самарину от 26 октября 1905 г. и два отрывка письма от 3 августа 1909 г.; доклад Новосёлова «О воссоздании живой церковности в России» и его воззвание о защите храмов; «Письма к друзьям»; описание Богословских курсов; уголовное дело, заведённое на будущего святого в вологодской тюрьме.

В каноническом житии Дамаскина приводятся 6 писем Новосёлова к Толстому; «Открытое письмо» Новосёлова Толстому; «Письма к друзьям» (всего 10 отрывков); письма Ф. Д. Самарину от 3 августа 1909 г. и 11 августа 1907 г.; ЦАФСБ (всего 11 цитат) – следственные дела, приговоры, доносы, обращения Новосёлова к тюремному начальству, показания осведомителя Базилевского.

В житии Марченко цитируется неназванный современник; письмо Ф. Д. Самарину от 3 августа 1909 г.; описание богословских курсов; призыв Новосёлова к защите храмов; воспоминания Пришвиной (2 отрывка); тетради Новосёлова – записи от 3 марта 1924 г., 24 и 4 ноября 1927 г.; неназванное письмо о декларации Сергия; обвинительные акты – 3 сентября 1931 г. в Ярославле, 17 мая 1929 г. в Ярославле (2 отрывка); обвинительный приговор, вынесенный в Вологде; «Письма к друзьям».

В житии Островского цитируется только показание при аресте (об отношении к власти).

В «журнальном» житии Дамаскина мы видим воспоминания современника; письмо Новосёлова Ф. Д. Самарину от 9 августа 1909 г.; из следственного дела даётся отрывок о «нераскаянности» Новосёлова.

В 3 текстах из 5 общие цитаты – из «Писем к друзьям», в 4 текстах – письмо Ф. Д. Самарину от 9 августа 1909 г., во всех текстах приводятся следственные дела (с разной подробностью).

Далее приведём списки первых десяти самых частотных слов в рассматриваемых житиях с указанием частотности слова (нами даются списки из текстов как с цитатами, так и без цитат).

Таблица 2

Список десяти самых частотных слов жития, составленного Е. С. Полищуком

№	Текст жития с цитатами		Текст жития без цитат	
	Лексема	Частотность	Лексема	Частотность
1	и	92	в	72
2	он	56	и	61
3	быть	39	он	48
4	на	37	быть	33
5	к	34	год	33
6	не	30	на	29
7	этот	26	к	24
8	церковь	23	с	19
9	весь	20	этот	19
10	по	19	не	18

Таблица 3

Список десяти самых частотных слов канонического жития, составленного Дамаскиным Орловским

№	Текст жития с цитатами		Текст жития без цитат	
	Лексема	Частотность	Лексема	Частотность
1	и	288	в	130
2	в	248	и	118
3	быть	114	быть	67
4	не	109	он	67
5	он	104	Михаил	62
6	тот	84	Александрович	53
7	на	83	на	47
8	я	77	год	46
9	что	72	с	39
10	с	70	к	36

Таблица 4

Список десяти самых частотных слов жития, составленного В. Марченко

№	Текст жития с цитатами		Текст жития без цитат	
	Лексема	Частотность	Лексема	Частотность
1	в	129	в	95
2	и	105	он	57
3	он	80	и	56
4	год	50	год	47

№	Текст жития с цитатами		Текст жития без цитат	
	Лексема	Частотность	Лексема	Частотность
5	с	45	быть	33
6	к	43	с	33
7	быть	42	к	25
8	на	39	на	22
9	не	37	Михаил	20
10	церковь	32	из	17

Таблица 5

Список десяти самых частотных слов жития, составленного Константином Островским

№	Текст жития с цитатами		Текст жития без цитат	
	Лексема	Частотность	Лексема	Частотность
1	и	17	и	16
2	в	15	в	14
3	он	14	он	14
4	Михаил	13	Михаил	13
5	Александрович	9	Александрович	9
6	быть	9	быть	8
7	год	7	год	7
8	на	7	на	7
9	не	7	не	6
10	но	6	но	6

Таблица 6

Список десяти самых слов «журнального» жития, составленного Дамаскиным Орловским

№	Текст жития с цитатами		Текст жития без цитат	
	Лексема	Частотность	Лексема	Частотность
1	в	29	в	25
2	и	22	и	20
3	он	19	он	17
4	быть	13	быть	13
5	не	13	не	11
6	Михаил	9	Михаил	9
7	что	9	год	7
8	год	7	к	6
9	к	6	но	6
10	но	6	что	6

На основании списков мы можем судить о самых частотных словах в анализируемых нами житиях (*он*, *год*, *быть* и пр.), проследить колебания в частотности союза *и*, являющегося показателем разговорного стиля, и предлога *в*, являющегося показателем книжного стиля, а также разных показателей частотности этих слов в «тексте с цитатами» и в «тексте без цитат» (наша рабочая гипотеза состоит в том, что это зависит от количества цитат и от их языковых особенностей). Отметим, что полученные нами списки могут быть полезны в качестве лексического минимума для иностранных учащихся, интересующихся современной русской словесностью.

Таким образом, мы можем говорить о том, что современные жития новомученика Михаила Новосёлова перечисляют все основные вехи жизненного пути святого и поясняют смысл его духовного подвига, однако некоторые факты могут освещаться более или менее подробно или не упоминаться вообще. Видимо, такое «вольное» обращение с фактами зависит от жанровой модификации текста (например, детское и «журнальное» житие не могут быть обстоятельными), так и от того, насколько важными они показались автору текста (разумеется, это относится только к «второстепенным» фактам). Статистический анализ цитат в житиях свидетельствует о высокой степени документальности жанра – средства компьютерной лингвистики помогают нам получить объективную картину соотношения оригинального и цитируемого текстов. Анализ самых частотных слов также помогает нам лучше понять стилистические особенности текстов, а также получить лексический минимум для иностранцев, интересующихся современной русской словесностью.

Список литературы

1. Басинский, П. В. Лев Толстой / П. В. Басинский. – Москва : Молодая гвардия, 2017. – 302 с. – (Серия «Жизнь замечательных людей»).

2. Варламов, А. Н. Григорий Распутин-Новый / А. Н. Варламов. – Москва : Молодая гвардия, 2021. – 851 с. – (Серия «Жизнь замечательных людей»).

3. Дамаскин Орловский, архимандрит. Вместо заключения. На сем камне я создам церковь: О Бутовском полигоне // Дамаскин Орловский, архимандрит. Избранные жития мучеников и исповедников Церкви Русской. – Козельск : Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. – С. 682–688.

4. Дамаскин Орловский, архимандрит. Мученик Михаил Новосёлов. Спешите делать добро // Дамаскин Орловский, архимандрит. Избранные жития мучеников и исповедников Церкви Русской. – Козельск : Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. – С. 456–459.

5. Дамаскин Орловский, игумен. Мученик Михаил (Новосёлов). Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). – Январь. – Тверь : Булат, 2005. – С. 69–91.

6. Макаренко, Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования / Е. К. Макаренко // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск : Вариант-Омск, 2010. – С. 155–164.

7. Макаренко, Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования / Е. К. Макаренко // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 95–102.

8. Марченко, В. Мученик Михаил (Новосёлов). Марк, епископ Сергиевский // Новомученики и исповедники Даниловские / В. Марченко. – Москва : Валаамское общество Америки, 2011. – С. 169–182.

9. Островский Константин, протоиерей. Мученик Михаил (Новосёлов) // Островский Константин, протоиерей. Святые XX в. Краткие жития для детей. – Красногорск : Успенский храм, 2012. – С. 95–97.

10. Полищук, Е. С. Мученик Михаил (Новосёлов) / Е. С. Полищук // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии : в 8 т. Т. 1: Январь – май. – Тверь : Булат, 2002. – С. 41–51.

11. Прокопчук, Ю. В. Новосёлов Михаил Александрович / Ю. В. Прокопчук // Лев Толстой и его современники. Энциклопедия / под общ. ред. Н. И. Бурнашёвой. – Москва : Парад, 2008. – С. 270–271.

12. Санько, А. Э. Жития святых: особенности редакционно-издательской подготовки // Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России / А. Э. Санько. – Челябинск : ЧГИК, 2018. – С. 231–235.

13. Слава Богу за скорбь и радость : в 2 ч. Ч. 1. – Москва : Братонеж, 2020. – 584 с.

14. Суровцева, Е. В. Святость как ответ на духовный и политический кризис: на материале житий новомучеников и исповедников Московской Епархии / Е. В. Суровцева // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. – Т. 1. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. – С. 276–280.

УДК 82-97(571)

Статина
Наталья Владимировна
Челябинский педагогический колледж № 2,
кандидат филологических наук,
преподаватель

ВЕДОМОСТЬ 1817 ГОДА О КЛИРЕ ЦЕРКОВНОМ ФЛОРО-ЛАВРСКОГО ПРИХОДА СЕЛА БЕЛОЯРСКОГО ЧЕЛЯБИНСКОГО ЗАКАЗА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕПАРХИИ

Аннотация. В статье рассматривается документ церковного учета населения – клировая ведомость начала XIX в., ее жанровая композиция, структура, наполняемость.

Ключевые слова: церковный документ, клировая ведомость, приход

Statina Natalia Vladimirovna
Chelyabinsk Pedagogical College No. 2, Candidate of Philological Sciences, teacher

STATEMENT OF 1817 ABOUT THE CLERGY OF THE CHURCH OF THE FLORO-LAVRA PARISH OF THE VILLAGE OF BELOYARSKY, CHELYABINSK REGION, ORENBURG PROVINCE AND DIOCESE

Annotation. The article deals with the document of the church accounting of the population – the clerical register of the beginning of the nineteenth century, its genre composition, structure, occupancy.

Keywords: church document, clerical register, parish

Клировая ведомость – документ церковного учета населения, который в полной мере характеризует весь комплекс церковной документации и является незаменимым источником при рассмотрении церковного прихода в целом и отдельных его составляющих: церкви, причта, прихожан. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля дано следующее определение этому документу: «Клировые ведомости – послужные списки клиров» [2, т. IV, с. 103]. На территории России в XVII – XX вв. существовали различные варианты названия этого источника. «Разные названия жанра, в разное время по-разному присваиваемые документу канцеляристами, объясняются нормой, которую формулирует или исполняет канцелярия» [3, с. 39].

Жанровая композиция клировой ведомости имеет свою, присущую ей, структуру, которая на протяжении столетий эволюционировала [4].

На примере «*Клировой вѣдомости Оренбургской губѣрнии и Епархіи Челябинскаго Заказа Бѣлоярскаго Села о однокомплѣктной дѣревянной*

Церкви во именованіе Святыхъ Мученикъ [так!] *Флора и Лавра о штатныхъ и заштатныхъ священно- и церковнослужителяхъ и о детяхъ ихъ за 1817 годъ»* [1, с. 106], которая хранится в настоящее время в фондах Государственного архива города Оренбурга, рассмотрим её функционирование, жанрово-коммуникативное своеобразие (при транслитерации клировой ведомости 1817 г. орфография и пунктуация сохранена).

Клировая ведомость 1817 г. по форме одночастная, включает 11 информативных полей с отрывочными сведениями о приходском духовенстве и церкви.

Первое информативное поле заголовка не имеет, в нем сообщается краткая информация о церкви, количественный и поименный состав приходского духовенства и членов их семей: *«Церковь во имѣнованіе Святыхъ Мученикъ Флора и Лавра, дѣревянная бѣзъ придѣловъ, ветхая, въ 1770-м году коштомъ состоящихъ къ той церквѣ жителей при попѣчителе крестьянине Евсѣе Согринѣ на принадлѣжащей того селенія жителямъ казенной Землѣ по примѣру прочихъ православныхъ грекороссійскихъ церквѣй построена, всемъ приличнымъ Благолѣпіемъ украшена. Сосуды Серебрянные, книги всего церковнаго округа имѣются, церковною приличною ризницею и утварью и прочимъ что для церкви потребно доволно снабждена. При сей церкви по положенному тогда штату подлежало Быть одному священнику, одному діакону, одному дьячку, и одному пономарю. Ныне налицо состоятъ слѣдующіе Священно- и церковно служитѣли…»* [1, с. 106об.]. Поскольку клир состоял из нескольких должностей, с соответствующими требованиями, в том числе к профессиональным навыкам и уровню образования, с определенными функциями и уровнем доходов, службу в церкви можно было назвать профессией.

Духовные лица фиксировались в церковной иерархической последовательности. Так, после информации о священнике и его семье (надо отметить, что клирики рассматриваемой Флоро-Лаврской церкви выбирали себе жен не только из духовного сословия, но и из казачьего, крестьянского, мещанского) следовали записи о других членах причта с указанием исполняемой должности.

Второе информативное поле в клировой ведомости 1817 г. *«Коликихъ отъ роду летъ»* было самым малоинформативным, в нем арабскими цифрами указывался возраст членов причта. По данным третьего информативного поля «*Какой націи изъ какихъ чиновъ»,* можно проследить происхождение и выделить династии служителей церкви. В четвертом информатив-

ном поле *«Гдѣ и чему обучался или нетъ»* зафиксирован образовательный уровень духовенства. Жизненный путь, профессиональные навыки и занимаемые ранее и сейчас должности каждого клирика прихода зафиксированы в пятом информативном поле: *«Съ котораго году въ дѣйствительную службу вступил и гдѣ и какими чинами произходилъ и на по сѣй день чинъ ставленую Граммату и перехожіе Указы имѣетъ ли».*

Рассмотрим, как заполнены эти поля в клировой ведомости.

«Священникъ Феодоръ Тимофѣевъ Киселев, 43, изъ великороссіянъ Шадринскаго Заказа Верхтеченской слободы отъставнаго дьячка Тимофѣя Киселева. Въ семинаріи не обучался. Посвященъ въ стихарь 1791 года декабря 26 дня преосвященнымъ Варлаамомъ, епископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, Шадринскаго Заказа Першинскаго села и Покровской церкви пономаремъ. 1798 года января произведенъ во дьяконы сей церкви онымъ же преосвященнымъ, 1803 года июля 22 дня положенъ во священники къ сей церкви преосвященнымъ Амбросіемъ, епископомъ Оренбургскимъ и Уфимскимъ, и на оный чинъ ставленую священническую грамоту имеетъ. Жена его Евфимья Терентьева, 45, Пермской губѣрніи Шадринской округи Вѣрхтеченской слободы умѣршаго священника Терентія Селиванова, дочь. Дочери ихъ: 1-я Марья, 17, 2-я Александра, 7. Находятся прі отце» [1, с. 106об.–107].

«Діяконъ Петръ Михайловъ Кочневъ, 43, изъ великороссіянъ, умершаго сей церкви священника Михаила Кочнева. Въ семинаріи обучался до синтаксического класса. Посвященъ въ стихарь 1790 года февраля 20 дня преосвященнымъ Варлаамомъ, епископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, Далматовскаго Заказа Катайского острога въ Богоявленской церкви дьячкомъ, 1794 года октября 29 дня произведенъ во діяконы тем же преосвященнымъ Ялуторовскаго Заказа Агарацкого села къ Хресторождественской церкви и на оный чинъ ставленую грамоту имеетъ. 1804 года февраля 16 дня переведенъ къ сей Флоро-Лаврской церкви преосвященнымъ Амбросіемъ, епископомъ Оренбургскимъ и Уфимскимъ, изъ оной Духовной консисторіи перехожий указъ имеетъ. Жена ево Пелагія Федорова, 43. Пермской губѣрніи Шадринскаго Заказа Уксянской слободы умѣршаго дьячка Федора Сифкова, дочь. Сынъ ихъ Александръ, 23, въ Оренбургской семинаріи въ Богословскомъ классе».

«Дьячекъ Василій Петровъ Кочневъ, 24. Изъ великороссіянъ, сей церкви діякона Петра Кочнева, въ семинаріи не обучался. Посвященъ въ стихарь 1815 года июня 13 дня Преосвященнымъ Августиномъ Епископомъ Орен-

бургскимъ и Уфимскимъ Челябинскаго Заказа Бѣлоярского села къ Флоро-Лаврской церкви дьячкомъ, на оный чинъ ставленую причетническую грамоту имеетъ. Жена его Настасья Васильева, 24, Челябинскаго Заказа Чумляцкой слободы умершаго священника Василія Борисова дочь. Дочери их: 1-я Марья, 2, 2-я Ольга, 1. Находятся при отце» [1, с. 107 об.–108].

«Пономарь Ефимъ Васильевъ Нассоновъ, 24. Изъ великороссіянъ, сей церкви отставнаго пономаря Василія Нассонова сынъ. Въ семинаріи обучался до информаторического класса. Определенъ по указу 1815 года мая 22 дня Преосвященнымъ Августиномъ Епископомъ Оренбургскимъ и Уфимскимъ Челябинскаго Заказа Белоярскаго села къ Флоро-Лаврской церкви пономаремъ и изъ оной Духовной консисторіи указъ имеетъ. Жена его Ирина Назарова, 30, Челябинской округи Міасской крепости казака Назара Фалалиева дочь. Дочь их Параскева, 2, находится при отце».

«Просвирня вдова діяконская жена Пелагія Андреева Кочневыхъ, 49. Пермской губерніи Шадринской округи Бродокалмацкой слободы умершаго священника Андрея Хитрыхъ дочь. Определена по приказу 1810 года марта 24 дня Челябинскаго духовнаго правленія присутствующего и благочиннаго священника Иоанна Инфантьева, приказъ имеетъ. Дочь ей Анна, 10, находится при матери».

«Отставной пономарь Василий Михайловъ Нассоновъ, 69. Жена его Федосья Васильева, 69. Челябинской округи Міасской крепости умершаго казака Василія Малкова дочь. Дочь ихъ Евдокія, 29, выдана въ замужество Бѣлоярскаго села за крестьянина Федора Ларіонова Нечеухиныхъ» [1, с. 108об.–109].

Шестое информативное поле *«Кто какого состоянія не былъ ли въ штрафѣ и под судомъ Ежели былъ то въ которомъ имянно году и За что и по тѣмъ деламъ оправданъ или обвиненъ»*. Ответ напротив каждого члена причта на поставленный вопрос заполнялся кратко: «*Хорошаго»*. Седьмое поле: «*Катихизисъ таинства и обязательства знаетъ ли и къ чтенію поученій способенъ ли по ноте петь умѣетъ ли церковной уставъ и правила соборные знаетъ ли»* информирует об уровне образованности, профессионализме духовных лиц, а также их функциональных навыках, применяемых во время церковных служб и совершения таинств. Рукописные записи в этом поле немногословны: священник, дьякон и дьячок – *«Знаетъ»*, пономарь – *«От части* [так!] *знаетъ»*. Восьмое информативное поле *«Наличныхъ заштатныхъ и умѣршихъ священно- и церковнослужителей дѣти мужеска пола гдѣ находятся и чему обучаются»* не заполнено.

Девятое информативное поле: *«Сколько въ приходѣ дворовъ и в нихъ мужеска и женска пола Душъ находится прихожане государственныя удѣльные или помѣщичьи крестьянѣ какихъ именно помѣщиковъ и коликое число душъ каждому вѣдомству принадлежитъ каждой изъ приходскихъ деревень въ разстояніи отъ церкви во скольки верстахъ и какіе есть ближайшіе къ приходу церкви въ какое имѣнованіе и в какомъ находятся разстояніи»* представляло собой общие статистические сведения, подтвержденные таблицей, о количестве дворов в целом и в отдельности по деревням, входившим в Белоярский приход, с указанием расстояния от церкви, также отмечалось деление прихожан по полу и сословной принадлежности.

«Въ приходѣ дворовъ – 340, въ нихъ душъ мужеска – 1475, женска – 1681, а обоего – 3156

в томъ числе прихожанъ	Число душъ		
Военныхъ принадлежащіе къ ведомству крепости Звериноголовской	38	98	136
Статскіхъ купцовъ и мѣщанъ	нетъ		
Крестьянъ государственныхъ	1431	1571	3002
Единолическіхъ	нетъ		
Удельныхъ	нетъ		
Помѣщичьихъ и дворовыхъ людей	нетъ		
Итого			
въ сѣле дворовъ – 52, въ нихъ душъ	152	103	345
1-я Косулинская въ двухъ верстахъ Въ ней дворовъ – 31 и въ нихъ душъ	118	141	259
2-я Куликовская въ четырехъ верстахъ Въ ней дворовъ – 19 и въ нихъ душъ	106	91	197
3-я Красноярская въ пяти верстахъ Въ ней дворовъ – 51 и въ нихъ душъ	226	230	456
4-я Чесноковская въ шести верстахъ Въ ней дворовъ – 19 и въ нихъ душъ	95	102	197
5-я Пивкинская въ седми верстахъ Въ ней дворовъ – 33 и въ нихъ душъ	164	180	344
6-я Алабугская въ двадцати верстахъ Въ ней дворовъ – 59 и въ нихъ душъ	257	281	538
7-я Тавранкульская въ двадцати верстахъ Въ ней дворовъ – 40 и въ нихъ душъ	158	170	328
8-я Боровская въ двадцати пяти верстахъ Въ ней дворовъ – 11 и въ нихъ душъ	46	62	108
9-я Феклинская въ двадцати верстахъ Въ ней дворовъ – 25 и въ нихъ душъ	109	121	230

Ближайшіе къ онымъ дѣревнямъ церкви состоятъ: первая Чюмляцкой слободы Спасская, въ пятнадцати верстахъ, вторая Миясской крепости Пророкоильинская въ двадцати пяти верстахъ» [1, с. 109].

На вопрос, заключенный в заголовке десятого информативного поля *«Сколько при церкви имѣется пахотной и сенокосной земли и на оную межевые книги и планы имѣются ли вмѣсто оной что священно и церковно служители на содержаніе от прихожанъ получают»*, следовал ответ, сформулированный в одно предложение: «Земли при церькви пахотной тридцать десятинъ, а сенокосной 3 десятины, и на оную землю межевые книги и планы не имѣются а земли священноцерковнослужители отъ прихожанъ состоятъ на добровольномъ подаяніи каждогодно» [1, с. 109].

Одиннадцатое информативное поле «*Описи церковному имуществу мѣтрическіе обыскные книги духовные росписи и описи письмѣнныхъ церковныхъ дѣлъ имѣются ли при церкви и гдѣ оные хранятся»* обобщало информацию о хранящихся в приходе документах церковной статистики: «Описи церковному и вновь прибылному имуществу за шнуромъ и печатью за подписью города Челябы благочиннаго священника Петра Агишева имеются мѣтрическіе, обыскные книги, духовные росписи и описи письмѣнныхъ церковныхъ дѣлъ за прошедшіе годы и настоящее время имѣются и хранятся въ церковномъ архивѣ» [1, с. 109].

В конечном блоке документа указывались должности и собственные имена лиц, написавших или составивших ведомость: «*Къ сей вѣдомости Священникъ Феодоръ Кисѣлѣвъ руку приложилъ / Къ сей вѣдомости діаконъ Петръ Кочневъ руку приложилъ / Къ сей вѣдомости дьячекъ Василій Кочневъ руку приложилъ / Къ сей вѣдомости пономарь Ефимъ Нассоновъ руку приложилъ»* (Приложить руку. Устар. Подписать какой-либо документ, бумагу и т. п. [5, с. 352]). Подписи ответственных за содержание документа служили в делопроизводстве специальным средством защиты текста и придавали ему юридическую силу.

Таким образом, клировый церковный документ начала XIX в. в Белоярском приходе имел объемное наполнение заголовков информативных полей, сводя основные сведения о церкви, священнослужителях и прихожанах к минимуму.

Список литературы

1. ГАОО. Ф. 173, оп. 9. КВ 1817: 106–109.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Русский яз., 2008.

3. Новоселова, Н. А. Формирование стереотипов делового письма в XVIII веке на Южном Урале / Н. А. Новоселова. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. – 176 с.

4. Статина, Н. В. Динамика учетно-регистрационных документов Флоро-Лаврской церкви села Белоярского в аспекте лингвистического источниковедения (по архивным материалам конца XVIII – начала XX вв.) : дис. … канд. филол. наук / Н. В. Статина. – Челябинск, 2010. – 277 с.

5. Фразеологический словарь русского языка. – Санкт-Петербург : Вариант, 1994. – 554 с.

УДК: 130.2

Сулимов Станислав Игоревич
Воронежский государственный университет,
кафедра истории философии и культуры,
кандидат философских наук, доцент

Черных Владимир Дмитриевич
Воронежский государственный университет
инженерных технологий, кафедра философии
и истории, кандидат исторических наук,
доцент

РОЛЬ ЛИМЕСА В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ римского оборонительного рубежа, защищавшего античную цивилизацию от варваров Германии и придунайской степи в I – IV вв. н. э., и Белгородской засечной черты, выполнявшей функцию защиты русского общества от набегов евразийских кочевников (татар) в XVII в.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, лимес, Белгородская засечная черта, казачество

Sulimov Stanislav Igorevich
Voronezh State University, Department of History of Philosophy and Culture, associate professor

Chernykh Vladimir Dmitrievich
Voronezh State University of engineering technologies, Department of Philosophy and History, associate professor

THE ROLE OF LIMES IN THE HISTORY OF ANCIENT AND RUSSIAN CIVILIZATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation. The article deals with the comparative analysis of the Roman defensive line that protected the ancient civilization from the barbarians of Germany and the Danube steppe in the 1st-4th centuries. AD, and the Belgorod notch line, which performed the function of protecting Russian society from the raids of Eurasian nomads (Tatars) in the 17th century.

Keywords: civilization, barbarism, limes, Belgorod zasechnaya line, Cossacks

В истории любой цивилизации наступает момент, когда она больше не может осуществлять военно-политическую экспансию в адрес варварской периферии, а окрестные варвары к этому времени вовсе не становятся слабее. Поэтому цивилизованные правительства вынуждены принимать масштабные оборонительные меры, рассчитанные на сдерживание варварских набегов в долгосрочной перспективе. Проще говоря, цивилизация, не имея возможности покорить и ассимилировать варваров, становится жертвой их постоянных набегов, вторжений и провокаций, и поэтому вынуждена создавать прочные, непроницаемые для варваров рубежи. Для обозначения таких оборонительных систем идеально подходит латинское слово «limes» («лимес») – «окончательный предел», так как подразумевается, что и цивилизованная экспансия, и варварские вторжения должны иметь рубеж, дальше которого они не распространяются. Лимес представляет собой систему крепостей, почти всегда совмещенную для удачной обороны с географическими особенностями местности. Например, римские оборонительные рубежи проходили по берегам рек Рейн и Дунай, а Великая китайская стена размещается на склонах холмов, отделяющих степь Ордос от Китайской равнины. Мир, лежащих в пределах лимеса, считается цивилизованным пространством, и, соответственно, мир, лежащий за этими пределами, воспринимается представителями цивилизации как иное, не пригодное для полноценной жизни пространство. К примеру, римляне именовали Германию, Шотландию и задунайские степи не иначе как *Barbaricum*, то есть «мир варварства». Китайцы были ещё более красноречивы, называя монгольскую степь, начинавшуюся у подножья Великой стены, *Гуйфан* – «страна демонов» [4, с. 14]. Назначением лимеса являлось именно сдерживание обитателей «страны демонов» и «варваров», во всём противоположных цивилизованным людям. Можно предположить, что каждое цивилизованное общество, устанавливая с внешними варварами прочную границу, обязательно старается придать этой границе материальное воплощение, превратив её в систему крепостей. Это и Рейнско-Дунайский лимес Римской империи (его британское продолжение – Адрианов вал), и Великая китайская стена, и инкские крепости на восточных склонах Анд, и многие другие фундаментальные оборонительные системы. В русской истории их аналогом является Белгородская засечная черта, назначением которой в XVII в. была защита южных рубежей Московского царства от набегов

степняков-татар. Однако все лимесы однажды были прорваны и не смогли защитить свои цивилизации от агрессивных соседей, а Белгородская черта устояла. Почему? В данной работе мы сделаем попытку ответить на этот вопрос.

Анализ фактов из античной истории позволяет выделить следующий алгоритм функционирования лимеса. Строительство стационарных укреплений вдоль северной границы было санкционировано императором Домицианом в 83 г. н. э., и в дальнейшем эти укрепления всё более усложнялись и надстраивались. Вот как описывает эволюцию этого укреплённого района немецкий историк Г. Дельбрюк: «Первый пограничный вал состоял из сплетённых оборонительных щитов (vineae). При Адриане вместо них появились палисадные ограждения, а через несколько поколений палисады были дополнены и заменены валом и рвом. Приблизительно в начале III столетия к этим укреплениям прибавилась последняя часть, а именно высокая каменная стена, расположенная на участке к северу от Дуная, на ретской границе» [1, с. 136]. Изначально эти сплошные укрепления замышлялись как подспорье для действий легионов против приграничных варваров: опираясь на твёрдые оборонительные рубежи, войскам было проще отражать набеги и выступать в карательные экспедиции. Но со временем силы империи таяли, а германцы, скотты и придунайские племена в ходе постоянных столкновений с Римом, наоборот, всё более милитаризировались. Содержание десятков фортов и второстепенных укреплений обходилось казне недешево, и вскоре половина военного бюджета уходила только на нужды лимеса. Как следствие, правительству всё труднее было укомплектовывать гарнизоны приграничных крепостей. Так, в 283 г. император Проб сдал германцам регион *Агри Декуматес* (Десятинные поля), расположенный между верховьями Рейна и Дуная. Важно отметить, что варвары не претендовали на эти территории, а лишь подвергали их грабительским набегам, но правительство сочло выгодным перенести границу к югу, соединив рейнские и дунайские укрепления цепью фортов и заняв удобный географический рубеж. Может быть, с точки зрения глобальной стратегии это и было разумным шагом, но гражданское население Десятинных полей оказалось брошено на произвол судьбы. Другой проблемой любого лимеса является излишняя своекорыстная инициативность некоторые командующих укрепрайонами: контрабанда, шпионаж и скрытый сепаратизм были как бы профессиональными болезнями римских комендан-

тов крепостей. В дальнейшем императоры приняли фатальное решение поручить оборону границ варварским племенам, которым для этого присваивался статус «союзников». Увы, сами «союзники» понимали свои обязанности очень своеобразно, грабили цивилизованное население, участвовали в усобицах между претендентами на престол, и вскоре лимес превратился в проходной двор. Таков алгоритм функционирования укреплённой границы между варварством и цивилизацией, и, можно сказать, что такая фортификационная система обречена на фиаско. Однако русский лимес стал исключением из этого правила. Рассмотрим его подробнее.

Южная граница Московской Руси с евразийской степью во второй половине XVI в. превратилась в источник постоянных проблем для царя Ивана IV Грозного. Населявшие Крым и причерноморские степи татары охотно пользовались теми войнами, которые Россия вела в Прибалтике и Поволжье, для того, чтобы совершать набеги на русские земли. Например, в 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей во главе татарских отрядов достиг предместий Москвы. Поэтому возникла насущная необходимость прикрыть южные границы царства цепью крепостей. Так, в 1586 г. были основаны Воронеж и Ливны. Но этот шаг оказался практически бесполезен, ведь небольшим отрядам налётчиков не составляло труда обойти немногочисленные крепости. Поэтому в 1635 г. правительство отдало приказ о строительстве единой фортификационной линии от города Козлов (ныне – Мичуринск в Тамбовской области) до Олешни (в современной Сумской области Украины). Эта грандиозная оборонительная система получила название Белгородской засечной черты и прошла по границе степной и лесостепной зон, пересекая пространство общей протяженностью 800 км. Отечественный исследователь М. Ю. Дьяков так описывает характер русского лимеса: «Города Белгородской черты строились на протяжении 90 лет, с 1586 по 1677 годы. <…> Во времена Алексея Михайловича постройка Белгородской черты была почти совсем закончена. Кроме того, появился целый ряд городов и селений «за чертой» (впереди черты), а также «в черте» – в тылу от передовых линий. Почти столетие большинство городов Белгородской черты являлись военными пунктами, а не центрами торговли, промышленности и ремёсел» [2, с. 89]. Даже основанные в приграничье монастыри обносились стенами, между ними, городами и крепостями воздвигались валы, выкапывались рвы, в высокой траве разбрасывался «чеснок» – пучки соединенных металлических штырей, смертельно опасных

для татарских коней. Вдоль южного края укреплений постоянно курсировали разъезды всадников-разведчиков, в обязанности которых входило обнаружение кочевников ещё на подходе.

Привело ли это к прочным результатам? Не привело и привести не могло. Причём, по тем же причинам, по каким оказались бесполезными римский и китайские лимесы. Во-первых, Русское царство вовсе не было богатым, и поэтому выплата жалования и выдача снаряжения отдалённым южным гарнизонам приводили к существенному увеличению налогового бремени, происходили с перебоями, а гражданское население вообще не понимало, куда уходят взятые у него средства. Как следствие, воеводе крепости Землянск, Гавриилу Островскому, приходилось снаряжать вооруженные конвои в самую Москву для того, чтобы денежное жалование и боеприпасы для гарнизона не были разграблены местными разбойниками где-нибудь в районе Тулы [6, с. 49]. Содержание Белгородской черты превратилось в больной вопрос для государственной казны и не могло долго оставаться исправным. Во-вторых, попытки управлять отдалёнными крепостями из столицы приводили к неверному пониманию ситуации и, как следствие, чудовищным ошибкам. Например, в 1652 г. татары прорвались через вал неподалёку от Карачунской крепости и захватили около 200 пленных [3, с. 139–140]. Правительство сделало из этого обманчивый вывод о низкой боеспособности всего данного участка черты и приказало перенести линию укреплений в долину Дона, тем самым, оставив без защиты два города (Усмань и Орлов). То есть вполне мог повториться сценарий капитуляции Десятинных полей. К счастью, выбранное для строительства новых крепостей место оказалось неудачным, и сдача прежнего вала бандам степных грабителей не состоялась. В такой обстановке был недалёк момент, когда царь вообще отказался бы от мысли удерживать южные рубежи и приказал бы оставить с таким трудом созданную оборонительную черту. Однако в дело вмешался социокультурный фактор, отсутствовавший в античной истории.

Ужесточение крепостного права в России привело к исходу множества людей в южные степи, где они могли жить без какого-либо государственного надзора, но только в том случае, если смогут защитить себя перед лицом татарской угрозы. Желающих переселиться из цивилизованного царства на варварскую периферию было столько, что, по мнению американского историка У. Крессона, уже во второй половине XVI в. в степи воз-

никли прочные анклавы славянской культуры, с переменным успехом защищавшиеся от кочевников [5, с. 24]. Так зарождалось казачество: автономные милитаризованные общины беглецов от крепостного права, сочетавшие рыболовство в долине Дона с набегами на мусульманские владения в Приазовье и Крыму. Оборотной стороной политической независимости стало превращение этих беглецов в воинов-грабителей, постоянно готовых к наземному или морскому бою. Соседство со степняками наложило на казачью культуру своеобразный отпечаток, выражавшийся не только в экономическом, но и в лингвистическом аспекте. Например, казачий предводитель назывался словом «атаман», производным от тюркского слова «ата» – «отец», а аналогом начальника штаба был *есаул* (от тюркского «яса» – «писать»). Также среди казаков действовали правила военной демократии: все старшины получали свою власть от Круга – всеобщей казачьей сходки. Казак не был прикреплён в своей станице или ватаге, и поэтому мог свободно перемещаться между Доном и Запорожьем или же наниматься в один из гарнизонов Белгородской черты.

Как отреагировала на возникновение казачества русская корона? Единственным правильным образом: пригласила казаков к сотрудничеству. Причём, воеводы даже закрывали глаза на тот факт, что многие донские казаки были свободными лишь в первом поколении: начав свой путь как беглые крепостные, эти люди, пожив пару лет на Дону, возвращались к лимесу, где предлагали свои услуги в качестве бойцов. Немалым подспорьем для обороны черты стали украинские казаки (черкасы), нередко переселявшиеся с родины, где не утихала вялотекущая гражданская война, под покровительство русского царя. Например, в 1651 г. с разрешения одного из воевод в долину реки Тихая Сосна перебрался целый полк черкас во главе со своим командующим Иваном Дзиньковским. На этом месте украинцы основали город Острогожск, ставший одним из узлов обороны Белгородской черты.

Не следует думать, будто московское правительство обрело в лице донского казачества и украинских переселенцев бесплатную и преданную вооруженную силу. Атаманы охотно имели дело с царскими эмиссарами в силу культурной близости Москвы, Дона и Запорожья, принимали материальную помощь, но ни в коем случае не считали себя частью русского государства. В частности, когда в 1630 г. царский посол, боярин Карамышев, высказал донскому Кругу претензии за разграбление турецких торговых

караванов, казаки пришли в такой гнев, что убили посла и передали в Москву письмо, в котором называли себя союзниками царя, но не его подданными [7, с. 256–257]. Официальная присяга донского Круга России состоялась лишь в 1671 г., в обмен на полную амнистию донского казачества после подавления восстания Степана Разина. Но даже эта дипломатическая мера не ликвидировала казачьей автономии.

О разинщине следует сказать особо. Донские казаки сотрудничали с Москвой с такой надёжностью, которой нельзя было ожидать даже от самых дружественных татарских мурз, но это не превращало выведенных за пределы цивилизации внутренних варваров в её граждан. Так, во время восстания под руководством С. Т. Разина (1667–1671) многие донские казаки приняли участие в разорении русских городов Поволжья и в сражениях с царскими войсками. На территории Белгородской черты агенты Разина и его сторонники действовали скромнее, но черкасы полковника Дзиньковского, приняв небольшой отряд разинцев в свои ряды, всё-таки расправились с острогожским воеводой Василием Мезенцевым и его ольшанским коллегой Семёном Беклемишевым. Впрочем, это была именно местная разборка без каких-либо политических претензий: уже на следующий день мятежный полковник и его друзья-повстанцы были арестованы самими острогожцами и выданы карателям князя Ромодановского. Судя по всему, острогожский мятеж представлял собой попытку казаков ликвидировать царскую администрацию, формально оставаясь в союзе с Москвой, и переложить вину за это на разинцев.

В дальнейшем донское казачество стало не очень влиятельным, но незаменимым союзником России в её войнах с Османской империей. В частности, попытки совместных экспедиций донских атаманов и московских воевод на Азов предпринимались ещё в первой половине XVII в., а легендарный Азовский поход Петра I в 1696 г. удался лишь потому, что царскую армию сопровождало множество казачьих разведчиков, фуражиров и лоцманов. Участие казачьего контингента в штурме турецкой крепости вряд ли было решающим, но без помощи донских проводников крупные соединения царских войск попросту заблудились бы в степи, а построенные в Воронеже боевые корабли быстро оказались бы на речных мелях. Несмотря на то, что в начале XVIII в. царь-реформатор серьёзно ограничил автономию казачества, ему всё же не удалось ликвидировать эту социокультурную общность. Можно сказать, что благодаря усилиям Петра I казаки из

разряда внешних варварских союзников России перешли в состав её сословий, сохранив при этом свою главную функцию «мобильного лимеса», готового по приказу короны выступить на любую окраину.

Подводя итоги, необходимо отметить, что именно казачество стало тем орудием московской политики, которое позволило ослабить, а затем и вовсе пресечь набеги кочевников на русские земли. Укрепления Белгородской засечной черты, используемые лишь как стационарные преграды на пути налётчиков-номадов, были так же бесполезны, как и крепости Адрианова вала. Но, превратившись в пункты снабжения казачьих экспедиций, эти же города и форты стали отправной точкой для экспансии русской цивилизации на юг. Античный лимес потому и оказался бесполезным, что представлял собой лишь орудие, бессильное без остальной государственной машины, которая слабела с каждым днём. Русский же лимес стал уникальной средой, в которой на острие набегов, сражений и интриг происходил культурогенез новой общности, идеально пригодной для экспансии в степь.

Список литературы

1. Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории : в 7 т. / Г. Дельбрюк. – Москва : Воениздат, 1937. – Т. 2. Германцы. – 400 с.

2. Дьяков, М. Ю. Крепости земли Воронежской / М. Ю. Дьяков, Л. В. Кригер. – Воронеж : Кварта, 2013. – 296 с.

3. Загоровский, В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1969. – 304 с.

4. Кляшторный, С. Г. Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савин. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.

5. Крессон, У. Казаки. История «вольных людей» от Запорожской Сечи до коммунистической России / У. Крессон. – Москва : Центрполиграф, 2015. – 223 с.

6. Мокшин, Г. Н. Из истории года Землянска (вторая половина XVII – начало XX в.) / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2018. – 256 с.

7. Савельев, Е. П. Древняя история казачества / Е. П. Савельев. – Москва : Вече, 2004. – 472 с.

III. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ, ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ

УДК 371.4

Каченя Галина Михайловна
Челябинский государственный институт культуры, кафедра педагогики и этнокультурного образования, кандидат педагогических наук, доцент

ИНСТИТУТ ВОСПИТАНИЯ: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

Аннотация. В статье обосновываются проблемы повышения роли воспитания личности в новых условиях: скорость происходящих изменений актуализирует задачи образования, отодвигая на второй план роль воспитания личности в условиях ламинального времени.

Ключевые слова: воспитание, социальный институт, современная социокультурная ситуация, связь поколений, духовные ценности

Kachenya Galina Michaylovna
Chelybinsk State Institute of Culture and Arts Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

INSTITUTE OF EDUCATION: LOSSES AND GAINS

Annotation. The problems of increasing the role of personality education in the new conditions are substantiated: the speed of ongoing changes actualizes the tasks of education, relegating the role of personality education in laminal time to the background.

Keywords: upbringing, social institution, modern socio-cultural situation, generational connection, spiritual values

Сегодня синонимом хорошо воспитанного человека становится человек успешный, преуспевающий. На первый план выходят не столько качества личности, сколько положение человека в обществе, которое обусловлено его финансовой состоятельностью, статутностью и имиджевыми характеристиками. За всем этим растворяется нечто, значимое на всех этапах развития человечества, то, что называется добродетельными свойствами, духовными ценностями, гуманистическим началом. То, к чему восходит человек на всех страницах священных книг, начиная с первых шагов отрефлексированного нравственного опыта.

Воспитание как социальный институт связано с осуществлением педагогической деятельности, направленной на передачу социального опыта, в частности, той его части, в которой суммируется социальный заказ на определенный тип личности со способностью к адаптации к новому. В нем проявляется не столько компетентностное начало, основу которого составляет определенная сумма знаний, умений и навыков, сколько формирующийся опыт проживания реальности и эмоционально-ценностный ответ на него.

Воспитание как функция общества обусловлено его идеологией, политическими, экономическими, социальными характеристиками. Особое место принадлежит социально-культурной и духовно-нравственной составляющей общества. В педагогической науке этой категорией определяется воспитание в широком смысле слова. В более узком значении, когда речь идет о воспитании, понимается специально организованная деятельность, проектирующая процесс формирования личности и управления им. Воспитание и в первом, и во втором случаях – всегда процесс воздействия на сознание и поведение человека в процессе его развития, обеспечивающий формирование установок, принципов, ценностных ориентаций, определенных моделей поведения. В первом случае создаются исторические предпосылки, формирующие определенный тип воспитания, во втором случае речь идет об осуществлении специально организованной деятельности, формирующей определенный тип личности на основе ее индивидуальных различий. Компетенции обеспечивают человеку определенный уровень существования и реализации в практической деятельности, духовно-нравственное содержание определяет его миссиюв жизни.

Особое место в воспитании занимает организация общественной практики, обусловливающей характер отношений личности с образцами и идеалами общества иоказывающей определяющее влияние на ее внутренний мир. Современная общественная практика принципиально не совпадает с тем, что было характерно для предыдущих поколений: рубеж XX и XXI вв. стал неким водоразделом. Появление Интернета, информационно-коммуникационных технологий обеспечило подрастающему поколению возможность нахождения в пространстве, где взрослое поколение не просто отсутствует. Но, и это главное, – отсутствует контроль с его стороны за тем, как складываются коммуникации, каким образом формируются сообщества и интересы подрастающего поколения. В сознании подрастающего

поколения оказываются все более размытыми границы между офлайн, онлайн и виртуальной реальностью. Свобода становится главным фетишем и определяет характер взаимоотношений и отношений к миру. Особенность этого состояния в том, что наступает эйфория от независимости, проявляющаяся в демонстрации неуважительного поведения, обусловленного, к сожалению, своеобразным невежеством, отсутствием самокритичности, ориентацией не на систему знаний, образованность, но на информированность. В конечном итоге сформировалось поколение, обладающее характеристиками, опыт работы с которым отсутствует у старшего поколения, в силу разных инструментов деятельности и процессов коммуницирования.

Современная скорость изменений реальности оставляет за бортом духовно-практическую деятельность, без которой немыслимо самосозидание, самосовершенствование, самоопределение личности. Духовное начало требует сосредоточенного погружения во внутренний мир, который выстраивается под воздействием духовного опыта предыдущих поколений и воспроизводится через призму осознанности поступков, действий, переживания. Вместе с тем задачи, стоящие перед образованием, отличающимся постоянными изменениями в сторону усложнений и возрастающих требований, выходят на первый план, практически не оставляя места и времени для процессов вдумчивого осмысления происходящего для растущей личности. Результаты образования определяют успехи в дальнейшем развитии личности: выбор высшей ступени обучения, финансовые затраты (бюджет или коммерческая основа), работа в соответствующей структуре и т. д.

Особое значение в процессе становления личности психологи придают социальной ситуации развития, определяющей его результаты. Ее влияние всегда переживается ребенком, результатом чего является формирующееся сознание. Современная социальная ситуация развития наполнена новым содержанием и ранее невиданными инструментами деятельности. Главное отличие старшего поколения и подрастающего заключается в том, что они сформировались в разных социально-культурных условиях, в разных социальных ситуациях развития, в разных системах ценностных координат.

Важнейшая характеристика социальной ситуации развития как условия наполнения содержанием личности заключается в характере отношений, складывающимися между ребенком и взрослым, между ребенком и другими детьми, детским сообществом. А. Флиер отмечает, что «наиболее

эффективными объектами трансляции социального опыта являются малые группы, в которых происходит постоянное и непосредственное общение между людьми» [5, с. 468]. Из реальной практики «ушел» коллектив, организованное сообщество, объединенное общей деятельностью и социально значимыми целями [2, с. 7]. Именно пространство отношений, складывающихся в детском сообществе, выстроенном по законам коллектива, выступает «средой развития и преобразования высших психических функций», формирования направленности личности, мотивационной сферы, уровня ее притязаний и устремлений [2, с. 9].

Анализ изменений в детском сообществе через призму коллектива и причастности к нему обнаруживает черты подрастающего поколения, взрослеющего в условиях деформации института воспитания, значительно отличающиеся от предыдущих поколений. Акцент на индивидуальности в условиях ломки сложившихся на протяжении длительного периода норм взаимодействия в обществе, традиций и ритуалов, оборачивается индивидуализмом, зачастую выражающимся в таких его крайних формах, как агрессивность и враждебность. А. Флиер замечает: «Сегодня в условиях информационной открытости большинства сообществ на Земле наблюдается катастрофическая ломка формирующихся традиций внешними информационными потоками» [5, с. 460].Разобщение между поколениями, обусловленное несовпадением координат жизнедеятельности, приводит не только к разрушению традиций, сложившихся на протяжении предыдущего периода развития общества, но и к изменению этических координат: «Культура в существенной своей части – это этика совместной жизнедеятельности» [там же].Из процесса воспитания оказались исключенными, в силу объективных причин, такие характеристики социальной ситуации развития, как социальные связи, обеспечивавшие общность переживаний формирующейся личности и взрослого. Важность этого условия отмечают не только психологи, но и культурологи: «Момент переживания… возникает тогда, когда личный жизненный опыт и идеальные ценностные ориентации культуры не совпадают или даже входят в антагонистическое противоречие. Человек оказывается перед выбором – как правильно?» [5, с. 465].

Ответ на вопрос «как правильно?» подрастающее поколение получает из социальных сетей, компьютерных игр, моды и рекламы. Механизмом закрепления демонстрируемых моделей поведения выступает поисковая система, предлагающая разнообразные ответы на запрашиваемые запросы.

Она «ведет» личность, обеспечивая ей все большее погружение в предоставляемые варианты ответов на возникающие вопросы, исключая посредничество взрослого человека.

Институт воспитания является важным условием реализации основных механизмов социализации и инкультурации [5, с/ 468]. Эти механизмы призваны расширить пространство «крайне упрощенной и предельно обобщенной части общенаучной, социально-политической и общегуманитарной эрудиции, необходимой современному человеку», передаваемую общеобразовательной школой, СМИ, социальными сетями[5, с. 468]. Расширение пространства формирования личности без рефлексии опыта воспитанияпредыдущих поколений, без возвращения к базовым понятиям человек, личность, практически невозможно. Как заметила Е. А. Авдеева, сегодня исчезает само понятие личность [1]. Взамен широкая палитра вариантов: креативный человек, инновационный человек, цифровой человек, человек как ресурс, человеческий капитал. Реальная сфера человеческих возможностей плавно перетекает в виртуальное пространство, предоставляющее по мере развития современных технологий все большие возможности. Как отмечает автор, там нет места мировоззрению и воспитанности [1]. Сужается ареал совместной деятельности и общения, основных сфер формирования у личности ее способности быть включенной в общественные отношения, формирования мотивационно-потребностной сферы: Со стороны самого человека, как отмечается в специальной литературе по практической психологии, «…его формирование и жизнь как личности выступают прежде всего как развитие, трансформация, подчинение и переподчинение его мотивов»[6, с. 216].

Анализ воспитания с аксиологических позиций показывает, что развитие личности осуществляется при условии ее связи с миром ценностей, характеризующих духовную и культурную основу общества [см.: 4]. Утрата единой идеологической системы, по мнению Т. Г. Курепиной, влечет за собой размывание единого воспитательного пространства, защищающего духовно-нравственную систему ценностей, характерных для предыдущих поколений.

Клирик Спасо-Парголовского храма, кандидат богословия, протоиерей А. Зеленко (Санкт-Петербург), анализируя цели воспитания в православной традиции, в обозначении уровней воспитания личности исходит из иерархии человеческой личности: дух – душа – тело: «Дух является глав-

ной ведущей и управляющей силой человека. Душа – воспринимающей и познающей, (в себе хранящей и синтезирующей) силой (или свойством) человека. Тело – служебным органом разумно-свободной души, воплощающим ее желания. Вершиной данной иерархии является дух, следовательно, духовное (синоним верховное) воспитание доминирует над другими; все остальные направления воспитания личности имеют соподчиненное значение и призваны помогать развитию основного личностного начала – духовной жизни» [3, с. 34].

По мнению А. Зеленко, задачи воспитания должны быть выстроены в этом иерархическом порядке, обеспечивающем гармонию и всестороннее развитие личности. По сути, мы возвращаемся к антропологической идее, вызревавшей на протяжении длительной истории человечества, начиная с времен Древней Греции и заканчивая Новым, Новейшим временем. Идеал воспитания древних греков в сочетании с идеей всестороннего развития, обусловленного промышленными революциями, сегодня являет собой модель, реализация которой на практике обеспечит сохранение человеческого начала в эпоху искусственного интеллекта, нанотехнологий ибиотехнологий. Важным условием, обеспечивающим погружение формирующей личности на всех ее этапах в пространство переживания и осмысления сложных экзистенциальных проблем, выступают гуманитарная культура, искусство.

Список литературы

1. Авдеева, Е. А. Воспитание в условиях цифровизации общества / Е. А. Авдеева // Правильное воспитание сегодня – залог благополучного завтра. – Чита: Читинская гос. мед. академия, 2019. – С. 5–9.

2. Грохольская, О. Г. Воспитание личности сегодня в свете идей А. С. Макаренко / О. Г. Грохольская // Science and technology innovations. – Петрозаводск : Новая Наука, 2019. – С. 6–11.

3. Зелененко, А. (прот.) Что есть всесторонне развития гармоническая личность: о цели воспитания ребенка в православной традиции / А. Зелененко // Православная русская школа: традиции, опыт, возможности, перспективы. – Ярославль : Б. и., 2020. – С. 31– 39.

4. Курепина, Т. Г. Проблемы воспитания: аксиологические аспекты / Т. Г. Курепина // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №7. – С. 97–99.

5. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – Москва : Согласие, 2010. – 672 с.

6. Шапарь, В. Б. Словарь практического психолога / В. Б. Шапарь. – Москва : АСТ ; Харьков : Торгсин, 2004. – 734 с.

УДК 37.013

Коркоценко Марина Николаевна
Краснодарское высшее военное авиационное
училище лётчиков, кафедра военно-
политической работы в войсках,
кандидат педагогических наук, доцент

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, СОХРАНЯЮЩЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ И СПОСОБСТВУЮЩЕЙ ИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ

Аннотация. В статье рассматривается характеристика понятия «здоровье» в психологическом и духовном аспекте становления личности. Обращается внимание на важность поддержания качественного уровня психического, эмоционального и физического состояния человека для выполнения им эффективной деятельности. Показывается, что благодаря компонентам педагогической системы, ориентированной на христианские добродетели, происходит целостное гармоничное становление молодого поколения. Образовательная среда, средства, формы и методы обучения и воспитания усиливают положительный эффект используемых духовно-нравственных ценностей православия.

Ключевые слова: православная педагогика, христианские добродетели, компоненты педагогической системы, психологическое здоровье, духовно-нравственное развитие

Korkotsenko Marina Nikolaevna
Krasnodar Air Force Institute for Pilots, Department of military-political work into the troops, Candidate of pedagogical science, Associate Professor

CHARACTERISTICS OF THE MAIN COMPONENTS OF THE PEDAGOGICAL SYSTEM PRESERVING OF THE PSYCHOLOGICAL HEALTH OF STUDENTS AND PROMOTING THEIR SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT

Annotation. The article deals with the characteristics of the concept of «health» in the psychological and spiritual aspects of the formation of personality. Attention is drawn to the importance of maintaining the qualitative level of the mental, emotional and physical state of a person in order to perform effective activities. It is shown that thanks to the components of the pedagogical system, focused on Christian virtues, there is a holistic harmonious development of the younger generation. The educational environment, means, forms and methods of education and upbringing enhance the positive effect of the spiritual and moral values of Orthodoxy used.

Keywords: orthodox pedagogy, christian virtues, components of the pedagogical system, psychological health, spiritual and moral development

Категория «здоровье» занимает в современных научных исследованиях нового тысячелетия одно из ключевых мест в совокупности духовно-нравственных ценностей. В психолого-педагогической сфере нет единого подхода к характеристике данного понятия. Последнее рассматривается, в частности, как условие внутренней целостности личности. Кроме того, здоровье становится индикатором качества развития страны и ресурсом национальной безопасности государства, так как трудиться и быть полезным для общества может только физически и духовно здоровый человек. На здоровье влияет духовно-нравственное состояние общества, уровень его психологического, социального и медицинского обслуживания. Еще одним социальным институтом, развивающим здоровье может быть образование и уровень его качества [1, с. 3]. При этом в существующей современной школе имеется достаточное количество инструментов, которые не только поддерживают на высоком уровне здоровье, но и способствуют росту личностного потенциала человека. Прямо пропорциональная зависимость состояния здоровья обучающихся от качества средств и методов обучения, технологий воспитания свидетельствует об эффективности образовательной модели учебного заведения [2].

Многоуровневая комплексная работа по формированию высокого уровня здоровья субъектов образовательного процесса (педагогов и учеников), по мнению ряда специалистов, должна начинаться с конкретизации данного понятия как ценности процесса воспитания [7].

С нашей точки зрения, наиболее объективной трактовкой обладает характеристика понятия, сформулированная на основе антропоцентрического подхода (триединого состояния). По В. П. Казначееву, здоровье определяется не только телесным состоянием человека (его организма), его внутренними резервами, но и психическим уровнем и степенью духовности [3]. Духовно-нравственный компонент исследуемой категории определяет все состояние человека, концентрирует в себе силу духа, иерархию жизненных ценностей для формирования индивидуальной линии жизни и деятельности конкретной личности. С нашей точки зрения, правильным будет рассматривать здоровье как нормальное состояние функционирующего организма, внутренне целостного и психологически устойчивого к внешним воздействиям. Мы предполагаем, что необходимо рассматривать психологическое здоровье ребёнка как духовное, эмоционально-

нравственное состояние личности, ориентированное на ценности – истину, красоту, добро. Таким образом, речь идет о духовном здоровье человека.

Однако решение вопроса поддержания и сохранения здоровья детей – это проблема формирования образа, а значит проблема педагогическая. Детско-взрослая общность, образовательное пространство и комфортная среда, ориентированные на духовно-нравственные ценности посредством моральных норм, развивают ребенка и воспитывают в нем целомудрие, послушание, заботу о ближнем, трудолюбие, смирение и чувство любви, определяют его целостность и готовность к самосовершенствованию и эффективному усвоению материала в процессе обучения.

В основу новой педагогической модели должны быть положены идеи В. И. Слободчикова, Е. И. Исаева, А. В. Шувалова (гуманитарно-антропологический подход); теория педагогической системы Н. В. Кузьминой; теория моделирования многомерной педагогической реальности А. А. Остапенко; модель исторически обусловленных реальностей существования человека В. С. Мухиной; идея неявной (скрытой) педагогической реальности И. Д. Фрумина.

Педагогические условия поддерживают возможность педагогического процесса формировать психологическое здоровье духовно развитого целостной личности. Первый компонент системы – цели образования [5, с. 145]. В настоящее время новые концепции образования предполагают гуманистический и развивающий подходы, согласно которым в центре системы находится человек, цель образования заключается в его развитии и создании условий для самоопределения. Лежащее в основе слова «образование» слово «образ» указывает на стремление человека к созиданию на пути к образу Божиему. Воспитание наполняет нас духовным началом, питает и приближает к святости и обретению веры. «Христианское знание не есть дело разума испытующего, но веры благодатной и живой» [8].

Второй компонент – обучающиеся. Главным объектом обучения и воспитания выступает человек, обладающий индивидуальными особенностями, самостью. Личностно-ориентированный подход определяет индивидуальную образовательную траекторию, разделяя при этом учащихся на группы по уникальным, индивидуальным критериям. Православная педагогика, напротив, предлагает иной вариант действий. Индивидуальные особенности человека помогают ему развиваться самому, чтобы помочь

ближнему и возлюбить его как самого себя. Исцеление происходит через покаяние, жертвенность и лишения, как ступень в избавлении от греха.

Третий компонент – состав преподавателей. В педагогической системе это звено, от которого зависит успешность всего процесса обучения и воспитания. В современной светской педагогике имеет значение компетентность педагога, его способность гибко реагировать на любые изменения. С христианской точки зрения, педагог – соработник Божий, пример послушания и смирения, призванный раскрыть нравственные ценности. Вместе с семьей он воспитывает уважение и поклонение Господу Иисусу Христу, соблюдение церковных Таинств.

Четвертый компонент – средства образовательной коммуникации. Помимо традиционных форм, средств и методов обучения и воспитания преподаватели используют инновационные компоненты. Все разнообразие средств, имеющихся у преподавательского состава, не должно быть лишено смысла. Повысить педагогическое взаимодействие может совместное соработничество, храмовость и соборность, воцерковление и стремление приблизиться к Богу. Личный пример истинного служения только упрочит взаимодействие участников педагогического процесса [6].

Пятый компонент – научная и учебная информация. В современном педагогическом процессе информационное, образовательное пространство выступает связующим звеном элементов образовательной системы. В море информации играют роль лишь те сообщения, которые не лишены смысла, логики и доказательства. Святоотеческое наследие, труды святых отцов, житие и подвиги, несущие слово Божие, открывают истину.

Шестой компонент – последующая образовательная система призвана не только побуждать человека к саморазвитию и самосовершенствованию в системе, отрицающей духовное начало, но и раскрывать суть жизнедеятельности человека. Стремление к новому – это не очередная ступень к успеху, а средство понять предназначение, смысл любого труда.

Седьмой компонент – критерии оценки качества образовательной системы. В секулярной педагогике функциональный и компетентностный подходы определяют значимость приобретаемых уровней обученности. Православная педагогика критерием оценки качества обучения и воспитания видит стремление освободиться от греха, воцерковиться, наполниться Божией благодатью. Следовательно, педагогическая система наполнена смыслом и значима, только тогда, когда образование, обучение и воспита-

ние строятся не на личных потребностях и желаниях обучающихся, а на православных традициях и святоотеческом наследии [4, с. 65].

Современные представления об образовании и педагогическом процессе в России нового тысячелетия многогранны и неоднозначны. Порой в основе понимания сущности образовательного процесса и его содержания лежат не традиционные ценности, а веяния и мировые тенденции, некоторые их которых противоречат обычаям и духовно-нравственным началам.

Список литературы

1. Артёмова, И. С. Психическое здоровье личности – актуальная проблема образования / И. С. Артёмова // Педагогическое обозрение. – 2002. – № 33. – С. 3.

2. Вайнер, Э. Н. Образовательная среда и здоровье учащихся / Э. Н. Вайнер // Валеология. – 2003. – № 2. – С. 35.

3. Казначеев, В. П. Основание формирования программы общей и частной валеологии / В. П. Казначеев // Валеология. – 1996. – № 4. – С. 75–82.

4. Коркоценко, М. Н. Сообразная педагогика: наследие русской педагогической мысли или вызов современному образовательному пространству / М. Н. Коркоценко // ФЭС: Финансы. Экономика. – 2020. – Т. 17. – № 5. – С. 64–67.

5. Кузьмина (Головко-Гаршина), Н. В. Предмет акмеологии / Н. В. Кузьмина (Головко-Гаршина). – Санкт-Петебург : Политехника, 2002. – 189 с.

6. Маслов, Н. В. Методы православного воспитания / Н. В. Маслов. – URL : http://old.glinskie.ru (дата обращения 12.02.2022).

7. Науменко, Ю. В. Проектирование здоровьеформирующего образования / Ю. В. Науменко // Образование. – 2004. – № 10. – С. 51–60.

8. Хомяков, А. С. – идеолог славянофильства / А. С. Хомяков. – URL : http://bookitut.ru/Puti-Russkogo-Bogosloviya-Chastj-II.10.html (дата обращения 12.02.2022).

УДК 373

Касимов Убайдулла Ахрорович
Бухарский региональный центр
переподготовки и повышения квалификации
работников народного образования,
кафедра педагогики и психологии,
технологии обучения,
кандидат психологических наук, зав. кафедрой
Гордова Татьяна Сергеевна
Южно-Уральский государственный
технический колледж (г. Челябинск),
преподаватель инженерной графики и
строительных дисциплин

РОЛЬ ПРОФОРИЕНТАТОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье обсуждается проблема профессиональной само неопределенности старшеклассников и, как следствие, дальнейшей нереализованности личности. Представлен путь решения данной проблемы посредством профориентационной работы в семье; акцентируется проблема самореализации личности школьников, неполной профориентации в школе.

Ключевые слова: профориентация, профориентатор, самореализация, профессия, наставничество

Kasimov Ubaydulla Akhrorovich
Bukhara Regional Center for Retraining and Advanced Training of Public Education Workers Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of «Pedagogy and Psychology, Teaching Technologies

Gordova Tatyana Sergeevna
South Ural State Technical College, teacher engineering graphics and construction disciplines, Chelyabinsk

THE ROLE OF THE PROFESSOR IN THE PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF THE PERSON

Annotation. This article deals with the problem of professional self-determination of the high school students and, as a result, further unfulfillment of the personality. Author presents the way of problem's resolving through career guidance work into the family. A description of the problems of self-realization of the personality of schoolchildren and incomplete career guidance at school is emphasized.

Keywords: career guidance, career guidance, self-realization, profession, mentoring

Проблема профориентации детей и подростков была упомянута, в числе приоритетных, в послании Президента России к Федеральному соб-

ранию. В частности, в нем было сказано о проекте ранней профориентации школьников «Билет в будущее», которую планируется запустить с начала учебного года [4]. В «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» также, в целях реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, отражена значимость профориентационной работы [3].

Разработка методологических и теоретических основ профориентации представлена в работах П. П. Блонского, С. И. Вершинина, В. И. Журавлева, Н. Н. Чистякова, С. Т. Шацкого и других ученых. Социальные аспекты профессионального самоопределения личности обозначены в работах В. М. Архипова, В. Г. Афанасьева, В. В. Бахарева, Л. П. Буевой, В. И. Журавлева, С. В. Кушнир, О. К. Поздняковой, Н. Н. Тулькибаевой. Психолого-педагогические проблемы формирования готовности старших школьников к профессиональному самоопределению отражены в трудах Н. Ю. Бугаковой, А. Е. Голомштока, Н. Э. Касаткиной, Е. В. Лямкиной, Б. П. Невзорова.

М. В. Олиндер [2] разработала процессную модель профориентационной работы со старшеклассником в довузовской подготовке. Заслуга А. А. Огерчук [1] в том, что она выявила и экспериментально проверила педагогические условия профессиональной ориентации старших школьников в условиях профильного обучения. Как отмечают исследователи, в профориентационной работе с молодым поколением важно «…помогать подростку в выборе не просто высокооплачиваемой и востребованной профессии, а именно той, которая соответствует его внутренним талантам и личностным способностям» [5].

Понятие профориентация включает в себя профессию и ориентацию, т. е. ориентирование на профессию, выбор профессии, профессиональное определение. Профориентация – помощь в реализации профессии. К сожалению, в России до сих пор не сформировалось полноценной и системной профориентации. Профориентация, в качестве обязательного предмета, входит в программу обучения во всем мире. В России не так давно начали заниматься данным. Исторически сложилось так, что семейное решение в вопросах выбора профессии преобладает над мнением подростка. Как следствие, – зачастую студенты отчисляются из образовательного учреждения, так и не восприняв всех особенностей своей специальности, будущей профессии. Ввиду сложившейся ситуации, именно преподавателям -

профориентаторам необходимо адаптировать будущего специалиста к профессии, которую он уже выбрал. Ориентировать учащегося на профессию, построить логический «коридор» на выходе из которого – интересная, любимая, оплачиваемая работа. Обратимся к актуальности и методам решения данной проблемы.

В первую очередь, в большинстве случаев, подросток даже не знает о существовании специально обученного человека в направлении профориентации. В данной ситуации актуальна помощь родителей. Предлагаем некоторые, основные шаги по профоирентации, которые могут быть предприняты.

1. Необходимо составить, вместе с ребенком, список с максимальным количеством профессий (всего их более 50 000).

2. На втором этапе подросток собирает информацию обо всех, вместе записанных профессиях. В этом могут быть задействованы знакомые и родственники, интернет ресурсы, находящиеся в ближайшем доступе организации.

3. Далее сам подросток выбирает десять профессий, которые его заинтересовали.

4. Помогите ему, найдя контакты сотрудников организаций или предприятий, которые занимают должности в данных сферах (соответственно, их зримые образы, данные профессиональной биографии). Отметим, что такая информация помогает и увлекает, а в некоторых случаях – способствует и тому, чтобы профессиональное самоопределение состоялось. Большинство специалистов с радостью вступить в общение, рассказать о своей профессии, показать саму работу (возможно, приобщиться к ней и практическим образом, совершив какие-то действия).

5. Как правило, после подобного опыта, подросток может оставить и углубленно изучать лишь некоторые из оставленных им из списка (осознав, что определенные виды профессий ему не подходят).

6. Необходимо не забывать, что существует профессиональный стандарт для каждой из профессий, в котором написаны обязанности специалиста, какое образование для нее требуется.

В совокупности, определенная таким образом последовательность действий и называется профориентацией. Иначе тот, кто совершил свой профессиональный выбор неосознанно, не сможет раскрыть свой творческий потенциал. Как известно, именно творческая реализация

способствует появлению удовлетворенности от жизни, решению многих психологических проблем (в том числе, которые связаны с «работой в пол силы», отсутствием карьерного роста, недостаточной заработной платы, нервных срывов, которые выплескиваются на семью, разрушая ее).

Во избежание всех отмеченных выше проблем, профориентация должна проводиться еще в школе (не педагогом психологом, учителем технологии, а именно профориентатором). Только такой специалист сможет точечно выявить проблему в самореализации подростка, найти выходы для ее разрешения. Именно после проделанного специального, профессионального анализа, подросток будет знать и понимать, что ему интересно в этой жизни, сможет высказать свое отношение к тому или иному виду профессиональной деятельности, получит полное представление о будущей профессиональной реализации.

Профориентатор, в первую очередь, – это наставник. Наставничество – важный элемент в образовании. Многих проблем можно было бы избежать, если профориентатор сможет выступить в роли, схожей с родителем, как правило, направляющим своих детей. Профориентатор компетентен в профессиональном ориентировании, будущей реализации подростка в профессии (не только тренер, но и психолог). Именно взаимодействие всех этих качеств и способно дать необходимый, ожидаемый результат – успешное профессиональное самоопределением и профессиональную ориентацию.

Список литературы

1. Огерчук, А. А. Профессиональная ориентация старших школьников в условиях профильного обучения : дис. … канд. пед. наук / А. А. Огерчук. – Оренбург, 2009. – 176 с.

2. Олиндер, М. В. Профориентационная работа со старшеклассником в довузовской подготовке : дис. … канд. пед. наук / М. В. Олиндер. – Оренбург, 2020. – 210 с.

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/.

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Парламентская газета. – 2018.02.03. –№ 8.

5. Савкина, А. В. Новый подход в определении будущей профессии выпускников школ / А. В. Савкина, Т. В. Черкасова, А. А. Тимофеев // Образовательные технологии и общество. – 2018. – №3. – С. 304–314. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-podhod-v-opredelenii-buduschey-professii-vypusknikov-shkol.

УДК 39(574)

Дандыбаева
Гульфия Тулегеновна
Школа-лицей № 2 отдела образования акимата города Костаная (Республика Казахстан), директор

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. Е. АЛЕКТОРОВА И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. В статье раскрывается значение педагогической деятельности А. Е. Алекторова, оказавшего большое влияние на становление и развитие народного образования в Казахстане в конце XIX – начале XX в. Обобщаются материалы исследований ученых, посвященные творческому наследию, педагогическим взглядам А. Е. Алекторова. Отмечается, что деятельность Александра Ефимовича, одного из прогрессивных педагогов – исследователей Казахстана конца XIX – начала XX в., требует дальнейшего изучения, воплощения его идей в практическую деятельность.

Ключевые слова: ученый, историк, просветитель, директор народных училищ, библиограф, этнограф А. Е. Алекторов, педагогические взгляды, профессиональная деятельность

Dandybaeva Gulfiya Tulegenovna
Lyceum School No. 2 of the Education Department of the Akimat of Kostanay, Director, Republic of Kazakhstan

CREATIVE HERITAGE OF A. E. ALEKTOROV AND MODERN EDUCATION

Annotation. The article deals with the significance of the activity and pedagogical activity of A. E. Alektorov, who had a great influence on the formation and development of public education in Kazakhstan in the late 9th - early 20th centuries. The article summarizes researching of the creative heritage, pedagogical views of A. E. Alektorova. It is noted that the activities of Alexander Efimovich – one of the progressive teachers – researchers of Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries, require the further study and implementation of his ideas into practice.

Keywords: scientist, historian, educator, director of public schools, bibliographer, ethnographer A. E. Alektorov, pedagogical views, professional activity

Общеизвестно, что невероятным по внутренней силе фактором исторического процесса остается личность. Как свидетельствует опыт, в том числе, и современной исторической мысли, изучение персоналии имеет особую актуальность. В данном контексте важно обращение к педагогическому наследию и организаторской деятельности А. Е. Алекторова, поскольку именно при его непосредственном участии происходило становление и развитие народного образования в Казахстане в конце XIX – начале XX в.

В краткой энциклопедии Казахской ССР о деятельности А. Е. Алекторова сказано следующее: «Алекторов – автор многочисленных научных работ по истории и этнографии казахов, большой знаток хозяйства, культуры и быта казахов. Занимался сбором материалов по скотоводству, земледелию, обрядам, обычаям, медицине, играм, фольклорному, песенному и поэтическому творчеству казахов. Автор капитальной библиографической работы по истории и этнографии казахов» [5]. В то же время анализ работ по истории педагогики указывает на недостаток специальных исследований, в которых были бы определены основные направления научно-педагогической деятельности А. Е. Алекторова, выявлены сущность и содержание основных идей ученого и показаны роль и значение его педагогических идей педагогической практики. Наиболее ценными из литературных источников досоветского периода, в таком случае, являются работы самого А. Е. Алекторова. Знакомство с последними позволило нам оценить его вклад в развитие и изучение Казахстана, – как педагога, этнографа и исследователя.

Безусловно, к важным источникам информации в целом по истории развития школьного образования в Казахстане необходимо упомянуть работы дореволюционных авторов: труды Н. И. Ильминского, А. В. Васильева, В. В. Катаринского. Так, труды Н. И. Ильминского ценны и значимы с точки зрения представленных в них самых разнообразных сведений и материалов по всем вопросам развития образования казахов [3; 4]. В работе А. В. Васильева «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние» содержится богатый фактологический и статистический материал о развитии народного образования в Тургайской области [3]. При оценке событий А. В. Васильев исходил из того, что сближение казахов с русскими, утверждение среди них общих понятий о законности и порядке, улучшение экономического, общественного и семейного быта зависит, прежде всего, от развития в степи русского образования. В работах ученых освещается ход развития светского образования на территории Казахстана. В первую очередь они дают картину социально-экономического положения казахского народа, его устройство в казахской степи.

Вторую группу исследования составляет советская историография. Литературы по истории становления школьного дела в республике насчитывается небольшое количество: А. Ф. Эфиров «Ибрай Алтынсарин. Жизнь и педагогическая деятельность», К. Б. Бережанов «Русско-казахское содружество в разви-

тии просвещения», Т. Т. Тажибаев «Развитие просвещения и педагогическая мысль в Казахстане во второй половине XIX века», А. И. Сембаев, Г. М. Храпченков «Очерки по истории школ Казахстана», А. Ламашев «Ибрай Алтынсарин и его русские друзья, последователи», И. Я. Гармс «Педагог-просветитель А. В. Васильев». Почти во всех этих исследованиях присутствуют материалы о работе инспектора, директора народных училищ А. Е. Алекторова, с различными оценками его деятельности. В своей деятельность он, вместе с другими инспекторами, не был единоличным реформатором системы народного образования в степном крае. Кроме того, существовала определенные предписания, законы правительства России, в которых содержались конкретные нормы в вопросах просвещения инородцев.

Первая публикация об А. Е. Алекторове на страницах современной периодической печати появилась только в 1977 г. Это была статья известного писателя Габита Мусрепова в газете «Қазақ әдебиеті» «Об указателе книг, журнальных и газетных статей и заметок о казахах», составленном А. Е. Алекторовым [6]. Реальную оценку деятельности Алекторова дает проф. Д. Д. Сулейменов, подробно рассматривая научно-педагогическую деятельность А. Е. Алекторова в Казахстане (акцентируя внимание на вопросах лингводидактики) в своей монографии.

Педагогические взгляды Алекторова признаются чрезвычайно важными и объективно оцениваются в статье Г. Байкадамовой «А. Е. Алекторов – қазақ мәдениетін зерттеуші», где анализируется его организаторская деятельность, раскрываются особенности литературного наследия и публицистики[2, с. 136–137]. В статье «Алекторовқа қарыздарымыз» Е. Сагындыкова отмечается плодотворная деятельность А. Е. Алекторова, значительный вклад в развитие культуры республики [7]. В «Книге о деятельности Алекторова в Казахстане» Г. Бадамбаевой, Г. Даменовой отмечается плодотворная деятельность и огромный вклад деятеля культуры и образования в развитие республики Казахстан [1, с. 58–60].

Историографический анализ проблемы показывает, что, несмотря на глубокий интерес и определенную изученность отдельных аспектов и периодов творческой деятельности А. Е. Алекторова, пока не осуществлен целостный историко-педагогический анализ его профессиональной деятельности во взаимосвязи с историческими событиями рассматриваемого периода.

Каждая эпоха извлекает из прошлого созвучные ей имена, аккумулируя в них интерес современников. Понимание масштаба личности, не мо-

жет быть в полной мере осознанно, если не соотнести все сделанное человеком ко времени, в котором он жил и работал. Имя известного библиографа и этнографа А. Е. Алекторова можно встретить, среди других достойных имен, в специальных изданиях, например, у С. А. Венгерова. Российский библиограф и литературовед Венгеров посвятил Алекторову лишь одну строчку: «Этнограф, родился в 1861 г., духовного происхождения». К этому времени Алекторов уже был известен как исследователь и педагог, автор библиографического указателя книг и статей о киргизах, статистических описаний Тургайской области, учебников для русско-киргизских школ. В казахской энциклопедии предаставлены следующие краткие сведения о нем: «Русский ориенталист, собирал и исследовал фольклор, историю, культуру, этнографию казахского народа. Окончил Оренбургский пед-институт. Начиная с 1882 г. работал в системе образования. Длительное время исполнял обязанности инспектора, директора народных училищ в Букеевской орде, в Астраханской губернии, в Акмолинской, Семипалатинской, Гурьевской областей...» [5, т. 1, с. 267].

Приведем далее некоторые сведения об Алекторове биографического характера. А. Е. Алекторов – ученый, этнограф, историк, просветитель, родился 3 августа 1861 г. в семье священника. Рано оставшись без отца, семья Алекторова терпит лишения. Мать Александра Ефимовича связывает большие надежды на будущую материальную обеспеченность, отдавая сына в Пензенскую духовную семинарию. Однако его мечты были связаны с педагогической деятельностью [8, с.196–200].

По завершении обучения в духовной семинарии, Александр поступает в Оренбургский педагогический институт. Именно здесь молодой Алекторов начинает заниматься научной работой. В нем рано проявляется призвание методиста-аналитика в вопросах преподавания русского языка в нерусской аудитории. Личный опыт работы учителя русского языка в национальной аудитории обобщается впоследствии в специальном методическом пособии «Двадцать пять уроков русского языка». В 1886 г. Алекторов закончил учебное заведение в г. Оренбурге, с этого года начав свою педагогическую деятельность в одной из школ Оренбургского учебного округа [1, с. 58–60].

С 1886 г. начинается многолетняя служба Алекторова на поприще народного образования, вдали от столичных центров. Он работал в Оренбургском, Казанском и Западно-Сибирском учебных округах. В 1902 г. при

Западно-Сибирском учебном округе в г. Омске была организована дирекция народных училищ по Семипалатинской и Акмолинской областям.

Государственный совет в департаменте промышленности, науки и торговли и на общем собрании, рассмотрев представление Министра народного просвещения об учреждении должностей директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей и делопроизводителя при директоре, утвердил учредить с 1 января 1902 г. должность директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей с присвоением оклада содержания в 2800 руб. в год (в том числе: жалованья 1000 руб., на наем квартиры и канцелярские расходы и на разъезды 700 руб.) [там же, с. 59].

Необходимо было подобрать чиновника, хорошо знающего казахский язык, социальные условия аульной жизни, а также специфику образования национальных меньшинств. В дополнение ко всему, требовалось подготовить грамотных учителей из числа казахов для открытия аульных одноклассных русско-казахских школ по типу Тургайской области, которых в этих регионах еще не было. Как имеющий опыт в организации школ такого типа, на эту должность был приглашен А. Е. Алекторов. Он был первым на посту директора, учрежденном 7 января 1902 г.

История человечества – художественное полотно, которое никогда не будет завершено, ибо каждая эпоха оставляет на нем свой неповторимый след. Оценивая научно-педагогическую деятельность инспектора народного образования, ученого, библиографа, этнографа, полагаем, что имя А. Е. Алекторова может достойно занять свое место в истории российского образования. Удивительная прозорливость, педагогический талант, титаническая работоспособность, умение поставить на высоту учебно-воспитательный процесс в своих школах, тщательный отбор учебного материала по умственным и возрастным особенностям дают право считать Алекторова одним из прогрессивных педагогов – исследователей Казахстана в конце XIX – начале XX в. Идея, проекты, видение системы образования, практические эксперименты непосредственно в школах, разработанные А. Е. Алекторовым, не утратили свою актуальность, применимы и в наше время.

Список литературы

1. Бадамбаева, Г. Книга о деятельности Алекторова в Казахстане / Г. Бадамбаева, Г. Даменова // Русский язык и литература в казахской школе. – 1998. – № 1. – С. 58–60.

2. Байкадамова, Г. К. А. Е. Алекторов – қазақ мәдениетін зерттеуші / Г. К. Байкадамова // ҚР ҰҒА-ның Хабарлары. Тіл, әдебиет сериясы. – 2004. – № 3. – С. 136–137.

3. Васильев, А. В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние / А. В. Васильев. – Оренбург, 1896. – 6, 226, 72 с.

4. Ильминский, Н. И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам / Н. И. Ильминский. – Казань : тип. Ун-та, 1883. – 47 с.

5. Қазақ совет Энциклопедиясы : Казахская советская Энциклопедия / [Қазақ ССР ғылым академиясы, Қазақ ССР ғылым академиясының бас редакциясы] ; Бас ред. М. Қ. Қаратаев. – Алматы, 1972–1978.

6. Мүсірепов, Ғ. М. Қазақ халқы А. Е. Алекторовқа үлкен қарыздар / Ғ. М. Мүсірепов // Қазақ әдебиеті. –1977. –18 март. – № 11(1341).

7. Селицкий, И. Начальное образование казахов Кустанайского уезда Тургайской области / И. Селицкий // Киргизская степная газета. – 1901. – 25 марта.

8. Черказьянова, Н. В. Состоя на службе умер (эпизоды из жизни А. Е. Алекторова) / Н. В. Черказьянова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2006. – № 12. – С. 196–202.

УДК 316.3/.4

Антипова Евгения Игоревна
Управление по внеучебной, воспитательной и социальной работе Южно-Уральского государственного медицинского университета, начальник управления

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Образование несет сегодня огромную ответственность перед обществом. Решение многих социальных проблем зависит от системы образования. В статье отмечается, что, ввиду существующих проблем, важной задачей остается необходимость обеспечения социальной безопасности студенческой молодежи

Ключевые слова: безопасность, социальная безопасность, вызов, студенческая молодежь

Antipova Evgenia Igorevna
South Ural State Medical University, extracurricular department of educational and social work, the head

CHALLENGES OF MODERNITY AND SOCIAL SECURITY STUDENT YOUTH

Annotation. It is Education as a huge responsible in society nowadays. Solving problems depends largely on the education system. The author notes that, due to the existing problems, it is necessary ensuring the social security of student youth, as the important objective.

Keywords: security, social security, challenge, student youth

Молодежная студенческая среда, отличающаяся определенными социально-психологическими особенностями, является наиболее восприимчивой к принятию и трансляции новых идей и правил современного общества.

Молодежь, как и все мы, живет сегодня в быстро меняющемся обществе, одним из актуальных наименований которого является общество «высокой современности». Так, например, исследуя характеристики общества «высокой современности», британский социолог А. Гидденс отмечал возрастающую координацию социальной деятельности, субъекты которой не вступают друг с другом в «face-to-face» взаимодействие; делокализацию социальных отношений и их новую комбинацию - новый тип деловых, партнерских отношений, для поддержания которых достаточны скайпы, чаты и т. п.; «высвобождение» из реально существующих обстоятельств социальных институтов (например, можно осуществлять действия онлайн, не находясь в стенах университета, в храме и др.); лишение повседневной социальной практики ее традиционного содержания и воплощения [3].

Современному поколению, живущему в обществе «высокой современности», свойственно:

– поиск быстрого готового решения во всех областях (до него необходимо дойти, осмыслить ответственность и действия) – решения транслируются и предлагаются в свободном режиме;

– стирание границ личного пространства – жизнь «на виду» в социальных сетях;

– фрагментарность, клиповость мышления, которое не требует подключения воображения, осмысления, самоанализа, все время происходит «перезагрузка» информации;

– зацикленность на собственных чувствах, эмоциях, отмечается их крайняя ранимость, чувство уязвленности и непризнанности;

– повсеместное распространение идей позитивной психологии – ориентация на успех и признание в обществе приводят молодых людей к подавлению негативных чувств; у человека не должно и не может быть негативных эмоций.

Для специалистов системы образования, культуры, молодежной политики работа с людьми нового поколения, обстоятельства, приведенные выше –новый профессиональный вызов. Как отмечает В. А. Касарама, на

сегодняшний день мы имеем дело с «хрупким» поколением. Молодежь хуже справляется со стрессом и нагрузкой, подвержена психическим заболеваниям, что приводит к духовно-нравственному выгоранию, росту ментальных расстройств. Почти 3/4 опрошенных молодых людей в рамках исследования студентов российских вузов НИУ ВШЭ и ТГУ, в мае-июне 2021 года (более 41 тыс. респондентов) демонстрируют различные признаки психологического неблагополучия, из них около 20 % – синдромы депрессии умеренной тяжести или тяжелой депрессии. Таким образом, актуальной становится проблема формирования социальной безопасности молодежи, соотносящаяся с процессами развития социальной политики государства, в том числе молодежной политики.

На пути поиска молодыми людьми смыслов и обретения ценностей, которые сегодня напрямую никем не транслируются, важными являются: проведение мероприятий по развитию клубных студенческих движений, продвижению волонтерских инициатив; оказание помощи в адаптации к новым условиям современности, предоставление различных мер социальной поддержки [1].

Специалисты, работающие со студенческой молодежью, должны учитывать особенности и ценности этого поколения, используя как традиционные, так и инновационные формы работы, направленные, с одной стороны, на привлечение внимания общества к актуальным социальным проблемам, с другой – на активизацию потенциала молодежи. Одними из таких технологий являются:

– технологии осмысления нравственного опыта студентов – формирование сознания через размышления, переживания, рефлексию – осознание и осмысление собственных знаний, поступков, выяснение того, как другие знают и понимают его личные особенности, эмоциональные реакции и когнитивные представления; осмысление жизненного опыта;

– технология эмоционального стимулирования действий и отношений в процессе деятельности и общения: формирование побуждений деятельности; педагогическая поддержка в поиске новых форм и методов деятельности, осознании ценности собственной личности (эмоциональное стимулирование, создание ситуации успеха);

– технология накопления нравственного опыта и самоопределения: формирование субъектной позиции, положительных черт характера, нравственных качеств и опыта; формирование такого уровня поведения, где

требуется самостоятельное принятие решения (метод поручений, тренинговые упражнения); пропаганда книги, тесты по самопознанию [2, с. 29].

Чтобы жить и действовать в обществе «высокой современности», необходимо осваивать и функцию смыслотворчества – помогать молодому человеку найти себя в жизни и профессии, из огромного количества информации сложить смыслы, которые помогают обрести себя, развить чувство гордости за выбор конкретной профессии.

Важными и перспективными направлениями деятельности в аспекте социальной безопасности выступают следующие:

– ориентир на здоровый образ жизни;

– помощь в адаптации к новым условиям;

– повышение эмоциональной устойчивости;

– развитие направления саморегулирования и самоподдержки студентов, внедрение программ адаптации первокурсников;

– повышение психологической устойчивости студентов, разработка и внедрение программ превенции.

Таким образом, молодежная политика должна эффективно реагировать на современные вызовы, способствуя раскрытию потенциала молодежи, а образовательная среда должна рассматриваться как среда социальной безопасности личности.

Список литературы

1. Антипова, Е. И. Социальная поддержка обучающихся в условиях профессиональной подготовки в университете / Е. И. Антипова, С. Г. Алдохина // Оптимизация высшего медицинского и фармацевтического образования: менеджмент качества и инновации. – Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. мед. ун-та, 2021. – С. 5–9.

2. Борисова, Т. С. Обеспечение социальной безопасности детей и молодежи / Т. С. Борисова, М. М. Плоткин // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 2. – С. 24–31.

3. Giddens A. Modernity and self-identity, self and society in the late modern age // Social forces. – 1993. – Vol. 71. – Pp. 229–230.

УДК 304.44

Егорова Юлия Валерьевна
Сургутский государственный
педагогический университет,
кафедра социально-экономического
образования и философии,
кандидат философских наук, доцент

ПАТРИОТИЗМ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье феномен патриотизма рассматривается как следствие и форма культурной идентичности. Проблематика культурной идентичности исследуется автором в контексте культурологической парадигмы, в рамках которой феномен культурной идентичности и патриотизма – гармоничный и функциональный комплекс психологических, личностных, религиозных, этнических, гражданских ориентаций и предпочтений. Автор приходит к выводу, что культурная идентичность и патриотизм – не только феномен социально-культурной жизни человека и общества, но и механизм, который активизирует процессы самодостаточности и самостоятельности личности, общества, государства.На этом основании констатируется, что сохранение культурной идентичности и развитие патриотизма есть всеобщая проблема современности. Для России она является ключевой в пространстве определения стратегии социокультурной политики в настоящее время.

Ключевые слова: культурная идентичность, трансформационные процессы, российская государственность, социоцентризм, антропоцентризм, натуроцентризм, теоцентризм, глобализационные процессы, патриотизм

EgorovaYuliaValerievna
Surgut State Pedagogical University, department of socio-economiceducation and philosophy, candidate of philosophy, associate professor

PATRIOTISM AS A FORM OF CULTURAL IDENTITY

Annotation. The article deals with the phenomenon patriotism considered as a consequence and form of cultural identity.And the very problem of cultural identity is solved through a cultural paradigm, where the phenomenon of cultural identity and patriotism is a harmonious and functional complex of psychological, personal, religious, ethnic, civic orientations and preferences.The author comes to the conclusion that cultural identity and patriotism is not only a phenomenon of the socio-cultural life of a person and society, but a mechanism that activates the processes of self-sufficiency and independence of an individual, society, state. On this basis, it is stated that the preservation of cultural identity and the development of patriotism is a general problem of our time. For Russia, it is the key to determining of the strategy of socio-cultural policy at the present time.

Keywords: cultural identity, transformation processes, Russian statehood, sociocentrism, anthropocentrism, naturocentrism, theocentrism, globalization processes, patriotism

В условиях повсеместных изменений и цивилизационной нестабильности человек и общество в целом вынуждено выступать носителями новых, не исторически сложившихся, ценностей, соответствовать общемировым стандартам, реализовывать модели поведения и культурные образцы не традиционного характера. В то же время культурная идентичность есть и должна оставаться свойством и потребностью сохранения собственной целостности, осознанием принадлежности к определенному культурному сообществу: национальному, религиозному, личностному, государственному.

Российская культура и государственность, другие страны, где национальная идентичность еще имеет силы сопротивляться американо-европейскому влиянию (разрушающим всякую традиционность и идентичность вообще) сталкиваются с проблемой идентичности. На этом основании можно констатировать, что сохранение культурной идентичности есть всеобщая проблема современности, одна из ключевых для определения стратегии государственной политики России в настоящее время. От понимания ее значимости, осмысления, констатации и целенаправленного решения зависит степень самоопределения статуса России в мировом политическом и социокультурном пространстве. Размышления и дискуссии по этому поводу усугубляются фактами «новейшей» истории России. Исторический путь нашей страны в начале XXI в. продемонстрировал, что от государственных решений зависит российский суверенитет. В отношении обсуждения национальной идеи России, можно выделить понятия: «самостоятельность, самодостаточность», «культурная идентичность».В настоящее время, когда мир в межгосударственном масштабе переживает цивилизационный кризис, России необходимо сохранить и уберечь от посягательств собственную самодостаточность, – следовательно, и национально-культурную идентичность во всех своих проявлениях.

Всеобщность проблематики культурной идентичности конституируется не только в политическом, экономическом, национальном межгосударственном масштабе. Онтологию данной проблематики можно зафиксировать и проследить в исследовательском ракурсе всех четырёх культурологических направлений: натуроцентрическом, социоцентрическом, теоцентрическом и антропоцентрическом.

С точки зрения натуроцентрической парадигмы, культурная идентичность есть естественная, природная потребность человека в соотнесении себя с определенным сообществом. Так, А. Я. Флиер в работе «Культу-

рология для культурологов» называет это «странной необходимостью человека» [4, с. 201]. В связи с этим он отмечает: «Люди – не просто механические носители тех или иных потребностей и интересов, но и психологические индивидуальности,(…)человек – существо чувственное, эмоциональное; постоянно нуждается в проявлении каких-то собственных чувств по отношению к другим людям и испытывает потребность быть объектом проявления их эмоций по отношению к себе» [4, с. 201]. Подобный тип культурной идентичности в гуманитарных науках принято считать психологической идентичностью.

Известная концепция реализации культурной идентичности «натуроцентрического» типа –психоаналитическая концепция Э. Г. Эриксона. С точки зрения ученого, психологическая идентичность – это «жизненный стержень личности, индикатор ее психосоциального равновесия» [3, с. 239]. Идентичность на психологическом уровне заключается в онтологической необходимости отождествления своего «Я» с внешним миром. Последнее означает, что «натуроцентрический» тип культурной идентичности сочетается с социоцентрической составляющей.

С точки зрения социоцентрической парадигмы, культурная идентичность – коллективная, социальная потребность группового существования. В связи с этим, Флиером подчеркивается, что человек нуждается, «…во-первых, в групповой форме жизнедеятельности как более надежной и, во-вторых, в самоидентификации (самоотождествлении себя) с данной группой – ощущении себя неотъемлимой частью коллектива, номинальным совладельцем коллективной собственности, а главное – существом, социально востребованным и одобряемым этим коллективом» [4, с. 201].

Концепцией реализации культурной идентичности «социоцентрического» типа является теория социальной идентичности британского социального психолога А. Тешфела, который показал, что отождествление себя с какой-либо группой помогает человеку ориентироваться в социально-культурном пространстве. Именно ради этого субъект культуры и общества готов проявлять социальную дисциплину, выполнять предписанные своим сообществом нормы и правила. Анализируя позицию Тешфела, А. Г. Асмолов отмечает, что «…все отношения между людьми он располагал в континууме, полюса которого составляют межличностные и межгрупповые отношения между представителями конкретных групп» [1, с. 116].

С точки зрения антропоцентрической парадигмы культурологии, культурная идентичность есть реализация возможности быть тождественным самому себе, подкрепленная личностным волеизъявлением, свободой выбора, креативностью, творчеством новых ценностей и смыслов.

Наиболее яркой, современной концепцией реализации культурной идентичности «антропоцентрического» типа, на наш взгляд, является теория креативности Р. Флориды. В работе «Креативный класс. Люди, которые меняют будущее» ученый констатирует закрепившуюся ключевую роль в экономических и социальных изменениях за творческим потенциалом современного человека. «В своих профессиональных занятиях и других сферах жизни, – пишет Флорида, – мы сегодня ценим креативность как никогда высоко и культивируем ее с особенным усердием. Творческая деятельность – отличительная черта человека как вида – в наше время приобретает невиданный размах» [5, с. 12]. А это означает, что культурная идентичность, с точки зрения антропоцентризма, – самоидентификация с тем, что человек считает «своим» и «исходящим» из себя: свобода, творческая самореализация, смыслополагание, ценностная ориентация, волеизъявление, самосовершенствование, свобода выбора.

С точки зрения теоцентрической парадигмы, культурная идентичность проявляет себя, как самоотождествление человека с определенным религиозным сообществом, культивированием сакральных ценностей и свободы. Согласно Н. А. Бердяеву, соотнесенность человека с сакральным, – неотъемлемая его потребность и насущная необходимость. В одном из примечаний к тексту «Философии свободы», Н. А. Бердяев пояснял: «Даже если другие планеты и населены, то за человечеством остается центральное значение. Религиозное сознание побеждает давящую бесконечность звездного неба иной бесконечностью, раскрывающейся в божественных связях человека» [2, с. 182]. Таким образом, человек, с неизбежностью являющийся носителем своего собственного «Я», своего культурного сообщества и собственного естества, реализует и некий образ веры как иную, сверхчеловеческую, реальность. Она недостижима и близка одновременно, искренна и подлинна, несмотря на непостижимость. Она есть, писал С. Л. Франк, «нечто бесконечно близкое нам, вечно при нас находящееся: ибо тот вечный источник жизни и света, которого мы ищем, – он-то сам и есть та сила, которая гонит нас на поиски его» [6, с. 229].

Возвращаясь в размышлениям о решении проблемы идентичности, можно констатировать, что данный феномен имманентен человеческой сущности на всех уровнях бытия: в отношении человека к самому себе и к собственному естеству, к общественному, божественному. А это значит, что в сумме культурную идентичность составляют все эти уровни. Натуроцентрическую составляющую культурной идентичности представляет биологическая, физиологическая, жизненно важная идентичность со своей национальной принадлежностью; социоцентрическую составляющую культурной идентичности представляет общественно значимая идентичность со своим народом, с обществом страны и/или региона, чувство солидарности и сопричастности с людьми своей страны, с традициями, языком и историей. Теоцентрическую составляющую образует духовно-нравственная, чувственно-эмоциональная сопричастность к ценностям вероисповедания и культовой сферы жизнедеятельности. Антропоцентрическую составляющую культурной идентичности составляет ментально-разумная, интеллектуальная причастность и привязанность к определенным идеям, личностям, лидерам, несущих определенную стратегию понимания себя и мира, своего предназначения в нем и ответственности за окружающий мир.

Пользуясь данным утверждением как определяющим принципом или алгоритмом, можно объяснять и понимать природу многих конфликтосодержащих культурно-исторических процессов современного мира. Во-первых, противостояние США и России носит не только политический масштаб; это противостояние взаимоисключающих культурных идентичностей, где ценности всех уровней диаметрально противоположны. Во-вторых, повсеместные миграционные процессы обнаруживают конфликты теоцентрического характера, когда люди разных вероисповеданий демонстрируют образ жизни и поведения, обусловленный исповедуемой религией и соответствующей традицией.В-третьих, в условиях глобализационных процессов и при отсутствии культурно-исторической целостности, идентификационные ориентиры склоняются в сторону культурной идентичности антропоцентрического типа. Социальная идентичность личности смещается в пространство индивидуальной творческой активности, креативности, личностной самореализации.

Таким образом, культурная идентичность – это не только феномен социально-культурной жизни человека и общества, а механизм, единственный в своем роде, который ни при каких историко-политических ситуациях

не должен позволить мировому сообществу пойти по пути всеобщей стандартизации, унификации и глобализации.

В свете предложенного алгоритма понимания сущности феномена культурной идентичности, можно говорить о патриотизме, как о проявлении культурной идентичности, формируемом на всех уровнях бытия человека и культуры. Поэтому патриотизм весьма многогранен, определяясь посредством разных категорий, в содержание которых включается и чувственно-эмоциональное отношение к своей стране, народу, предкам; рациональное знание истории своего государства, его культуры, искусства, традиций, мировоззрения. Патриотизм подразумевает и личная причастность к одной из религий и / или уважение ко всем национальным вероисповеданиям. Патриотизм соотносится также и с волевыми усилиями защиты своего государства, добросовестным трудом для личного и общественного благополучия.

К актуальным направлениям формирования патриотизма можно отнести следующее:

1) патриотическое воспитание нужно осуществлять планомерно, целенаправленно и системно, начиная с детсадовского возраста. Для этого должны быть специалисты, обеспечивающие духовно-нравственное и культурное развитие личности. Если этим заниматься периодически и ситуативно, то и результат будет ситуативный и «с перебоями»;

2) необходимо создание и внедрение долговременной национальной программы по формированию и развитию культурной идентичности и патриотизма. В рамках реализации данной программы – декларирование отдельной функции и/или создание соответствующих структурных подразделений в деятельности социально ориентированных учреждений и организаций. В таком случае широко распространенные социально-культурные и патриотические акции, фестивали, концерты, конкурсы и иные проекты войдут в систему, целостную программу, что значительно усилит их позитивный эффект (как в количественном, так и качественном отношениях).

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Толерантность от утопии к реальности/ На пути к толерантному сознанию. – Москва: Наука, 2000. – 372 с.

2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. – Москва: АСТ, 2004. – 333 с.

3. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. – Санкт-Петербург: Университетская книга; Алетейя, 1998. – 447 с.

4. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов. – Москва: Академический Проект, 2000. – 496 с.

5. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – Москва: Классика-XXI, 2007. – 421 с.

6. Франк, С. Л. Крушение кумиров / Франк, С. Л. Сочинения. – Минск: Харвест, Москва: АСТ, 2000. – С. 147 – 244.

УДК: 37.035:316.75 (470)

Сагатчук Светлана Петровна

Центр культуры и творчества «Родники»,
г. Волоколамск, Московская обл.,
ведущий методист, кандидат
философских наук, доцент

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ПАТРИОТИЗМА: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрытия актуальности мысли А. И. Солженицына о необходимости покаянного осмысления тех трагических событий, которыми насыщена наша история XX в. Выросло поколение, родившееся уже после перестройки, недостаточно знающее историю. В этой ситуации этой молодёжи можно внушить всё что угодно. Советские идеологи любили критиковать западное «общество потребления», но, когда у нас появилось, что потреблять, мы сами очень быстро превратились в такое общество. Сегодня представляется актуальной мысль Солженицына о том, что, если иссякли духовные силы нации, никакое наилучшее государственное устройство не спасёт от того, что среди всех возможных свобод на первое место выйдет свобода бессовестности. И важнее всего, пожалуй, его беспощадно горький вывод – все главные беды человечества в XX в. происходят по одной причине: люди забыли Бога. С такой прямотой этот вывод был сформулирован в его лекции при получении Темплтоновской премии (1983), это положение присутствует, оставаясь ключевым, в большинстве его художественных произведений.

Ключевые слова: история; Россия; душа; национальное сознание; нация; идея; Бог; предопределение; исторический выбор; духовные силы; общество потребления

Sagatchuk Svetlana Petrovna

Center of Culture and Creativity «Rodniki», Volokalamsk, Moscow region, leading methodologist, Candidate of Philosophical Sciences, associate Professor

THE EXISTENTIAL BASIS OF PATRIOTISM: A MODERN APPROACH TO ITS UNDERSTANDING

Annotation. The article deals with the relevance of A. I. Solzhenitsyn's thought on the need for a penitential understanding of those tragic events that are saturated with our history of the

twentieth century. Increased generation born after the restructuring and also very bad knowing the history, these young people can inspire anything. Another important idea of Alexander Solzhenitsyn is about self-restraint. Soviet ideologists liked to criticize the Western "consumer society", but when we had something to consume, we quickly turned into such a society. Today, Solzhenitsyn's idea that if the spiritual forces of the nation have dried up, no best state system can save them from the fact that among all possible freedoms, the freedom of dishonesty will come out in the first place. And most importantly, perhaps, his mercilessly bitter conclusion – all the main troubles of humanity in the twentieth century occur for one reason: people have forgotten God. The conclusion is the key position for the most of his writings.

Keywords: history; Russia; soul; national consciousness; nation; idea; God; predestination; historical choice; spiritual forces; consumer society

В современной отечественной литературе «патриотизм» понимается как одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, которая является важнейшим духовным достоянием личности.

Патриотизм олицетворяет любовь к своему Отечеству, сопричастность с его историей, культурой, достижениями…

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам…

Всё это в целом, умело подмеченное гениальным российским поэтом А. С. Пушкиным, являет собой духовно-нравственную основу личности, её гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном вплоть до самопожертвования, служении Родине.

Исторически элементы патриотизма в виде привязанности к родной земле, языку, традициям формируются уже в древности. Настоящий патриотизм несовместим ни с космополитизмом, ни с национализмом.

В разработке общих методологических ориентиров к проблеме патриотизма, в определении конкретных целей и путей их достижения активно участвуют философы, учёные, писатели, публицисты, политические и религиозные деятели.

Русский философ И. А. Ильин писал, что для русского человека хорошо всё то, что воспитывает его духовный характер. Всё, что этому не способствует, должно быть отвергнуто, «хотя бы оно было принято всеми остальными народами».

В своей книге «Путь духовного обновления» И. А. Ильин рекомендует молодым родителям следующие пути «национального воспитания» своих детей:

1. Культ родного языка.

2. Песня – ребенок должен слышать русскую песню ещё в колыбели.

3. Молитва – источник духовной силы – русской силы.

4. Сказка, которая будит и пленяет мечту. Национальное воспитание неполно без национальной сказки.

5. Поэзия – классические национальные поэты должны дать ребёнку радость стиха. Русский народ имеет поэзию, где мудрость облекается в прекрасные образы.

6. История – необходимо, чтобы ребёнок почувствовал, что он сын великого русского народа. «Гордиться славою, – писал А. С. Пушкин, – своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

7. Армия, которая должна воспитывать чувство самоотверженности и служения.

8. Территория – русский человек должен знать и любить просторы своейстраны.

9. Хозяйство, которое воспитывает в ребёнке творческую радость и Силу труда: «Труд есть источник здоровья и свободы».

События последнего времени свидетельствуют о девальвации духовных ценностей, и это, в свою очередь, привело к снижению воспитательного воздействия русской культуры, искусства и образования, как важнейших факторов формирования патриотизма. Стала заметной постепенная утрата нашим обществом традиционного российского патриотического воспитания. Объективные и субъективные процессы резко обострили национальный вопрос. Нередко патриотизм стал перерождаться в национализм. Утрачено истинное значение интернационализма. В общественном сознании получили распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Падает престиж военной и государственной службы.

Немецкий философ И. Фихте в период, когда Германия переживала время французской оккупации и находилась в состоянии крайнего унижения и безразличия, в одной из своих речей, произнесённых в Берлинском

университете в 1807 г., говорил о том, что образование должно быть немецким, национальным. Мыслитель пытался вселить веру в народ и самого себя.

В России с конца XX в. сложилась ситуация, которая во многом напоминает ситуацию Германии XIX в. По словам А. И. Солженицына, «…мы находимся в таком униженном состоянии, на таком уровне национального унижения, которое трудно сравнить с каким-нибудь периодом. Мы в национальном обмороке…» [7, с. 23]. До сих пор благодаря энтузиазму и патриотизму народа Россия всегда находила силы для выхода из тяжёлых ситуаций в самые трудные периоды своей истории.

Как известно, монголо-татарское нашествие XIII в. явилось тяжёлым ударом для Руси. Процесс национального возрождения начался лишь в середине XIV столетия, когда Москва стала центром объединения разрозненных удельных русских княжеств. Свою особую, ведущую роль в деле объединения Руси сыграла Православная церковь. Эта эпоха замечательна многими славными именами, возродившими дух патриотизма. В этом перечне Сергий Радонежский – великий русский святой, основатель Троицкого монастыря (позднее в его честь названного Троице-Сергиевой Лаврой), вдохновитель Московского князя Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем. После победы на Куликовом поле Русь быстро окрепла экономически и политически. Глубину христианской духовности удалось отразить величайшему из всех русских иконописцев Андрею Рублеву в его знаменитой «Троице».

В конце XV в. значительная персона в духовной среде Руси – преподобный Иосиф Волоцкий, – основатель Иосифо-Волоцкого монастыря, идеолог и вдохновитель разрушительной критики ереси западного происхождения, пришедшей в Московское княжество из Новгорода. Иосифо-Волоцкий монастырь в то время становится центром духовности и книжности.

В начале XVII в. в Смутное время, в центре борьбы Москвы за освобождение от войска Речи Посполитой оказался Новодевичий монастырь. Монастырь попеременно занимали польско-литовские войска и казачье ополчение, в результате чего он был жестоко разграблен и сожжён. Но в августе 1612 г. именно под стенами этого монастыря под руководством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского началась, увенчавшись успехом освободительная битва за Москву, а правильнее – за Русь [5, с. 123].

Патриотизм, сформировавшийся в новых исторических условиях, в наибольшей мере показал свою жизненность и силу в годы Великой Отече-

ственной войны. Именно в этот период тяжелейших за всю историю нашего Отечества испытаний вся страна поднялась на его защиту. Невиданная стойкость и мужество советских воинов, массовый героизм на фронте и в тылу, огромное стремление наших людей отдать всё, даже свою жизнь, во имя Победы, позволили поднять представление о патриотизме советского народа на недосягаемую высоту.

В ходе Великой Отечественной войны, когда решался вопрос о судьбе нашего Отечества, армия и народ проявили истинный, небывалый по силе патриотизм, ставший основой духовно-нравственного превосходства над непобедимым доселе врагом. Данный исторический факт свидетельствует о том, что форма власти, общественная система не в состоянии оказать решающего воздействия на высшие духовные ценности народа в годы больших испытаний. При определённых исторических условиях происходит очищение, обновление, проявление этих ценностей в интересах всего Отечества, как «малой», так и «большой», великой нашей Родины – России. Особое значение национальная идея, основа которой – патриотизм – приобретает в многонациональном и многоконфессиональном государстве.

В качестве важнейшего элемента Русской идеи обычно выделяют принцип соборности. Соборность – специфическое понятие только русской философии, выработанное сначала В. С. Соловьёвым, продолженное А. С. Хомяковым в середине XIX в. В соборности Хомяков на первый план выдвигал идею духовной свободы, которая определяла весь ход развития русской религиозной философии второй половины XIX – XX в. Истинный патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою неразрывность с Отечеством [1, с. 147].

В настоящее время, когда всё ещё продолжается этап выработки ведущей национальной идеи в России, патриотизм, видимо, следует рассматривать как стержневой компонент Русской (или – национальной) идеи, призванной служить объединению и упрочению русской нации, российского общества и государства в целом.

Об этом немало написано у известного русского мыслителя А. И. Солженицына, понимавшего свою роль писателя (а прежде всего, мыслителя) так: «Я хочу вернуть России её память». Он хотел быть «памятью народа, который постигла большая беда». При этом он не хотел находиться в плену иллюзорных сравнений и сопоставлений. «Я прошу, – писал

он 20 лет назад, – чтобы вы всё время имели в виду, что после Толстого и Достоевского вырыта в русской истории бездна. Мы пришли в XX век в условиях жизни как бы другой планеты. Бездна, вырытая в русской истории и разъединившая две эпохи, – это не локальная, пусть даже и огромная, яма, а это геологический разлом, прошедший через всю жизнь и требующий пересмотра всех духовных ценностей и всех координат бытия…» [7, с. 429].

Очевидно, что человеческий опыт времени не может существовать без памяти. Память – один из способов получения человеком опыта времени, которое сосредоточено в прошлом. Без памяти невозможен опыт времени, а без опыта времени человек не способен правильно располагать события и «экзистенциалы» в прошлом, в отличие от возможности их расположения в актуальном или вечном настоящем.

Отношение между историей и памятью можно рассмотреть на уровне содержания. История, вместе со многим другим, имеет дело с историческими фактами. Обнаружение фактов в исторических исследованиях и обнаружение фактов, ментально воссозданных историками в ходе исследований, было бы невозможно без памяти. Память сообщает нам и о сознании того, кто вспоминает исторические события в настоящем, и о самом прошлом. Память есть образ прошлого, субъективно сконструированный в настоящем. В историческом знании вещи начинают соприкасаться с традицией. В определённом смысле, историография «…есть корабль, идущий в тёмных водах времени и забвения» [7, с. 353].

Именно поэтому, фактор бездны, о которой говорил всегда А. И. Солженицын, сопоставляя XX и XIX вв., заставляет по-иному видеть самые трагические, болевые точки этих двух столетий, в сопоставлении с идеями гуманизма. Это и есть главные вопросы Солженицына, которых очень много в «Архипелаге...», других его текстах. На всём протяжении XIX столетия в России и Европе раздавались голоса, предупреждавшие о шаткости мирового порядка, обещавшего бесконечный путь развития. В начале XX в., вместо торжества прогресса разразилась мировая катастрофа. Солженицын писал по этому поводу: «Наша революция была частным проявлением мирового процесса, также, как и французская революция. Французская революция конца XVIII в. была первый сигнал человечеству. Русская революция XX в. – второй сигнал. Очевидно, мы должны были вследствие духовных потерь XVIII и XIX вв. пройти через ад XX в.» [9, с. 567].

Смысл русского XX в. Солженицын формулирует как расплату, которая была предъявлена историей за революционные увлечения и либеральные заблуждения. Он пишет: «Я многие годы страдал, ну что за такая несчастная судьба у России? И я понял, значит, вот это и есть узкие, страшно тяжкие ворота, через которые мир должен пройти. Просто Россия прошла первая. Мы все должны протиснуться через этот ужас…» [3, с. 123]. Значит, бездна возникла не в XX вю, вот та самая бездна, о которой предупреждал Солженицын. Её усиленно рыли весь XIX в. Солженицын достаточно жестко утверждал о том, что в XIX благополучном веке на самом деле подготавливалось падение человечества. В 1914 г. разразилась катастрофа, которая не кончилась и сегодня. Весь XIX в. Европа шла к этому, войдя в век XX под ницшеанским лозунгом «Бог умер!». Шла к этому утратой высших духовных ценностей жизни, погружаясь в царство потребления.

Родина… В жизни любого из нас она значит весьма немало. За несколько месяцев до рождения Солженицына, в мае 1918 г., А. А. Блок отвечал на вопрос анкеты, – что следует сейчас делать русскому гражданину. Блок ответил, как поэт и мыслитель: «Художнику надлежит знать, что той России, которая была, – нет и никогда уже не будет. Мир вступил в новую эру. Та цивилизация, та государственность, та религия – умерли… утратили бытие» [4, с. 117].

Когда писателю А. И. Солженицыну задали вопрос: «Какой вам представляется сегодняшняя Россия? Насколько она далека от той, с которой вы боролись, и насколько может быть близка к той, о которой вы мечтали?», он ответил так: «Очень интересный вопрос: насколько она близка к той России, о которой я мечтал… Весьма и весьма далека. И по государственному устройству, и по общественному состоянию, и по экономическому состоянию весьма далека от того, о чём я мечтал. Главное в международном отношении достигнуто – возвращено влияние России и место России в мире. Но на внутреннем плане мы далеки по нравственному состоянию от того, как хотелось бы, как нам органически нужно. Это очень сложный духовный процесс» [7, с. 391].

Сегодня сам по себе напрашивается вопрос: как бы оценил сейчас Солженицын мировой кризис, какие бы увидел решения? В апреле 2006 г., отвечая на вопросы газеты «Московские новости», А. И. Солженицын заявил: «НАТО методически и настойчиво развивает свой военный аппарат – на Восток Европы и в континентальный охват России с Юга. Тут и откры-

тая материальная и идеологическая поддержка так называемых «цветных революций», и парадоксальное внедрение Североатлантических интересов в Центральную Азию. Всё это не оставляет сомнений, что готовится полное окружение России, а затем потеря ею суверенитета…» [6, с. 355].

Споры о творческом наследии и о личности самого Солженицына не прекращаются и сейчас. Важно, чтобы велись они не ради политической поляризации, не ради тщеславия, а ради глубинного понимания богатейшего наследия писателя.

«Зрячей любовью» назвал отец Александр Шмеман любовь Солженицына к России. «Зрячая любовь» необходима и для проникновения в сущность мысли самого писателя в сущность его художественности. Полагаем, что и в самые трудные годы Солженицын верил в преображение России, потому что видел (и позволяет увидеть нам) лица русских людей, сохранивших высокий душевный строй, сердечную теплоту, непоказное мужество, способность верить, любить, отдавать себя другому, беречь честь и хранить верность долгу. Идеи, высказанные в художественных, философских, публицистических произведениях А. И. Солженицына, образуют значительное наследие и духовный потенциал, актуальный в современной социокультурной ситуации в России и в мире.

Список литературы

1. Баранов, Н. А. Гражданское общество в российской цивилизации: опыт становления / Н. А. Баранов // Россия и Восток: Проблема толерантности в диалоге цивилизаций. – Астрахань : Астраханский университет, 2007. – Ч. 2. – С. 141–145.

2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 805 с.

3. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. – Москва : Эксмо, 2006. – 351 с.

4. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002. – 274 с.

5. Солженицын, А. И. Россия в обвале / А. И. Солженицын. – Москва : Русский путь, 1998. – 223 с.

6. Солженицын, А. И. Исчерпание культуры? // Собр. соч. : В 9 т. Т. 8: Публицистика: На западе. 1990–1994; В России. 1994–2003 / А. И. Солженицын. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2005.

7. Солженицын, А. И. В сумерки // Собр. соч. : В 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки / А. И. Солженицын. – Москва : Время, 2006. – 657 с.

8. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1993. – 175 с.

9. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – Москва : Эксмо, 2003.

УДК 021

Невзорова Ольга Сергеевна
Централизованная библиотечная система
Златоустовского городского округа,
информационно-библиографический отдел
Центральной городской библиотеки,
зав. сектором

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ОПЫТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ЗЛАТОУСТА

Аннотация. В статье представлен опыт работы информационно-библиографического отдела Центральной городской библиотеки г. Златоуст Челябинской области в рамках проекта «Информационный Центр православной культуры». Показаны разные формы и методы работы в этом направлении, подчеркивается необходимость сотрудничества с разными учреждениями и организациями города.

Ключевые слова: православие, мультимедийные издания, информационная работа, информационно-просветительские мероприятия.

Nevzorova Olga Sergeevna
Centralized Library System Zlatoust city district, information and bibliographic department Central City Library, Head of the sector

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION IN MODERN CONDITIONS: THE EXPERIENCE OF THE BIBLIOGRAPHIC SERVICE OF ZLATOUST

Annotation. The article deals with the experience of the information and bibliographic department of the Central City Library of the city of Zlatoust, Chelyabinsk region, within the framework of the project «Information Center of Orthodox Culture». Various forms and methods of work in this direction are shown, including cooperation with various institutions and organizations of the city.

Keywords: orthodoxy, multimedia publications, information work, information and educational events

Информационно-библиографический отдел Центральной городской библиотеки за годы своей 40-летней работы накопил большой опыт по популяризации знаний духовно-нравственной тематики. Особенно активно в этом направлении отдел стал работать с конца 1990-х гг. Опыт работы стал основой для реализации проекта «Информационный Центр православной культуры», созданного в 2008 г. (получившего поддержку Главы Златоустовского городского округа). Цель проекта –повышение уровня духовно-нравственного просвещения жителей Златоуста, что отвечает задачам, по-

ставленным межведомственным координационным Советом администрации города по духовно-нравственному воспитанию [1, с. 4].

В рамках данного проекта на протяжении последних четырнадцати лет отделом ведется активная, разноплановая деятельность: осуществляются электронные рассылки по духовно-нравственной теме для удаленных пользователей библиотеки, индивидуальное информирование по данной теме, создаются собственные мультимедийные издания духовно-нравственного содержания, проводятся аналитические обзоры для специалистов Централизованной библиотечной системы Златоуста, информационно-просветительские мероприятия для разных читательских аудиторий [4, с. 2].

За весь рассматриваемый период оформилось тесное сотрудничество со многими учреждениями и организациями города. Одним из главных партнеров на сегодняшний день является Златоустовское епархиальное управление, совместно с которым ежегодно проводятся крупные городские мероприятия. Так, например, в 2019 г. было организовано и проведено пять мероприятий, межрегионального, регионального и городского значения. Одно из них – состоявшееся в рамках празднования 265-летия г. Златоуста открытие книжной выставки «Златоуст небесный и земной». На открытии выставки присутствовали представители городской администрации, Управления культуры, Златоустовской епархии, образовательных учреждений (что еще раз подчеркивает значимость события).

Особенность выставки заключалась в объединении информации разных видов (традиционных, электронных книг). Все издания, независимо от используемых технологий, были посвящены личности святителя Иоанна Златоуста и самому городу, названному именем святителя. Участникам выставки, например, были представлены:

– полное Собрание сочинений святителя Иоанна Златоуста;

– книга почетного гражданина Златоуста, краеведа Александра Козлова «Златоуст в красках или четыре путешествия в прошлое и настоящее города крылатого коня», изданная к 265-летию города и содержащая технологии дополненной реальности (QR);

– самая редкая книга Центральной городской библиотеки, «Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла» 1623 г.

Выставка была разработана на основе разделов мультимедийной энциклопедии «Златоуст небесный и земной», созданной в 2007 г. специалиста-

ми информационно-библиографического отдела, посвященной 1600-летию со дня преставления святителя Иоанна Златоуста. Знаменательная дата широко отмечалась в городе; создание энциклопедии стало достойным и содержательным подарком для жителей Златоуста и Челябинской области.

Современные технологии позволили собрать в едином цифровом формате огромное количество разнообразной информации. В энциклопедии удачно сочетаются полнотекстовые, библиографические, иллюстративные материалы. Так, читатель может познакомиться с житием и творениями святителя, обзором памятников культуры и архитектуры, связанных с именем святого (храмы, иконы, памятники), информацией об истории города, творчестве, достижениях златоустовцев. Особую значимость информационному ресурсу придает раздел «Виртуальная библиотека», содержащий полные тексты шести редких книг о городе Златоусте издательства «ФотоМир». В содержание энциклопедии вошел небольшой биографический словарик, включающий 75 персоналий. Кроме текстовых материалов (более 7 000 страниц) в состав энциклопедии вошло 14 видеосюжетов общей продолжительностью 2 часа 18 минут. Видеоматериалы энциклопедии разнообразны по тематик : здесь и интервью скульптора Владимира Жарикова, рассказ о храмах города, экскурсии по краеведческому музею и мастерским декоративно-прикладного искусства «ЛиК», красивые и памятные места города. Интересна фонотека энциклопедии, в которую вошли 27 музыкальных фрагментов.

Текстовый и иллюстративный материал готовили сотрудники информационно-библиографического отдела Центральной городской библиотеки, техническую сторону и дизайн издания взяла на себя организация «Фотомир». Энциклопедия поступила во все библиотеки города, получив инновацию в Централизованной библиотечной системе Златоуста, желающие могли ее приобрести в церковной лавке храма в честь преподобного Серафима Саровского. В связи с востребованностью издания «Фотомиру» пришлось выпустить дополнительные тиражи.

Именно данное издание положило начало самому проекту «Информационный Центр православной культуры» и, что немаловажно, –начало созданию собственных электронных ресурсов духовно-нравственного направления информационно-библиографического отдела Центральной библиотечной системы г. Златоуста.

В 2008-м, в Год Семьи, создан проект «Семья России: тематический электронный ресурс». Отправной точкой в формировании контента стал электронный ресурс «Моя семья», предназначенный для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Данный ресурс успешно использовался родителями, руководителями детского чтения, воспитателями детских дошкольных учреждений, учителями младших классов для организации различных мероприятий, уроков внеклассного чтения, громких чтений. В ресурс вошли фрагменты лучших художественных произведений детских писателей о семье – В. Ю. Драгунского, Я. Л. Акима, А. Л. Барто, М. Д. Яснова, В. Д. Берестова, А. Г. Алексина и др. В нем отдельно была представлена подборка пословиц, поговорок и загадок о семье.

«Моя семья» – проект, востребованный, в особенности, в Год Семьи. Бережное отношение к семье нужно воспитывать с детства, в том числе, и через книгу. Библиографы, работавшие над созданием и презентацией базы, стали победителями областного конкурса «Молодые в библиотечном деле». «Семья России» для взрослых читателей включает актуальные материалы, многоаспектно отражающие основные проблемы современных семейных отношений: государственную политику в сфере семьи, демографическую ситуацию, положение детей-сирот, многодетных или неблагополучных семей, семей с детьми, взявшими детей на воспитание, православный взгляд на семью. В разные тематические разделы вошли лучшие публикации отечественных авторов: социологов, психологов, педагогов, юристов, священнослужителей, вышедшие в свет за последние годы.

В формировании базы данных использовались фонды Центральной городской библиотеки Златоуста, ресурсы Интернет, документальные фильмы из видеотеки всероссийской киноакции «Вера, надежда, любовь в российских семьях». Тематический электронный ресурс «Семья России» позволяет увидеть состояние и проблемы современной семьи, осознать глобальность процессов трансформации семьи и семейных отношений, понять важность духовного и нравственного воспитания детей в семье [2, с. 1].

В апреле 2009 г. в Златоусте впервые прошел Пасхальный фестиваль. К нему был приурочен выпуск нового электронного издания информационно-библиографического отдела – мультимедийной экспозиции «Светлое Христово Воскресение». Экспозиция рассказывает о значении праздника, его истории и современности, позволяет увидеть этот светлый праздник глазами православных писателей, поэтов, журналистов. Знакомясь с экспо-

зицией, и взрослые, и дети найдут здесь чтение для души. На экспозиции были представлены и традиции православного художества, народного творчества – от домашних поделок до шедевров ювелирного искусства. В издание были включены эксклюзивные видео-, фото- и аудиоматериалы. Все страницы экспозиции красочно иллюстрированы. Данная экспозиция была также признана инновацией в Централизованной библиотечной системе Златоуста.

В 2009 г. ко Дню Славянской письменности в Златоусте проводились мероприятия, посвященные памяти Николая II, последнего императора из рода Романовых, новый электронный ресурс: видеозал «Памяти Романовых». Видеозал предлагает уникальные издания о династии Романовых, о жизни, смерти и прославлении императора Николая II, его семьи. Представлены исторические исследования о социально-экономическом положении Российской империи, сборники писем членов царской семьи, редкие издания, фотоматериалы, богатый фотоархив, библиография. Использована необычная форма показа материала – стенд фотографий (показ от фотографий к книгам).

Один из ресурсов по духовно-нравственному воспитанию, недавно созданных библиографами Центральной городской библиотеки в 2021 г., – электронная тематическая подборка: «Александр Невский – подвижник земли русской» (к 800-летию со дня рождения святого благоверного князя). Данный ресурс состоит из 9 блоков:

– «О жизни и деяниях великого князя Александра Невского»;

– «Образ Александра Невского в литературе»;

– «Образ Александра Невского в искусстве»;

– «Материалы из фондов Президентской библиотеки об Александре Невском»;

– «Всероссийская историко-литературная премия “Александр Невский”»;

– «Сценарный материал о личности Александра Невского»;

– «Библиографические издания об Александре Невском»;

– «Полнотекстовые статьи об Александре Невском»;

– «Храм Александра Невского в городе Златоуст».

Подборка включает 40 сайтов и 14 полных текстов, краеведческие материалы, имеет красочное оформление и интерактивный функционал.

Ресурс был представлен на торжественной встрече «Александр Невский: жизнь в вере и подвиге», состоявшейся в Центральной городской библиотеке, посвященной 800-летию со Дня рождения благоверного князя. Ведущие встречи, сотрудники информационно-библиографического отдела, обратили внимание собравшихся на основные факты, связанные с именем Александра Невского: непобедимый полководец, мудрый правитель и святой благоверный князь. В ходе праздника гостям было предложено несколько отрывков из фильмов, раскрывающих суть подвигов благоверного князя. Один из них – сюжет из фильма С. М. Эйзенштейна. Гости смогли познакомиться с выставкой книг, посвященной жизни святого благоверного князя Александра Невского.

Одна из задач проекта «Информационный Центр православной культуры» – популяризация, продвижение информационных ресурсов библиотеки и, прежде всего, собственных изданий библиографов. Специалисты информационно-библиографического отдела разрабатывают и проводят информационно-просветительские мероприятия с использованием интерактивных форм работы, нашедших применение во многих образовательных учреждениях г. Златоуста.

На протяжении семи лет, с 2013 г., на базе информационно-библиографического отдела проводились встречи для студентов златоустовского филиала Южно-Уральского государственного университета и старшеклассников г. Златоуста, в рамках цикла видеобесед-диалогов по духовно-нравственным и социальным проблемам современности [3, с. 2]. В формате цикла состоялась встреча на тему «О русской душе в отечественном кино», в процессе которой участникам, юношам и девушкам, было предложено составить рейтинг отечественных фильмов, раскрывающих особенности русского характера и русской души. С этой целью были представлены шесть кинокартин, созданных в разное время советскими и российскими режиссерами. Выбор фильмов был неслучаен, основываясь предварительном опросе.

В результате обсуждения и просмотра отрывков картин, участниками встречи был составлен следующий рейтинг отечественных фильмов о русской душе:

1. «Судьба человека» (реж. Бондарчук С. Ф., 1959);
2. «Легенда №17» (реж. Лебедев Н. И., 2013);
3. «Они сражались за родину» (реж. Бондарчук С. Ф.,1976);

4. «Александр Невский» (реж. Эйзенштейн С. М., 1938);

5. «Охота на лис» (реж. Абдрашитов В. Ю., 1980);

6. «Остров» (реж. Лунгин П. С., 2006).

Внушает оптимизм тот факт, что большинство голосов студентов было отдано фильму С. Ф. Бондарчука «Судьба человека», который, по мнению молодых людей, как никакой другой, характеризует судьбу русского народа и русскую душу, – стойкую, милосердную и любящую. Кроме представленных фильмов, юноши и девушки предложили включить в этот список еще и такие, как«Калина красная», «Адмирал», «Война и мир» (1965), «Грозовые ворота».

В 2019 г. в рамках XI Межрегиональной Школы инноватики состоялся мастер-класс, основой которого стала еще одна встреча цикла видеобесед-диалогов– «Семья всему начало». На мастер-классе присутствовали старшеклассники, педагоги одной из школ Сосновского района Челябинской области, а также библиотекари из разных территорий: Курганской, Челябинской и Екатеринбургской областей, Башкортостана. В ходе встречи ее участники попробовали найти ответы на вопросы:

– «Что такое брак, любовь, семейное счастье?»;

– «Может ли семья считаться полноценной в гражданском браке?»;

– «Для чего люди создают семью?»;

– «Чем отличается любовь от влюбленности?»;

– «Счастливая семья – это реальность или вымысел?».

Мероприятие получило высокую оценку коллег и педагогов.

С введением в общеобразовательные школы нового предмета – «Основы православной культуры», библиографы Центральной городской библиотеки подключились к информационному сопровождению педагогов школ г. Златоуста, ведущих этот предмет. Для педагогов был подготовлен и проведен День специалиста «В мире добра», во время которого состоялась презентация собственных программ и электронных ресурсов информационно-библиографического отдела по духовно-нравственной тематике.

Ежегодно специалистами информационно-библиографического отдела проводится более десяти информационно-просветительских мероприятий для детей начального звена, дошкольников по духовно-нравственному воспитанию. Все мероприятия проходят в интерактивной форме, с использованием новых информационных технологий, разнообразных творческих методик, собственных разработок.

Так, например, для урока-беседы «Святитель Иоанн Златоуст архиепископ Константинопольский» был разработан интерактивный кроссворд, связанный с именем святителя и городом Златоуст, составлена игра «Закончи фразу», содержащая выражения святого Иоанна Златоуста. Урок-путешествие «Сергий Радонежский – светильник земли русской» содержал не только рассказ о жизни преподобного Сергия, но и знакомил детей с Троице-Сергиевой Лаврой (с помощью игры «”Да” или “Нет”», в которой они должны были назвать предметы, связанные с монастырем).

Некоторые мероприятия, разработанные сотрудниками информационно-библиографического отдела, в дальнейшем переходят в целые циклы. Так, ко Дню православной книги в 2016 г. для детей среднего школьного возраста (5-е классы МАОУ «СОШ № 1» и «СОШ № 20») был проведен цикл мероприятий в форме урока-игры по детской книге Тимофея Веронина «Необыкновенное путешествие Серафимы». Выбор книги неслучаен: к Году российского кино по мотивам этой повести вышел в прокат российский мультфильм с одноименным названием. Дети во время данного цикла познакомились с сюжетом книги, главным героями, поговорили о том, кто такой преподобный Серафим Саровскийи чем он прославился в России, поучаствовали в познавательных конкурсах, посмотрели отрывок мультфильма «Необыкновенное путешествие Серафимы».

В рамках проекта «Информационный Центр православной культуры» проводится работа и с самыми маленькими пользователями нашей библиотеки. Регулярно для детей дошкольных учреждений проходят праздники во время Рождественских святок, Масленицы, Пасхальной недел.

Для специалистов Централизованной библиотечной системы организуются аналитические обзоры по духовно-нравственному воспитанию. Так, ко Дню православной книги в 2021 г. состоялся обзор книг лауреатов Патриаршей литературной премии им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и историко-литературной премии «Александр Невский». В 2022 г. – обзор «Чтение для души» о самых популярных православных авторах последних лет (по версии сайта книжного издательства «Сретение»).

Как видим, в рамках проекта «Информационный Центр православной культуры» специалистами информационно-библиографического отдела проводится активная и многоплановая работа по взаимодействию с образовательными учреждениями города: массовые мероприятия, индивидуальное информирование, электронные рассылки. Данный опыт получил осве-

щение в местной печати, специализированных сборниках областного и российского уровней. Деятельность библиографов в данном направлении не раз была отмечена благодарственными отзывами, грамотами администрации г. Златоуста, Златоустовской епархии, педагогов и читателей. В 2018 г. проект «Информационный Центр православной культуры» был представлен на Международном педагогическом конкурсе «Серафимовский учитель», на котором получил диплом победителя по реализации детских и молодежных медийных проектов в области духовно-нравственного просвещения. Проект, созданный и развиваемый сотрудниками информационно-библиографического отдела Центральной городской библиотеки г. Златоуста, доказал свою жизненность и перспективность.

Список литературы

1. Глыбовская, Н. От лекарей души / Н. Глыбовская // Златоустовский рабочий. – 2012. – 25 фев. – С. 4.

2. Глыбовская, Н. Позаботимся о доме своем / Н. Глыбовская // Православный Златоуст. – 2012. – № 3. – С. 1.

3. Ежов, С. История с демографией / С. Ежов // Куда идешь? – 2011. – № 2 (март). – С. 2.

4. Еремин, В. Библиотека дружит с храмом / В. Еремин // Челябинский рабочий. – 2012. – 11 февраля. – С. 2.

УДК 37.034

Павлова
Екатерина Владимировна
Центральная городская библиотека
городского округа Нижняя Салда,
Свердловская область, методист

БИБЛИОТЕКИ И ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. В статье представлен проект «Любовь к Отечеству сквозь таинства познания», его реализация. Проект получил грант от фонда «Соработничество» в конкурсе «Православная инициатива 2017 – 2018», в 2018 г. В статье делается акцент на роли церкви, как партнера библиотеки, в реализации проекта.

Ключевые слова: история, культура, православие, патриотизм, подвиг, духовно-нравственное воспитание

Pavlova Ekaterina Vladimirovna
Central City Library city district Nizhnyaya Salda, Sverdlovsk region, methodist

LIBRARIES AND ORTHODOX CULTURE

Annotation. The article deals with the implementation of the project «Love ещ the Fatherland through the sacraments of knowledge». The project received a grant from the Cooperation Foundation into the competition «Orthodox Initiative 2017 – 2018», in 2018. The article focuses on the role of the church, in the implementation of the project, as a library partner.

Keywords: history, culture, Orthodoxy, patriotism, feat, spiritual and moral education

Библиотека – не только хранительница книг, это хранительница истории, хранительница всего доброго, что собрало человечество. Библиотеки поддерживают интерес подрастающего поколения к лучшим произведениям художественной и научно-познавательной литературы по истории России посредством организации различных культурно-просветительских мероприятий, рекламы новых книг и периодических изданий посредством выставок.

В 2018 г. Центральной городской библиотекой городского округа Нижняя Салда, Свердловской области, был получен грант от фонда «Соработничество», в конкурсе «Православная инициатива 2017–2018», на реализацию проекта – «Любовь к Отечеству сквозь таинства познания». Проект был направлен на Создание условий для развития интереса к чтению литературы, посвященной духовно-нравственной истории России. Все мероприятия проекта основывались на традициях духовной культуры России, Православия. Авторы проекта для работы выбрали ребят, оставшихся без попечения родителей, проживающих в социально-реабилитационных центрах городского округа Нижняя Салда. В отношении возрастного состава, – к мероприятиям были привлечены подростки от одиннадцати до четырнадцати лет.

В рамках проекта планировалось решить следующие задачи: формирование и развитие интереса к чтению лучших произведений православной современной российской литературы для подростков; продвижение произведений о событиях, ставших основой государственных праздников и памятных дат России ; популяризацию подвигов героев и видных деятелей истории, культуры и церкви, представленных на страницах книг.

Старт проекту дал творческий конкурс «Духовные сокровища твои», который был представлен номинациями «Рисунок», «Фотография», «Сочинение», «Презентация». По итогам конкурса были выделены следующие номинации: «Фотоколлаж», «Стихотворение», «Творчество», «Композиция».

Для информационной поддержки конкурса была организована Выставка-презентация православной книги из фондов Центральной городской

библиотеки «Вначале было Слово…». Заметным мероприятием проекта стал христианский урок «Династия Романовых в свете Христовой истины», где освящалась роль династии в истории России.

В рамках проекта состоялся целый ряд тематических выставок – «Мир русской иконы»; «Славен твой подвиг, русский солдат!»; «Символы России – история страны»; «Святые Древней Руси»; «Памятные места родного города»; «Поле русской славы»; «В единстве наша сила»; Выставка-вернисаж «Храмов благовест святой» и другие, основным предназначением которых было вызвать интерес к православной истории страны и родного города.

Партнером данного проекта выступил храм Александра Невского в Нижней Салде, в лице миссионера храма Е. С. Николаюка, взявшего организацию части мероприятий на себя (например, посещение храма, тема «Православный храм: устройство, поведение», экскурсия «Никольская церковь – маленькая часть Петербурга в Нижней Салде»). Во время проведения выставки «Мир русской иконы» Евгений Сергеевич рассказал детям об особенностях технологии создания иконы, познакомил с историей многих известных и почитаемых в России икон.

В ходе реализации проекта были использованы такие формы массовой работы, как краеведческий урок «Нижнесалдинские святыни»; час русского языка «Свет и добро святых Кирилла и Мефодия»; игровая программа «Великое знамя – великая история»; беседа-презентация «Благоверный князь Александр Невский»; занятие «Чудеса Святителя Николая». За все время действия проекта было проведено тридцать восемь мероприятий, которые посетило девятьсот сорок три человека. Проект «Любовь к Отечеству сквозь таинства познания» помог представить участникам историю храмов родного города, пробудил интерес к изучению истории родного края, необходимый для формирования патриотизма, гражданского самосознания у юных нижнесалдинцев. Полагаем, что активное участие подростков в культурно-просветительских мероприятиях способствует формированию активной гражданской позиции, росту национального и исторического самосознания.

Координация деятельности по историко-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию с образовательными учреждениями, Православной церковью позволило проводить целенаправленно, планомерно организованную работу, привлечь к мероприятиям библиотеки наибольшее количество участников.

Список литературы

1. О библиотечном деле: ФЗ [от 29 дек. 1994 г. № 78-ФЗ] // Библиотека и закон. – Москва, 1996. – С. 42–52.
2. О Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: постановление Правительства РФ от 30.12.2015. № 1493. – URL: http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf (12.10.2017).
3. Национальная программа поддержки и развития чтения. – URL : http://mcbs.ru/files/File/nats_programma_podderzhki_chteniya.pdf (12.10.2017).
4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.12.2016 № 326-р. – URL : http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (12.10.2017).
5. Подросток и современный рынок журналов для детей. – URL: http://studbooks.net/721512/zhurnalistika/podrostok_sovremennyy_rynok_zhurnalov_detey (12.10.2017).
6. Детский православный журнал «Саша и Даша». – URL: http://nne.ru/picategory/sasha-and-dasha/ (12.10.2017).
7. Журнал «Православная радуга». – URL: http://www.pravraduga.ru/ (12.10.2017).
8. Журнал «Наследник». – URL: http://www.naslednick.ru/ (12.10.2017).

УДК 021.2

Пономарева
Наталья Владимировна
Централизованная библиотечная система»
муниципального образования Алапаевское –
Останинская сельская библиотека,
библиотекарь

БИБЛИОТЕКА И ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления работы библиотеки по приобщению читателей к знакомству с православной культурой. Затрагиваются вопросы о продвижении чтения православной литературы среди населения и о его духовно-нравственном просвещении. Предлагаемые формы работы библиотеки с читателями окажут содействие к возрождению духовности людей, восстановлению моральных устоев прошлого.

Ключевые слова: библиотека, православие, культура, традиции, православная литература, ценности

Ponomareva Natalya Vladimirovna
Centralized Library System of the municipality Alapaevskoe – Ostaninskaya rural library, librarian

LIBRARY AND ORTHODOX CULTURE: MAIN AREAS OF WORK

Annotation. The article deals with the main directions of the library's work to familiarize readers with the Orthodox culture. Questions are raised about the promotion of reading Orthodox literature among the population and its spiritual and moral education. The proposed forms of the library's work with readers will assist in the revival of people's spirituality, the restoration of the moral foundations int the society and culture.

Keywords: library, Orthodoxy, culture, traditions, Orthodox literature, values

«Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих», – говорится в Евангелии от Матфея (Мф. 4, 4). Евангельскими словами руководствовались русские люди в старые времена, выражая эту мысль в пословицах и поговорках, былинах и сказках. Христианской мудростью была одухотворена и жизнь царя, и беднейшего пахаря. Архиеп. Херсонский Димитрий сказал: «Откуда все, что есть лучшего в нашем Отечестве, чем ныне дорожим мы по справедливости?.. От веры православной, которую принес нам святой равноапостольный князь Владимир. …Святая вера православная сохранила нашу народность, освятила и укрепила в нас любовь к Отечеству. Она одушевляла и вдохновляла героев: Донского и Невского, Минина и Пожарского… Именно православная вера вдыхала и вдыхает нашим воинам непоколебимое мужество на поле брани и освящало самую брань за Отечество как святой подвиг, как святую жертву. Именно православная вера созидала русскую культуру, народные традиции, народное искусство, способствующее укреплению святого чувства любви к родной земле. Православная вера образовала нам наш благозвучный, богатый и разнообразный язык» [5, с. 220].

Всё это означает, что нельзя допускать забвения традиционной русской культуры, иначе идущее на смену поколение станет подражателем чему-то чужеродному, и не останется в сердцах места для живого общения с нашим историческим наследием. Как же приобщить читателей и посетителей библиотеки к православной культуре, в которой воплотился весь русский многовековой опыт? Как наполнить духовное пространство подрастающего поколения, как воспитать в них «нравственные ценности»? Как показать красоту православия, вызвать интерес к духовному общению? Ответы на эти и многие другие вопросы возможно получить, обратившись к опыту работ библиотек по направлению «Библиотека и православие».

В настоящий момент данное направление становится приоритетным в работе библиотек. Библиотека должна дать своим читателям представление о православной культуре России, главных духовных вехах её истории, способствовать формированию христианских, нравственных идеалов; содействовать популяризации православной книги.

Во многих библиотеках создан специальный фонд православной литературы. 14 марта проводятся ежегодно Дни православной книги. Основными целями этого праздника являются ознакомление широкого круга читателей с разнообразной православной литературой, осмысление значения православной книги, как хранителя истинных христианских ценностей, привлечение общественного внимания к популяризации духовно-нравственной литературы.

Книга – универсальный источник духовного развития личности. Евангельская тематика присутствовала в произведениях многих русских писателей: А. П. Чехова («На Страстной»), И. С. Шмелева («Лето Господне», «Богомолье»), А. К Толстого («Благовест»), Л. Андреевой («Гостинец»), Н. С. Лескова («Фигура»), Ф. М. Достоевского («Божий дар»), Л. Чарской и др. Православная литература не только открывает для читателей забытых авторов, но и знакомит с новыми именами, с современными духовными писателями (священнослужителями и мирянами). В детских сердцах находит живой отклик и детская православная литература. Дети с удовольствием читают не только переложения библейских сюжетов, евангельских историй, но и разнообразные поучительные повести, рассказы, притчи, стихи православных авторов.

Традиции православия сохранилась и в творчестве современных авторов: Ю. Вознесенской («Путь Кассандры», «Мои посмертные приключения»), Н. Коняева («Никола хлебный»), рассказы Б. А. Ганаго и др. Популярностью у современных читателей стали пользоваться книги, рассказывающие о христианской жизни (архим. Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые», О. Николаев «Небесный огонь», «Не от мира сего» и др.). Сегодня в нашей стране издаются православные журналы для взрослых и детей: «Славянка», «Фома», «Виноград», «Божий мир», «Православная радуга» и др.

Как театр начинается с вешалки, так и библиотека – с выставки. Именно благодаря ей читатели знакомятся с фондами, узнают о приоритетных направлениях библиотечной деятельности, расширяют свой кругозор. Представленные материалы на различных книжных выставках по теме

«Православие» одним посетителям, возможно, поспособствуют сделать первые шаги к вере, другим ещё сильнее укрепить её, а детям усвоить нормы христианского поведения.

Православные повести, рассказы, притчи, афоризмы, представленные на выставке «Откровения о смысле жизни», не просто заинтересуют некоторых читателей, но и дадут глубочайший опыт жизни, сделают идеи православия более привлекательными. Становятся популярными и виртуальные православные книжные выставки, размещенные на сайтах библиотек.

Духовное развитие происходит и в процессе эстетического воспитания. «Видеть прекрасное глазам полезно», – гласит старинная народная пословица. Одно из направлений деятельности библиотеке в работе по знакомству с православной культурой – картинные и книжно-иллюстративные выставки, выставки-вернисажи, фотовыставки: «Красота православных храмов», «Библейские сюжеты», «Дорога к храму», «По святым местам», «Россия православная», «Родные истоки», «Святые земли русской», «Церковь в истории России» и т. п.

Интересной формой работы могут стать медиа-путешествия по картинным галереям. Так, например, знакомясь во время медиа-путешествия «История в живописи» с картинами «Явление Христа народу» А. Иванова, «Александр Невский» П. Корина, «Христос в пустыне» И. Крамского, с иконой «Троица» А. Рублева посетители библиотеки изучают книги о шедеврах христианского искусства, узнают об истории появления икон на Руси. О значении православия в истории нашего государства, ратных делах и героических подвигах воинов, хранивших верность воинскому долгу, присяге и верности, о великих русских святых помогут рассказать яркие мультимедиа– презентации.

Знание истории того места, где ты живешь, – важно, как знать своё собственное имя. Одно из направлений библиотечной работы – православное краеведение. Значительное внимание уделяется памятникам православия, существующим и исчезнувшим храмам, находящихся на определенной территории, история православных традиций в культуре России.

В последнее время популярно как среди верующих, так и людей, далеких от церкви, паломничество. В поездках такого рода одних привлекают святыни, других – красота и уединенность святых мест, кто-то ищет исцеления, телесного и душевного, а некоторым хочется как можно больше узнать о вере своих отцов и дедов, о святынях России. Организация таких

паломнических поездок может стать ещё одним из направлений в работе библиотек по знакомству с православием. Большую помощь в организации и проведении таких поездок окажут книги о святых местах и святынях, жития святых. Обратим внимание, что паломническая поездка может быть и виртуальной.

Для воспитания молодого поколения необходим высокий идеал, образец, которому можно подражать. Жизнь святых угодников многие столетия являлась и в наше время остается таким идеалом нравственного совершенства. Хорошей традицией во многих библиотеках стало знакомство юных читателей с житиями святых (преподобного Сергия Радонежского, святого благоверного князя Александра Невского, святого равноапостольного князя Владимира и др.). Поучительность житий состоит в неутомимом служении Богу, терпеливости в перенесении тягот, мужестве, верности избранному пути.

Многие библиотеки, в особенности, находящиеся на Урале, посвящают различные мероприятия династии Романовых, связанные с трагическими обстоятельствами гибели Царской семьи в г. Екатеринбурге. Тема трагической гибели царской семьи – часть российской истории XX в., одна из значительных страниц православия. Духовное наследие великих соотечественников должно стать для всех нас вдохновляющим свидетельством о том, что основополагающими ценностями православной культуры является вера, любовь, добро, милосердие, сострадание. И только на их основе можно строить будущее страны.

Русские православные праздники, традиции и обычаи всегда занимали важное место в жизни народа. Библиотеки неизменно уделяют этому большое внимание. Стало хорошей доброй традицией собираться в стенах библиотеки для проведения таких православных праздников, как Пасха, Рождество, Крещение, Троица, Покров день, Яблочный, Медовый спас и др. Православные праздники – это шаг к духовному единению, которого нам часто не хватает. Именно они создают пространство духовной культуры, обогащая детей новыми знаниями о православной культуре, о традиция и обычаях русского народа. Ребята с удовольствием читают и слушают не только переложения библейских сюжетов, но и разнообразные притчи, стихи православных и светских авторов. На таких встречах говорят о добре и зле, о благотворительности. Участвуя в них, не только дети, но и взрослые, чувствуют себя частичкой огромной, богатой традициями страны.

Библиотеки организуют много самых разнообразных мероприятий, посвященных истории российского государства, связанной с православием: «Хранимая Богом родная земля!», «Под звон колоколов единство обрели» и другие. Широко отмечаются в библиотеках 24 мая – День славянской письменности и культуры, 8 июля – День семьи, любви и верности. Главная цель всех проводимых библиотекой мероприятий – задать молодому поколению правильный вектор движения в сторону православных традиций русского народа.

Остается актуальным и вопрос семейного чтения. Картина тихого, по-домашнему уютного вечера, когда за столом при теплом свете лампы вся семья заслушивается интересной книгой, – нечто идиллическое, из забытого прошлого. В наше время подобное встречается редко. Однако библиотека может попытаться взяться и за такое важное доброе дело – вернуть прелесть общения взрослых и детей, организовав семейный клуб по приобщению детей к православным традициям, через организацию полезного семейного досуга. Привлечение интереса к православным традициям, ценностям, содействие в духовно-нравственном становлении детей, укрепление микроклимата в семье – вот главные задачи создания такого клуба. В основе его работы лежат три модуля: творчество, чтение, общение.

Понимая ценность прекрасной традиции семейного чтения, которая, к сожалению, стремительно исчезает в потоке времени, можно помочь детям и родителям найти общий язык, стать ближе друг к другу. Книга и совместное творчество – идеальные посредники для диалога ребенка и взрослого. В данном случае, библиотека является связующим звеном в духовном единении семьи. На таких встречах ребята вместе с родителями могут знакомиться с русской культурой, участвовать в праздниках народного и религиозного календаря.

Как видим, много интересных форм работы по теме «Православная культура» предлагают своим читателям библиотеки. К данной теме проявляется значительный интерес. В то же время проблемой остается явная недостаточность элементарных знаний о православии. Необходимо задуматься о сотрудничестве библиотек с представителями церкви, которые смогут оказать содействие, вступив в сотрудничество с учреждениями культуры. Полагаем, что знакомство посетителей библиотеки с православием, приобщение к православной культуре будут содействовать возрождению духовности людей, восстановлению моральных устоев прошлого. А юные читатели в будущем смогут сделать свой правильный нравственный выбор.

Список литературы

1. Гвоздь, И. Обогащая душу и укрепляя дух: на пути к вечному спасению // Библиотека. – 2017. – № 6. – С. 61–64.

2. Духовно-нравственное просвещение и образование в России: проблемы и перспективы. – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т., Екатеринбургская епархия РПЦ , 2013. – 163 с.

3. Емельянова, Г. В. О православии из первых уст // Современная библиотека. – 2015. – № 6. – С. 66–68.

4. Зуева Л. Мудрые мысли о человеческом счастье: экспозиция на основе изданий из фондов городского кафедрального собора // Библиополе. – 2017. – № 5. – С. 34–35.

5. Лазорева, Т. Красота спасёт мир. Духовно-нравственное воспитание школьников. – Москва: Артос-Медиа, 2006. – 384 с.

6. Нефёдов, Г. прот. Основы христианской нравственности. – Москва: Паломник; Сибирская Благозвонница, 2008. – 288 с.

7. Потапова, И. Н. Чтобы мир добрее стал // Современная библиотека. – 2018. – № 10. – С. 82–83.

УДК 37

Силантьева
Наталья Александровна
детско-юношеская библиотека № 7
г. Копейска,
заведующий библиотекой

РОЛЬ И МЕСТО СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ В ДУХОВНОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается проблема духовно-нравственного воспитания, роль библиотеки в решении этой проблемы. Представлен опыт сотрудничества детско-юношеской библиотеки № 7 и Воскресной школы Храма Покрова Пресвятой Богородицы города Копейска в рамках проекта «К истокам духовности».

Ключевые слова: библиотека, православие, Воскресная школа, духовно-нравственное воспитание

Silantieva Natalia Alexandrovna
children's and Youth Library No. 7 of Kopeysk, head of the library

THE ROLE AND PLACE OF THE MODERN LIBRARY INTO THE MORAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Annotation. The article deals with the problem of spiritual and moral upbringing, the role of the library in solving of this problem. It illustrates the experience of cooperation between the

Children's and Youth Library No. 7 and the Sunday school of the Cathedral of the Intercession of the Most Holy Theotokos in Kopeysk within the project «To the origins of spirituality».

Keywords: library, Christianity, Sunday school, spiritual and moral upbringing

С утратой традиционных моральных ценностей, разрушением историко-культурной преемственности поколений, все более очевидным становится духовно-нравственный кризис современного сознания. Субъект современной культуры, пребывая в непростом состоянии этической дезориентации, ментальной беспомощности, интуитивно стремится к опоре на ценности православия. Именно в православной вере заключена духовная мощь, которая всегда помогала русскому человеку выстоять в самых тяжелых испытаниях.

«С православной церковью наш народ прошел тысячелетний путь своей истории. Часто нелегкий путь, путь испытаний, но вера давала мужество и силы, укрепляла в трудностях, дарила надежду, – говорил Патриарх Всея Руси Алексий II. – Дай Бог, чтобы наши соотечественники после семи десятилетий атеизма и борьбы с верой нашли дорогу к православному храму и духовно, нравственно обновились, чтобы созидать новую Великую Россию» [2, с.10].

Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России определяет основные принципы, содержание процесса духовно-нравственного развития и воспитания. В процессе реализации положений Концепции целесообразно выстраивать партнерские отношения «…с другими субъектами социализации: семьей, общественными организациями, учреждениями дополнительного образования, культуры и спорта, СМИ и традиционными религиозными объединениями» [1, с. 20].

Особую, созидательную роль в этом направлении играют партнерские отношения библиотек и Церкви. Церковь и библиотека связаны тесным историческим родством. Как известно, первые книгохранилища возникли в стенах храмов. К тому же главной миссией, как библиотек, так и Церкви, всегда являлось духовное просветительство.

Духовно-нравственное воспитание складывается из многих моментов. К последним относится воспитание патриотизма, гражданственности, осознание ценности семьи, воспитание любви к своей малой родине, своему краю, предотвращение вредных привычек, воспитание стремления к здоровому образу жизни. Возрождение культурных и нравственных ценностей – приоритетное направление в работе нашей библиотеки. На протяже-

нии трех лет библиотека сотрудничает с Воскресной школой Храма Покрова Пресвятой Богородицы, которой руководит матушка В. Д. Вавилова.

Сотрудничество библиотеки с Воскресной школой началась в 2019 г. с отдельных мероприятий. Однако уже к 2020 г. родился проект «К истокам духовности». Цель проекта – формирование духовно-нравственного здоровья подрастающего поколения, приобщение их к нравственным и духовным ценностям православной культуры.

Проект предусматривает решение нескольких задач:

– приобщение детей и взрослых к духовно-нравственным ценностям традиционной отечественной культуры, к изучению прошлого своего народа через книгу;

– содействие развитию активного культурного сознания и нравственного поведения детей и взрослых, формированию их жизненных позиций.

Проект ориентирован, в первую очередь, на детей и подростков, занимающихся в Воскресной школе, но разовые мероприятия проводятся и для других читателей библиотеки.

Основные направления работы в рамках проекта:

– дорогою добра,

– православные праздники,

– литературные страницы.

Работники библиотеки каждое воскресенье проводят духовно-нравственные уроки. Но учебный год начинается с родительского собрания, на котором идет разговор о роли духовно-нравственного воспитания в становлении личности, о вкладе родителей в формирование нравственного поведения.

В рамках проекта предлагается проведение мероприятий разной формы и тематики:

– квиз «В ожидании Рождества»;

– познавательная игра «Под чистым небом рождества»;

– беседы-диалоги «Гордость и гордыня», «Добро и зло», «Поговорим о скромности», «Вирус сквернословия» и другие;

– уроки духовности «Как наше слово отзовется», «Совесть без зубов, а загрызет», «Церковный этикет» помогают детям разобраться, как надо себя вести, как разговаривать, чтобы не обидеть другого;

– в цикле бесед «Что в имени тебе моем?» ребята узнали, как выбирали имена в дохристианской Руси и что за каждым православным именем

стоит святой человек, о котором надо помнить, так как он твой покровитель и помощник в добрых делах, выполняли творческие задания, связанные с их именами.

Работники библиотеки рассказывают о православных святых (видеорассказ «Кирилл и Мефодий – святые просветители славян», слайд-беседа «Защитник земли Русской Александр Невский», «Апостол любви – Иоанн Богослов»).

На арт-часах дети узнают об истории появления икон на Руси, знакомятся с творчеством великих русских иконописцев – Андрея Рублева и Феофана Грека, с иконографией Иисуса Христа и Богородицы.

Художественная литература во все времена была одним из лучших средств воспитания души, познания жизни. Обсуждение книг –еще одна из форм, позволяющая разобраться в таких простых понятиях, как добро и зло, милосердие, взаимопомощь. Читатели разного возраста с удовольствием участвовали в обсуждении сказки С. Прокофьевой «Великие холода или Не буду просить прощения»; рассказов Ф Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», Н. Телешова «Ёлка Митрича»; повести С. Андрияновой «Желтые конверты».

Сотрудничество библиотеки с Храмом Покрова Пресвятой Богородицы не ограничивается уроками в Воскресной школе. Для прихожан Храма библиотека ежегодно организует мероприятия, посвященные дню Победы: «О героях былых времен», «Этот день мы приближали, как могли». На этих праздниках дети рассказывают о своих близких – участниках Великой Отечественной войны, взрослые делятся своими воспоминаниями, звучат стихи и песни в исполнении детей и взрослых. Активное участие в подготовке и проведении праздников принимают матушка Вера Дмитриевна Вавилова и отец Павел, другие педагоги.

Традиционным праздником, который организует библиотека, стал День матери. В 2021 г. впервые были проведены Покровские посиделки. В первой части мероприятия ребята познакомились с историей праздника Покрова Пресвятой Богородицы, с историей нашего Храма. Вторая его часть прошла в лучших народных традициях: с играми, частушками, мастер-классами, загадками. Специалисты библиотеки принимают активное участие в подготовке и проведении городской Рождественской елки, Масленицы, Пасхи.

Для реализации проекта «К истокам духовности» необходим хорошо укомплектованный фонд. В библиотеке сформирован фонд изданий о православной культуре, иконописи, выдающихся деятелях русской церкви, ее истории. Фонд библиотеки пополняется изданиями, подаренными библиотекой Храма Покрова Пресвятой Богородицы. Большой интерес вызывает у читателей журнал «Колокольчик», издаваемый Челябинской епархией, регулярно поступающий в библиотеку из Храма.

Сотрудничество библиотеки с Храмом существенно обогащает деятельность библиотеки, разнообразит избираемые темы, расширяет аудиторию проводимых мероприятий. Мероприятия, которые мы проводим в библиотеке, за ее пределами по основам православной культуры, привлекают внимание к нравственным основам православия, приобщают подрастающее поколение к национальным святыням. Можно с уверенностью сказать, что партнерские отношения между библиотекой и церковью играют значимую роль в духовно-нравственном воспитании, становлении национально-православного самосознания.

Список литературы

1. Данилюк, А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – Москва : Просвещение, 2011. – 23 с.

2. Фонотов, Г. П. Библиотеки и религия / Г. П. Фонотов. – Москва : Либерия, 1995. – 64 с.

IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ, СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 75.03(571)

Трифонова Галина Семеновна
Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. Я. Чайковского, факультет изобразительного искусства,
член Союза художников России, член Общероссийской организации историков и художественных критиков «Ассоциация искусствоведов»,
кандидат исторических наук, доцент

КЛОКОЧУЩАЯ ЖИВОПИСНАЯ ЛАВА СЛАВЯНСКОГО БАРОККО. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО СЕРГЕЯ ПЕТРОВА (1918–2006)

Аннотация. В статье публикуется фактология и осмысление жизни и творчества известного в искусстве XX века в Болгарии славянского художника Сергея Ивановича Петрова (18.03.1918, Челябинск – 17.06.2006, София, Болгария; автограф на произведениях – СЕРП), редко публикуемого в России, принадлежащего генетически и художественно искусству и культуре России и Болгарии.

Искусство вплавлено в драму и трагедию жизни художника СЕРПА и определяется духовными основами славянства и его христианской культуры: в жизни и искусстве быть духовным трудником с горящим сердцем, пожар и темперамент которого плавит стихию живописи. Христианское подвижничество, исихазм – паламизм как духовно-философские основания восточной ветви христианства – прорываются в славянском барокко. Все это, несомненно, составляет в апокалипсические времена XX и XXI веков духовные и стилевые основы содержания, жанровых характеристик и стихию живописного метода С. И. Петрова.

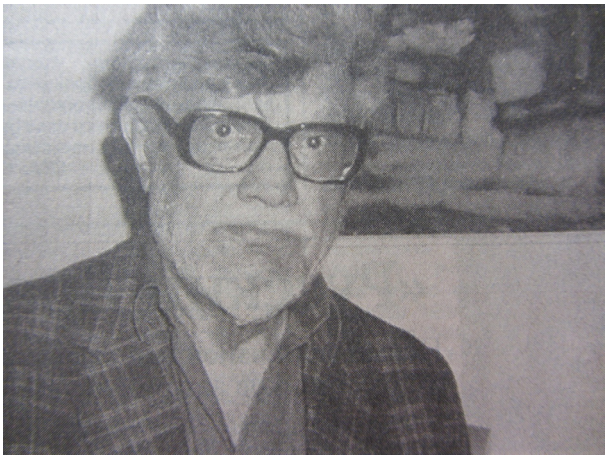
Ключевые слова: культура и искусство славян; русский и болгарский художник С. И. Петров – живописец-колорист, мастер акварели и монотипии; славянское барокко, исихазм и паламизм.

Trifonova Galina Semenovna
South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky, Member of the Union of Artists of Russia, Member of the All-Russian Organization of Art Historians and Art Critics «Association of Art Critics», PhD in Historical Science, Associate Professor

VIOLENT PAINTING AVALANCHE OF SLAVE BAROGUE. THE LIFE AND CREATION OF SERGEI PETROV (1918–2006)

Annotation. The article deals with the factology and understanding of the life and work of the Slavic artist Sergey Ivanovich Petrov (03.1918, Chelyabinsk – 17.06.2006, Sophia, Bulgaria), famous in the art of the twentieth century in Bulgaria (the autograph on the works is a SICKLE), rarely published in Russia, belonging genetically and artistically to the art and culture of Russia and Bulgaria. Art is fused into the drama and tragedy of the life of the artist SICKLE and is determined by the spiritual foundations of Slavs and its Christian culture: in life and art, to be a spiritual worker with a burning heart, whose fire and temperament melts the element of painting. Christian asceticism, hesychasm – palamism as the spiritual and philosophical foundations of the eastern branch of Christianity – break through in the Slavic Baroque. All this undoubtedly constitutes, in the apocalyptic times of the twentieth and twenty-first centuries, the spiritual and stylistic foundations of the content, genre characteristics and the element of S. I. Petrov's pictorial method.

Keywords: culture and art of Slavs; Russian and Bulgarian artist S. I. Petrov – painter of the colorism, maestro of the watercoloure and monoprint; baroque of Slav; hesychasm – palamism



С. И. Петров.
«Челябинский рабочий».
30 июня 2006 г.

Чем дальше движение времен, тем яснее проявляется сила притяжения славянства – истории, культуры, искусства его народов. Восток, Запад – искусство их народов прочно вошло во всемирную орбиту обращения. При этом искусство славянских народов появляется часто только в касании с проблемами истории восточных и европейских народов, оставаясь мало известно за пределами границ стран, которые были созданы преимущественно славянскими этносами.

Интерес этот не только генетический. В поисках родства и открытий родственных народов, жизни и отражений их мировидения в искусстве, возникший в странствиях, отодвинутый сначала первоочередными задачами жизни, а затем из-за возникших катастрофических потрясений на пра-

родине западных, южных, а теперь вот и восточных славян, интерес этот вышел из опыта и осознания жизни в Советском Союзе (где, прежде всего, был интересен человек с его душой, с личностными представлениями и проявлениями во всем многообразии культурно-исторических, гуманистических традиций).

Славянин с русско-болгарскими христианскими корнями

Начало этой истории уходит в 1980-е годы. С годами она вылилась в десятилетия волнений, вдохновляющих открытий и тяжелых переживаний, осуществленная через препятствия почти непреодолимой силы только частью замысла главного героя и инициатора этой истории – русского и одновременно болгарского художника и гражданина Сергея Ивановича Петрова. Талант, большая духовная сила и мощная энергия этой личности как шторм захватила людей и культурные институции Болгарии и России, городов Софии, Москвы и Челябинска, сотрясая в течение почти четверти века людей искусства, журналистов и чиновников – помогавших и сопротивлявшихся напору энергии его славяно-русской души, сметающей на пути всех сомневающихся и остерегающихся…

Не только воспоминания этой эпопеи возвращения на Родину души, запечатленной в творениях живописца Сергея Ивановича Петрова – СерПа, как он подписывал свои произведения, но и те немногие, по-настоящему ёмкие письма (время переписки 2000-е – последнее неполное десятилетие жизни художника), адресованные автору этих строк художником и сопутствующей главным жизненным и творческим устремлениям художника русско-болгарской журналисткой Ларисой Ивановной Григоровой, возглавившей в Софии в тяжелые времена перестройки благотворительный фонд помощи творческой интеллигенции «Русский фонд милосердия и культуры – Болгария», каждый раз от прочтения которых изливается как полыхающая и клокочущая лава, энергия стремлений к осуществлению главного желания художника – воссоединиться с Родиной – Россией – в ее географической точке – в Челябинске. В его планах – передать Родине самое сокровенное, что создано его талантом – произведения живописи Сергея И. Петрова, которые признаны в Болгарии, в Советском Союзе, в странах Европы. И далее – вернуться на Родину физически, поселиться в Челябинске и обрести вечность на родной земле… Художник мечтал об этом всю вторую половину своей жизни, особенно, когда все его родные: отец Иван Николаевич Петров, болгарин, мать

Василиса Ивановна, русская женщина; жена певица Льоли Даскалова, солистка Софийского театра оперы и балета – ушли в мир иной; ушли и его учителя и друзья – художники и искусствоведы.

План воссоединения с Родиной художник вынашивал долгие годы. В переписке с Российским культурным фондом в Москве, возглавляемым Н. С. Михалковым, с директором Челябинской картинной галереи К. Н. Сидоровым, через посредничество картинной галереи – с губернатором Челябинской области П. И. Суминым и министром культуры области В. Н. Макаровым, с журналистами, коллекционерами и искусствоведами он настойчиво и страстно формулировал это свое желание. В поисках путей осуществления этого жизненно и творчески необходимого проекта откликнулся прежде всего именно Российский фонд культуры. Художник С. И. Петров добился, чтобы фонд забрал хотя бы часть произведений, предназначенных им в дар России. Фонд провел выставку его произведений в Москве, в Болгарском культурном центре в 1998 г., в результате которой его определили «русским Сезанном», продолжателем традиций Бубнового валета, и, выполняя волю художника, распределил его произведения по музеям, прежде всего – в Челябинскую картинную галерею. Художник С. И. Петров планировал следующую передачу и просил выделить ему квартиру-мастерскую в Челябинске, чтобы вернуться на родину не только духовно, но и реально, на что губернатор не откликнулся.

Далее последовали новые этапы эпопеи по передаче произведений С. И. Петрова, уже безо всяких условий с его стороны, кроме единственного: вывезти в Россию созданные художником и отобранные произведения и разместить в собрании Челябинской картинной галереи. По ходатайству директора ЧОКГ К. Н. Сидорова сотрудники картинной галереи Т. В. Батова и Н. А. Козлова были командированы в 2005 г. губернатором П. И. Суминым с этой целью в Болгарию и привезли 95 произведений художника. Затем подключилась к этой работе РАО ЕЭС и 2005 г. доставила в Челябинск 202 произведения. Далее, компания РАО ЕС в лице Челябинской генерирующей компании на корпоративные средства осуществила весной 2005 г. на автотранспорте поездку журналиста и оператора в Софию к художнику и перевезла 140 его произведений в Челябинск. Таким образом, болгарский художник с русскими корнями Сергей Иванович Петров передал на родину 500 произведений живописи, из них большая часть – 400 живописных работ находится в собрании ЧОКГ/ЧГМИИ.

В ходе переписки возникла идея создания монографии о художнике – и было ясно, что обе стороны – и художник С. И. Петров, и искусствовед Г. С. Трифонова – предполагаемый художником автор, видели необходимость в собирании материала в Софии, в пространстве, где с 1930-х гг., после переезда в Болгарию 15-летнего юноши Сергея Петрова с родителями – отцом болгарином Иваном Николаевичем Петровым и матерью – русской женщиной с Урала Василисой Ивановной проходила вся его жизнь: учеба в Софийской академии художеств в 1940–1944 у педагогов – прославленных болгарских живописцев Николы Маринова, Илии Петрова, Николы Ганушева, участие в художественной жизни Болгарии, участие после второй мировой войны в международных пленэрах с частыми выездами в Советский Союз, педагогическая деятельность как художника-педагога студии.

Судьбы человеческие и судьбы искусства неисповедимы. В недавно минувшем двадцатом веке с Челябинском были связаны, жили и работали более двухсот профессиональных художников. Качество творческого наследия, число произведений и объемы информационного архивного материала у каждого из них различны. Есть художники, жившие и работавшие в городе, о которых сведения весьма скудны, и работ их почти не осталось. Печально это обстоятельство. Духовное пространство, его целостность, насыщенность и полнота вбирает в себя все богатство идей, явлений, творческих достижений, оно строится и растет из многообразия вклада каждой творческой личности. Неполнота представления сказывается на качестве и духовной атмосфере художественной среды.

На этом фоне необыкновенно значимым представляется феноменальное обретение – большая коллекция живописных произведений болгарского художника, челябинца по рождению, русского по духу Сергея Ивановича Петрова. Поступлению подаренного художником на родину его наиболее ценной части всего творческого наследия художника, так сказать, его тезауруса предшествовали большие, продолжительные хлопоты и волнения как со стороны дарителя, так и со стороны принимающих дар. Благодаря совместным усилиям передача в собрание художественного музея на родине художника в Челябинске состоялась.

В собрании произведений искусства XX века в Челябинской картинной галерее – теперь в составе Челябинского государственного музея изобразительных искусств – коллекция живописи Сергея Ивановича Петрова (напомним, составляет около 400 произведений) по численности значи-

тельно превосходит другие персональные коллекции челябинских художников.

Что представляет собой живопись нашего земляка, художника, чье профессиональное становление и самостоятельное творчество проходило на иных широтах, среди пышной южной природы западного Причерноморья, в иных, хотя и славянских, но все-таки отличных от среды России и Урала условиях? На этот насущный вопрос сегодня, когда произведения находятся в запасниках музея, принявшего столь ценный дар, мы можем ответить только в самых общих чертах.

Авторская коллекция живописца Сергея Ивановича Петрова окончательно сформировалась осенью 2005 года, процесс изучения и осмысления его творчества, благодаря столь емкой и представительной коллекции, происходит постепенно, в процессе подготовки выставок и каталогов к ним для южноуральских музеев, галерей, выставочных территорий высших учебных заведений и детских художественных школ в городах Южного Урала – Копейск, Сатка, Магнитогорск. Он осложняется тем, что первоисточник творческого материала – сам художник жил далеко от нас, его почтенный возраст и состояние здоровья требовали от исследователя ускорения процесса. Теперь, когда Сергея Ивановича уже нет с нами, такая спешка отпала, и наступило время глубокого и вдумчивого исследования. Нужно детально хронологически рассмотреть этапы творчества, формирование творческого лица художника, путь и достижения в искусстве. В ходе исследования проявится во всей полноте сила творческого дара живописца. Вероятно, результатом такого биографического и монографического исследования должна стать книга-монография о художнике.

В данной статье предпринята попытка сформулировать лишь самые общие впечатления и представления о живописи С. И. Петрова, выявить сущностные его основы, коренящиеся в наследованной художником древней славянской культуре, существенную часть которой составляет восточное христианство – православие, органичное воспринятое из Византии южными балканскими славянами Болгарии и Русью.

Евразийство Византии как пример для современного контекста жизни России, ее взаимодействий с пространством Европы и Азии, с Востоком, прошлым и будущим позволяет понять и прочувствовать просвечивающие сквозь образы и темпераментные пласты живописи художника-славянина С. И. Петрова, христианские генетические истоки глубоких,

идущих из Византии духовных оснований, и прежде всего, исихазма – паламизма, по имени его философа и святого XIV в. Григория Паламы, мистического течения в христианстве эпохи расцвета византийского искусства как первоисточника для восточных славян, болгар, сербов и русских, проявленного в безмолвии, отрешенности от сиюминутной бытовой жизни, в молитвенном слиянии с Богом и проявлении его сущности, его энергий в образе несотворенного Фаворского света, озаряющего земное бытие и как откровение рождающего соприкосновение с высшей божественной сущностью. Всполохи в пейзажных образах и в своеобразных портретах современников дают возможность С. И. Петрову через живопись передать людям – зрителям это волнующее чувство соприкосновение с Высшим миром, просветляет дух и наполняют душевной силой. Эти духовные прозрения через потрясения, выраженные контрастами света и тьмы, колористическими контрастами, заставляют вспомнить, вслед за восточно-христианским исихазмом, славянское барокко позднего средневековья, продолжавшееся в напряженных борениях духа, находивших выражение в живописи славянских народов вплоть до XVIII столетия. Барокко, выплескивающегося в творчестве любимых С. И. Петровым европейских художников: Рембрандта, Ф. Гойи, Ж. Руо.

Отблески славянского барокко эхом отзываются вплоть до XX в., в болгарской живописи и в искусстве Советского Союза 1960–1980-х гг. в границах сурового стиля.

Страницы биографии, взаимосвязь жизни и творчества

Из биографических данных С. И. Петрова следует, что для работы в сельском хозяйстве на Урале вербовали среди обедневшего в результате болгаро-турецких войн населения Болгарии батраков, которые и пребывали на Южный Урал. Будущий отец Сергея Ивановича Петрова Иван Николаевич Петров прибыл в Челябинск в восьмилетнем возрасте и много работал на земле. В результате упорного труда он обзавелся хозяйством, женился на крестьянке Василисе Ивановне, 18 марта 1918 г. у них родился сын Сергей. Семья проживала на северной границе Челябинска, в селении Першино. Холмистую местность с извилистым руслом реки Миасс называли Першинскими высотами. Земля была плодородной, Петровы культивировали огороды, обильный полив и уход за посадками обеспечивал хороший урожай, благо река Миасс рядом. Хозяйство разрасталось, был заведен скот-

ный двор и конезавод, мельница. Рачительные труженики, Петровы открыли постоялый двор для приезжавших в Челябинск для торговли на ярмарках различными товарами татар и башкир. Началась революция и гражданская война, Першинские высоты, где во время Пугачевской войны в 1773–1974 гг. разыгрывались сражения имперских войск с повстанцами, в годы гражданской войны стали местом, где решалась судьба города на Восточном фронте в борьбе между частями Белой колчаковской армии под руководством генерала Каппеля и красноармейцами 5-й Красной армии под руководством М. Тухачевского. Решающую роль в победе частей Красной армии на северных подступах к Челябинску сыграли батальоны добровольцев – челябинских рабочих и копейских шахтеров.

В годы Советской власти крепкие хозяева Петровы продолжали жить и работать до периода коллективизации, когда их хозяйство крепких хозяев, заработанное многолетним собственным трудом, было конфисковано, а им самим грозила ссылка, как раскулаченным. Болгары – бывшие батраки, проживавшие в Першинской слободе, обратились в Болгарию к царю Борису и получили разрешение вернуться. Так семьи болгар из Челябинска, и Петровых в их числе, оказались к середине 1930-х на своей исторической родине в Болгарии. Но и на родине отца художника не все пошло гладко – в 1920-е гг. нарождающийся режим с фашистским уклоном вызвал народные протесты. Восстание болгар на своей родине против фашистской диктатуры в 1923 г. было жестоко подавлено. Эти события открыли дорогу фашизации Болгарии в годы второй мировой войны. Студент Софийской Академии художеств Сергей Петров с товарищами принял участие в болгарском сопротивлении и ушел в леса. Фашисты схватили его отца И. Н. Петрова, жестоко его пытали. Сын, узнав о страшных событиях, вернулся домой и застал отца умирающим. Отец не мог говорить, они только глядели друг другу в глаза, безмолвно говорили друг с другом…Эта боль до конца дней поселилась в сердце Сергея Ивановича.

Воспоминания художника о детстве в Челябинске наполнены теплом жизни среди природы, о летних и зимних играх, катаниях на горках, памятью об искусно выстроенных этих ледяных сооружениях с «помещением» в массиве ледяной горы для согревания замерзших на катаниях до посинения ребятишек. Эти воспоминания всю жизнь грели душу как самые светлые годы жизни в городе, в котором родился и прожил свое детство будущий художник Сергей Петров.

Тексты о ранних годах жизни, стихи о прошлом и о связях с Родиной – свидетельство острой наблюдательности, памяти и образного восприятия визуального мира и пробуждение раннего чувства емкой выразительности русского слова. Видимо, одаренность мальчика рано проявилась и была замечена учителями и родителями. В поэтическом кружке и на занятиях рисованием со стороны учителей Сергею было оказано особое внимание.

Его таланты развились в молодые и зрелые годы, он овладел живописью и стихосложением, на основе полной свободы добивался выразительности, глубоко откликавшейся во внутреннем мире зрителя и читателя и его переживаниях. Раннее духовно-творческое развитие и духовная чуткость вошли базисной частью его натуры и характера в зрелые годы, свидетельства – живопись и письма художника.

В письмах эта энергия и глубина натуры и понимания визави в эпистолярном жанре ощущается с огромной силой. Приведу для ясности полный текст одного из немногих полученных мною от С. И. Петрова писем, где отчетливо проявлена чуткая натура человека и художника, понимающего людей и глядящего в корень ситуации и человеческих отношений. Это письмо, по сути дела, исповедь художника…

> Здравствуйте, дорогая Галина Семеновна! Искренне рад Вашему сердечному письму. Спасибо за первые отзывы о тех моих работах, которые Вам удалось увидеть в суматохе по их приему. Должен Вам сказать, что Вы в очередной раз удивили меня умением «декодировать» мои живописные послания (имею в виду ту картину, которую я надписал челябинцам).
>
> Мы действительно давно не писали друг другу. В этом году нам с Ларисой Ивановной пришлось заниматься многими проблемами, и мы как-то поддались соблазну не писать, а звонить в Челябинск. Быстро и удобно, но письма все же лучше – к ним можно возвращаться и перечитывать.
>
> Сегодня (в воскресенье) завершается цикл приема лекарств по поводу предстоящей мне операции. В понедельник 19.09. 2005 г. я поступаю в больницу, поэтому постараюсь коснуться только волнующих меня проблем.
>
> Очень жаль, что Вы не приехали. Единственные два вопроса, которые меня волновали все эти годы – успеют ли вывезти мои работы в Россию и приедет ли из галереи искусствовед собрать самую насущную информацию. Съемка фильма мне показалась чем-то вроде «архитектурного излишества», поскольку знаю, с каким трудом находили средства для вывоза картин. В подобной ситуации болгары говорят «на гол тумбак чифте пищоди» (буквально: «на голое брюхо – пара пистолетов»).
>
> Но более всего, Галина Семеновна, меня изумила информация о том, что Ваши коллеги по работе считают творчество С. Петрова своим периметром, в который Вам вход запрещен. А по поводу фразы о том, что «эту тему изначально начала

разрабатывать Т.Батова, затем Н. Козлова», я просто немею. Глагол-то «разрабатывать» имеет смысловую нагрузку. Уверяю Вас, Галина Семеновна, еще при знакомстве и приеме работ меня крайне озадачил тот факт, что ни одна их этих вполне симпатичных мне сотрудников галереи не задала ни одного вопроса, непосредственно связанного с моими работами. Я объяснил себе это спешкой и суетой при подборе, упаковке и проч. картин. Думал, всмотрятся в картины, сформулируют вопросы и станут «терроризировать» ими меня в письмах. Увы! За три года ни одного письма по делу. А ведь не увезли же они в Челябинск, например, 2 тонны картошки. Единственный вопрос, который у них возник – что такое «акварель на чесноке». Всё! Я пытался завести разговор, показать палитру (ведь самые интересные для художника проблемы и беседы связаны с тем, как живописными средствами раскрыть образ, как положить тон к тону, и другое). – Взгляд через плечо – и всё!

Я уверен, что акварели с куклами на холсте им не понравились. По-видимому, нет знания и понимания того, что писать на мокром холсте такого формата акварелью очень редко кто осмелится.

Не было ни одного вопроса о цикле «Септембри 23». Просто переставили попавшиеся им при подборе картины в сторону. Я сознаю, что история России и СССР полна драматизма, и подобные сюжеты там не новость. Но в моем творчестве это важный этап, так как я лично пережил такую же трагедию – мой отец без суда и следствия был фактически убит в фашистской полиции Болгарии – умер после жутких побоев.

Галина Семеновна, опасаюсь, чтобы Вы не подумали, что у меня есть какие-либо претензии к Татьяне или Наталье. Я просто понял, что мое творчество, как говорят, не легло им на душу, не затронуло их. Такое случается, наверное, их интересы в других координатах. На этом фоне проявленный Вами интерес к моим работам – радостное утешение для меня. Мне почти 88 лет, предстоит очень тяжелая операция. Я не знаю, чем это может кончиться.

Поэтому, прошу Вас, если у Вас сохранился интерес к моим работам, не поддавайтесь посторонним, находящимся за пределами этического и профессионального отношения к делу, внушениям. Я рад всем, кому будет интересно разобраться в моем творчестве. И если у Татьяны Батовой и Натальи Козловой такой интерес появился, я постараюсь всем сердцем помочь им, чем могу. Боюсь только, не поздно ли. Так им и передайте.

Вы понимаете, Галина Семеновна, что работы, переданные мной в дар России и Челябинску (более 620 картин) – это моя жизнь, смысл ее, конечный результат. Для меня действительно очень важно, чтобы этот дар был подкреплен той насущной информацией, которую уже неоткуда получить. Вокруг меня – пустыня. Все мои близкие друзья, коллеги, с которыми работал и общался, мои учителя и искусствоведы, которые интересовались моим творчеством, давно на том свете. А то, что я живу вдали от России, еще больше усложняет задачу.

Поэтому я хотел бы продолжить наше общение и в меру моих сил поддержать тот интерес, который Вы проявили к моему творчеству. За 65 лет профессиональной работы я кое-чему научился. Я вижу в Вас специалиста высокого класса, вдумчивого человека, способного к анализу и обобщению и очень рассчитываю на

то, что моя воля как автора будет учтена руководством галереи. Я перестал писать в галерею, потому что не привык топтаться у закрытой двери. Вы же, Галина Семеновна, ни разу не оставили моего письма без ответа. Хочу Вам напомнить, что инициатором нашей переписки стал я, так что никому дороги Вы не перебегали, и совесть у Вас чиста. Еще раз прошу Вас – не поддавайтесь! Я уверен, что переданные Вам господином Сидоровым «осуждение коллег» (если имеются в виду все коллеги) – результат незнания сложившейся ситуации. Объясните все это хотя бы С. М. Шабалину или дайте ему почитать это письмо, у нас секретов или конспираций нет. Если у меня получится, я сам ему напишу несколько слов благодарности, так как понимаю, с какой нагрузкой ему пришлось работать из-за моих картин.

Теперь, Галина Семеновна, еще одна важная для меня тема. Лариса Ивановна сказала Вам по телефону, что одна из картин, переданных Агееву, предназначена Вам. Я просто предположил, что в галерее могут не понять моего жеста, и поэтому адресовал все картины Агееву Ю. Т. Но он знает, какую картину я даю Вам, именно Вам на память. В знак моего самого сердечного отношения к Вам и чувства благодарности, которое я испытываю. Вы единственный специалист из родного города, который «выдержал» тяжесть общения со мной. Я храню все Ваши письма и прочел присланные Вами публикации. Прошу Вас, Галина Семеновна, с чистым сердцем принять этот подарок в память о старом художнике. Я не согласен, чтобы Вы оставили эту работу Ю. Т. Агееву или передали ее в галерею, как Вы пишете – там предостаточно работ. А вот мое сердце будет дольше стучать, если я буду знать, что в Вашем доме живет частичка моего труда. Не сомневайтесь и бестрепетно принимайте мои хризантемы. Мое время уходит, Галина Семеновна, и это дар от сердца, а не, скажем, материальное вознаграждение за какие-либо дела или слова. От сердца, Галина Семеновна, и Вам, и Юрию Трофимовичу дар на память.

Я дам распоряжение Ларисе Ивановне найти способ еще одну – две мои работы переправить в Россию для других сотрудников галереи. Один из них – Шабалин.

Если найдете нужным, чтобы и г-н Ткаченко С. О. ознакомился с моим взглядом на сложившуюся ситуацию, я постараюсь написать ему письмо отдельно.

Извините, что письмо пишу с частыми поправками. Кроме всех бед, у меня глаукома и катаракта.

Обнимаю Вас, будьте здоровы.

Привет всем, кто меня знает.

Сергей Петров СерП.

19.09.05. София.

Ps. Галина Семеновна! Перечитал еще раз Ваше письмо. Очень меня заинтересовала идея показа моих работ на мольберте художникам.

Напишите мне, пожалуйста, осуществилось ли это. Очень мне интересна реакция коллег художников на мои работы. У меня давно есть мечта с кем-то из них установить контакт.

Репродукции картин Вандышева И. Л., которыми Вы иллюстрируете свою статью, для меня настоящий подарок – это Челябинск моего детства.

Спасибо Вам от души.

СерП

Последнее письмо

С долей юмора художник пишет экспромт-эпиграмму, подтрунивая над собой, своими ожиданиями и возможностями адресата осуществить эту его глубокую надежду, скрываемую за легкостью добродушно-ироничного юмора. Письмо написано уже после операции, сентябрь 2005.

Близкому сердцу и далекому по местожительству другу – Галине Семеновне!

Буквально за 1,5 часа до страшной операции, в полушутливой форме, я Вам написал послание. Это мое твердое желание, буду надеяться, что оно осуществится.

Галина Семеновна! Будьте так любезны
Подробно изучить и оценить мой скромный труд;
На то у Вас полезных знаний просто бездны,
Без приложения которых старому творцу- капут!

Жалко, по независящим от меня причинам, посылаю его Вам с большим опозданием.

Огромное Вам спасибо за богатую и как всегда интересную для меня информацию.

Челябинские энергетики сделали для меня богатое дело. За это им моя благодарность. Но не знаю, как бы им деликатно напомнить, что истина дороже всего. Не должно быть никакой переделки фактов, никакой выдумки и никаких добавок.

Истина остается навсегда.

А украшательство, как бы ни было приятно и доброжелательно, всегда будет временно. (Реплики в ответ на присылку газеты с отчетом о передаче произведений С. И. Петрова, привезенных из Софии Челябэнерго. – *Г. Т.*).

Поздравляю Вас с большим праздником – выставкой Русского музея. Интересно, как будет там представлен В. Серов.

Извините за неряшливое и краткое письмо. Еще чувствую себя как после погрома.

Пишите!

Весточка от доброго друга всегда будет радостью.

Старый хорошо помню (в ответ на присылку открыток с фото дореволюционного Челябинска. – *Г.Т.*), а как выглядит сегодняшний Челябинск?

С уважением СерП.

Пронзительно выражена беззащитность мужественного, сильного духом человека перед страданием исхода жизни и обреченную на невозможность мечту оказаться на Родине – осуществить его спасительную надежду – в последнем стихотворении, которое продиктовал художник перед смертью (прочитано по телефону Л. И. Григоровой – другом и верной по-

мощницей С. И. Петрова на последнем этапе его жизни). Стихи, обращенные к Родине, как молитва:

На чужбине погрущу,
Не стыдясь, поплачу.
С каждым днем растет тоска неутешимая:
Знаю, никогда не будет мне удачи
Встретиться с тобой, Россия –
Мать родимая.
На чужбине упаду
И сам опять заплачу, с каждым днем растет тоска неотвратимая.
Далеко от Родины мой путь тернист и мрачен.
Мать моя, услышь мой вопль, родимая!
На чужбине упаду,
Кто обо мне заплачет?!
Сердце сжала боль-тоска невыносимая.
Как мне разрешить мою последнюю задачу?
Мать моя, ты дашь мне сил, родимая!

Об источниках духовного наполнения живописи Сергея Петрова

В славянских культурах слово несет в себе силу воздействия на сознание и чувства, как истина, с ее потрясающей энергетической силой. Этот императив выработан христианской культурой как следующего после античности этапа развития философии. Библейское откровение: «Сначала было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог» свидетельствует о том, каково назначение слова в бытии. Филология Византии стала колоссальной школой сознания и мышления славян, позволившей им в русле христианской культуры выявлять и соединять ранее разорванное и потерявшее связь. Очищение сердца слезами и воссоединение с Богом через слово молитвы стало для славян путем приобщения к древнему аскетическому и мистическому учению исихастов и обретения покоя, безмолвия и отрешенности.

В поисках основ живописи в творчестве С. И. Петрова отчетливо встает ниточка эволюции, объединившей учение древних исихастов с их молчальничеством и аскетизмом цвета и света, в стремлении уйти от пестроты цвета, в контрастный драматический монохром сущности бытия: света и тьмы. Имеющая основой исихазм (даже если это не декларировал автор), наслаивая на него бурные драмы переживания жизненного пространства, живопись Сергея Петрова настроена в ключе колористического драматизма и трагизма.

Произведения, вошедшие в состав собрания челябинского музея, созданы художником в основном в 1980-2000-е годы. Это живопись маслом, акварели и монотипии. В них выражено целостное сплавленное настроение и переживание пейзажного мотива; переживание и представление образа человека; запечатление натурного фрагмента мира в натюрморте. Единство материально-духовной субстанции, пронизанной ощущением силы земного притяжения и огромной эмоциональной насыщенности человеческой чувственной природы, где-то срастающейся с ответно-отражательной земной энергией гор, земли, цветущего дерева и плода, наполняет пейзажи, портреты, натюрморты С. И. Петрова. В его произведениях редки ровные лирические состояния. Живопись мерцает скрытым горением, в других работах начинает полыхать со стен, как костры, пожары. Пейзажи с раскидистыми деревьями, где чистые цвета соседствуют с насыщенными темными, густыми; удивительный синтез живого чувственного восприятия, переживания и символического обобщения. Черный грунт заставляет полыхать краски огромным эмоциональным напряжением. Обугленность колорита – обобщение в цвете живописца образа ушедшего века, выражение сущности мироощущения художника. Акварели насыщены влагой и движением и тоже живописны по своей природе. Во всех произведениях художника ощущается его дар живописца, графический интеллектуализм, как рациональное начало формы, как самостоятельная область творчества, его не привлекает. Эта черта свойственна творческой природе славянской натуры, в том числе русским и болгарским художникам. Поток чувств и сильная волна эмоций преодолевает статическую конструкцию формы и расплавляет ее в лаве чувств и переживания. Графическое растворяется в синтезе живописного видением мира и формы.

Естественно предположить, что художником, так остро переживающим мир, пройдены этапы, когда социальное не могло его не затрагивать и не входить в его творчество. Век двадцатый с его потрясениями, исходом, чумой фашизма и мучительными испытаниями человеческого в человеке – это и его, Сергея Петрова век. Его гражданское чувство и сопереживание народу русскому, народу болгарскому находило в 1960-е годы выход в работе над полотнами, посвященными историческому восстанию в Болгарии 1923 года, кровавая расправа над которым стала предвестием фашистского террора против человека в Болгарии и во всей Европе (и семья Сергея Петрова не стала исключением, испытав его на себе). Фото с этюдов и компо-

зиционных эскизов к этой картине дают представление о замысле и содержании произведения, во всей суровой правде искусства шестидесятых годов, создающего образ трагедии народа. Болгарские художники в 1960-е гг. активно работали с этой темой – «Сентембри». Эта болевая для южных славян – болгар тема заставила художника вспомнить образы и драматическую стихию славянского барокко, перекликающегося в XX веке с барокко XVII в. в других европейских культурах, особенно монохромное в своем колорите – испанское, голландское. Не принятые на выставку работы этого цикла художник в ярости протеста уничтожил (около 70 холстов).

В последнее десятилетие отношение художника к реальности и к. происходящему в социуме выражено более опосредованно и саркастично. Его серия «Звериное время» 1970–1990-х гг. – это человеческие типы с их многообразием пороков и страстей, которые превращают их в оборотней, чудовищ, в маски и кошмары. Живописное мастерство художника и лаконичные обобщения – гротески создают череду личин, которые ассоциируются с образами Гойи и Ж.Руо. Боль, разочарования, гнев, страдания, горестные размышления о человеческой природе-породе, ее искажении запечатлены в этой серии с большой силой живописной выразительности в духе живописи Рембрандта. И это тоже – обобщение и приговор уходящему веку…

В письмах С. И. Петрова – автора этих двух контрастных по своей сущности живописных циклов и творческих свидетельств – «Сентембри» и «Звериные времена» – по сути, говоря современным языком – расчеловечивание человека – отразилась горечь и безнадежное чувство о будущем этих циклов: сотрудники музея не остановились на них в своем отборе произведений С. И. Петрова в собрание Челябинской картинной галереи, и сегодня их местонахождение неизвестно… А ведь именно в эти циклы старый художник вложил свое христианское и гражданское чувство боли, сострадания и протеста – приговор своему времени. Глубокая трагедия, запечатленная в холстах «Семтембри», пережита народом Болгарии и ее художниками в масштабе страданий христианской души славян-соотечественников, вызывающих воспоминания о муках Христа и его сподвижников – христианских мучеников. Славянское барокко Сергея Петрова в этих холстах звучит трагически, временами почти монохромно и заставляет вспомнить глубокое прошлое христианских народов Руси, Болгарии, Сербии под крылом Византии – о монохромной живописи исихастов XIV века, где вспышки света среди глубокой тьмы оставляют надежду, что

время света наступит. В начавшемся третьем тысячелетии христианства славянский дух, как во времена средневековья, вновь испытывает наступление тьмы. Художники, выросшие во времена атеизма в веке XX-ом, выразили глубинные христианские чувства, столь родственные их славянским душам: стойкость, вызывающую удивление, восхищение и благодарность. Их произведения продолжают являть свет христианского гуманизма и надежды заблудшим и потерявшимся в мраке бытия.

Во всех произведениях художника талант живописца проявлен мощно, страстно, талантливо, через жизнь и сердце которого прошли, начиная с 1930-х гг., судьбы века, судьбы искусства, пути и цепи судьбы. Свой личностный творческий опыт, запечатленный в живописи, художник подарил России, родине. Задача исследователей творчества С. И. Петрова – понять его сущность и смысл в пространстве времени и культур, оценить его как драгоценное достояние, пришедшее к нам как духовное возвращение на Родину, когда-то вынужденно покинутую, навсегда живущую в его сердце.

… Перелистывая газетные статьи об эпопее передачи творческого наследия С. И. Петрова – СЕРПа, письма С. И. Петрова и Л. Г. Григоровой, письма-запросы в инстанции культуры, тексты и очерки болгарских искусствоведов и журналистов, другие биографические архивные документы С. И. Петрова, собранные автором этого текста; каталоги выставок переданных в ЧОКГ–ЧГМИИ произведений художника, восстанавливая в последовательности череду событий, обращений-призывов к взаимодействию, приходит объемное понимание, как русский и одновременно болгарин, человек и художник, действовал неотвратимо по направлению к осознанной и оправданной цели, которая в конце жизни стало главным ее завершением. Памятуя о путях христианских подвижников – святых, шедших из Византии – православной христианской державы – праматери православного христианства – к славянам, неся свет христианского вероучения, книги, иконы, создавая славянские азбуки на основе общего модуля древнегреческого языка – архитекторы, строители, священники, иконописцы, книжники, псалмопевцы, приходит понимание, что эти первоначальные славяне-христиане заложили в основании культур славянских народов личные биографии, объединенных в свод единой агиографии подвижников – славянских народов-братьев будущих веков. Творческий жизненный подвиг Сергея Ивановича Петрова, художника с русско-болгарскими корнями, напоминает нам пути христианских подвижников, запечатленных в агиогра-

фии – житиях святых. Болгария при жизни художника с выведенным им из аббревиатур собственного имени –СЕРП оценила его подвижнический труд и талант присуждением символических наград – Орденов святых равноапостольных просветителей Кирилла и Мефодия II и I степеней.

Публикация творчества С. И. Петрова, художника-земляка и современника, приложившего максимум усилий чтобы исполнить главную задачу в завершение своей жизни – подарить Родине свои произведения, привлекший с этой целью много разделявших его позицию людей, продолжает быть спустя полтора десятилетия насущно необходимой в своем осуществлении. Самоотверженно, жертвенно, не останавливаясь перед преградами, как древний христианский подвижник-просветитель, шел художник к высшей цели своей творческой жизни и выполнил свое предназначение.

17 июня 2006 г., в свои 88 лет Сергей Иванович ушел от нас. Его жизненный и творческий опыт бесценен и должен быть отражен в книге-монографии. Художник мечтал и об этом итоге тоже.

Покойся с миром, художник СЕРП, яростный славянин, так бурно любивший обе свои родины: Россию и Болгарию, в кипящей живописной стихии славянского барокко выразивший их миры.

2005–2022. Челябинск.

Сергей Иванович Петров. Хронология жизни и событий

18 марта 1918 года – родился в г. Челябинске.

Родители: отец Иван Николаевич Петров, болгарин; мать Васса Ивановна урожденная Колесникова, русская.

Семья занималась огородничеством в Першино. Жили в доме на ул. Нагорной, учился в бывш. женской гимназии, ул. Большая, названа именем С.Цвиллинга (в настоящее время сквер Танкистов-добровольцев у Вечного огня.

1933 – семья Петровых получила разрешение на выезд из России в Болгарию после обращения к болгарскому царю Борису III, по соглашению с Советским правительством о выезде смешанных русско-болгарских семей.

С 1933 – живет в Болгарии, оставаясь гражданином Советского Союза, затем России.

1938 – окончил мужскую гимназию в Руссе.

1940 – поступил в Академию художеств в Софии.

1944 окончил АХ с отличием.

1947 – принят в союз болгарских художников.

В 1988 участвовал в пленэре в Архангельской области в Ролссии, Создал серию работ «Север».

1990 – участвовал в пленэре в Чувашии.

1997 – обращается в Российский фонд культуры с просьбой передать в дар челябинскому музею и другим российским музеям свои произведения.

1999 – состоялась персональная выставка в Болгарском культурном центре в Москве.

1999 – Челябинская картинная галерея получила первый дар С. И. Петрова через Российский фонд культуры (РФК).

2000 – от РФК поступили в ЧОКГ 33 произведения С. И. Петрова в дар.

2000 – 1-я выставка произведений С. И. Петрова, подаренных художником, состоялась в Челябинской областной картинной галерее.

2002 – командировка в Болгарию к С. И. Петрову сотрудников картинной галереи Н. Козловой и Т. Батова, отобрано в мастерской и перевезено в ЧОКГ 95 произведений художника.

2005 – выставка в картинной галерее «Дары музею». Представители Российского фонда культуры и РАО ЕЭС России – спонсоры экспедиции РФК в Софию, доставили в Челябинск и передали в картинную галерею 44 произведения С. И. Петрова.

2006 – выставка в Челябинской картинной галерее «Энергия милосердия» из 140 произведений С. И. Петрова, переданных по воле художника в ЧОКГ в результате экспедиции в Болгарию к С. И. Петрову сотрудников Челябинской Генерирующей компании.

16 июня 2006 г. в результате тяжелой болезни художник Сергей Иванович Петров покинул этот мир.

Произведения С. И. Петрова в собраниях музеев и других учреждений:

Городская картинная галерея, г. София, Болгария.

Национальный художественный музей Болгарии. София.

Российский фонд культуры. Москва.

Краснодарский краевой художественный музей имени А. Ф. Коваленко.

Челябинский государственный музей изобразительных искусств.

Чувашский государственный художественный музей, Чебоксары.

Приложение.

Дары произведений С. И. Петрова от автора, переданные в собрание Челябинской областной картинной галереи, в том числе и через Российский фонд культуры:

1. 1993 г. от Российского фонда культуры. – 30 произведений.

2. 2000 г. от Российского фонда культуры. – 33 произведения.

3. 2002 г. через Т. Батову и Н. Козлову, выезжавших в целевую командировку в мастерскую художника в Софию, финансирование губернатора П. И. Сумина – 95 произведений.

4. 2005 – от Российского фонда культуры, благодаря спонсорской поддержке РАО ЕЭС – 202 произведения.

5. 2006. – в результате поездки в Софию к художнику С. И. Петрову представителей Челябинской Генерирующей компании РАО ЕЭС. – 140 произведений

Итого 500 произведений С.И. Петрова передано автором при жизни художника в дар в Челябинскую областную картинную галерею.

Источники:

1. Жизнь в искусстве. – Очерк И. Маразова, д-ра искусствоведения, профессора Софийской Академии Художеств, Болгария. Рукопись.

2. Григорова, Л. Художник Сергей Петров – «СЕРП». Очерк о жизни и творчестве. Рукопись.

3. Письма С. И. Петрова Г. С. Трифоновой 2003–2005; Л. И. Григоровой Г. С. Трифоновой 2003–2007.

Статьи в прессе и интернет-ресурсах:

1. Батова, Т. Мое сокровенное желание / Т. Батова // Челябинский рабочий. – 2000. – 9 сент.

2. Батова, Т. Пламенный привет от земляка / Т. Батова // Городской дилижанс (Челябинск). – 2001. – 1 февраля. – № 1.

3. Батова, Т. Границы и судьбы / Т. Батова // Автограф Челябинск-арт. – 2001. – № 1.

4. Батова, Т. «Из Болгарии с любовью» / Т. Батова // Челябинский глобус. – 2001. – 26 янв.

5. Батова, Т. Сергей Петров: Челябинск – София – Челябинск. История одной коллекции / Т. Батова // Челябинск. – 2002. – № 10.

6. Валеев, А. Нам не нужен русский Сезанн?! / А. Валеев // Челябинский рабочий. – 1999. – 17 фев.

7. Валеев, А. София ему не мила / А. Валеев // Челябинский рабочий. – 2002. – 24 июля

8. Валеев, А. Где найти патриотов? / А. Валеев // Челябинский рабочий. – 2004. – 26 марта.

9. Валеев, А. Энергия дара / А. Валеев // Челябинский рабочий. – 2004. – 8 сент.

10. Валеев, А. Дары музею / А. Валеев // Челябинский рабочий. – 2005. – 19 фев.

11. Гавриш, Н. Я сын твой, Россия! / Н. Гавриш // Вечерний Челябинск. – 30 сент. 2005.

12. Гавриш, Н. Болгарский дневник / Н. Гавриш // Вечерний Челябинск. – 21 окт. 2005.

13. Градская, Я. Возвращение на Родину / Я. Градская // Возрождение Урала. – 2002. – нояб.

14. Григорова, Л. Вселенная души художника Сергея Петрова / Л. Григорова // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009. – С. 96–97.

15. Гуляева, Е. Орден Кирилла и Мефодия / Е. Гуляева // Лидер (Челябинск). – 2002. – 11–17 нояб.

16. Косик, В. И. Искусство и архитектура русского зарубежья / В. И. Косик // Фонд Д. С. Лихачева.

17. Петров Сергей Иванович. – URL: https://artrz.ru/1804977456.html (дата обращения: 04.05.2022).

18. Козлова, Н. А. Меценаты и искусство – как важна эта связь! / Н. А. Козлова // Вечерний Челябинск. – 2005. – 28 окт.

19. Кудрявцева, В. Бесценные сокровища от бедного художника / В. Кудрявцева // Южноуральская панорама. – 2005. – 12 окт.

20. Леонидов, В. «Русский Сезанн» из Софии. Из жизни Фонда культуры / В. Леонидов // Культура. – 1999. – № 3.

21. Радченко, Е. Из эмиграции – с любовью / Е. Радченко // Челябинск за неделю. – 22 августа 2002,

22. Симакова, С. Чубайс подарил нам 200 картин / С. Симакова // Вечерний Челябинск. – 30 февраля 2005.

23. Симакова, С. Точку ставить рано / С. Симакова // Вечерний Челябинск – 2005. – 19 окт.

24. Трифонова, Г. Живописная лава / Г. Трифонова // Челябинский рабочий. – 2001. – 21 марта.

25. Трифонова, Г. Душа рвалась на родину / Г. Трифонова // Челябинский рабочий. – 2006. – 30 июня.

26. Федорова, Л. Картины вернулись домой / Л. Федорова // Уральские общественные ведомости. – 2005. – 19 фев.

27. Шипицын, А. Жизнь как пульсация живописи / А. Шипицын // Челябинский рабочий. – 2002. – 30 окт.

28. Шляпникова, С. «Я вернулся в мой город знакомый до слез…» / С. Шляпникова // Челябинский глобус. – 2002. – 16 нояб. – URL: http. www.chelglobus.ru/.

Каталоги выставок произведений С. И. Петрова в Челябинске:

Петров Сергей Иванович. Живопись, графика : каталог выставки / сост. и авт. статьи Т. В. Батова. – ЧОКГ : Челябинский дом печати, 2000. – 8 с.

Челябинск – София – Челябинск. Сергей Петров. Живопись, графика: Каталог выставки / сост. каталога и авт. статьи Т. Батова. – ЧОКГ, 2002.

К 90-летию со дня рождения. Сергей Петров: «В России будет слышен голос мой…». Живопись, монотипия, акварель из собрания Челябинского областного музея искусств: каталог выставки / сост. каталога и авт. статьи Н. Козлова. – Челябинск : ЮУрГУ, кафедра искусствоведения и культурологии, зал искусств, 2008. – 16 с.

2008 – выставка памяти С. И. Петрова в Выставочном зале Союза художников Болгарии, София.

2009 – Возвращение. Выставка живописи Сергея Петрова (1918–2006). Библиотека-фонд «Русское зарубежье» на Таганке, Москва. Февраль 2009.

УДК 783

Селезнева Ольга Петровна
Челябинский государственный институт культуры, кафедра хорового дирижирования и сольного пения, профессор

Коробейникова Екатерина Анатольевна
Челябинский государственный институт культуры, кафедра хорового дирижирования и сольного пения, кандидат исторических наук, доцент, зав.кафедрой

ХОРОВОЙ ЦИКЛ ВСЕНОЩНОГО БДЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности авторских хоровых циклов «Всенощного бдения» как синтез традиционного и новаторского. Несмотря на высокую художественную ценность, данные сочинения практически не звучат как единое произведениево время богослужения. Причиной этого является композиционная сложность и многоуровневость Всенощного бдения как богослужебной структуры. Популяризация данного жанра должна открыть дорогу как к богослужебному, так и к духовно-концертному исполнению данных циклических хоровых сочинений.

Ключевые слова: богослужение, церковно-певческое искусство, чинопоследование, распев, богослужебная форма, «Новое направление», Всенощное Бдение, жанр, хоровой цикл, композитор.

Selezneva Olga Petrovna
Chelyabinsk State Institute of Culture, Department of Choral Conducting and Solo Singing, Professor

Korobeynikova Ekaterina Anatolyevna
Chelyabinsk State Institute of Culture, Department of Choral Conducting and Solo Singing, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

CHORAL CYCLE OF THE ALL-NIGHT VIGIL: TRADITIONS AND MODERNITY

Annotation. The article deals with the features of the author's choral cycles of «All-Night Vigil» as a synthesis of traditional and innovative. Despite of the high artistic value, these compositions practically do not sound like a single work during the divine service. The reason for this is the compositional complexity and multilevel nature of the All-Night Vigil as a liturgical structure.The popularization of this genre should open the way to both liturgical and spiritual-concert performance of these cyclic choral compositions.

Keywords: worship, church-singing art, rite, chant, liturgical form, «New direction», All-Night Vigil, genre, choral cycle, composer

Православное богослужение является не только сакральным действом, но и структурно организованным процессом. Из великого множества богослужебных чинопоследований, Всенощное бдение считается одной из самых сложных богослужебных форм. Оно складывалось на протяжении нескольких столетий, претерпевая как незначительные, так и существенные изменения.

В современной богослужебной традиции, Всенощное бдение состоит из Великой Вечерни, полиелейной Утрени и первого Часа. Такая сложная,многоуровневаяструктура предполагает глубокое смысловое и символическое наполнение, раскрытие которых осуществляется при помощи различных молитвословий и жанров церковной гимнографии.

Помимо неизменяемых песнопений, которые становятся «опорными пунктами» богослужебного чинопоследования, Всенощное бдение наполнено изменяемыми молитвословиями и различными певческими жанрами. Прежде всего, это три комплекса стихир,тропари, Канон. В изменяемых песнопениях раскрывается, конкретизируется и богословски интерпретируется содержание конкретного празднуемого события.

Все разделы Всенощного бдения содержательно-тематически подготавливают молящихсяк главному богослужению суточного круга – Божественной Литургии, поэтому от раздела к разделу актуализируются сакральные смыслы, возрастает духовная напряженность.

Хоровой цикл Всенощного бдения относится к традиционным жанрам русской духовной музыки, т. е. к жанрам, связанным со сложившимися в лоне православной церкви богослужебными чинопоследованиями. Наряду с хоровым циклом Литургии, жанр Всенощного бдения был довольно

широко представлен в композиторском творчестве на рубеже XIX–XX вв., а также востребован и в настоящее время [3, с. 209].

Хоровой цикл Всенощного бдения сложился достаточно поздно – в последней четверти XIX в., его внедрение в исполнительскую практику было непростым. Согласно существующей и по сей день традиции, музыкальная сторона этого чинопоследования формировалась по сюитному принципу, т. е. в богослужении использовались произведения различных авторов, их «совместимость» тональное соотношение и прочие технические вопросы решал регент, полагаясь на свой вкус и опыт, либо на запросы руководства. Такой подход к выбору репертуара неизбежно приводил к стилевой «пестроте», диссонансу интонационных источников, метроритмической основы, типов фактур, тонально-гармоническому несоответствию и т. д. Для решения проблемы стилевой и музыкальной целостности, композиторами и была предпринята попытка создания соответствующих хоровых циклов.

Многоуровневость и многожанровость Всенощного бдения создавали существенные трудности при создании авторских музыкальных циклов для этого вида богослужения. Для реализации своего замысла, композитору приходилось решать ряд практических задач:

− определение типа богослужения (воскресное Всенощное бдение, праздничное);

− выбор песнопений из структуры чинопоследования (неизменяемые песнопения определены и известны, однако, композитор может использовать не все гимнографические тексты);

− включение в цикл гласовых изменяемых жанров (тропари, кондаки, стихиры), или полный отказ от подвижного обихода;

− отношение к ектениям (возможно использовать все виды ектений, возможно частичное использование данного вида молитвословий, либо полный отказ от них).

Каждая из завяленных позиций предоставляет композитору множество вариантов при создании конкретного произведения. Помимо вариантности в композиции цикла, возможны различные авторские способы интерпретации традиционных песнопений, индивидуальное понимание смыслового и содержательного наполнения гимнографических текстов.

Существенный вклад в развитие «Всенощного бдения» как музыкального произведения, внес П. И. Чайковский, фактически создавший со-

временную модель соответствующего хорового цикла. В его сочинении (1881) предпринята смелая, для своего времени, попытка ухода от «европеизмов» в интонационной сфере, использована мелодика традиционных церковных распевов, либо созданы интонациии «в духе распева». Это великое начинание не было реализовано П. И. Чайковским в полной мере, но дало мощный творческий импульс последующему поколению церковных авторов.

Идея П. И. Чайковского о необходимости возрождения традиционных церковных распевов, была впоследствии успешно реализована композиторами «Нового направления», в творчестве которых был разработан оригинальный подход к работе с древнерусскими песнопениями, заключающийся в обработке и гармонизации церковной монодии средствами и приемами народно-песенного многоголосия.

Композиторами «Нового направления» были охвачены практически все жанры церковно-певческого искусства, в том числе и Всенощное бдение, как в виде отдельных песнопений, так и в форме самостоятельного хорового цикла.Не обошли своим вниманием этот жанри такие авторы, как А. Т. Гречанинов, А. В. Никольский, П. Г. Чесноков, А. А. Архангельский, С. В. Панченко, В. И. Ребиков, М. М. Ипполитов-Иванов, В. С. Калинников и др.

«Всенощное бдение» С. В. Рахманинова(1915) стало кульминационным моментом развития духовной музыки в России. Это масштабное произведение, интонационные истоки которого восходит к древнерусскому певческому искусству,обобщает и завершается творчество композиторов «Нового направления» – выдающегося периода в отечественномбогослужебном пении.

В советский период не только развитие, но и само существование церковно-певческого искусства было практически невозможно, отдельные сочинения писались «в стол», некоторые песнопения исполнялись с измененным «нейтральным» текстом, что не могло предотвратить неизбежного разрыва с традицией.

Отмена идеологических запретов после 1988 г., повсеместное открытие храмов, привело к массовому приходу музыкантов в храм. Церковные хоры начали создаваться повсеместно, и практически сразу возникла проблема качества музыкального материала, исполняемого во время богослужения.

Современным композиторам и исполнителям пришлось заново постигать основы духовного творчества, изучать наследие предшественников, погружаться в атмосферу церковно-певческого искусства. В результате подобных поисков, предельно заострилась разница между богослужебными и духовно-концертными произведениями. Это связано с интенсивным развитием каждого из направлений духовно-музыкального искусства после 1988 г.

Авторские циклы Всенощного бдения, предназначенные для исполнения во время богослужения, создавались, как правило, практикующими регентами для своего хора, с учетом исполнительских возможностей конкретного коллектива. Нередко, в данных произведениях использовался небольшой, удобный диапазон хоровых партий, простая фактура, мелодика, напоминающая церковный обиход.

Данным критериям соответствует цикл «Песнопения Всенощного бдения» Н. Балашовой (2005г.) [1]. Это сочинение охватывает только основные песнопения Всенощного бдения, поэтому является универсальным. Несмотря на «минимализм» в выборе музыкально-выразительных средств, каждое песнопение имеет свою «индивидуальность»: это как правило, запоминающийся тематизм, «мелодичность», гибкая фразировка, соответствующая тексту, отсутствие, либо частичное отсутствие тактового размера, что «раскрепощает» ритм, позволяет широко использовать литургический речитатив (псалмодию).

Все номера цикла объединены парой общих, мигрирующих интонаций, что выстраивает некую сквозную драматургию от начала произведения до его завершения. Подобным образом композитор успешно решает проблему целостности Всенощного бдения как хорового цикла и адресует свое сочинений церковным хорам для исполнения во время богослужения.

Традиции духовно-концертного творчества отечественных композиторов продолжил А. Киселев, в сочинении которого отразились выдающиеся достижения московской композиторской школы в области духовной музыки[2].«Всенощное бдение» А. Киселева (2011 г.) написано с оркестровым размахом, в сочинении представлена вся выразительная палитра большого смешанного хора. Продолжая традиции великих предшественников: П. И. Чайковского, П. Г. Чеснокова, А. Т. Гречанинова, композитор избегает как цитирования, так и стилевых, или тематических ассоциаций, сохраняя при этом связь с церковно-певческой традицией и богослужебным каноном.

Хоровые циклы Всенощного бдения занимают достойное место в отечественном хоровом искусстве. Популяризация данного жанра должна открыть дорогу как к богослужебному, так и к духовно-концертному исполнению данных циклических хоровых сочинений.

Традиции духовно-музыкального искусства активно развиваются композиторами, исполнителями, регентами и певчими современной России. За три десятилетия было создано обширное наследие, охватывающее практически все литургические и внелитургические жанры, что позволяет сделать вывод о возрождении богослужебного пения и духовно-концертного исполнительства.

Список литературы

1. Балашова, Н. Песнопения Всенощного бдения (ноты). – Тверь, 2005.

2. Киселев, А. Всенощное бдение (ноты) для смешанного хора без сопровождения, сопрано и тенора соло. – М.: Композитор, 2011. –94с.

3. Ковалев, А. Б. Некоторые жанровые особенности хорового цикла Всенощного бдения в творчестве П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, А. Т. Гречанинова // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы историии теории христианского искусства. − 2016. Вып. 1 (21). – URL: https://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/5/21 (Дата обращения: 04.05.2022).

УДК 72(091)

Лушникова
Алла Вячеславовна
Челябинский государственный институт культуры, кафедра истории, музеологии и документоведения,
кандидат педагогических наук, доцент

ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОПЕТРОВСКОЙ И ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХ

Аннотация. В статье дается характеристика петровских преобразований с позиций формирования нового архитектурного образа церковной архитектуры, делается акцент на участии российских зодчих в становлении и утверждении нового архитектурного стиля.

Ключевые слова: архитектура, петровская эпоха, русская церковная архитектура, шатровые храмы, бесстолпные храмы, национальные черты русского зодчества, бароккальный стиль в архитектуре

Lushnikova Alla Vyacheslavovna
Chelyabinsk State Institute of Culture, Department of History, Museology and Documentation , Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

HURCH ARCHITECTURE: COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE PRE-PETRINE AND PETRINE ERAS

Annotation. The article deals with the Peter's transformations from the standpoint of the formation of a new architectural image of church architecture, focusing on the participation of Russian architects in the formation and approval of a new architectural style

Keywords: Architecture, Peter the Great Era, Russian church architecture, tent churches, pillarless churches, national features of Russian architecture, Baroque style in architecture, Peter the Great era, Russian church architecture, tent churches, pillar-less churches

Эпоха петровских преобразований при всей персонифицированности действий имела глубокие смысловые доминанты, в том числе в формировании отношений государства и церкви. Визуализацией смены приоритетов становится архитектура церковных зданий. Детские переживания будущего главы государства наметили, при всей сдержанности политики в отношении церкви, «борьбу» с патриархальными традициями. Определенную роль в изменении архитектурных компонентов храмовых зданий сыграло и знакомство с новыми стилями, утверждавшимися в западноевропейском пространстве. Это реализовывалось не только приглашением иностранных архитекторов, но и знакомством с западными образцами архитектуры, тенденциями мирового зодчества, что позволяло царствующей особе ввести нововведения в архитектуру не только гражданского, но и церковного контента.

Традиционно нововведения петровской эпохи в области градостроительных и архитектурных норм связывают со строительством Санкт-Петербурга, давая отсыл на возведение каменной церкви во имя Святых Апостолов Петра и Павла на Заячьем острове, тем более, что датой основания новой столицы Российской империи и считается закладка крепости 16 мая 1703 г. с деревянной церковью в память этих святых.

И все же, началом новой эпохи церковной архитектуры петровского времени является Москва, где в рамках политических, экономических и культурных преобразований формируются новые типы зданий гражданской архитектуры частного, административного, общественного, культурного и бытового назначения: дворец Лефорта (начало строительства 1697 г.), каменное здание Главной аптеки (после 1701), книжная лавка «Библиотека» (1705–1706), первый русский театр «Комедийная хоромина» (1702), триумфальные

ворота (1696) и др. Именно здесь применяются новые методы и приемы классической западноевропейской архитектуры (материал, планировка, стилистика декора, функциональное назначение, включение архитектурных объектов в единые градостроительные нормы, упорядочение городской застройки). Среди новых построек выделяются и культовые строения, одно из которых получило название «Меншикова башня» (1701–1707). Здесь впервые используются новые формы и характер убранства гражданской архитектуры при сочетании традиций деревянной шатровой многоярусной конструкции церковных сооружений московского государства.

Явление шатровой конструкции русской церковной архитектуры с середины XV в., первоначально связанное с использованием дерева при массовом возведении храмов (технические трудности при сооружении деревянных куполов), нашло отражение в каменном церковном зодчестве уже в конце XV – начале XVI в. Первые шатровые конструкции в несколько ярусов – это маленькие храмы без опорных столпов (так называемые бесстолпные – перекрытия в виде простых или ступенчатых цилиндрических сводов, опирающихся на продольные стены).

На Руси строились бесстолпные храмы двух типов: с сомкнутым сводом (прямоугольные в плане со сводчатыми перекрытиями) и со столпообразным внутренним пространством / или шатровые («восьмерик на четверике»), в которых ярус звона располагался над помещением храма. Эти небольшие бесстолпные храмы в несколько ярусов получили название «иже под колокол», так как колокольня первоначально не являлась составной частью храма. Продолжением бесстолпных шатровых храмов становятся храмы с шатровым завершением, появившиеся в нач. XVI в., закрепившись в каменном зодчестве в виде четырехгранной или многогранной пирамиды / шатра, главным признаком шатрового храма. Этот тип храма не имеет аналогов в архитектуре других стран. Но и по времени развития и по абрису пирамиды напоминает готические навершия средневековой Европы. По мнению М. С. Кагана новое церковное строительство развивалось «отнюдь не под влиянием Запада, а по логике собственного развития, совпадавшего с логикой развития европейской культуры» [2, с. 65].

При сохранении национальных черт русского церковного зодчества в XVII в., единство тенденций архитектуры Западной и Восточной Европы в приемах строительства и средствах художественной выразительности реализуется в русском барокко, хронологические рамки которого и определя-

ют вариативность церковной архитектуры различных территорий: старая и новая столицы, провинции нового российского государства.

Тенденции стиля и техники строительства, которые отражались и в храмовой архитектуре, собственно и получили территориальные названия: московское (нарышкинское, строгановское, голицинское) барокко (1680–1700), сохранявшее элементы древнерусского зодчества, и петербургское барокко (1697–1730.), взявшее за образец голландскую, шведскую и немецкую архитектуру. Хронологические рамки определяют первенство новой архитектурной стилистики в московском городском и подмосковном строительстве.

Нововведения петровских преобразований, коснувшихся церковной тематики, рождаются не на пустом месте. По мнению И. Э. Грабаря все укладывалось в рамки поступательного культурно-исторического процесса. Сдержанность «европейских» новшеств часть исследователей относит к уважительному отношению царя Петра к патриарху Адриану (1690–1700). Но уже в последние десятилетия XVII в. новая стилистика барокко реализуется при возведении церкви во имя преподобного Сергия Радонежского с палатой (Трапезный храм, 1686–1692.), надвратной церкви в честьРождества Иоанна Предтечи (1693–1699) в Троице-Сергиевом монастыре, при сохранении национальных традиций, что подтверждается высказыванием А. В. Иконникова: «Московская архитектура конца XVII – начала XVIII в. была, безусловно, явлением прежде всего русским». Но культурный диалог запада и востока Европы уже произошел: внешние формы новых образов, идей, инженерно-архитектурных решений ложатся на традиционные основы.

Ключом в понимании «диалога» двух европейских культур становится Уточья (Житничья) Башня (конец XVII в.) Троице-Сергиева монастыря – в ней отразились все признаки голландской архитектурной школы (аналог «скопирован» с деревянной ратуши в г. Маастрихте), исполненные в камне русскими мастерами. Каменный шпиль, ставший символом петровской архитектуры, с этого времени стал доминировать в церковной архитектуре России.

Узнаваемыми чертами московского барокко становятся использование архитектурного ордена, центрических композиций, ажурность и лёгкость сооружений, особая форма окон (овальная или многоугольная), сложность планировки, повышенная декоративность, многоярусность, симметрия, двойственный масштаб (монументальность ком позиции и миниатюрность деталей), многоглавость и т. п.

Разноплановость, с одной стороны, поиск новых форм и сохранение национальных традиций заметна в памятниках московского «нарышкинского» барокко, сохранившихся на территории современной Москвы: Богоявленский монастырь (1693–1696), церковь Владимирской Божьей Матери (1691), церковь при Чижовском подворье на Никольской улице; Крестовоздвиженский монастырь на Водвиженке (1701); церковь Знамения Божьей Матери при доме Шереметьева (1704–1706); церкви в с. Филях (1693), с. Дубровицы Подольского уезда (1693), С. Троице-Лыковом (1702), с. Петровско-Разумовское (1692), с. Сафино (1691).

Современные исследователи даже в московском «нарышкинском» барокко выделяют самостоятельные периоды. Так В. Седов определяет московское строительство после первого заграничного путешествия Петра как «стиль Великого посольства» (1696–1697). К этой стилистике относят аскетичный декор церкви апостолов Петра и Павла (1705–1723) на Новой Басманной улице в Москве, где бросается в глаза короткий шпиль, характерный для петровской архитектуры.

Петровские преобразования нашли свое закрепление и в церковном строительстве провинций и пограничных территорий России. Зачастую – это частные инициативы сподвижников Петра. Имя одного из них закрепилось в названии «строгановское» барокко – имя богатейшего торгового человека, солеваренного промышленника Г. Д. Строганова. Первый опыт им был предпринят при возведении надвратной Иоанно-Предтеченской церкви Троице-Сергиева монастыря (1693–1699). Эта стилистика перенесена была на строительство Введенского собора в Сольвычегодске (1689–1693, освящена в 1712): пятиглавый бестолпный храм на подклете с галереями и высоким резным иконостасом в барочной европейской стилистике. К «строгановскому» барокко относятся: Казанская церковь в Устюжне (1694), церковь Рождества в Нижнем Новгороде (1696–1703), Троицкий собор в Верхотурье (1703–1712), церковь Рождества Богородицы в Тобольске (1721–1740), церковь Иоанна Богослова в Макаровке в Саранске (1700–1704), Троицкий монастырь в Тюмени (1708–1715). В этих храмах присутствует подражание украинскому, нарышкинскому, голицынскому бароккальным стилям, где сплетаются традиции русского зодчества и европеизма.

Для петербургского барокко характерны объёмные и простые формы, строгая симметрия, прямоугольные и арочные окна, контрастность цвета

конструктивных элементов (зеленый, синий, красный, желтый) и деталей в белом цветовом исполнении и др.

Вариативность барокко эпохи Петра I выражается в привлечении русских и иностранных архитекторов, что определяет сохранение или отказ от традиций русской архитектуры.

Примерами могут служить два храма, построенных в относительно едином хронологическом пространстве: церковь Архангела Гавриила в московской усадьбе А. Д. Меншикова на Чистых в Москве (архитектор И. П. Зарудный, 1705–1707) и собор апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербурге (Д. Трезини, 1712–1733).

Впервые церковь Архангела Гавриила как деревянная на Поганых прудах в Москве упоминается в 1551 г. Обновляет здание церкви А. Д. Меншиков в 1701 г. вскоре после покупки земли на Мясницкой улице. Но в 1704 г. начинается строительство каменной церкви рядом с «очищенными» Чистыми прудами каменотёсами из Костромы и Ярославля под руководством архитектора И. Зарудного. В основе композиции – традиция деревянной шатровой многоярусной церкви, хотя сохранились свидетельства, что участвовали в проектировании (Д. Трезини, Г. Пандо, Б. Скала) и росписи (Ф. Фонтана) церкви иностранные мастера. Башня церкви надолго стала самым высоким зданием Москвы (84 м), обогнав Колокольню Ивана Великого (на 3 м). В здании было пять каменных уровней, три нижних восьмиугольных яруса, квадратную башню, 30-метровый шпиль с фигурой ангела (впервые в русском храмостроительстве здание было увенчано не наглавным крестом. В 1708 г. на башне появились 50 колоколов и английские куранты. Сочетание традиционной композиции с элементами нового придало сооружению своеобразный облик. Это направление постепенно получало преобладающий характер, вытесняя старые формы. Храм архангела Гавриила стал наиболее ярким примером внедрения западных идей и образов в национальные храмовую архитектуру и искусство. При этом, как отмечает А. В. Иконников: «Меньшикова башня в истории русского зодчества стала связующим звеном между «московским» и «петербургским» барокко.

Каменный Петропавловский собор (1712–1733) Санкт-Петербурга появился на месте деревянной церкви (1703). Деревянный храм был построен в традициях московского барокко, но вскоре облицован тесом, оштукатурен и расписан под желтый мрамор при сохранении двух малых и одного высокого шпиля. Архитектором называют Доменико Трезини, хотя

не исключают и разработку первоначального рисунка-проекта царем Петром. Для него важным было увидеть главную городскую доминанту, поэтому сначала возводилась многоярусная колокольня в виде башни с высоким шпилем, каменное здание церкви завершает общее строительство храма – традиционной трехнефной базилики. И. Э. Грабарь пишет: «Уже при беглом взгляде на общий силуэт Петропавловского собора бросается в глаза ничтожество самого храма по сравнению с гигантской колокольней. Точно зодчий задался мыслью создать не просто храм, а колокольню-храм, мыслью, быть может, навеянной ему самим царем» [1, с. 51]. Главным отступлением от русской стилистики выступал интерьер собора, подчиненный продольной оси с тремя нефами, совпадающий с членением католических храмов.

Но в строительстве и оформлении Петропавловского собора можно увидеть организацию «диалога» двух культур (Западная Европа и Россия), то что первоначально наблюдается в Меншиковой башне в Москве, где для строительства и оформления привлекаются иностранцы. Проект петербургского собора, разработанный итальянцем Д. Трезини, дополняется строительством иконостаса русским строителем и резчиком И. П. Зарудным. Эта работа была одобрена Петром Первым в 1722 г., хотя реализация состоялась после его смерти (1726 г.). Выполненный И. П. Зарудным иконостас не полностью сохраняет традиции русского иконостаса, что иногда рассматривается как отход от православной нормы, представляя собой больше преграду между алтарем и центральной частью храма, чем иконостас. Но здесь больше прочитывается не отход от русской традиции, а демонстрация силы и мощи российской империи, так как он выполнен в виде своеобразных триумфальных ворот, как символ удачного завершения Северной войны.

Эта же направленность прослеживается в идеи строительства церкви Иоанна Воина на Якиманке (1709–1717) в Москве, где в традиционной композиции «корабля» с главным четвериком, увенчанным двумя восьмериками в сочетании полуглавий, окон-люкарней, декоративных пилястров и вазонов европейского барокко, прочитывается историческое событие – победа при Полтаве.

Архитектурный образ определяет не только новое соотношение власти государства и церкви, но и место России в европейском пространстве. При всех внутренних противоречиях, борениях, ошибках и постоянном по-

иске эпоха Петра, порой не всегда последовательно, но искала новые пути для блага России.

Архитектуру часто сравнивают с музыкой, используя для характеристики стиля терминологию музыкального произведения: ритм, вариации, многоголосье, одноголосье, унисонность и др. Использую эту терминологию можно сформулировать главную ценность преобразований Петра в церковной архитектуре, если не акцентировать внимание на политических, экономических, технических, исторических и персональных мотивах: одноголосное пение – строгое и аскетичное, сменилось многоголосьем, вариациями, способностью принятия новых тенденций.

Список литературы

1. Грабарь, И. Э. История русского искусства : в 6 т. / И. Э. Грабарь. – Москва : Изд-во Кнебеля,1912. – Т. 3: Архитектура. – 582 с.

2. Каган, М. С. Се человек: Рождение, жизнь и смерть в «волшебном зеркале» изобразительного искусства / М. С. Каган. – Санкт-Петербург: Логос, 2003. – 319 с.

УДК 82-344

Соковиков Сергей Степанович

Челябинский государственный институт культуры, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и культурологии

КАРНАВАЛИЗОВАННЫЕ ИГРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АНТИУТОПИИ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности жанра современной российской антиутопии в соотношении с феноменами карнавальной и маскарадной культуры. Внутренние характеристики антиутопических текстов позволяют квалифицировать происходящее в них с позиций проявления маскарадной культуры, генетически связанной с феноменом карнавала. В качестве существенного свойства, объединяющего явления карнавала, маскарада и антиутопии, представляется амбивалентный «карнавальный» смех, специфично проявляющийся игровым образом в их различных воплощениях. Центральным актором такой литературной карнавализованной игры выступает читатель, восприятием текста и соучастием в нем восстанавливающий амбивалентность самого жанра антиутопии и его смеховых аспектах.

Ключевые слова: антиутопия, карнавал, карнавализация, маскарад, гротеск, пародия, абсолютный страх, карнавальный смех, амбивалентность, игра

Sokovikov Sergey Stepanovich
Chelyabinsk State Institute of Culture, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies's Department

CARNIVALIZED GAMES OF MODERN RUSSIAN ANTIUTOPIA

Annotation. The article deals with the features of the genre of the modern Russian anti-utopia into relation to the phenomena of carnival and masquerade culture. The internal characteristics of anti-utopian texts make it possible to qualify what is happening in them from the standpoint of the manifestation of a masquerade culture, genetically related to the carnival phenomenon. Ambivalent «carnival» laughter, which is specifically manifested in their various incarnations, appears to be an essential property that unites the phenomena of carnival, masquerade and anti-utopia. The central actor of such a literary carnivalized game is the reader, who, through the perception of the text and participation in it, restores the ambivalence of the genre of anti-utopia and its laughter aspects.

Keywords: utopia, carnival, carnivalization, masquerade, grotesque, parody, absolute fear, carnival laughter, ambivalence, play

Развитие российского общества конца XX и начала XXI в. сопровождалось жесткими коллизиями, закономерно оживившими, в том числе, апокалиптическими настроениями. Как верно отмечают исследователи, такая ситуация неизбежно «находит свое выражение в жанре антиутопии» [7, с. 101], тем более что «антиутопический дискурс для многих авторов оказался наиболее адекватным способом описания современности» [15, с. 55]. Не составила исключение и российская литература, достаточно вспомнить «Кысь» Т. Толстой, «Эвакуатор» и «ЖД» Дм. Быкова, «2017» О. Славниковой, «День опричника», «Сахарный Кремль», «Метель», «Путь Бро», «Лед», «23 000» В. Сорокина, «Маскавская Мекка» А. Волоса, «Empire – VI» и «S.N.U.F.F.» В. Пелевина, цикл «Метро» Д. Глуховского, «Атипичная пневмония» А. Фомина, «Москва 2042» и «Малиновый пеликан» В. Войновича, «Хлорофилия» А. Рубанова, «11 сентября» А Варламова и др. Сюжетика подобных текстов весьма причудлива: воскресает после Взрыва затхлое Средневековье с мутантами («Кысь» Т. Толстой, 2002), возрождаются после государственного переворота времена опричнины в их ужасающих подробностях («День опричника» и «Сахарный Кремль» В. Сорокина, 2006 и 2008), рушится Москва под взрывами террористов, а сама Россия катится в гибельную пропасть («Эвакуатор» Дм. Быкова, 2005), в образованном причудливом синтезе мусульманства и христианства Маскавы (Москвы) зияет пропасть социального неравенства («Маскавская Мекка» А. Волоса, 2003), доминирует тема порнографии, в контексте неограниченных био-модификаций человеческого тела («Нет»

Л. Горалик и С. Кузнецова, 2003), превращаются в растения россияне, сдавшие страну в аренду китайцам («Хлорофилия» А. Рубанова, 2009), пульсирует фантасмагория снов с навязчивой, перепеваемой на все лады темой порочности государственной власти («Малиновый пеликан» В. Войновича, 2016) и т. д. и т. п.

Не ставя задачи литературоведческого анализа этих текстов (об этом написано множество работ), обратим внимание на присущую им карнавальность, подмеченную исследователями [1; 2; 5; 9]. Действительно, можно сопоставить происходящее в антиутопиях с основными чертами карнавала: создание особого мира, «перевернутого» по отношению к реально существующему с временной, условной «отменой» его привычных порядков [3, с. 138; 4, с. 15]; гротеск, показывающий «возможность совсем другого мира, другого миропорядка, другого строя жизни» [4, с. 57]; игровой характер действа; «масочность» персонажей и образов [1, с. 130]. Все это, несомненно, присуще литературной антиутопии и позволяет отнести ее к тому типу, который М. М. Бахтин характеризует как «карнавализованная литература», впитавшая и воспроизводящая прямо или косвенно особенности карнавальных форм культуры [3, с. 121–122]. Вместе с тем в исследовательских текстах рисуется парадоксальная ситуация: антиутопия, как жанр карнавализованной литературы,предстает по сути резкой антитезой самому карнавалу. Еще в 1993 г. Б. А. Ланин утверждал: «Псевдокарнавал – структурный стержень антиутопии» [9, с. 154]. С ним солидарен В. М. Андрюшин: «стержень любой антиутопии –антикарнавал. Мир антиутопий – пародия на свободную стихию народной смеховой культуры, на карнавал» [2, с. 5]. «Псевдокарнавалом» именует В. В. Грекова происходящее в антиутопическом романе В. Войновича «Москва 2042» [5, с. 88]. Множество примеров аналогичных оценок позволяет утверждать, что такая позиция получила общераспространенный характер.

В чем же видят ее сторонники кардинальные различия карнавала и антиутопии? Прежде всего – в абсолютном страхе, пронизывающем, по их мнению, все пространство антиутопии. Так, К. Усенова и В. В. Авдонин утверждают, что мотив страха изменяет в ней содержание карнавала, который «из веселого народного ритуала превращается в опасные игры с государством» [18, с. 120]. В. В. Грекова видит жанровую специфику антиутопии в «псевдокарнавале», основанном на ужасе и страхе, добавляя, что в отличие от этого, истинный карнавал – это уличный народный праздник, в

котором звучит смех безбрежных карнавальных толп [5, с. 88]. В. М. Андрюшин настаивает на том, что сущность псевдокарнавала антиутопии – абсолютный страх, ссылаясь при этом на М. М. Бахтина [2, с. 5]. Представляется однако, что истоки подобной категоричной оценки анти (псевдо)карнавальности антиутопии лежат не во взглядах М. М. Бахтина, а в сформулированном в начале 1990-х гг. Б. А. Ланиным тезисе, на который, как правило, и ссылаются авторы, придерживающиеся этой позиции. Так, Б. А. Ланин пишет: «мир антиутопии – это мир окостеневшего ритуала, мир псевдокарнавала, где амбивалентность смеха подменена абсолютным страхом» [10, с. 150]. Таким образом, возникает простая и понятная схема: карнавалу соответствует амбивалентный, оптимистичный жизнеутверждающий (по М. М. Бахтину) смех; антиутопии – абсолютный, пессимистичный (по Б. А. Ланину) страх.

Жесткая рамочность подобной схемы приводит к тому, что сами сторонники такой позиции делают «оговорки по Фрейду». Так, например: «Отрицательный пафос антиутопии проявляется в пародийности текста, которая проявляется на всех уровнях произведения <...> антиутопия как литературный жанр начинает тяготеть к сатире» [18, с. 120]. Понятно, что представить пародию и сатиру вне смехового начала невозможно в принципе. Добавим, что любая антиутопия так или содержит пародийные аспекты по отношению к неприемлемому настоящему или нежелательному будущему. Сам Б. А. Ланин признает, что в антиутопическом произведении тоже может происходить подлинный карнавал, хотя сводит его роль к показу того, «как ведется управление государством» [9, с. 155]. Надо сказать, что определенные основания для этого есть. Так, П. Л. Карабущенко прямо утверждает: «Вся деятельность современных политических элит, в конечном счете, сводится к их карнавальной политической культуре», в которой все «оказывается не на своём привычном месте, оказывается в совершенно ином для себя историко-культурном ландшафте, название которому – политический карнавал» [8, с. 94]. Оставим без комментариев полемический задор автора, ведущий к определенным преувеличениям; важнее другое: игроками в таком «политкарнавале» выступают шуты, клоуны, «дураки» [там же, с. 97], т. е. опять-таки персонажи смеховой культуры. Излишне доказывать, что если вполне реальная политическая сфера, выступающая нередко мишенью антиутопического гротеска, обладает смеховыми характеристиками, то их невозможно устранить из самих текстов антиутопии.

Однако утверждения об абсолютном страхе как ее структурном стержне и основе, страхе как «всепроникающем эфире» антиутопии, ее внутренней атмосфере [9, с. 162], стали не только общим местом, но регулярно воспроизводятся. Обратим внимание на присущность абсолютного страха именно «внутренней атмосфере» антиутопии. Здесь, на наш взгляд, уместно обратиться к меткому суждению Ю. А. Левицкого: «Концепцию „внутренней жизни текста“ хотелось бы отнести к области фантастики, если бы она не реализовалась в солидных научных (не научно-фантастических!) изданиях» [12, с. 373]. Автор указывает на казалось бы вполне очевидную триаду «автор – текст – читатель»: «чтобы „проникнуть“ в текст (его „внутреннюю жизнь“), мы должны встать либо на позицию автора, производящего этот текст, либо на позицию читателя, который этот текст воспринимает» [там же, с. 374]. В связи с этим стоит уточнить: чей страх проецируется в пространство антиутопий? И тут обнаруживается, что это проекции страхов как художественного выражения «коллективного бессознательного, когда подспудные страхи интеллектуалов предстают перед нами в заостренной гротескной форме антиутопического повествования» [11, с. 167]. И это не просто отвлеченное теоретическое допущение. Вот симптоматичное свидетельство со стороны автора антиутопии «Эвакуатор» Дм. Быкова: «Эта книга написана действительно без всякой оглядки на конъюнктуру, потому что это был такой способ аутотерапии. После Беслана <...> я был деморализован абсолютно, я был просто размазан этой ситуацией. <...>Потом я просто взял и написал этот роман. И от этой мании избавился» [цит. по: 17].. Можно только позавидовать легкости («просто взял и написал»), с которой часть литературной интеллигенции избавляется от собственных маний, страхов и проблем, переадресовывая это читателю: «Главное – не предупредить общество о грозящих опасностях, а запугать своего читателя, выплеснуть на него свою злобу, желчь и разочарование» [7, с. 104]. Даже если подобные тексты создаются по конъюнктурным соображениям, авторам приходится конструировать внутритекстовые антиутопические «страшилки». Впрочем, не стоит преувеличивать силу такого «устрашающего» воздействия. Как отмечает С. П. Оробий, «антиутопии больше не производят такого шокирующего впечатления, как во времена Замятина и Оруэлла; <...> тревога относительно будущего стала частью поп-культуры... <…> И во что же вырождается регулярно предсказываемый апокалипсис? Всего лишь в литературу!» [16].

Вернемся к упомянутым гротескным формам антиутопического. М. М. Бахтин, характеризуя гротеск в том числе как неотъемлемую составляющую карнавала, использует термин «Оно» для обозначения некой чуждой, нечеловеческой силы, управляющей миром, людьми, их жизнью и их поступками, то есть, вполне в духе антиутопий (как тут не вспомнить финал «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина...). Но далее М. М. Бахтин продолжает мысль: «В гротескном мире всякое «оно» развенчивается и превращается в “смешное страшилище”» [4, с. 57–58]. Гротескность, несомненно присущая антиутопическим текстам, вместе с тем тесно связана со смеховым началом. Как полагает Е. Р. Меньшикова, «человека издавна веселило и успокаивало сознание абсурдности бытия», причем «очищение смехом, пусть кратким, злым, жутким, циничным, остервенелым, открытым, простодушным, ехидным, безжалостным, но все же смехом, оказывается сострадательным актом», в котором «человек обретает защиту», и такое «осмысление через осмеяние» вполне свойственно русской культурной традиции [14, с. 17–20].

То, что происходит «внутри» антиутопического текста, действительно мало напоминает идеализированный образ карнавала с его ликующими толпами и жизнерадостным смехом. Однако сам феномен карнавала представляется более сложным, его амбивалентность не сводится исключительно к жизнеутверждающим началам. Карнавал возникает как реакция на неудовлетворенность наличными порядками в форме временного, игрового выхода за их пределы. То же самое по сути делает антиутопия, «переворачивая» и гротесково трансформируя несовершенства реального мира. При этом включается специфичный смеховой механизм, очень точно показанный Д. С. Лихачевым: «нынешние бедствия – это антимир, однако антимир этот не только не смеховой, но вызывающий острую боль, острое сочувствие. Для того, чтобы мир неблагополучия и неупорядоченности стал миром смеховым, он должен обладать известной долей нереальности. Он должен быть миром ложным, фальшивым; в нем должен быть известный элемент чепухи, маскарадности. <...> В этом изнаночном, перевернутом мире человек изымается из всех стабильных форм его окружения, переносится в подчеркнуто нереальную среду» [13, с. 46, 15]. Хотя эта характеристика Д. С. Лихачева относится к представлению «кромешного мира» в смеховой культуре средневековой Руси, эти черты, как можно убедиться по текстам современных антиутопий, полностью им присущи.

Полагаем, следует обратить внимание на использованный Д. С. Лихачевым термин «маскарадность». Как представляется, в нем заключено концептуальное содержание, позволяющее более точно определить «карнавальные» аспекты антиутопии, тем более что ее «маскарадность» отмечена рядом исследователей, не разделяющих, впрочем, карнавальность и маскарадность [см., напр.: 1, с. 131]. В этом смысле содержательна позиция А. Л. Гринштейна, показывающего маскарадность в качестве особого типа культуры. Такой тип, порождающий соответствующую литературу, генетически связан с народной карнавально-смеховой культурой, ориентирован на нее, заимствуя у карнавала мотивы, сюжеты и сюжетные ходы, образы и микрообразы [6, с. 24]. Маскарадность возникает в литературе с появлением авторского анализирующего сознания, отличающегося от коллективного, спонтанно порождающего в том числе карнавальные явления. Тогда индивидуализированное переживание неподлинности (квазиподлинности) бытия «оказывается источником и предметом непрекращающейся рефлексии, <…> трансформирующей карнавальность в маскарадность» [там же, с. 28]. Вместе с тем «своеобразным “посредником”, обеспечивающим взаимодействие этих двух топосов, оказывается игра» [там же, с. 26]. Можно видеть, что подобный переход от карнавала к маскараду проявляется в антиутопии вполне отчетливо.

Однако здесь вновь возникает вопрос «карнавального смеха». Мнение А. Л. Гринштейна выражено очень определенно: «В маскарадной литературе смех теряет свой амбивалентный характер, превращаясь в средство только отрицания, но не утверждения, разрушения, но не созидания, отчуждения, а не объединения». <…> анализирующее сознание может пытаться представить ту или иную ситуацию как комичную, может даже “пригласить” читателя к совместному смеху, но внутри ситуации смех все равно не будет объединяющим: напротив, смех, утрачивая свой амбивалентный характер, будет воздвигать непреодолимые преграды между людьми, способствовать дальнейшему отчуждению» [там же, с. 42]. Правомерно задаться вопросом: преграды между кем? Отчуждение от кого и чего?

Действительно, сатирический гротеск нередко порождает негативистские трогикомические перипетии «внутри ситуации» (то есть, внутри происходящего в тексте). Однако не следует ограничивать пространство происходящего только этим! Оно принципиально шире, включая воспринимающего читателя, что нередко упускается из виду. Ведь текст реально

осуществляется и существует именно в этом акте со-действия автора, материала текста и его читателя. Сопереживание и участие в этом действе читателя создает общность всех «соучастников» и изменяет характер смеха, возвращающего карнавальную амбивалентность. Отметим, что это не «приглашающий» смех «анализирующего сознания», а ироническая, комическая, в итоге — смеховая реакция читателя. Таким образом, если внутри антиутопического текста создается конструируемая автором «маскарадность», то при восприятии его читателем возникает «карнавальная игра» с участием автора, персонажей, читателя, а также неограниченного числа фигур, идущих от его фоновых знаний, актуальных социокультурных контекстов и личностных ассоциаций. Учитывая динамичную гибридность подобной игры, можно, не сводя только к карнавалу или маскараду, обозначить ее как своеобразный «посткарнавал». Такой термин позволяет, на наш взгляд, позволяет охватить весь диапазон проявлений «карнавализованной литературы» этого жанра, учитывая в то же время генетическую связь с проекциями в его тексты собственно карнавальных свойств.

Не стоит забывать, что антиутопия сама носит амбивалентный характер. Многократно повторяемый тезис о том, что она возникает как антитеза некой утопии, стоит дополнить и другим аспектом: всякая антиутопия, согласно тому же принципу антитетичности, индуцирует утопические образы. Разумеется, сущность и значения современной антиутопии категорически не сводятся только к смеховому началу. Однако было бы так же ошибочным исключать его или лишать амбивалентного статуса лишь потому, что литературная антиутопия — исключительно «серьезный» жанр. Об этом как нельзя лучше говорит М. М. Бахтин: «Настоящий смех, амбивалентный и универсальный, не отрицает серьезности, а очищает и восполняет ее. Очищает от догматизма, односторонности, окостенелости, от фанатизма и категоричности, от элементов страха или устрашения… <...> Он восстанавливает эту амбивалентную целостность» [4, с. 137].

Таким образом, современная российская антиутопия обнаруживает черты, роднящие ее с карнавальной культурой. Вместе с тем, внутренние характеристики текстов позволяют квалифицировать происходящее в них с позиций проявления маскарадной культуры, генетически связанной с феноменом карнавала. В качестве существенного свойства, объединяющего явления карнавала, маскарада и антиутопии, представляется амбивалентный «карнавальный» смех, специфично проявляющийся в их различных

воплощениях. Центральным актором такой литературной карнавализованной игры выступает читатель, восприятием текста и соучастием в нем восстанавливающий амбивалентность самого жанра антиутопии и его смеховых аспектов.

Список литературы

1. Авдонин, В. В. Трансформация антиутопической модели в романе В. Н. Войновича «Малиновый пеликан» / Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве. – М.: Книгодел; МГПУ, 2021. – С. 126–136.

2. Андрюшин, В. М. Современная антиутопия: киберпанк и другие / Язык. Коммуникация. Методика преподавания. – Курган : Курганский гос. ун-т, 2016.– С. 5–9.

3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-1970 гг. / М. М. Бахтин. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. – Москва: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – 798 с.

4. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – Москва: Художественная литература, 1990. – 541 с.

5. Грекова, В. В. Жанровая специфика антиутопии на примере романа В. Войновича «Москва 2042» / Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11.–№ 6. – С. 78–95.

6. Гринштейн А. Л. Карнавал и маскарад: два типа культуры / «На границах». Зарубежная литература от Средневековья до современности.– Москва: ЭКОН, 2000. – С. 22–43.

7. Гуларян, А., Третьяков О. Эволюции жанра антиутопии и утопии в социальной фантастике 1990-х гг. / Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема). – Самара : СГАУ, 2009. – С. 101–117.

8. Карабущенко, П. Л. Карнавальная политическая культура: субъекты и объекты театра абсурда // Вопросы элитологии. – 2020. – № 3. – С. 92-120. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45661515_96187417.pdf

9. Ланин, Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. А. Ланин // Общественные науки и современность. –1993. – № 5. – С. 154–163.

10. Ланин, Б. А. Мир без женщин, или Целомудренность разврата // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 150–158.

11. Ланин, Б. А. Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте // Проблемы современного образования. – 2014. – № 1. – С. 161–169. –URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-utopiya-antiutopiya-i-fantastika-v-novom-sotsialno-kulturnom-kontekste.

12. Левицкий, Ю. А. О так называемой внутренней жизни текста (монография Н. Л. Мышкиной «Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики») // Филологические заметки. – 2011. – Т. 2. – С. 373–375.

13. Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко. – Ленинград: Наука, 1984. – 295 с.

14. Меньшикова, Е. Р. Протей, затерянный в саду Гесперид, или экзистенциальный скачок гротеска как антикризисная модель и как смыслоохраняющий принцип искусства // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2011. – № 1. – С. 8–22.

15. Мотеюнайте, И. В. «Антропологический винегрет» в русской антиутопии начала XXI века / И. В. Матеюнайте // Палимпсест. Литературоведческий журнал. - 2020. - № 1 (5). - С. 53-70.

16. Оробий, С. П. Антиутопии «нулевых» и холостые механизмы истории // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=13413.

17. Рогинская, О. Дмитрий Быков. Эвакуатор // Критическая масса. – 2005. – № 2. – URL: https://magazines.gorky.media/km/2005/2/dmitrij-bykov-evakuator.html.

18. Усенова, К. Жанровая природа антиутопии / К. Усенова, В. В. Авдонин // Вестник научных конференций. – 2019. – № 9–2 (49). – С. 119–121.

УДК 745/749.01

Катричева Татьяна Юрьевна
Челябинский государственный институт культуры, управление науки и инноваций, специалист, кафедра музыкального образования, доцент

Перерва Оксана Юрьевна
Челябинский государственный институт культуры, кафедра народного хорового пения, доцент

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье анализируется проблема формирования духовной культуры человека средствами русской духовной музыки. Авторы рассматривают историю развития русской духовной музыки, приводя в качестве примера исследователей, занимающихся данной проблематикой. Данная проблема актуализируется также в контексте современных тенденций развития русской духовной музыки.

Ключевые слова: духовная культура, духовная музыка, православие

Katricheva Tatyana Yuevna
Chelyabinsk State Institute of Culture, Department of Science and Innovation, specialist, Department of Music Education, Associate Professor

Pererva Oksana Yurievna
Chelyabinsk State Institute of Culture, Department of Folk Choral Singing, Associate Professor

Annotation. This article deals with the problem of the formation of a person's spiritual culture through the means of Russian sacred music. The authors consider the history of the development of Russian sacred music and give the examples of scientists dealing with this problem. The article also summarizes the current trends into development of Russian sacred music.

Keywords: spiritual culture, sacred music, choral singing, Orthodoxy

Духовная музыка – важный фактор развития русской культуры. Многие исследователи обращаются к проблематике развития духовной культуры, рассматривая и давая определение последней в контексте различных областей знания [6]. Как известно, в современной социокультурной ситуации в обществе наблюдается тенденция отказа от определенных духовных ориентиров, что влечет за собой деградацию общества, нравственности, определенных ценностных ориентиров. Обращение к истокам русской духовности, ее идеалам, в частности – к русской духовной музыке, имеет принципиальное значение для осознания особенностей развития русской цивилизации, её смысла. Обращаясь к русской духовной музыке, можно понять суть русского человека, его духовную наполненность, передающую особенности национального менталитета.

Русская духовная музыка по своей форме, содержанию и мировоззрению – образ русской культуры. Она неотделима от православия, является его духовно-художественной доминантой. Русская духовная музыка выражает мироощущение и мировосприятие русского народа, его духовные идеалы, оставаясь хранителем и выразителем патриотизма, народных представлений об истории России, её национальных героях, особенностях развития русской традиции [3]. Русский человек выразил в духовной музыке своё своеобразие и самобытность, национальную духовную природу. Исследование русской духовной музыки в настоящее время особенно важно в связи с ценностно-духовным кризисом в нашей стране, утратой нравственных идеалов и ценностей. Современная русская духовная музыка остается средоточием нравственных ценностей русской культуры, христианских мотивов святости, покаяния и любви.

Русскую духовную музыку начали изучать в 60-е гг. XIX в. (например, В. Ф. Одоевский). Дореволюционные исследователи (В. Ундольский, Д. Разумовский, В. Металлов) исследовали «ранние формы» русского певческого многоголосия, взаимодействие слова и напева, связь церковной музыки и народного творчества. В XX в. вопросы древнерусского певческого искусства (основы певческого стиля, специфику древнерусских произведе-

ний) получили раскрытие в работах В. М. Беляева, Н. Д Успенского, М. В. Бражникова, Т. Н. Ливановой, С. С. Скребкова. В работах Т. Владышевской, Н. Гуляницкой, Ю. Паисова, протоиерея Б. Николаева, В. Мартынова была показана суть понятия русской духовной музыки. Особенности самобытности русской духовной музыки анализировались в работах Т. Ф. Владышевской. Информация о расшифровки певческих памятников содержится в трудах Н. С. Серегиной. В исследованиях А. Кандинского, Е. Левашова, М. Рахмановой, некоторых других авторов рассматриваются духовные сочинения русских композиторов «Нового направления» (период XIX – XX вв.), что становится основой для осмысления процессов, происходящих в современной духовной музыке России [4]. Известные исследователи древнерусской певческой культуры, профессора Н. В. и Н. П. Парфентьевы рассматривают развитие русской духовной музыки в целом, охватывая большой круг имён и художественных решений.

В трудах А. Тевосяна сочинения современных композиторов осмысливаются с точки зрения особого духовного наполнения, художественной значимости музыкальных интерпретаций на канонические тексты. Н. Гуляницкой изучается широкий спектр проблем, связанных с теоретическим осмыслением духовной музыки (жанровая классификация, другие стороны духовно-музыкальных произведений), определяются основные тенденции развития и перспективы в данном направлении [4]. В. Мартынов разграничивает понятия «музыка» и «церковное пение», утверждая, что церковное пение может быть только богослужебным, так как пение и молитва – неотделимые друг от друга понятия [1].

Духовная музыка в современности является достоянием не только верующих людей (хотя для них она наполнена особым смыслом). К духовной музыке обращаются сегодня люди самого разного возраста, профессии (не только потому, что она представляет собой красивые созвучия). В духовной музыке сокрыты глубинные национальные корни, это живой родник духовности, родник нравственности.

В настоящее время при православных храмах действуют воскресные школы для детей и взрослых, где помимо главного предмета – Закона Божия – знакомят с церковным пением (также певческие школы и кружки). Во многих учебных заведениях (гимназиях, колледжах и др.) знакомят с лучшими образцами духовной музыки. Духовная музыка, как синтез религии и искусства, служит средством эстетического воспитания. Духовная

музыка помогает обратить внимание подростка к совести, добру, красоте, благородству, внутренней дисциплине, философскому осмыслению окружающего мира; способствуя развитию чувства любви и сострадания к человеку, внимательному и бережному отношению к природе, милосердию.

В настоящее время для современной отечественной духовной музыки характерна тенденция синтезировать древнее и современное, фольклорное и профессиональное, национальное и всеобщее, личностное и коллективное. Изучение традиций даёт композиторам возможность воплощать в своих произведениях истинные, традиционные, присущие для русской культуры символы православия. Произошедшие жанровые преобразования обусловлены восстановлением христианского миропонимания, пониманием норм религиозной морали, подлинных ценностей христианской культуры. Реставрируются отдельные песнопения, оказавшиеся в забвении, восстанавливается роспев в тех жанрах, которые долго пелись другим напевом (например, киевским), делаются аранжировки многих уже известных произведений. Создаются циклы, более крупные циклические объединения. Произошло возрождение древней православной тематики, канонических образцов церковного искусства, старинных клиросных жанров[2].

Основой современной духовной музыки, кроме церковно-канонических текстов, становятся библейские фрагменты (послания апостолов), духовные стихи (покаянные), апокрифы, жития святых, сказания, строки летописей, историографические источники, авторские тексты (стихи средневековых мыслителей и русских поэтов) [5].

Появился целый пласт музыкальных произведений, раскрывающих различные мотивы христианской духовности, которые наряду с традиционным богослужебным искусством полноправно существуют в контексте современной культуры. Это обращение современных авторов к религиозным темам и сюжетам связано с постановкой сложных мировоззренческих вопросов.

Русская духовная музыка является основой духовной культуры. Это величайшее национальное наследие русского народа. Духовная музыка, как умозрение в звуках, способна обобщённо выразить и передать мировоззрение, мировосприятие, мироощущение народа. Взаимодействуя с другими направлениями музыкальной культуры, народной музыкой и светским композиторским творчеством, духовная музыка выступает неотъемлемой частью духовной культуры страны, которую она представляет.

Список литературы

1. Гарднер, И. А. Богослужебное пение Русской Православной Церкви : в 2 т. Т. 1 / И. А. Гарднер. – Москва : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. – 498 с.

2. Дулина, Г. С. Роль православной традиции в духовном становлении человека / Г. С. Дулина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). – 4.2. – С. 58–62.

3. Кожинов, В. В. Необходимо широкое и глубокое мышление / В. В. Кожинов // О русском национальном сознании. – Москва : Алгоритм, 2002. – С. 366–369.

4. Комарова, А. Н. Элементы национального в духовной музыке России / А. Н. Комарова // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2008. – Т. 14. – Спец. вып. – С. 206–209.

5. Комарова, А. Н. Природа музыкальной специфики русской духовной музыки Социально-гуманитарные науки / А. Н. Комарова. – Нижний Новгород : Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2008. – С. 53–56.

6. Морозова, И. Н. Бытие человека в культуре: диалектика трансцендентности и имманентности / И. Н. Морозова // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т : Цицеро, 2016. – С. 65–71.

УДК 069.4

Задорина
Анастасия Флюровна
г. Челябинск, музеолог

АКТИВНЫЕ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В РАБОТЕ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Аннотация. В статье рассматривается работа Музея истории православия при Свято-Симеоновском соборе, методы работы музея с посетителями разных возрастов.

Ключевые слова: музей, православие, Свято-Симеоновский кафедральный собор, экскурсионная деятельность, активные методы

Zadorina Anastasia Flurovna
Chelyabinsk, museologist

ACTIVE AND INTERACTIVE METHODS AT WORK MUSEUM OF THE HISTORY OF ORTHODOXY IN THE SOUTH URALS

Annotation. The article deals with the work of the History of Orthodoxy's Museum at St. Simeon's Cathedral and the methods of the museum's work with the visitors of different ages.

Keywords: museum, Orthodoxy, St. Simeon Cathedral, excursion activity, active methods

В Челябинске при Свято-Симеоновском кафедральном соборе в 2013 г. по благословению митрополита Феофана (Ашуркова) был открыт Музей истории православия на Южном Урале. В те годы музеем занимался протоиерей Святослав Еренков. Собирать же предметы для будущего музея начали еще при митрополите Иове (Тывонюке). Работу вели протоиерей Игорь Рысенко (в настоящее время настоятель храма Богоявления в городе Миассе) и сотрудники пресс-службы епархии. Все эти предметы и составили основу экспозиции открывшегося музея [1].

Музейные экскурсии преимущественно проводились для школьников, изучающих основы православной культуры, мировые религии или светскую этику. В то время их вели священнослужители Собора. В дальнейшем к работе подключилась паломническая служба Челябинской епархии, православная молодёжь из общества «Держись!» во главе с Маргаритой Горбуновой. Были разработаны экскурсии для групп разных возрастов, по окончании которых начали проводить викторины. Так в музее зародились активные методы обучения в рамках экскурсионной деятельности.

В 2017 г., по благословению правящего архиерея митрополита Никодима (Чибисова), музей был закрыт на реставрацию. Масштабная работа позволила увеличить количество залов, число экспонатов. Подготовкой музея к открытию после реставрации занимался священник собора протоиерей Олег Чиянов. 25 сентября 2018 г., в год празднования столетнего юбилея Челябинской епархии, музей был вновь торжественно открыт [5]. Экскурсионной деятельностью с 2018 по 2021 г. в музее занималась автор, Анастасия Задорина (тогда студентка Челябинского государственного института культуры, кафедры истории, музеологии и документоведения).

Во второй период своего открытия Музей стал более активно и открыто работать; появилась реклама на сайтах Челябинской митрополии и Свято-Симеоновского кафедрального собора. На экскурсии стали приходить не только дети, но и студенты, взрослые, пенсионеры, представители различных организаций, представители власти и т. д. Были разработаны экскурсии не только для разных возрастов, но и для отличающихся друг от друга по составу групп (например, для военнослужащих, вип-гостей) [10]. Помимо обзорных экскурсий, начали проводиться экскурсии тематические, посвящённые тому или иному событию, празднику, например, ко Дню православной книги [2]. Был опыт проведения экскурсии для незрячих гостей. Такая экскурсия получила название «трогательная» экскурсия, от слова

«трогать», т. е. когда впервые гостям разрешила потрогать руками многие экспонаты [5].

При митрополите Григорие (Петрове) в Челябинской епархии был установлен праздник, посвящённый Собору Челябинских святых. В него вошли святые, прожившие на нашей южно-уральской земле часть жизни, принявшие здесь мученическую кончину. В музее появилась экспозиция, посвящённая Челябинским святым. В ней располагается икона Собора Челябинских святых, их фотографии, жизнеописания [6].

В качестве примера рассмотрим стандартную экскурсию для невоцерковлённых подростков до 18 лет. Экскурсия начинается у ворот Свято-Симеоновского кафедрального собора. Экскурсовод знакомится с группой, показывает ребятам двор храма, его внешний вид. В музее в первом зале ребята знакомятся с историей появления, становления и развития православной веры на Южном Урале, в Челябинске. Экскурсанты смотрят фотографии храмов, узнают историю Одигитриевского женского монастыря, информацию о том, какие учебные заведения были в Челябинске с XVIII в., какое отношение они имели к православию. Посетители музея рассматривают панораму города 1917 г., слушают рассказы о гонениях на Церковь, которые были после революции, а также о том, как Церковь помогала государству в годы Великой Отечественной войны.

В следующих залах ребята знакомятся с искусством иконописи: представленные экспонаты демонстрируют процесс работы иконописца, начиная с первоначально простой доски. Далее они рассматривают облачения священников, различные церковные предметы и старинные книги XVIII в. В последнем зале есть возможность посмотреть, как выглядит алтарь православного храма (в нём находится копия алтаря).

Гостей из других групп ждут те же залы и экспонаты. Разница лишь в подаче материала. Для детей экскурсии самые короткие, но при этом им важно показать самое интересное (например, школьную парту советских времен, за которой можно даже посидеть и сфотографироваться). Самые продолжительные экскурсии проводятся для воцерковлённых взрослых. Здесь добавляются, например, более подробные жития святых, чьи иконы находятся в иконном зале.

В планах развития музея – проведение лекций и кинопоказов. В приоритете деятельности музея – не традиционная информационная лекция, а лекция-беседа в вопросно-ответной форме. Предполагаемые темы лекций:

– жизнь святого праведного Симеона Верхотурского;

– история Челябинских храмов;

– малоизвестные святые;

– храмовая архитектура;

– икона в жизни православного христианина.

В соответствии с темами, представленными в музее, можно подобрать кино, видеолекцию. Прежде всего, это могут быть исторические фильмы о Южном Урале, фильмы о жизни святых. В планах работы музея – мастер-классы по золотному шитью, церковно-славянскому языку.

Рассмотрим также экскурсию для учащихся воскресной школы, с последующей викториной. Экскурсия – это выездная, внеаудиторная форма обучения, которая позволяет детям познакомиться с тем, что они изучают за партами по книгам, словам учителей. Важным моментом в организации экскурсии является последующее публичное обсуждение увиденного [3].

Учащиеся детской воскресной школы – это дети в от 6 до 12 лет. Экскурсия для них длится не более получаса. В первом зале, где представлена история Челябинской епархии, учащимся рассказывают о том, когда и почему на нашей родной земле стали появляться православные храмы, какие из них сохранились по сей день, включая Свято-Симеоновский кафедральный собор, рассказывают о том, что такое монастырь и какие монастыри есть сейчас в городе Челябинске, о том, какое образование в те времена получали их сверстники, почему случилось так, что многие храмы были разрушены, о том, кто такие святые и какие из них жили на нашей земле.

Во втором зале ребятам показывают, с чего начинается процесс создания иконы, этапы работы над ней. В третьем зале учеников ждут иконы различных святых, рассказ о Пресвятой Богородице, прп. Симеоне Верхотурском, свт. Николае чудотворце. В четвёртом зале ребята могут рассмотреть облачения священников, узнать, чем они отличаются друг от друга, из каких деталей состоят. В пятом зале их встречают старинные книги, рассказ о Кирилле и Мефодие, славянских просветителях, копия алтаря. После экскурсии ребята возвращаются в класс воскресной школы, где для них проводится викторина с целью закрепления материала. Как видим, современные методы экскурсионной работы не противоречат христианскому учению, следовательно, могут быть применимы в православном музее. Субъект современной российской культуры, оставаясь в состоянии миро-

воззренческой неопределенности, в своем духовном поиске нуждается в обращении к глубинным, сущностным духовным ценностям [4].

Список литературы

1. Ермолюк, А. В. Храм святого Симеона : науч. изд. / А. В. Ермолюк, Ю. В. Никифорова. – Челябинск : Симеоновский вестник, 2008. – 216 с.
2. Задорина, А. Ф. Воскресный день в музее / А. Ф, Задорина. – URL: http://sim-sobor.cerkov.ru/2020/03/27/voskresnyj-den-... (дата обращения: 14.04.2022).
3. Каченя, Г. М. Активные и интерактивные технологии обучения / Г. М. Каченя, Н. Н. Штолер, К. Л. Япринцева. – Челябинск : ЧГАКИ, 2012. – 47 с.
4. Морозова, И. Н. Бытие человека в культуре: диалектика трансцендентности и имманентности / И. Н. Морозова // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т : Цицеро, 2016. – С. 65–71.
5. Свято-Симеоновский кафедральный собор: http://sim-sobor.cerkov.ru. – Челябинск, 2013. – URL: http://sim-sobor.cerkov.ru/2019/09/19/trogatelnaya-ek. (дата обращения: 14.04.2022).
6. Челябинская митрополия: https://mitropolia74.ru. – Челябинск, 2015. – URL: https://mitropolia74.ru/novosti/v_tserkovnom_kalendar... (дата обращения: 14.04.2022).

УДК 316.4

Маяцкий
Дмитрий Станиславович
Воронежский государственный университет,
факультет философии и психологии
кафедра истории философии и культуры,
студент

ВИРТУАЛЬНОСТЬ VERSUS РЕАЛЬНОСТЬ: КРИЗИС И ПРЕОДОЛЕНИЕ

Аннотация. В статье анализируется ситуация, сложившаяся в современном обществе, интегрированном в виртуальную среду. Проблематизируется вопрос об индивидуальном кризисе идентичности, развивающемся на фоне усиления влияния социальных сетей на формирование личности человека. Особый акцент делается на феномене протеевского типа личности, подпитываемого разрушением в масс-медиа «генеральных» категорий национальности и вероисповедания. Рассматривается взаимосвязь между виртуальным человеком и обществом потребления, их взаимном влиянии на размытие моральных ориентиров человечества. В заключении кратко анализируются программы развития духовности и патриотизма в России.

Ключевые слова: человек, современное общество, идентичность, самореализация, виртуальность, воспитание, ценности.

Mayatskiy Dmitriy Stanislavovich
Voronezh State University, Faculty of Philosophy and Psychology, Department of History of Philosophy and Culture, undergraduate student

VIRTUALITY VERSUS REALITY: CRISIS AND OVERCOMING

Annotation. The article deals with the situation that has developed in a human society integrated into a virtual environment is analyzed. The question of an individual identity crisis, which develops against the background of the increasing influence of social networks on the formation of a person's personality, is considered. The emphasis is placed on the phenomenon of the Protean type of personality, which is fueled by the destruction of the «general» categories of nationality and religion in the mass media. The relationship between the virtual person and the consumer society and their mutual influence on the blurring of the moral guidelines of mankind are analyzed. At the end, the programs for the development of spirituality and patriotism in Russia are briefly reviewed.

Keywords: human, modern society, identity, self-realization, virtuality, upbringing, values

Изучение современного общества обнаруживает проявление удивительных параллелей с пространством социальных сетей. Перенасыщенность информацией, постоянные изменения, бесконечные контакты, неопределённость и незаконченность – мы все оказались вовлечены, вместе со всем миром, в виртуальность. Можно сколько угодно критиковать эту ситуацию, оценивая её негативно или позитивно. Прежде всего, необходимо выявить общее проблемное поле в современном кибернетическом обществе, определить, как не допустить регресса в состоянии духовного развития человека.

Прежде всего, полагаем, необходимо усмотреть основные тенденции, связывающие виртуальность и реальность в единое целое. На наш взгляд, это акцент на мобильности субъекта (будь то конкретного человека или сообщества). В виртуальном пространстве происходит быстрая смена ролей, масок, структур. Человек находится в постоянном переопределении себя. Идентификация – тот глубинный процесс самоосознания, служивший долгие века главной точкой опоры личности – теперь заменяется самопрезентацией, основой для которой является привлекательность, «гламурность» для общества того или иного образа, пусть даже маргинального. Человек теперь становится виртуальным слепком личности, отчуждённым от собственного мышления бесконечными потоками информации и коммуникаций. [9, с. 1204]. Это неизбежно ведёт к десакрализации общества и мира в целом: общества – потому что теперь нет «сакральных» социальных структур; мира – потому что он теперь лишь развлекательное пространство об-

щества потребления. Стоит сразу оговориться, что в данном случае мы используем термин «сакральное» в том значении, которое ему даёт Э. Дюркгейм: это онтологическая категория человеческого бытия, выражающая его коллективную сущность [4, с. 22–23].

В профанном мире профанированный человек становится товаром, его личность монетизируется (и это мы прекрасно видим на примере огромного количества блогеров), а «существование заменяется и подменяется всеобщей тотальной демонстрацией жизни» [9, с. 1204]. Потому можно говорить о том, что в виртуальном мире, вышедшем за границы Всемирной паутины, человек теряет собственную ценность и собственную целостность ввиду того, что сама его идентичность как бы «размывается». Человек с неизбежностью теряется в лайках, постоянно обновляющихся лентах соцсетей, комментариях и сообщениях, эмоциях, оценках [7, с. 51]. В этой потерянности рождается череда виртуальных личностей, которые образуют новую структуру человеческого «Я», напоминающую по своей сути химеру.

Эта химера легко входит в различные сообщества, причисляет себя к той или иной специфической группе, творческому коллективу хотя зачастую не имеет на то никаких оснований. Но её неадекватная самооценка уже не позволяет критически оценить собственные успехи и неудачи, а «гласность» и «индивидуальность» позволяют отмахнуться от любой критики. «Я художник, я так вижу». Но такое поведение разрушительно, причём не столько для общества, которое отделит мусор от искусства, сколько для самого человека, который подменяет истинную идентификацию и собственное призвание ложными идеями, нашёптываемыми «популярностью», иначе – гордынею.

Хотелось бы подробнее разобрать этот феномен «пучка» виртуальных личностей, который мы назвали химерой. Выше мы сказали, что подобное проявляется ввиду потерянности. Добавим, что иногда человек впадает в такое состояние намеренно. Сознательное конструирование виртуальных личностей в пространстве социальных сетей зачастую связано с той или иной необходимостью, целями, которые преследует человек. Основное же стремление – быть привлекательным и популярным: для этого может подбираться не только более эффективные поведение или психологические характеристики, но также и пол, внешность, возраст – всё зависит исключительно от ситуации. Но ситуативность и изменчивость не отменяет эмоциональной зависимости, которая формируется под воздействием вир-

туального общения. Потому весь ворох виртуальных личностей продолжает существовать, постепенно замещая собою целостную личность, возникает феномен, названный в психиатрии «протеанизмом» [12, с. 13].

Таким образом, масскультура методично разрушает основные, «генеральные» категории идентичности, как то нация или вероисповедание, замещая их на различного рода «модные» общности и ярлыки, не отличающиеся долгосрочностью или исторической наполненностью (мелкие субкультуры, интернет-сообщества, деструктивные движения по типу радикального феминизма и даже объединения по гендеру, который тоже становится «модным» ярлыком). Всё это идёт в угоду активно пропагандируемого индивидуализма. Даже всеобщий кризис идентичности, с которым столкнулось человечество в процессе глобализации, теперь используется в пользу данной повестки. Общество атомизируется, индивиды изолируются друг от друга – таким образом возникает «мозаичная культура» [3, с. 65], с характерным всеобъемлющим равнодушием к другому.

Лозунги о свободе самовыражения и самоопределения вырождаются в зависимость от виртуального, от функционирования компьютерных сетей и новой, виртуальной личности [1, с. 61]. Имеют значение и возникающие в интернете возможности бесконечного потребления, ведь технологии, позволяющие отгораживаться не только от собственной совести, но и от страданий других, позволяют существовать в режиме неисчерпаемого гедонизма. Жизнь теперь призвана быть очередным развлекательным проектом, наполненным удовольствиями. Иначе и жить не стоит.

Не удивительно и то, что в обществе без фундирующих институтов культуры и религии, основным социальным процессом, через который человек определяет, идентифицирует себя, становится потребление [5, с. 48]. Но вместе с тем, ориентация на потребление, а не на создание приводит к переориентации социальных процессов: человек теперь больше зависит от рынка, от рынка же «играет» политика, а культура остаётся не у дел. Государству уже не нужна интеллигенция для формирования идеологии и духовных ценностей.

К «умершему Богу» добавились, по словам Ульриха Бека, различные «категории-зомби» [10, с. 16], к последним отнесена и семья. Люди вступают в различного рода временные отношения. «Любовь до гроба» заменяется конкубинатом, «пробными связями», псевдосемейными союзами, которые расторгаются, как только партнеры перестают друг друга устраи-

вать. Государство отказывается задавать этические стандарты, на смену ему приходят сиюминутные авторитеты, которые лишь выжидают момент доверия, чтоб воспользоваться им и исчезнуть. «Быть нравственным, означает быть и оставаться в состоянии вечной неопределённости» [2, с. 216] – этот общий принцип этики сегодня. Но, лишившись моральных ориентиров, мы не стали счастливее, это лишь вызывает чувство бессмысленности жизни: «Самый глубокий и отчаянный кризис идентичности является результатом убеждения в том, что не существует никаких моральных норм» [8, с. 119].

Не имея лично достаточного жизненного опыта, но будучи, как представитель поколения миллениалов, причастным ситуации в наибольшей мере, выскажем, в качестве заключения, некоторые соображения об определенных необходимых действиях (по преобразованию, изменению кризисной ситуации).

Программа «Пушкинской карты» – пример не самого удачного, но правильного направления молодёжной и культурной политики государства. Неудачно же оно ввиду недостаточности: странные возрастные рамки, несоразмерность реальных цен с предоставленными средствами – это явные проблемы, которые могут быть исправлены. Однако хотелось бы отметить значимость и пользу подобного рода программ, позволяющих молодёжи быть вовлечёнными в культурное поле, а учреждениям культуры выйти из плачевного состояния невостребованности. Подобное направление в современной российской культурной политике, полагаем, позволит развить ценностно-ориентированное общество, сообщить подрастающему поколению подлинные этические смыслы, открыв новые горизонты для отечественной культуры. Как известно, «насмотренность», часто используемая в обучении художников, благотворно влияет на человеческое сознание. В искусстве она открывает возможность прочувствовать катарсис.

Еще одно направление – развитие отечественного туризма, который также необходимо сделать доступным, в особенности для молодёжи. Ориентированность на предметность, воплощенность в мире, интерактивность в реальности против интерактивности в виртуальности –вот направления в деятельности человека, к которым необходимо стремиться. Без переживаний сопричастности коллективу, нации, религии невозможно создать условия для функционирования полноценного общества, культуры (в особенности, в индивидах, огражденных друг от друга экранами мониторов и гад-

жетов [11, с. 22]. Субъект культуры должен стать таковым на самом деле, в реальности, в процессе личного опыта переживания действия Созидания, на основе адекватной культурной политики государства.

Список литературы

1. Афанасьева, В. В. Homo Virtualis: психологические характеристики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 59–64.

2. Бауман, З. Индивидуализированное общество. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.

3. Глотов, М. Б. Социодинамическая концепция «мозаичной культуры» А. Моля как прообраз ее виртуальной модели / М. Б. Глотов // Серия «Symposium». – Виртуальное пространство культуры. – Вып. 3. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 64–66.

4. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм. – Москва : Элементарные формы, 2018. – 808 с.

5. Кравец, А. С. От услуг к впечатлениям в постиндустриальном обществе / А. С. Кравец, И. Ю. Тихонова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2018. – № 3 (29). – С. 37–48.

6. Павлова, Н. В. Постмодерн: трансформация коммуникаций / Н. В. Павлова // Вестник Поволжского института управления. – 2014. – № 4 (43) – С. 116–121.

7. Павлова, Н. В. Негативные коммуникации и кризис идентичности / Н. В. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 50–53.

8. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.

9. Шаповалов, И. С. Разрушение идентичности и отчуждение от смерти в танатосенситивной цифровой среде / И. С. Шаповалов // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 1202–1208.

10. Beck U., Willms J. Freiheit oder Kapitalismus. – Frankfurt am Main Suhrkamp, 2000. – 293p.

11. Etzioni, A. Next: The Road to the Good Society. – N. Y.: Basic Books, 2001. – 126 p.

12. Lifton, R. J. The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation. – N. Y.: Basic Books, 1993. – 262 p.

УДК 94(471+571)"17/1917

Чеботарев
Анатолий Михайлович
Челябинский государственный институту культуры, кафедра дизайна и компьютерных технологий, доктор исторических наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ

Лешуков
Алексей Григорьевич
Челябинский государственный институту культуры, кафедра дизайна и компьютерных технологий, декан факультета декоративно-прикладного творчества, кандидат культурологии, доцент

ИНФОРМАЦИОННО-РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАЩИТНИКОВ ДАЛМАТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1774 Г.

Аннотация. В статье рассматривается информационно-рекламная деятельность монахов Далматовского монастыря во время трагических событий в отечественной истории XVIII в. – крестьянского восстания под предводительством Е. Пугачёва. Враждующие группы: мятежные войска, защитники осажденного монастыря, военачальник регулярной армии И. А. Деколонг, активно обменивались письмами, воззваниями, сообщениями. Одной из функций информационных материалов были рекламные призывы к определенному поведению. Это можно отнести к началу формирования общественно-политической рекламы в нашей стране.

Ключевые слова: информационно-рекламная деятельность, история России XVIII в., Пугачёвское восстание

Chebotarev Anatolii Mikhailovich
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of Design and Computer Technologies, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

Leshukov Alexei Grigorievich
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of Design and Computer Technologies, Dean of the Faculty of Arts and Crafts, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor

INFORMATION AND ADVERTISING ACTIVITIES OF THE DEFENDERS OF THE DOLMATOVSKY MONASTERY IN 1774 YEAR

Annotation. The article deals with the information and advertising activities of the monks of the Dolmatovsky monastery during the tragic events in Russian history of the XVIII century – the peasant uprising led by E. Pugachev. Warring groups: rebel troops, defenders of the besieged monastery, the commander of the regular army I. A. Dekolong actively exchanged the

letters, appeals, messages. One of the functions of informational materials was the advertising calls for certain behavior. The situation could be attributed as the beginning of the formation of socio-political advertising in our country.

Keywords: information and advertising activities, the history of Russia of the XVIII century, the Pugachev uprising

Вольность, возвещавшаяся в манифестах Пугачева, оказала значительное воздействие на изменение сознания простого народа. Сельские и городские жители, очарованные идеей вольностью, уже не пытались понять и оценить достоверность информации, как о самом императоре, о его чудесном спасении, так и достоверность его посланий. Во всех городах и селах, которые захватывали мятежники, происходили торжественные встречи, где зачитывался манифест Пугачева, затем происходило сожжение дел и долговых расписок, а далее следовал наказ священникам упоминания в эктениях имени императора Петра III. Проводились выборы новых правителей, грабеж имущества прежних. Особую привлекательность для мятежников представлял Далматовский Успенский мужской монастырь.

Далматовский мужской монастырь находился на возвышенном левом берегу реки Исети, на Сибирском тракте, между городами Шадринском и Екатеринбургом, от которого отстоял в 158 верстах. Монастырь был обнесен кирпичной стеной с бойницами и амбразурами в два ряда и отверстиями для боя из «мелкаго ружья». По углам стен возвышались башни с амбразурами для орудий и бойницами для ружейной стрельбы. В монастыре было трое ворот.

Овладение монастырем, по-видимому, не представляло особых затруднений для мятежников. Они рассчитывали на содействие приписанных к нему, экономических крестьян, недовольных монастырским начальством. При первом известии о появлении Пугачева в близлежащих селениях архимандрит Иакинф стал готовиться к защите, укреплял монастырь, просил помощи. Первый раз у Далматовского монастыря мятежники появились в начале февраля в количестве пятисот человек. В монастыре собралось 383 человека, в числе которых было 10 солдат и 20 казаков. В монастыре было 16 орудий и 80 ружей, большие запасы пороха, патронов и зарядов.

11 февраля с колокольни монастыря были замечены толпы мятежников, двигавшиеся от деревни Верхоярской. Когда в монастырь вернулся крестьянин Леонтий Боголюбов, которому за пазуху мятежники засунули свернутый лист бумаги, то увидели обращение к монастырской братии

атамана Пестерева. Оный писал, что он послан в монастырь указом Его Императорского Величества государя императора Петра III *«для склонения и приводу в подданство к Его Императорскому Величеству, Государю нашему Петру Федоровичу»*.

Прохор Пестерев «усердно просил», чтобы «*если желание имеете благополучно в склонность приступить, без всякой суровости и напраснаго кровопролития, как сожалею вас и не хотя реченнаго кровопролития с вами поступления, покоритесь нашему Императору*».

В послании атаман также просил, чтобы точную копию манифеста, которую он посылает «*приняв благополучно и при собрании живущих всего общества мирских людях, прочесть*». П. Пестерев предлагал осажденным в монастыре дать ответ и прислать его с десятью выбранными людьми. В конце обращения были перечислены военные успехи восставших, которые преувеличивались и не соответствовали действительности. Но могли, в какой-то степени, повлиять на решение о сдаче монастыря. В послании было сказано, что и Казанская губерния, и Москва, и Нижний Новгород склонились под властью Петра III, и его сына, цесаревича и Великого князя Павла Петровича. Воззвание было подписано 11 февраля 1774 г.: походным атаманом Прохором Пестеревым, есаулом Матвеем Таракановым, сотником Никитой Бушуевым и армейским писарем Василием Тупининым [1, с. 62–63].

Полностью текст выглядел так:

> *«Из армии Его Императорскаго Величества, следующее из оной под Долматов монастырь, от определеннаго из армии атамана, Прохора Пестерева, с товарищи, во оной Долматов всего общества мирским людям о благополучии известие.*
>
> *По указу Его Императорскаго Величества, Государя Императора Петра Третьяго, в следствие даннаго мне из армии от полковника наставления, которым командирован я, с командою тысячью пятью стами и артиллериею – 15 пушками, «и для склонения и приводу в подданство к Его Императорскому Величеству, Государю нашему Петру Федоровичу. Того ради, сим вас усердно просим, если желание имеете благополучно в склонность приступить, без всякой суровости и напраснаго кровопролития, как сожалею вас и не хотя реченнаго кровопролития с вами поступления, покоритесь нашему Императору, ибо Государь Петр Федорович. Чего ради, вам при сем, с посланными от нас казаками, взятыми из Чумлятской слободы, Алексеем Ершовым, Долматовской крепости Антоном Заплатиным, всего 4 человека, в том числе один Башкирец, для растолкования истиннаго познашя с имяннаго, Его Императорскаго Величества, манифеста посылаю точную копию, которую, приняв благополучно и при соб-*

рании живущих всего общества мирских людях, прочесть и, естьли вы в чувство приидите, чтобы написали от всего оных мирскаго общества людей склонную запись, за руками их, также священниками, которую и прислать ко мне с выборными от оных, хороших до 10 человек, а сверх сего сколько вам разсудится, без всякаго сумнения. Сверх же того вам объявляю, что уже и Казанская губерния, царствующий град Москва, также Нижний и другие города склонены Наследником Его Императорскаго Величества, Государем Цесаревичем и Великим Князем Павлом Петровичем, так и Государем нашим Петром Федоровичем; Оренбургская губерния и показанныя господином полковником: Челяба, Троицкая и прочия жительства в склонность приведены благополучно; и естьли же, сверх сего, в верность не пойдете, то конечно остаться будете вам от моей команды в беспорядке. А на сие имею от вас ожидать милостиваго и несумненнаго по Божиему благословению склонения в верное подданство. Февраля 11 дня 1774 года. На подлинном подписались: походной атаман Прохор Пестерев, эсаул Матвей Тараканов, сотник Никита Бушуев, армейской писарь Василий Тупинин» [1, с. 62–63].

Когда мятежники ворвались в село Никольское, расположенное рядом с монастырем, то атаман Пестерев стал приводить в исполнение высказанные ранее угрозы и для устрашения населения отказавшихся присягнуть императору. Он повесил нескольких монастырских служителей, капитана Петра Вырубова и священника Павла Хорсина. многих остававшихся верными правительству били кнутом.

В монастыре составили ответ П. Пестереву и отправили в этот же день. В преамбуле послания Пугачев назван как известный государственный злодей, бунтовщик и беглый с Дону казака Емелька Пугачев, а само письмо названо «*прислано, в коеме смешнова достойные прописаны бредни, чему ни коим образом статься не можно*». Монахи выражают недоумение тому что «*помыслить ужасно, чтоб покойному Государю Императору Петру Третьему прежде чаемаго общаго воскресения из мертвых одному воскреснуть*».

О воскресении монарха написали: «*праведные воскреснут в живот вечный, а грешные на мучение вечное, и так разумеется, что тем воскресшим не понадобится тогда ни царю престола своего, ни богатому имения своего, а воздаете Бог каждому по делам его*».

А якобы воскресшего императора они называют гнусным чучелом, желающим похитить власть, данную от бога «*грабежами, разбоем и кровопролитием, чего и в целом свете не слыхано*».

Неверие монахов содержанию и самому письму отражено тем, что его письма не напечатаны типографским способом. Кроме того монахам неизвестно, где «император» был двенадцать лет и почему «*только в одну Оренбургскую губернию вкрался, простых, нашу братью, мужиков, особливо от прочих мест, ослепленных невежд прельщать и приводить в конечную пагубу*». О награждениях, которые дает самозваный Петр III монахи отвечали, что и без его награждения они награждены матушкой императрицей и тем довольны. А в отношении награждения крестом и правом ношения бороды монахи ответили: «*крест Спасителя нашего всякой из нас «православной христианин чтит и поклоняется, а бороды природныя у всякаго по человечеству имеются, растущие на ней волосы по своей воле кто стрижет и бреет, а иной и отпущает, в том принуждения никому нет*».

Выражая сомнение, что государь настоящий монахи спрашивали, почему он не пошел в столичный город Москву и если бы он сперва появился в столице, то они бы сразу же ему покорились «*то бы мы добровольно ему преклонились и ни какого препятствия делать не стали, а не так бы, как вы ныне стали здесь жегчи и опустошать*».

В заключении своего послания монахи просили атамана П. Пестерева прислать подтверждения подлинности императора. Также были просьбы вернуть захваченных людей и гарантии сохранности домов в селе Никольском [1, с. 64–66].

Полный текст этого послания был таким:

> *«От далматовскаго общества известнаго государственнаго злодея, бунтовщика и беглаго с Дону казака Емельки Пугачева – походному атаману, Прохору Пестереву.*
>
> *О благополучии вашем известиие сюда от вас, чрез мужика, здешняго крестьянина, прислано, в коеме смешнова достойные прописаны бредни, чему ни коим образом статься не можно, да и помыслить ужасно, чтоб покойному Государю Императору Петру Третьему прежде чаемаго общаго воскресения из мертвых одному воскреснуть. Правда, будет общее всем воскресение, но как святое писание нам доказывает, что праведные воскреснут в живот вечный, а грешные на мучение вечное, и так разумеется, что тем воскресшим не понадобится тогда ни царю престола своего, ни богатому имения своего, а воздаете Бог каждому поделам его. А сия гнусная чучела, назвавшись таким ужасным по России именем, на подобие якоб воскрес из мертвых, и желает похитить самим Богом узаконенную власть грабежами, разбоем и кровопролитием, чего и в целом свете не слыхано. «А как небезизвестно, что всякий монарх вступает на престол правления тишиною и весьма полезным всему обществу спокойствием;*

а как вам мнимый Государь Петр III, Император, в своем ложном, и то письменном, а непечатном манифесте, всему обществу в сведение не предъявил, где он и в каких местах чрез двенадцатилетнее время, находился и для чего только в одну Оренбургскую губернию вкрался, простых, нашу братью, мужиков, особливо от прочих мест ослепленных невезде прельщать и приводить в конечную пагубу и награждать склонившихся к нему – крестом и бородою, травами и морями и всякою вольности, чем мы и без его награждения от милостивой нашей Монархини довольствуемся; крест Спасителя нашего всякой из нас «православной христианин чтит и поклоняется, а бороды природныя у всякаго по человечеству имеются, растущие на ней волосы по своей воле кто стрижет и бреет, а иной и отпущает, в том принуждения никому нет, травами же и бородами мы без награждения вашего довольны и недостатка никакого не имеем. Он же бы ваш называемой Государь Петр Третий, Император, мог в главной столичной город Москву легко вступить, которой, как вы пишите, якобы уже и покорен, а когда бы он (яко) Государь был сперва на столице, то бы мы добровольно ему преклонились и ни какого препятствия делать не стали, а не так бы, как вы ныне стали здесь жегчи и опустошать; того ради о подлинности вашей, поясняя на сие, к нам напишите и пришлите к нам с вашим надежным человеком, с коим мы никакого озлобления не учиним, також и с нашими людьми вы ни чего не делайте, и оставляйте спокойными, а которые вчера вами захвачены и отстали за оградою, сюда к нам вышлите, и в домах наших ни какого раззорения не делайте; впрочем же да будете между нами мир и согласие, чего и ожидать от вас имеем. Февраля 12 дня 1774 года» [1, с. 64–66].

В этом обращении монахи стремились смягчить сердца мятежников, но их старание принесло немного пользы, потому что «заблуждение и увлечение в крамольниках были слишком велики». На другой день атаман прислал в монастырь новый документ, в котором требовал, чтобы монахи сдались без сопротивления:

«От армии Его Императорскаго Величества, Государя Императора Петра Федоровича посланнаго походнаго атамана Прохора Пестерева с товарищи, почтенному и высокоблагородному г. майору Ивану Семеновичу Завороткову, старосте Игнатию Стенину, с мирскими людьми.

Не безсумнения бо есть всем верноподданным Его Императорскаго Величества рабам, каким образом он, Великий Государь, Император Петр III, прекращался не от доброжелателей, от зависцов злобою, а ныне его Всещедрый Господь на Всероссийский Императорский престол определяет и державным своим не оцененным скипетром дарует, как воизвестие вам доносим, что в верное подданство его «державе российские царственные и настольные города преклонились и усердно безе всякой суровости и кровопролития покорились, как и вам соусердием до прибытия всей нашей армии вчерашнего числа в половине

дён с вашим бекетным караульщиком о благополучии известие, при коем списанная с манифеста Его Императорскаго Величества точная копия, посланы были, на которое все, по сие время, от вас усерднаго и благополучнаго известия не получали, кроме как вашим одарением из пушек и ружей; однако мы, как есть истинные Божие рабы и верноподданные Его Императорскаго Величества усердные слуги, на все ваше стреляете и препятствие гневу не имеем, а только просим вас истинно, усердно и несумненно покоритесь и в верное подданство Его Императорскаго Величества Петра Федоровича придтить без всяких пустых отговорков, как слышали от вас, что «Государыне Императрице Екатерине Алексеевне служим»; а об оном всякому можно верному и разумному рабу разсудить, ибо оная Государыня, как есть супруга Его Величеству, очем доказывается в поданном от нас вам манифесте общий покой, так он, великий Государь Император, имеете следовать к своей супруге из Казани в скорости, чего ради и печатных монифестов еще негде сочинять, а когда он, великий Государь, вступит в С. Петербург, тогда уже и печатные указы будут по всем губернским провинциям и городам публиковать и о всем истинно доказывать, а о том, что злодей и бунтовщик с Дону казак Емельян Пугачев – напрасно показываете. Естьли истинно и добропорядочно своею суровостию не покоритесь, то уже навлечете на себя праведный и неизбежный Государев гнев и немилосердие. Сожалительно вас просим, подданные рабы, чтоб придтить вам в чувство и покоритесь Его Императорскому Величеству усердно. Чего ради вам сим истинно и простосердечно сие уведомление посылаем. Февраля 12 дня 1774 года. Подписались: походной атаман Прохор Пестерев, сотник Никита Бушуев и армейской писарь Василий Тупинин» [1, с. 66–67].

Жители монастыря не остались в долгу, послав ответное письмо. Они писали, что если мятежники поклоняются Божьей Матери и верят в ее силу, то как истинные рабы божьи, верноподданные своего императора слуги «*просим отсель без пролития своей крови отступить и нас оставить спокойных, а что по вашим предложениям значится, яко бы мы непокорливы и суровы, – то пусть будет на ответе нашем; а своему Государю зарепортуйте, что мы вас не послушали, котораго Государя вы признаваете великодушным и милостивым, то и не сумневаемся в противности нашей, по получении им престола, от него прощения получить»*.

В том случае если осаждающие применят силу и начнут штурм, то монахи предупреждают «*что над вами, уже не так как с «неверными, но яко с вероломными и поднимающими злодейским образом на своих братьев и на самую обитель оружие, учинить отмщение здесь, а особливо и в будущей жизни*» [1, с. 67–69].

Полный текст этого послания выглядел следующим образом:

«От Долматовскаго общества – походному атаману Прохору Пестереву с товарищи. Письмо ваше мы получили, в котором, по прочем, значится, что вы, Божии Матери, сохраняемую до ныне в монастырь. Предамя припнсывають ей многия чудеса: во первых, ослепление Татар (неизвестно каких, Елигея лн с родичами, или других иаких), покушавшихся на жизнь того же истинные Божии рабы и верноподданные Его Императорскаго Величества слуги, на наше стреляние и препятствие гневу не имеете, то по таковому вашему великодушию просим отсель без пролития своей крови отступить и нас оставить спокойных, а что по вашим предложениям значится, яко бы мы непокорливы и суровы, - то пусть будет на ответе нашем; а своему Государю зарепортуйте, что мы вас не послушали, котораго Государя вы признаваете великодушным и милостивым, то и не сумневаемся в противности нашей, по получении им престола, от него прощения получить. А ежель кровопролитное злодейство с нами делать усилитесь, то Возбранная и Победительная Воевода, Пречистая Благословенная Богоматерь нас защитить может. Так спасла царствующий град Константинополь от Епифскаго воеводы, свирепаго зверя кабана и потопила в море многочисленные его полки. Сверх того она ж, Пресвятая Богоматерь, при зачатии здешней обители, чрез чудотворной ея образ, который и ныне здесь в обители, какия оказала верному сыну церкви и отечества «монаху Долмату благодетельства, о том прилагается при сем в кратком показании повесть, и ежель вы имеете в себе хотя малую искру человечества, то, прочитав, разсудите, какое обширное место по повелешю Ея, злочестивые Татара одному почти человеку и еще с большим им оскорблением отдали, да и после того нападающим на здешнюю обитель многим Башкирцам ослепила очи. Почему и ныне надежду нашу более на Нее полагаем, что над вами, уже не так как с «неверными, но яко с вероломными и поднимающими злодейским образом на своих братьев и на самую обитель оружие, учинить отмщение здесь, а особливо и в будущей жизни. Впрочемже, что вами разсудится и в каком предприятии «останетесь, нас чрез полчаса уведомить. Февраля 12 дня 1774 года» [1, с. 67–69].

Эти информационные материалы показывают, что как не хотелось бы мятежникам захватить монастырь, все же они в первую очередь стремились не разрушать церковь и не истреблять монахов. Дух православной религии останавливал их от насильственных действий. Они стремились бережно относиться к религии и религиозным традициям, в отличие от башкир, которые в русских православных храмах видели только богатую добычу. Мятежники стремились склонить защитников монастыря к добровольной сдаче, но осажденные не собирались сдаваться. Под вечер 12 февраля П. Пестерев прислал еще одно воззвание, которая была отставлена жителями монастыря без ответа. Текст ее гласил:

«В Долматовский монастырь от армии Его Величества, находящейся в Долматовском жительстве. Полученное ваше вторичное письмо, в коем изволите напрасно продолжительные о храме Божиеме и о прочем прописывать законы и все доказательства выбирать, токмо нам некогда и свободнаго времени нет, как желаем вас благополучными получить в склонность, а без склонения и усерднаго поклонения не отойдем, а единственно имеете ожидать сей в половине нощи на себя храбрый пушечный удар, без упущения, помолясь всещедрой Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной Владычице и помощнику Николаю Чудотворцу (Великому), а может истинному Государю умолением рабов и истинным сыном помогут превратить и из лесу заблудящих боязненных зверей и привесть в истинную веру и кротость, и на сие имеем от вас чрез два часа ожидать уведомления в неупустотельном продолжении, чтоб напрасно без покаяния не погибнуть. Февраля 12 дня 1774 года» [1, с. 69–70].

13 февраля мятежники начали обстрел монастыря и бастионов из пушек и ружей, продолжавшийся целый день. Результаты этой стрельбы были незначительные: три человека убито, семь ранено и сбита одна пушка, а от стрел из осажденных никто не пострадал. Утром 14 февраля мятежники вновь стали требовать сдачи монастыря. В полдень стрельба возобновилась. Но защитники монастыря насдавались. И тогда мятежники решили разграбить дома жителей, которые спрятались в монастыре.

Положение Далматовского монастыря с каждым днем становилось все труднее, но оно осложнилось прибытием нового командира мятежников Василий Митрофанова, которому было поручено как можно скорее взять монастырь. Он подобно П. Пестереву хотел склонить осажденных к добровольной сдаче и с этой целью послал осажденным следующее письмо:

«В Долматов, Пресвятей, Причистей, Преблагословеннен Владычице нашей Успения Богородице, всеме верноподданным рабам Господа нашего 1исуса Христа, монастырь. Из армш Его Императорскаго Величества, великаго Государя Третьяго Императора Петра Федоровича, отъ походного, вновь прибывшаго Яицкаго атамана Василья Митрофанова с товарищи, с всенижайшим, всеподданнейшим рабам - увещевательное письмо.

Сего Февраля 21 дня 1774 года, я, всенижайший, означенный раб, Митрофанов с товарищи, имею, по указу Его «Императорскаго Величества, следовать под означенный Успения Пресвятыя Богородицы Долматов монастырь с немалою командою и дополнению к полуторым тысячам Яицкими и прочими казаками и с походною артиллериею. О чем вам, всем верноподданным рабам, сие во увещевание письмо посылается, как все государсвенные, царственные, настольные и прочие российские от перваго и даже до последняго, окроме половины Тобольской губернии, города, все склонились Его Императорскому Величеству и в подданство благополучное пришли, так и вам, всем означенным, седящим,

сумнительным рабом во уничижении и во всеподданической рабской ко исполнению сего увещевания посылается. Естьли вы придете в означенную подданическую Его Императорскаго Величества должность, усердно и нелицемерно имеете покоритись и повиноватись без всякой суровости и напраснаго себе истязания и кровопролития, то ни о чеме не имеете ни какого о себе сумнения и во всем сугубаго препятствия, как честные, добрые и нелицемерные слуги от Его Величества получить себе вознаграждение и всеподданическое исполнение. Естьли же сего себе доброе не поймете и в чувство не возмете: то навлечете Его Величества праведный и неизбежный гнев, как выше сего прописано. Чего ради, на посланное сие, на нас верноподданных гневу никакого не иметь, только в доводе доводить не пришедших в склонность, всем вам сие дается знать. 22 числа Февраля 1774 года. К подлинному, просьбою Яицкаго атамана Василья Сафонова, — Конашевскаго села священник Стефан Хабаров подписался» [1, с. 75–76].

Письмо это было передано в монастырь 23 февраля. В этот же день осажденные на него ответили:

«Из Долматова монастыря, от находящихся в нем церкви и отечества сынов, походному Яицкому атаману Василью Митрофанову, с товарищи.

Сего числа подано от вас к нам увещательное письмо, с устращиванием таким, что вы имеете, яко бы по указу Его Императорскаго Величества, следовать под здешний монастырь, с немалою командою и полною артиллериею. Притом прописываете, что все государственные, царственные, настольные и прочие российские города склонились Его Императорскому Величеству и в подданство пришли. При чем и нас, находящихся здесь, в подданическую Его Императорскаго Величества должность покориться и повиноваться, без всякой суровости и напраснаго нам истязания и кровопролития, призываете и льстите за то награждением. Напротив чего вам дается знать, когда он, Его Императорское Величество (ежель он жив и имеет, по отрицательном своем от Российскаго престола под клятвою письме, законную причину восприять паки скипетр Российской империи, во первых, прибыл с подобающею честью и славою в столичный город С.-Петербург или Москву и оттоль бы сдал, за подписанием своей руки, печатные манифесты, то бы могли без всякаго сумнения верить и без препятстшя в должное подданство притти. А то разсудите вы сами, что мы, будучи обязаны присягою должнаго подданичества Всероссийской Монархине, Государыне Императрице Екатерине Алексеевне и Ея законному Наследнику, как можем увериться, пришедшему неведомо отколь, не в столицу Россшскую, но в один Оренбургской губернш край и в полыя места человеку, без всякаго доказательства назвавшемуся таким большим по России именем, ибо и апостол в своем посланш говорит: не всякому духу веруйте, не искушайте духа, аще от Бога суть; яко мнози лжепророцы изыдоша в Мире; о сем познавайте духа Божия и духа лестча. А особливо сам Христос у Евангелиста Иоанна глаголет: не входяй дверьми во двор овчий; но прелазя инуде, той тать есть и раз-

бойник, а входяй дверьми — пастырь есть овцам, сему дверник отверзает, и овцы гласа его слышать, и своя овцы глашает по имени, и овцы по нем идут, яко ведят глас его; по чуждем же не идут, но бежать от него, яко не знаютъ чуждаго гласа. А вы же сами, еще не разобрав о истинности, прельстились к неведущему, да и нас прельщаете со стремлением, невинно-пролитием крови сынов Россшских и подняли оружие на святую обитель, при чем и чувствует Святая Церковь от хищных и немилосердных рук ваших тяжчайший удар. Сам же Христос, будучи во плоти, говорил бесу: не искусиши Господа твоего во веки. Мы, имея надежду на Его всемогущество, имеем верно стояти противо ратующих нас до последней капли крови и в той надежде смерть нам ни сколько не страшна, а можетъ быть болезнь наша обратится на главы ваши. При сем просим вас отсель, куда вы намерены, без наказания Божия отойти, или, признав свой проступок, обратиться в должное повиновение законной , самим Богом оправданной Монархине; она, как вы и сами небезъизвестны, яко чадолюбивая матерь, неусыпно пекущаяся о своих верноподданных, со вступления своего на Всероссийский престол наказания вины кровопролития неделавшая, милосердно может вас простить. Наших же, захваченных вами людей, солдата Ивана Яковлева, крестьян Якова Могильникова и Никифора Ершова, сюда спокойно отпустить. Думается нам, что вам, упражняющимся в ваших произведениях, не доставалось времени видать и читывать манифеста, за собственноручным Ея Величества Всемилостивейшей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны подписанием, о предводителе вашем, и с вами, то для прочитания при сем вам посылается один, с тем, чтобы вы, по прочтении, при собрании вашей партии, имели сюда оный обратно прислать и, чего вами на сие разсудится, с вышепомянутыми, солдатом Яковлевым с товарищи, нас уведомить, чего и ожидать имеем. 1774. г., Февраля 23 дня. Подпись: вместо крестьянскаго старосты Стенина, выборнаго, сотника и лучших крестьян, их велением подписался земеюй писарь Андрей Морянинов» [1, с. 77–78].

В результате изучения этой переписки видно, что каждая сторона осталась при своих убеждениях. Отсутствие боеприпасов у мятежников не позволяло взять монастырь штурмом, а слух о приближении И. А. Деколонга подтвердился. 1 марта мятежники оставили окрестности Шадринска и пытались укрыться под стенами Далматова, но вскоре отступили. Осада монастыря продолжалась 20 дней, с 11 февраля по 1 марта 1774 г.

Генерал-поручик И. А. Деколонг на пути своего следования в Щадринск везде наводил порядок и усмирял народные волнения. Прибыв в Шадринск, он разослал воззвание с обращением к простому народу, призывая его к исполнению долга и покорности. Как считали некоторые авторы, писавшие позднее о пугачевском восстании, воздействие этих воззваний сложно было определить без применения военной силы, в большинст-

ве случаев эти воззвания «не произвели сочувствия к себе». Вот текст одного из воззваний:

«Ея Императорскаго Величества, Всепресветлейшей, Держав-«нейшей, Великой Государыни, Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержцы Всероссийской и прочая и прочая и прочая - от генерал-поручика, ордена Святыя Анны кавалера и над Сибирскими войсками главнаго командира, Деколонга –

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Хотя я никогда не сумневался, что верноподданные Ея Императорскаго Величества рабы будут обольщены злоухищерением известнаго злодея и изменника, беглаго с Дону казака Емельяна Пугачева, однакож некоторые действительно в том найдены и достойно за их дерзость наказаны; прочие же, кои в верности своей непоколебимы, защищаются от злодеев войсками Ея Императорскаго Величества. О чем уже и печатными Высочайшими Ея Величества манифестами довольно публиковано; но за всем тем другие и по ныне остаются в невежестве своего заблуждения и к воинским командам не являются. Того ради, по данной мне от Ея Императорскаго Величества власти, сим я объявляю: есть ли которыя по тракту к Екатеринбургу селения еще тем ядом заражены, тоб очувствовались; жители оных присылали ко мне встречу от себя лучших мирян с признанием своего преступления, которые, получа прощение, паки в жительство отпущены будут, а как я, с состоящими при мне войсками, коих не менее трех тысяч, имею слеадовать к Екатеринбургу, для того в деревне Коротковой, в Долматове монастыре и в прочих по тракту лежащих местах приготовить к продовольствию тех войск провианта, овса и сена безнедостаточно. Подписал Иван Декалонг» [1, с. 80–81].

Подобного рода воззвания генерал-поручик направил и по другим дорогам. Крестьян окрестных селений Шадринска массово приводили к присяге на верность императрице. Грамотные крестьяне в селах давали подписку за себя и за товарищей на верность законной власти. Так 31 крестьянин из села Канашевского и деревень Мальцевой подали 2 марта И. А. Деколонгу рапорт следующего содержания:

«*Милостивый Государь и отец, Иван Александрович Ваше Высокопревосходительство! Помилуйте и простите нас бедных и последних всех крестьян».* После этого текста идут перечислением имен и в заключение сказано: *«дали сию подписку в покорность Вашему Высокопревосходительству Милостивый государь, Иван Александрович! Смилуйся!»* [1, с. 83].

9 марта И. А. Деколонг дошел до деревни Любимовой, сборным пунктом мятежников, которые готовились дать бой правительственным войскам. В этом сражении повстанцы были разбиты. Убитыми были более 800 человек, многие взяты плен, а остальные бежали. После учреждения

гарнизона в Шадринске и наведя порядок, генерал-поручик отправился в Челябинск.

Челябинск и Далматов своей стойкостью против мятежников серьезно осложнили положение последних. Наводимый порядок в Исетской провинции был недолговечен, правительство понимало, что, пока жив Пугачев, спокойствия в крае не будет, потому что имя Петра III служило мощным агитационным призывом для людей враждебных установленному порядку. Особенно в этом отношении отличались башкиры, которые продолжали нападать на Исетский край.

Сенат указом от 10 января отдал распоряжение всем властям и учреждениям публично сжигать манифесты Пугачева и воззвания его сторонников – все эти «изменническим ядом наполненные листы». В дополнение к этому предписанию Сенат секретным указом от 13 января распорядился снимать точные копии с указов Пугачева перед уничтожением оригиналов, присылая их в Сенат. В рескрипте, посланном к Бибикову 12 января, Екатерина II напоминала: *«Естли вы еще повеления не дали, то прикажите, чтоб все бунтовщичьи в народе рассеянные возмутительные листы палачом сожигаемы были»*. Руководствуясь предписаниями Петербурга, власти приступили к истреблению перехваченных документов повстанцев, и прежде всего манифестов и указов Пугачева.

Если в военном противостоянии мятежники начали терпеть поражения, то на информационном поле между восставшими и правительством соотношение было иным. Созданная в декабре государственная военная коллегия Пугачева стала дополнительным средством к распространению пугачевских указов. Действие этих указов было очень эффективным. С каждого указа и манифеста делалась копия, которая в дальнейшем сама служила для распространения копий. И хоть восставшие не имели возможности напечатать манифесты Пугачева и часто на них отсутствовали знаки государственной власти - народ все равно верил этим, порой с ошибками и неуклюжими строками, документам.

Список литературы

1. Пермский сборник: повременное издание. – Москва : в тип. Лазаревского института восточных языков, 1859. – Кн. 1. – 500 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипова Евгения Игоревна, Управление по внеучебной, воспитательной и социальной работе Южно-Уральского государственного медицинского университета, начальник, Челябинск

Бадуева Гунсэма Цыдыповна, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, кафедра русской и зарубежной литературы, кандидат филологических наук, доцент, Улан-Удэ

Бакунович Ольга Васильевна, библиотека им. Я. Купалы (филиал № 3 Полоцкой районной централизованной библиотечной системы), Приход храма Святого Архангела Михаила г. Новополоцка, библиотекарь, Полоцк, Белоруссия

Березкина Елена Петровна, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, кафедра русской и зарубежной литературы, кандидат филологических наук, доцент, Улан-Удэ

Будейко Валерий Эдуардович, Челябинский государственный университет, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, кандидат филологических наук

Брыкова Неля Александровна, Макеевский педагогический колледж, преподаватель, Макеевка, Донецкая Народная Республика

Бямбасурэн Номин, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, магистрант кафедры русского языка как иностранного, Улан-Удэ

Василик Владимир Владимирович, протодиакон; Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры истории славянских и балканских стран, доктор исторических наук, Санкт-Петербург

Герберсгаген Элина Сергеевна, Центр развития ребенка детский сад № 108 г. Миасса, учитель-логопед, Миасс

Глазкова Светлана Николаевна, Челябинский государственный университет, Миасский филиал, кафедра филологии, доктор филологических наук, доцент, Миасс

Гордова Татьяна Сергеевна, Южно-Уральский государственный технический колледж, преподаватель инженерной графики и строительных дисциплин, Челябинск

Давыдов Остап Михайлович, Информационно-издательский отдел Челябинской епархии, сотрудник, Челябинск

Дандыбаева Гульфия Тулегеновна, школа-лицей № 2 отдела образования акимата города Костаная, директор, Костанай, Республика Казахстан

Даренская Вера Николаевна, Луганский государственный педагогический университет, кафедра философии, кандидат философских наук, доцент, Луганск, Луганская Народная Республика

Довгаленко Наталья Владимировна, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., кафедра философии, социологии, психологии, кандидат философских наук, доцент, Саратов

Егорова Юлия Валерьевна, Сургутский государственный педагогический университет, кафедра социально-экономического образования и философии, кандидат философских наук, доцент, Сургут

Жорникова Мария Николаевна, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, кафедра русской и зарубежной литературы, кандидат филологических наук, доцент, Улан-Удэ

Задорина Анастасия Флюровна, музеолог, Челябинск

Зимакова Евдокия Степановна, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кафедра «Иностранные языки профессиональной коммуникации», старший преподаватель, Владимир

Иванова Виктория Викторовна, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, кафедра русской и зарубежной литературы, магистрант, Улан-Удэ

Калабина Вероника Михайловна, Объединенный музей писателей Урала, музей «Литературная жизнь Урала XIX века», научный сотрудник, Екатеринбург

Касимов Убайдулла Ахрорович, Бухарский региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования, кафедра «Педагогика и психология, технологии обучения», заведующий, кандидат психологических наук, Бухара, Республика Узбекистан

Катричева Татьяна Юрьевна, Челябинский государственный институт культуры, Управление науки и инноваций, специалист; кафедра музыкального образования, доцент, Челябинск

Каченя Галина Михайловна, Челябинский государственный институт культуры, кафедра педагогики и этнокультурного образования, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинск

Кислый Александр Юрьевич, Витебский епархиальный отдел по сотрудничеству с вузами и научным сообществом, руководитель; иерей, магистр искусствоведения, Витебск, Белоруссия

Клюев Александр Сергеевич, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра музыкального воспитания и образования, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург

Коркоценко Марина Николаевна, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, кафедра военно-политической работы в войсках (силах), кандидат педагогических наук, доцент, Краснодар

Коробейникова Екатерина Анатольевна, Челябинский государственный институт культуры, кафедра хорового дирижирования и сольного пения, заведующий, кандидат исторических наук, доцент, Челябинск

Кривошапова Наталья Викторовна, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, кафедра русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета, кандидат филологических наук, доцент, Тирасполь, Молдавия

Кухта Светлана Владимировна, Белорусский государственный экономический университет, кафедра белорусского и русского языков, старший преподаватель, Минск, Белоруссия

Лешуков Алексей Григорьевич, Челябинский государственный институт культуры, факультет декоративно-прикладного творчества, декан, кандидат культурологии, доцент, Челябинск

Логиновский Сергей Сергеевич, Южно-Уральский государственный университет, кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение», доктор философских наук, доцент, Челябинск

Лойко Александр Иванович, Белорусский национальный технический университет, кафедра философских учений, доктор философских наук, профессор, Минск, Белоруссия

Лушникова Алла Вячеславовна, Челябинский государственный институт культуры, кафедра истории, музеологии и документоведения, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинск

Маяцкий Дмитрий Станиславович, Воронежский государственный университет, факультет философии и психологии, кафедра истории философии и культуры, студент, Воронеж

Морозова Лилия Михайловна, Макеевский педагогический колледж, преподаватель, Макеевка, Донецкая Народная Республика

Морозова Ирина Николаевна, Челябинский государственный институт культуры, кафедра декоративно-прикладного искусства, кандидат культурологии, доцент, Челябинск

Михальченко Сергей Иванович, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Институт экономики, истории и права, директор, доктор исторических наук, профессор, Брянск

Мушинский Николай Иосифович, Белорусский национальный технический университет, кафедра философских учений, кандидат философских наук, доцент, Минск, Белоруссия

Невзорова Ольга Сергеевна, Централизованная библиотечная система Златоустовского городского округа, информационно-библиографический отдел Центральной городской библиотеки, заведующая сектором, Златоуст

Павлова Екатерина Владимировна, Центральная городская библиотека городского округа Нижняя Салда, методист, Свердловская область

Паршина Оксана Александровна, Луганский экономико-правовой лицей-интернат имени героев Молодой гвардии, преподаватель филологических дисциплин, Луганск, Луганская Народная Республика

Перерва Оксана Юрьевна, Челябинский государственный институт культуры, кафедра народного хорового пения, доцент, Челябинск

Пономарева Наталья Владимировна, Останинская сельская библиотека МБУК «ЦБС» МО Алапаевское, библиотекарь, с. Останино, Свердловская область

Сагатчук Светлана Петровна, Центр культуры и творчества «Родники», ведущий методист, кандидат философских наук, Волоколамск, Московская область

Селезнева Ольга Петровна, Челябинский государственный институт культуры, кафедра хорового дирижирования и сольного пения, профессор, Челябинск

Селютина Елена Александровна, Челябинский государственный институт культуры, кафедра литературы, русского и иностранных языков,

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Челябинск

Семёнова Ольга Ростиславовна, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, кафедра русского языка и методики обучения русскому языку, кандидат филологических наук, доцент, Челябинск

Силантьева Наталья Александровна, детско-юношеская библиотека № 7 Централизованной библиотечной системы Копейского городского округа, заведующий, Копейск

Сироткина Татьяна Александровна, Сургутский государственный педагогический университет, кафедра филологического образования и журналистики, доктор филологических наук, доцент, Сургут

Соковиков Сергей Степанович, Челябинский государственный институт культуры, кафедра философии и культурологии, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинск

Соловьев Владимир Михайлович, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ассоциированный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор, Москва

Статина Наталья Владимировна, Челябинский педагогический колледж № 2, кандидат филологических наук, преподаватель, Челябинск

Стрелкова Ольга Сергеевна, Курский государственный медицинский университет, Международный медицинский институт, кандидат филологических наук, Курск

Сулимов Станислав Игоревич, Воронежский государственный университет, кафедра истории философии и культуры, кандидат философских наук, доцент, Воронеж

Суровцева Екатерина Владимировна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук; Российская академия естествознания, профессор, Москва

Тищенко Алексей Сергеевич, Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, кафедра отечественной литературы, аспирант, Ростов-на-Дону

Ткаченко Елена Викторовна, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, кафедра земельного, трудового и экологического права, кандидат исторических наук, доцент, Брянск

Трифонова Галина Семеновна, Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И Чайковского, кандидат исторических наук, доцент, Челябинск

Усанова Ольга Григорьевна, Челябинский государственный институт культуры, кафедра литературы, русского и иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинск

Чеботарев Анатолий Михайлович, Челябинский государственный институт культуры, кафедра дизайна, доктор исторических наук, профессор, Челябинск

Черных Владимир Дмитриевич, Воронежский государственный университет инженерных технологий, кафедра философии и истории, кандидат исторических наук, доцент, Воронеж

Чернышев Алексей Евгеньевич (иеромонах Герман), Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия, аспирант, Москва

Научное издание

Составитель
Ирина Николаевна **Морозова**

Двадцатый Славянский научный собор
«УРАЛ. ПРАВОСЛАВИЕ. КУЛЬТУРА»

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРЕ РОССИИ: ОТ НАСЛЕДИЯ СВВ. РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСККОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

В авторской редакции

Сдано 06.05.2022. Подписано в печать 12.05.2022.
Формат 60×84/16. Объем 21,5 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры. Ризограф
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а